АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, том XLIII

М. Р. РАХИМОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ТАДЖИКОВ БАССЕЙНА р. ХИНГОУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Сталинабад—1957

АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, АРХЕОЛОГИЯ ВА ЭТНОГРАФИЯ

АСАРҲО, ҷилди XLIII

М. Р. РАҲИМОВ

ЗИРОАТИ ТО РЕВОЛЮЦИОНИИ ТОҶИКОНИ ВОДИИ ДАРЬЁИ ХИНГОБ

(ОЧЕРКИ ТАЪРИХӢ-ЭТНОГРАФӢ)

НАШРИЁТИ АКАДЕМИЯИ ФАНҲОИ РСС ТОҶИКИСТОН
Сталинобод—1957

ОТ АВТОРА

В исторической и этнографической литературе о таджиках до настоящего времени нет специальных исследований, посвященных земледелию — основному занятию таджиков с древнейших времен.

Учитывая важность изучения основного занятия каждого народа для понимания всех сторон его жизни, мы решили избрать объектом своей работы историко-этнографическое изучение различных сторон дореволюционного земледелия таджиков: техники и аграрных отношений, а также земледельческого календаря, народной системы мер и различных обычаев и обрядов, связанных с земледелием.

Актуальность этой темы находит себе подтверждение в большой, широко задуманной работе по комплексному изучению истории земледелия СССР, осуществляемой Институтом истории АН СССР совместно с Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.[1]

Мы не ставим, однако, перед собой задачи изучения земледелия таджиков в целом по всему Таджикистану. Мы ограничили географические рамки своего исследования одним, в прошлом глухим и трудно доступным районом горного Таджикистана, а именно районом бассейна р. Хингоу. Эта местность вместе с лежащей к югу от нее местностью по р. Пянджу носила название Дарваз; иногда же бассейн р. Хингоу, то есть северный Дарваз, называли Вахьё — Вахио, а название Дарваз относили только к местности по Пянджу, то есть к южному Дарвазу. Мы полагали, что такой выбор обеспечит более полный и глубокий охват материала, достаточно характерного для земледелия таджиков южных и юго-восточных горных районов республики. Таким образом, изучение земледелия равнинных таджиков, имеющего свою специфику, не входит в нашу задачу.

В работе приведены конкретные факты, показывающие глубокую безысходную нужду, в которой в Бухарском ханстве жили до революции широкие слои беднейшего крестьянства, безудержно эксплуатируемые феодалами, баями и духовенством. В результате этой эксплуатации горный таджик, несмотря на отмечаемое многими исследователями исключительное его трудолюбие, был не в состоянии обеспечить себе сытую жизнь. Систематические голодовки, особенно весной, были для горного таджика обычным явлением. Положение усугублялось еще глубокой темнотой, массовой неграмотностью таджикского крестьянства, полным отсутствием научных агротехнических знаний. Крестьянин располагал только некоторым запасом

[1] Материалы по истории земледелия СССР, т. I, Изд. АН СССР, М., 1952.

накопленных веками народных фенологических наблюдений, правда, иногда очень тонких и точных.

Однако применению этих знаний на практике препятствовали многочисленные суеверия и предрассудки, породившие целый ряд обычаев и обрядов (ожидание «счастливого» дня для начала работы и пр.), соблюдение которых нередко препятствовало осуществлению крестьянином тех или иных рациональных мероприятий.

Представленный в работе фактический материал, освещающий разные стороны дореволюционного хозяйственного уклада горных таджиков, подчеркивает значение успехов, достигнутых за советское время в этой области, дает возможность еще лучше оценить все то, что дали таджикскому народу Коммунистическая партия и Советская власть.

В основе настоящей работы лежат полевые этнографические исследования, проведенные автором в 1948 — 1952 гг. в бассейне р. Хингоу.

При сборе материалов автор старался выбирать наилучших информаторов из числа пожилых людей, а также из числа опытных крестьян и представителей интеллигенции (учителей, партийных и советских работников), хорошо знающих историческое прошлое, быт, культуру и верования своего народа.

Во время полевой работы нами было опрошено около ста информаторов, и в каждом случае материал подвергался тщательной проверке для максимального уточнения сведений.

Главными и постоянными информаторами при сборе материалов по основным разделам данной работы являлись следующие лица: Рустамов Гадо (80 лет,[1] кишлак Сафедорон), Махмадшарифов Махмад (71 год, тот же кишлак), Самиев Абдулхаким (77 лет, тот же кишлак), Давлятов Химат (51 год, тот же кишлак), Рахимов Худоёр (45 лет, учитель, тот же кишлак), Холов Сафо (47 лет, учитель, тот же кишлак), Одинаев Чилла (44 года, тот же кишлак), Гулова Гульмо (80 лет, тот же кишлак), Мирзоева Зогак (78 лет, тот же кишлак), Мулла-Касымова Халифа (70 лет, тот же кишлак), Авазов Барфи (73 года, тот же кишлак), Каримов Робиа (80 лет, кишлак Гурбадара), Зардаков Каноат (69 лет, кишлак Паси Кух), Абдул-Файёз (70 лет, кишлак Имкун), Зокиров Одина (57 лет, кишлак Заки Абди), Халилов Расул (71 год, кишлак Кулумбаи Боло), Рахимов Хайрулло (40 лет, учитель, кишлак Чухкак), Набиев Али (52 года, кишлак Сагирдашт), Наимов Шох (68 лет, кишлак Чухкак), Гадоев Негмат (38 лет, кишлак Сайдон, ныне учитель Ховалингского района), Юнусов Махмадрахим (88 лет, кишлак Камчак), Джалилов Ятим (59 лет, кишлак Сайёд), Курбонов Шариф (72 года, кишлак Тавильдара), Курбонов Дилдор (40 лет, кишлак Фаркинг), Шоев Мирзо-Азиз (78 лет, кишлак Патула), Давлятов Гулмахмад (47 лет, кишлак Гирдов), Бозоров Асо (100 лет, кишлак Девлохи Калон), Хайдаров Кишвар (62 года, кишлак Чилдара), Бангиев (50 лет, 13 лет работал народным судьей в Сангворском и Тавильдаринском районах, был председателем Чильдаринского кишлачного совета), Ходжаев Мансур (42 года, тот же кишлак), Ясоев Бозор (39 лет, кишлак Пашор), Муродов Суфи (52 года, кишлак Нурундж, ныне проживает в г. Сталинабаде).

При написании данной работы были использованы также некоторые актовые документы, приобретенные от частных лиц в бассейне р. Хингоу. Образцы этих документов с переводом на русский язык даны в главе третьей.

[1] Возраст всех информаторов указан на 1952 г.

Автором, уроженцем одного из селений долины р. Хингоу, привлечены также факты, которые он сам наблюдал и о которых слышал от пожилых людей.

Для передачи записанных текстов, а также отдельных фраз и терминов местных диалектов мы пользуемся в основном современным таджикским алфавитом с добавлением некоторых дополнительных знаков для обозначения специфических особенностей фонетики говоров таджиков бассейна р. Хингоу.

1. Для обозначения имеющегося в говорах таджиков бассейна р. Хингоу гласного смешанного ряда среднего подъема употребляем знак «ъ».[1]

2. Ввиду отсутствия в указанных говорах огубленного гласного смешанного ряда, обозначаемого в таджикском литературном языке знаком «ӯ», слова, в которых имеется этот звук, передаются нами так, как они произносятся в говорах р. Хингоу, то есть через простое «у», например, «куза», а не «кӯза».

3. Верхне-фарингальный щелевой глухой согласный звук (соответствующий арабскому звуку «хои хуттӣ») мы, в отличие от нижне-фарингального глухого щелевого (соответствующего арабскому звуку «хои хавваз»), обозначаем знаком «h».

4. Верхне-фарингальный щелевой звонкий, соответствующий арабскому «айн», обозначаем апострофом.[2]

5. В представленных нами фольклорных текстах, особенно в новогодних песнях, встречаются отдельные грамматические формы, слова и термины, которые более свойственны литературному языку, чем говорам. Мы даем их в таком виде, как они были нами записаны.

***

Литература, привлекаемая к данной работе, по своему характеру делится на две группы, методологически отличающиеся друг от друга: дореволюционную и советскую.

К первой группе относятся отдельные работы путешественников, географов, ботаников, а также работы военных топографов, чиновников, царских офицеров и других лиц, проникавших в Дарваз, в частности и в долину р. Хингоу, в XIX — начале XX веков.

Специальных работ, посвященных разработке вопросов, связанных с интересующей нас темой в отношении бассейна р. Хингоу или Дарваза в целом в дореволюционной литературе не было. Авторы большей

---

[1] Фонетическую характеристику этого звука см. Неменова Р. Л., Кулябские говоры таджикского языка (северная группа), Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Л., 1950, стр. 5.

[2] Подробную характеристику этих фонем см. Соколова В. С., Фонетика таджикского языка, М.,-Л., 1949, стр. 82—84.

частью лишь бегло касались той или другой стороны жизни и занятий населения Дарваза.[1]

Указанные работы написаны людьми разных профессий, обычно впервые попавшими в край, не знающими местного языка, которым жизнь горцев казалась дикой и необычной. Сообщая какие-либо сведения, касающиеся земледелия, общественных отношений, некоторых видов налогов и т. д., авторы этих работ всегда ограничивались только внешней стороной вопроса, не касаясь социально-экономической сущности описываемых явлений.

Кроме того, в большинстве случаев у этих авторов по ряду вопросов мы находим настолько однородные и сходные сведения, что на первый взгляд создается такое впечатление, что они заимствовали их друг у друга. Поэтому на этих работах мы не будем останавливаться.

Однако имеется ряд работ, статей и заметок, на которых следует остановиться более или менее подробно.

В 1878 г. В. Ф. Ошанин первым из русских исследователей-ученых посетил соседний с Дарвазом Каратегин (долина р. Сурхоб). В своих работах[2] В. Ф. Ошанин дал подробное географическое описание Каратегина. Среди множества материалов он привел также некоторые опросные сведения о населении Дарваза, сообщил о его занятиях, о недостатке пахотных земель в Дарвазе, о выращивании в Дарвазе хлопка и вывозе его, а также о вывозе железа и золотого песка для обмена на хлеб в Каратегин, о домашних промыслах, торговле, о народной системе мер и др. Он впервые упоминает о наличии годных земель для хлебопашества в бассейне р. Хуллоза (Хингоу).

Большой интерес представляет работа Г. А. Арандаренко «Дарваз и Каратегин» (этнографический очерк).[3] Работа написана в результате личного посещения автором в 1882 г. Дарваза и Каратегина. В ней даны обстоятельное естественно-географическое описание Дарваза и Каратегина, краткий исторический очерк, а также очерк административного устройства и системы налогов, сведения о количестве доходов обоих бекств,

---

[1] Борнс А., Путешествие в Бухару, т. III, М., 1849, стр. 295—297 и 307—310; Хорошин А., Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб, 1876, стр. 503—504; Регель А. Э., Поездка в Каратегин и Дарваз, ИРГО, т. XVIII, в. 2, 1882, стр. 137—141; Косяков П. Е., Путевые заметки военного топографа Косякова П. по Каратегину и Дарвазу в 1882 году, ИРГО, т. XX, в. 6, 1884, стр. 589—613; Иванов Д. Л., Путешествие на Памир, ИРГО, т. XX, в. 3, 1884, стр. 209—252; Грум-Гржимайло Г. Е., Очерк припамирских стран, ИРГО, т. XXII, в. 2, 1886, стр. 81—109; Покотило Н. Н., Путешествие в Центральную и Восточную Бухару в 1886 году, ИРГО, т. XXV, в. 6, 1889, стр. 480—502; Юхновский Н., Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине р. Ванча, «Туркестанские ведомости», 1894, № 65; Андреев М. С., Вахиё, «Туркестанские ведомости», 1899, № 93; Липский В. И., Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897, 1899 годах, ч. I—II, СПб, 1902, ч. III, 1905 (по данному вопросу см. ч. I, стр. 233—236, ч. III, стр. 596, 603); его же, Хребет Петра Великого и его ледники, ИРГО, т. XXXIV, в. 3, 1898, стр. 291—316; Гейер И., Путеводитель по Туркестану, Ташкент, 1901, стр. 105—108; Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, М., 1911, стр. 157—158, 248—266, т. II, стр. 65; его же, В горах и на равнинах Бухары (Очерк Средней Азии), СПб, 1913, стр. 364—366.

[2] Ошанин В. Ф., Письма из Каратегина и Гарма, «Туркестанские ведомости», 1878, № 36, 38, 39, 41; его же, Каратегин и Дарваз, ИРГО, т. XVII, в. I, 1881, стр. 21—58.

[3] Досуги в Туркестане, СПб, 1889, стр. 437—479.

[4] Дарваз и Каратегин составляли особые провинции бухарского ханства, так называемые бекства.

и тех ежегодных подношений, которые посылались эмиру бухарскому местными властями. Г. А. Арандаренко в своей работе дает краткую характеристику земельных отношений в Каратегинском и Дарвазском бекствах, отмечает аграрную перенаселенность, указывает на недостаток пахотных земель, исчисляет размеры собираемого урожая, приводит цены на землю, на зерно, на скот и т. д. В работе также приводится целый ряд сведений о скотоводстве и домашних промыслах, которые были подспорьем для существования горцев. В конце работы в качестве приложения приводится список населенных пунктов по каждому бекству и их амлокдорствам (мелкие административно-податные единицы, на которые делились бекства) с указанием количества домов в каждом селении.

Однако автор, как царский чиновник, имеющий перед собой особую военную задачу, подробно останавливаясь на хозяйственно-экономических ресурсах упомянутых бекств, почти не касается культуры и быта населения. Кроме того, он не показывает феодального гнета и тяжелого положения крестьян. На различных неточностях в географических названиях и на неправильных положениях по отдельным вопросам мы будем останавливаться в соответствующих разделах нашей работы.

Некоторых вопросов земледелия и других занятий населения Дарваза касался капитан Ванновский. В своем отчете «О рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893 г.»[1] он дает описание (поверхностное и неточное) некоторых орудий сельского хозяйства (см. главу II настоящей работы, раздел I), упоминает отдельные виды зерновых культур, овощей, отмечает низкие урожаи их, приводит некоторые сообщения о занятиях населения и, кроме того, сообщает о некоторых видах налогов.

Богатый материал по многим вопросам нашей темы дан в двух работах капитана Кузнецова.[2] Эти работы появились в результате посещения автором Дарваза и припамирских районов в 1892 г. Они посвящены вопросам топонимики, статистики, географии, экономики и истории таджиков Дарваза и Западного Памира.

В книге «Дарвоз» дается краткое описание Дарвазского бекства, его физической географии, приводятся статистическо-экономические сведения о населении, дается подробная характеристика административного устройства Дарваза с его амлокдорствами перечисляются населенные пункты, количество дворов в них, указывается общее количество населения по каждому амлокдорству. В работе приводятся также сведения о системе правления, перечисляются чиновники, названия чинов, указывается количество дворов, получаемых различными чиновниками в качестве ленного пожалования — «танхо». Кроме того, даются некоторые сведения о системе налогов и повинностей, краткие сведения о занятиях населения земледелием, скотоводством, описываются некоторые виды орудий земледелия, способы обработки земли и возделываемые зерновые культуры. Кузнецов указывает на недостаток хлеба в Дарвазе, сообщает об употреблении в пищу различных дикорастущих трав и пр. В конце своей работы в виде приложения он дает маршрутные описания Дарвазского бекства.

---

[1] Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, СПб. 1894, в. LVI, стр. 73—125. (В дальнейшем: Сборник материалов по Азии).

[2] К у з н е ц о в, Дарвоз, Н-Маргелан, 1893, 175 стр.; е г о ж е, Памиры, Сборник материалов по Азии, в LVI, СПб, 1894, стр. 1—21.

В основном работа написана для военных, и поэтому она содержит в себе много фактического материала относительно экономического положения населения и его численности, но в ней также отсутствуют материалы о культуре и быте населения, о его обычаях и воззрениях. Кроме того, капитан Кузнецов проходит мимо фактов, касающихся порабощения населения Дарваза бухарскими властями, он ничего не говорит о тяжелом положении крестьян, задавленных разнообразными налогами, сборами и повинностями.

Все же работа капитана Кузнецова, несмотря на указанные недостатки и отдельные неправильные положения, о которых будем говорить в соответствующих разделах нашей работы, является ценным источником по изучению истории Дарваза и состава его населения конца XIX века.

Вторая его работа «Памиры» в основном является кратким обобщением предыдущей работы и ничего нового в ней не сообщается.

В конце XIX — начале XX веков появляется ряд этнографических работ, посвященных Дарвазу и соседним горным областям.

В 1898 г. Московским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии в Среднюю Азию были командированы А. А. Бобринской, Н. В. Богоявленский и А. А. Семенов, которые в течение четырехмесячного пребывания в экспедиции обследовали Зарафшанские горы, Каратегин, Дарваз, часть равнинной Бухары, граничившей с Афганистаном, и верховья Аму-Дарьи. В результате этой поездки участники экспедиции опубликовали ряд работ. Мы не будем характеризовать все эти работы, коснемся только тех из них, которые имеют непосредственное отношение к нашей теме.

Так, в работе А. А. Бобринского «Орнамент горных таджиков (Нагорная Бухара)»,[1] посвященной прикладному искусству горных таджиков Дарваза и Вахьё, дается сжатое описание Дарваза, его природы, путей сообщения, типов селений, занятий жителей, кустарных промыслов, натурального характера хозяйства, а также религии и пр.

Исключительно большой интерес представляет обстоятельная работа А. А. Семенова, посвященная этнографии Каратегина и Дарваза.[2] Автор дает краткий географический очерк и общую характеристику населения, описывает селения и жилища, верования, семейные нравы, обычаи и фольклор. Наряду с этим А. А. Семенов подробно останавливается на занятиях населения Каратегина, Дарваза и Вахьё—земледелии, скотоводстве, кустарных промыслах и ремеслах. Он дает описания орудий сельского хозяйства, перечисляет виды возделываемых культур, способы пахоты и посева, охраны урожая, жатвы, молотьбы и т. д. Кроме того, в работе говорится о некоторых обычаях и обрядах, связанных с сельским хозяйством, а также упоминается об отдельных календарных праздниках и счете времени.

Приводимый автором материал не локализован по отдельным районам и областям, в нем имеются отдельные неточности. Несмотря на это, указанная работа является первым наиболее полным описанием культуры и быта таджиков Каратегина, Дарваза и других соседних с ними областей горного Таджикистана.

---

[1] М., 1900, 18 стр., 5 цветных и 15 черных таблиц.

[2] Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903, 3+112 стр., с илл. +11 таблиц и карт.

В 1904—1905 гг. по Восточной Бухаре путешествовал подполковник А. Е. Снесарев, изучавший край с военной точки зрения. Результатом его поездки является опубликованная в 1906 г. большая работа «Восточная Бухара».[1]

Эта работа является подробным военно-географическим и статистическим описанием горных беков Восточной Бухары—Каратегинского, Дарвазского, Кулябского и Бальджуанского. А. Е. Снесарев в своей работе дает описание границ Восточной Бухары в пределах четырех вышеуказанных беков, подробный физико-географический очерк Восточной Бухары, описывает мосты, переправы и перевалы. Затем дается характеристика населения и подробно рассматривается вопрос о сельском хозяйстве по отдельным бекствам и амлокдорствам, приводятся данные по хозяйственным ресурсам, указывается количество скота, приводятся данные об урожае хлеба и овощей, их потреблении на месте, рассматривается вопрос о вывозе продуктов на продажу, приводятся цены на различные продукты сельского хозяйства, сообщается о натуральном характере обмена и пр. А. Е. Снесарев показывает также среднее количество хлеба и скота в богатых, середняцких и бедняцких хозяйствах по амлокдорствам. Этот материал, несмотря на лишь относительную точность, является очень важным для определения классового состава населения Восточной Бухары начала XX века.

Кроме указанного, в работе приводятся некоторые сведения о системах мер: меры сыпучих тел, меры веса и др., — с точностью которых, правда, трудно согласиться (см. главу IV настоящей работы, раздел 2). В конце работы дается список населенных пунктов по каждому бекству и амлокдорству, а также указывается количество дворов в каждом амлокдорстве. Наконец, в работе приведена в качестве приложения статья некоего А. П., напечатанная в «Туркестанских ведомостях», с подробным описанием податей и налогов, существовавших в то время в Восточной Бухаре.

А. Е. Снесарев, как и его предшественники, в своей работе очень мало касается вопросов быта и культуры таджиков Восточной Бухары. Приведенные им этнографические материалы отрывочны и поверхностны. Кроме того, чувствуется характерная для многих исследователей того времени идеализация патриархального уклада жизни горных таджиков Восточной Бухары. Приведенные в работе А. Е. Снесарева сведения о населении Восточной Бухары очень мало отличаются от демографических сведений его предшественников—Г. А. Арандаренко, Кузнецова и др.

В работе «Поездка в горную Бухару», по-видимому, принадлежащей перу А. Е. Снесарева, помещенной в 1904 г. в ряде номеров «Туркестанских ведомостей» и подписанной А. С., приводятся интересные сведения по истории и этнографии таджиков Каратегина и Дарваза, сообщается о переселении предков жителей этих местностей из долины реки Ях-Су, перечисляются некоторые незаконные виды денежных податей и даются многие важные сведения.[2]

Во вторую группу рассматриваемой нами литературы входят работы, написанные советскими исследователями. Необходимо отметить, что, не-

---

[1] Снесарев, Восточная Бухара (Военно-географический очерк), Сборник материалов по Азии, вып. LXXIX, 1906, 148 стр. (В дальнейшем: Восточная Бухара...).

[2] А. С., Поездка в горную Бухару, «Туркестанские ведомости», 1904, № 105, 112, 123, 128, 134.

смотря на их относительную многочисленность, они далеко не охватывают всех районов оседлости. Невелико, в частности, количество работ, посвященных вопросам истории и этнографии Дарваза и бассейна р. Хингоу, особенно занятиям населения этих мест.

Большой интерес поэтому представляет для нас специальная ботаническая работа П. А. Баранова и И. А. Райковой «Дарваз и его культурная растительность».[1] В ней дается общий очерк природы Дарваза, условия для развития культурной жизни в Дарвазе (роль конусов выноса и речных наносов, летовки, богарные посевы, пути сообщения, импорт, торговля), подробно рассматривается техника земледелия, сельскохозяйственные культуры Дарваза и их использование, а также зоны культурной растительности. В работе даны таджикские и латинские названия растений, в том числе зерновых, масличных и технических культур. Кроме того, описана обработка собранных растений и их хозяйственное использование. Авторы коротко останавливаются на описании техники и способах полеводства—обработке полей, уходе за возделываемыми культурами, прополке, жатве, перевозке и переноске снопов сжатого урожая, молотьбе, веянии и пр.

Работа с ботанической точки зрения представляет исключительный интерес, но этнографических сведений мы встречаем в ней мало, и именно в этой части работа страдает многими неверными положениями, ошибками в приводимых местных терминах, поверхностным описанием отдельных фактов. Свои замечания обо всех этих недочетах мы выскажем в соответствующих разделах нашей работы.

Много общих сведений об особенностях сельского хозяйства Дарваза и Каратегина, о кустарных промыслах и ремеслах, характере земель, натуральном обмене, торговле и отхожих промыслах приводится в небольшой работе Ю. И. Пославского «Экономический очерк Таджикистана».[2]

Большое значение для изучения патриархально-феодальных отношений, социально-экономической жизни таджиков бассейна р. Хингоу и соседних районов содержат в себе работы советского ученого-этнографа Н. А. Кислякова, основанные на полевых и стационарных исследованиях автора в 1930—1933 и 1935—1936 гг. Они насыщены историческим, этнографическим и экономическим материалом, который анализируется автором с марксистско-ленинской точки зрения и вскрывает классовую сущность патриархально-феодальных отношений.

Так, в работе «Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло»[3] впервые в исследовании быта горных таджиков марксистски освещаются вопросы родового быта, патриархально-семейной общины и сельской общины у небольшой группы таджиков верховьев р. Хингоу—Вахьёи Боло. Здесь мы находим большой фактический материал о пережитках, связанных с родовыми формами взаимопомощи по обработке земли, жатве и молотьбе—«хашар» и «шарики», которые в эпоху феодализма превратились в одну из самых острых форм эксплуатации. Кроме того, в этой работе Н. А. Кислякова подробно говорится об институте

---

[1] Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928, 111 стр., 13 таблиц с иллюстрациями.

[2] «Таджикистан», Сб. статей, Ташкент, 1925, стр. 179—243 (по данным вопросам см. стр. 204—205, 213—215, 220—221, 232—233).

[3] Тр. Ин-та антропологии, этнографии и археологии, т. X, М.-Л., 1936, 160 стр., (В дальнейшем: Следы первобытного коммунизма...).

ленной зависимости—«танхо», системе налогов, о сильном развитии отхожих промыслов, о разделе имущества (усадьбы, дома, земли) между наследниками, а также дается краткая схематическая характеристика земледелия населения Вахьёи Боло.

В другой работе — «Ишан—феодал Восточной Бухары»[1] Н. А. Кисляков рассматривает вопрос о развитии земельной собственности и появлении крупных феодалов в Восточной Бухаре на примере одного крупного духовного феодала ишана Султана, закабалившего многочисленные крестьянские хозяйства бассейна р. Хингоу, Каратегина и отчасти Куляба. В этой работе дается краткий очерк политической истории Дарваза второй половины XIX—начала XX веков, приводится история рода ишана Султана, описывается быт, экономика, эксплуататорская деятельность Ишана Султана, его религиозный «авторитет» и его влияние на своих почитателей-мюридов, а также роль ишана Султана в организации басмачества

В работе «Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу»[2] Н. А. Кисляков дает краткий физико-географический очерк района, перечень сельскохозяйственных культур, краткое описание сельскохозяйственного календаря, способов пахоты и посева, жатвы, перевозки сжатого хлеба, молотьбы и веяния. В работе дается обстоятельно описание орудий сельского хозяйства, некоторых обычаев и обрядов, связанных с земледелием, и пр. Однако, в такой небольшой по объему работе Н. А. Кисляков не смог дать подробную характеристику земледелия, его техники и приемов. В нее не вошли многочисленные и своеобразные обычаи и обряды, ряд сведений по народному календарю, по некоторым земледельческим праздникам. Кроме того, в работе встречаются неточности в терминологии и в некоторых высказанных автором положениях (см. гл. II настоящей работы). Это не снижает, однако, значения статьи Н. А. Кислякова как единственной пока работы, специально посвященной этнографическому изучению земледелия таджиков бассейна р. Хингоу.

Некоторые сведения о скотоводстве, выходе на летовки, о пастбищах, об охране урожая находим в другой работе Н. А. Кислякова, опубликованной в 1949 г.[3]

Большой материал по вопросам земледелия и землепользования таджиков Каратегина, представляющий интерес для нашей темы как сравнительный, содержится в работе Н. А. Кислякова «Очерки по истории Каратегина».[4]

Большой фактический материал для сравнения находим также в многочисленных работах М. С. Андреева, касающихся быта, занятий, обычаев и обрядов, связанных с земледелием у горных таджиков. Главные его труды, содержащие богатый материал по данной теме, указаны в дальнейших примечаниях нашей работы.

Некоторые краткие и отрывочные сведения содержатся в работах

---

[1] Тр. Таджикистанской базы АН СССР, т. IX, М.-Л., 1940, стр. 3—27.

[2] «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 108—125 (В дальнейшем: Старинные приемы земледельческой техники...).

[3] Кисляков Н. А., Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу, Изв. ТФАН СССР, № 15, 1949, стр. 37—46 (В дальнейшем: Древние формы скотоводства...).

[4] Сталинабад—Ленинград, 1941; второе издание—Сталинабад, 1954.

В. В. Бартольда,[1] П. П. Введенского,[2] Б. Г. Гафурова,[3] а также в сборниках «Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане»[4] и «Список населенных пунктов Таджикской ССР».[5]

Из всего сказанного выше видно, что вопросы земледелия и аграрных отношений таджиков Дарваза, в том числе бассейна р. Хингоу, с историко-этнографической точки зрения изучены еще далеко недостаточно. В работах дореволюционных авторов мы находим лишь очень краткие, случайные и отрывочные, а иногда искаженные сведения по отдельным вопросам нашей темы; особенно мало сведений приводится в них о таджиках бассейна р. Хингоу . В этих работах почти ничего не говорится о народном земледельческом календаре, земледельческих праздниках, своеобразных обычаях и обрядах, связанных с земледелием как у таджиков бассейна р. Хингоу, так и у таджиков соседних с ними районов.

Кроме того, дореволюционная литература не касалась социально-экономических отношений, социальных учреждений и институтов, различных форм эксплуатации и закабаления трудящихся масс, а также многих вопросов хозяйственной и культурной жизни таджикского населения различных районов и областей.

Эти вопросы и не могли быть поставлены дореволюционными исследователями в силу их классовой ограниченности. Они поставлены и частично разрешены в перечисленных работах советских исследователей. Но и среди последних нет еще специальной монографии, посвященной основному занятию горных таджиков — земледелию.

В ходе работы большую помощь оказали автору своими советами и указаниями А. К. Писарчик, А. А. Семенов, Н. А. Кисляков. Автор выражает всем этим лицам свою глубокую благодарность за оказанную помощь.

---

[1] Бартольд В. В., Таджики (Исторический очерк), Сб. Таджикистан, Ташкент, 1925, стр. 93—111 (особенно см. стр. 106, 107, 109).

[2] Введенский П. П., Районирование ТАССР, «Народное хозяйство Таджикистана», Сталинабад, 1926, стр. 215—225.

[3] Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, М., 1952, стр. 402—403, 404—405.

[4] Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, под ред. Б. Б. Карпа., Среднеазиатская гос. плановая комиссия, Сталинабад — Ташкент, 1930, 247 стр.

[5] Изд. УНХУ, Сталинабад, 1932, 136 стр.

ГЛАВА I

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОЧЕРК БАССЕЙНА Р. ХИНГОУ

1. Местоположение и административное деление

Долина р. Хингоу (в местном произношении «Ови Хингов»), тянущаяся с востока на запад, расположена между двумя гигантскими хребтами—Петра I и Дарвазским. Р. Хингоу, питаемая многочисленными крупнейшими ледниками, как Гармо, Сытарг, Арнавад и др., является одним из главных левых притоков р. Сурхоба.

Вся территория бассейна р. Хингоу, кроме кишлака Ёфуч, до революции входила в состав Дарвазского бекства и разделялась на четыре податных округа — амлокдорства.

1. Сагирдаштское амлокдорство было расположено по долинам бассейна р. Оби Сари Об (левый приток р. Хингоу). В него входила группа кишлаков, расположенных на северных отрогах Дарвазского хребта, из которых самыми крупными являлись Сафедорон и Сагирдашт. Центром его являлся кишлак Кал'аи Сагирдашт. По данным П. Е. Кузнецова, в 1892 г. в этом амлокдорстве насчитывалось до 2800 человек обоего пола и 400 дворов.[1]

2. Амлокдорство Вахьёи Боло, или Лоджиркское амлокдорство, располагалось по обеим берегам верхнего течения р. Хингоу, начиная с кишлаков Пашимгар, Дараи Дархарви, Дарбог и Хазрати Бурх и кончая кишлаком Лангар. Резиденцией амлокдора являлся кишлак Кал'аи Лоджирк. П. Е. Кузнецов насчитывает в этом амлокдорстве 4380 человек обоего пола и 337 дворов.[2]

3. Тавильдаринское амлокдорство было расположено по обеим сторонам среднего течения р. Хингоу от кишлака Лангар (в Вахьёи Боло) до кишлака Ёзганд. Местонахождение амлокдора было в кишлаке Тавильдара (рис. 1).[3] П. Е. Кузнецов насчитывал здесь 7700 человек обоего пола и 1100 дворов.[4]

4. Чильдаринское амлокдорство располагалось по обоим берегам нижнего течения р. Хингоу от кишлака Ёзганд до кишлака Посвун. Центр амлокдорства находился в кишлаке Кал'аи Чильдара. В этом амлокдор-

[1] Кузнецов, Дарвоз, стр. 82.
[2] Там же, стр. 78.
[3] Местное население произносит Тайдара, т. е. под ущельем.
[4] Кузнецов, Дарвоз, стр. 75—77.

стве, по данным П. Е. Кузнецова, насчитывалось до 3800 человек обоего пола и 632 двора.[1]

Таким образом, в четырех амлокдорствах насчитывалось до 18680 человек обоего пола. Однако, надо отметить, что эти цифры приблизительны и далеко неточны.

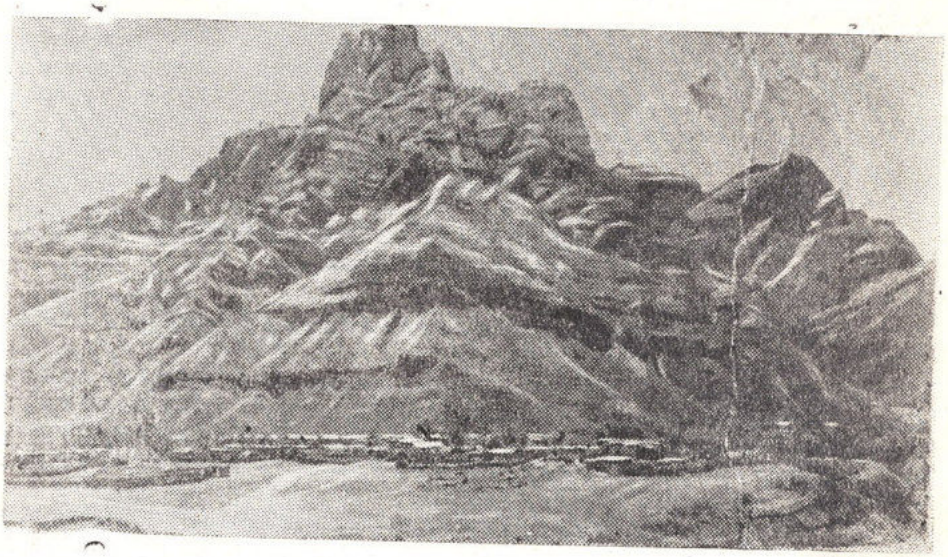

Рис. 1. Тавильдара.

После установления советской власти в Таджикистане до 1924 г. все кишлаки бассейна р. Хингоу составляли один район — Тавильдаринский, который являлся составной частью Дарвазского тюменя Гармского вилайета Бухарской Народной Советской Республики. В ноябре 1924 г. когда Таджикистан стал автономной республикой, весь бассейн р. Хингоу разделился на четыре кента, входящие в состав Дарвазского тюменя Гармского вилайета Таджикской АССР. Эти кенты были следующие: Вахьёи Боло, Сагирдашт, Тавильдара и Чильдара.[2]

Когда в 1929 г. ТАССР была преобразована в Таджикскую Советскую Социалистическую Республику, Тавильдара являлась тюменем Гармского округа Таджикской ССР. До 1936 г. весь бассейн р. Хингоу входил в состав Тавильдаринского района, который разделялся на 12 джамсоветов (кишлачных советов). Тогда число населенных пунктов Тавильдаринского района равнялось 177, а количество населения на 1 января 1933 г. (по подсчетам УНХУ — Управления народно-хозяйственного учета) доходило до 30 333 человек обоего пола.[3]

В 1936 г. за счет разукрупнения Тавильдаринского района был выделен Сангворский район, в который входили только джамсоветы Сангворский и половина Лоджирского. Другая часть Лоджирского джамсовета осталась в составе Тавильдаринского района.

---

[1] Кузнецов, Дарвоз, стр. 74.
[2] Введенский П. П., Районирование ТАССР, стр. 215—225.
[3] Список населенных пунктов Таджикской ССР, стр. 5.

В 1937 г. от Тавильдаринского района к Сангворскому отошли джамсоветы: Арганкунский, Миёнадухский и вторая часть Лоджиркского. В Тавильдаринском районе осталось только 8 кишлачных советов: Сафедоронский, Сагирдаштский, Пуштарогский, Гурхамбский, Дехи Калонский, Хамдаринский, Хафтчирогский и Чильдаринский; из последнего в 1940 г. был выделен Сурхавский кишлачный совет, жители которого в 1950 г. в организованном порядке переселились на вновь орошаемые земли Кировабадского района на юге Таджикистана. После укрупнения колхозов, в августе 1950 года, Пуштарогский и Сафедоронский кишлачные советы были объединены, и Тавильдаринский район разделился на 7 кишлачных советов: Сагирдаштский, Пуштарогский, Гурхамбский, Дехи Калонский, Хамдаринский, Чильдаринский и Хафтчирогский. В 1951—1952 гг. жители Хамдаринского и Хафтчирогского кишлачных советов переселились на вновь освоенные земли Южного Таджикистана. В 1952 г. в Тавильдаринский район вновь вошел Сангворский район. В 1955 г. Тавильдаринский район был ликвидирован и его территория вошла в состав Комсомолабадского и Калаи Хумбского районов.

2. Физико-географический очерк

Горы. Бассейн р. Хингоу с севера ограничивается хребтом Петра I, являющимся водоразделом между рр. Хингоу и Сурхоб, с юга — Дарвазским хребтом.[1]

Хребет Петра I на западе начинается вблизи слияния рр. Хингоу и Сурхоба и тянется на восток до хребта Академии наук, где поднимается пик Сталина, достигающий высоты 7495 м. Восточная часть хребта выше западной; здесь имеется ряд пиков, достигающих 6000 м высоты и более (пик Агасив — 5900 м, пик Москва — 6785 м). В восточной части хребта имеется много ледников, обследованных в 1899 г. В. И. Липским.[2] Северный склон очень крутой и падает уступами в виде террас к долине Сурхоба.[3] Северный склон гораздо более снежный, чем южный; к востоку от перевала Гардани Кафтар он представляет сплошную ледниковую область с громадными ледниками Федченко, Мушкетова (Кара-сель), Брюкнера и Гармо и рядом других, менее значительных, выходящих почти из каждого ущелья.[4] Южный склон хребта, разветвляясь, образует множество глубоких и длинных ущелий. Этот склон хребта богат растительностью и очень живописен.

---

[1] Местное население не знает названий этих хребтов, а называет их отдельные части названиями местных селений, расположенных на их склонах или у их подножья, названиями предметов, которые они напоминают своей формой, или по имени отдельных исторических или легендарных лиц. Например, в хребте Петра I горы за кишлаком Ёфуч называются «Къҳои гардани Ёфъч»—Горы за кишлаком Ёфуч, горы за Чильдарой—«Къҳои Дараи Ғул»—Горы ущелья Гул, горы за кишлаком Разак—«Зардкъҳ»—Желтая гора, Горы ущелья Святого шаха —«Къҳои Ҳазрати шоҳ»—и т. д.; в Дарвазском хребте горы за кишлаком Пагула называются «Къҳои гардани Пағула»—Горы за кишлаком Пагула, за кишлаком Дараи Мело—«Къҳои Дараи Мело»—Горы за кишлаком Дараи Мело, гора, напоминающая своей формой колыбель, называется «Говаракъҳ»—Гора-колыбель. В этом хребте имеется гора «Шаҳъ 'арус» — Жених и невеста считающаяся, по преданию, окаменевшими женихом и невестой, бежавшими в древние времена от каких-то неверных—«кафиров».

[2] Липский В. И., Горная Бухара, ч. III; его же, Хребет Петра Великого и его ледники.

[3] Корженевский Н. Л., Устройство поверхности Таджикистана (краткий орогидрографический очерк, сб. Таджикистан, Ташкент, 1925, стр. 16.

[4] Корженевский Н. Л., Указ. соч.

Параллельно хребту Петра I к югу от ущелья р. Хингоу расположен Дарвазский хребет, который своими отрогами заполняет всю территорию Дарваза.[1] Снеговой гребень этого хребта достигает не менее 5000—5500 м средней высоты.[2]

Северный склон хребта, спускающийся в долину р. Хингоу, дает значительные разветвления, на которых на небольших площадках расположены кишлаки. Отроги этих хребтов, понижающиеся к р. Хингоу, заполняют всю левобережную часть долины, затрудняя внутреннее сообщение. Большой северный отрог в восточной части хребта между рр. Бохуд и Оби Мазор получил название Мазарских Альп и замечателен многочисленными ледниками, подробно описанными В. И. Липским. Южный склон хребта крут и к долине Пянджа обрывается почти отвесными скалами.[3]

Реки. Изучаемая нами территория богата реками и ручьями. Самой большой и многоводной рекой является упомянутая р. Хингоу, текущая с востока на запад. Река берет свое начало в ледниках Гармо и Сытарг в виде небольшой р. Арзынг, а затем после слияния с р. Мазар получает название Хингоу.[4] Она течет то в скалистых крутых берегах, то в более отлогих, часто несколькими руслами, и образует множество островов, покрытых разнообразными кустарниками. Летом, особенно в августе, бродов через реку нет, а зимой с трудом можно переправляться через нее в некоторых местах вброд верхом на лошади. Эти броды называются «гъзар» (переправа). Река впадает в р. Сурхоб, последняя после слияния с Хингоу носит название Вахш. Течение р. Хингоу быстрое, и обычно река зимой не замерзает. Только в суровые зимы местами она покрывается льдом, но слой льда бывает тонким, и переходить реку по нему нельзя.

В р. Хингоу впадает очень много рек и речек, берущих начало в хребтах Петра I и Дарвазском.[5] Большая часть их стекает с Дарвазского хребта и впадает в Хингоу слева. Самым крупным из левых притоков р. Хингоу является р. Оби Сари Об, называемая так в верховьях до впадения р. Сафедсанг, а в нижнем течении, около кишлака Калаи Хусайн, называется Оби Калаи Хусайн или Оби Рогоу.[6] Она берет начало от перевала Банди Сари Об и имеет много притоков. Самыми крупными из многочисленных притоков, впадающих в Хингоу ниже Оби Калаи Хусайн, являются Оби Дашти шер, Оби Сурхуни или Оби Хойдара, Оби Шорак, Оби Гурумбак, Оби Загара, Оби Дашти Хасан, Оби Хамдара, Гирд Об, Оби Ходжаи Хулоз, Оби Бедак, Оби Нурундж, Оби Дехи Баланд и Оби Пустиндузун.

---

[1] Корженевский Н. Л., Указ. соч., стр. 16.
[2] Барапов П. и Райкова И., Дарваз и его культурная растительность, стр. 6.
[3] Корженевский Н. Л., Указ. соч., стр. 16.
[4] Таджики бассейна р. Хингоу реки и ручьи разделяют на относительно тихие—«ръжд ов» и бурные—«саг ов».
[5] В работах Г. А. Арандаренко «Дарваз и Каратегин» и Кузнецова «Дарвоз» приводятся названия многих из этих рек и речек, но часто в таком искаженном виде, что на месте нам не удалось отождествить их ни с какими существующими речками. Таковы, например, у Кузнецова названия Оби-Хиштдара (стр. 18), Оби-Гуджин (стр. 44), Оби-Мирдну (стр. 45), Оби-Турмак, Оби-Куюн (стр. 48), Оби-Хар (стр. 49) и многие другие. В процессе выяснения их названий у нас подобрался материал о названиях речек бассейна р. Хингоу на отрезке ее от кишлака Савзихарф до кишлака Ёфуч. Общее количество этих речек более 60.
[6] Небольшие речки часто имеют различные названия на различных отрезках своего течения. Обычно они называются по названию того селения, через которое протекают.

Справа в р. Хингоу впадает гораздо меньше притоков, чем слева. Самыми крупными из них являются (сверху вниз по течению) Оби Дараи Савзихарф, Оби Дараи Вуджун, Оби Сайёд, Оби Дараи Хур, Оби Дараи Шох, Оби Ёзганд, Оби Работноль, Оби Дараи Шур, Оби Камчирог и другие. Оби Камчирог в нижнем течении называется Оби Чильдара, а в верховьях—Оби Сурхоу (Сурхав). Оби Камчирог является самым большим притоком нижнего течения р. Хингоу и имеет также ряд крупных притоков.[1] Эта река в половодье непроходима вброд, для переправы через нее имеется несколько мостов (около кишлаков Чильдара, Шаков и вблизи кишлака Дехи Мулло).[2]

Ниже р. Оби Камчирог в р. Хингоу впадает несколько небольших речек: Оби Паси, Оби Талх, Оби Посвун и Оби Сари Намак. Кроме этих рек и речек, в нижнем течении р. Хингоу имеется небольшое озеро Хавзи Кабут или Хавзи Посвун, находящееся возле одноименного кишлака Посвун.

Пути сообщения. До Октябрьской социалистической революции кишлаки бассейна р. Хингоу были в сильной степени изолированы от других районов нынешнего горного Таджикистана и даже друг от друга из-за отсутствия удобных путей сообщения.

По долине р. Хингоу пути в долину р. Сурхоб, а через нее в Ферганскую долину и в Гиссар не было (в нижнем течении р. Хингоу прорывается сквозь узкую теснину). Поэтому основное сообщение с северными районами осуществлялось тогда через перевалы в хребте Петра I. Главными были перевалы Огбаи Ёфуч (3638 м) и Огбаи Камчирог (около 4000 м) в западной части хребта Петра I. Кроме этих двух перевалов, пользовались еще перевалами Огбаи Савзихарф (4054 м), Огбаи Лулихарви (около 4800 м), Огбаи Гардани Кафтар и Огбаи Сагрун. Эти перевалы находились в восточной части названного хребта.

Население верховьев р. Хингоу (Вахьёи Боло) держало связь с населением Дарваза и Ванча через перевал Висхарви (более 4000 м); путь через Висхарви являлся коротким, но весьма трудным, проходил он по вечным снегам и ледникам. Население кишлаков, расположенных по нижнему течению р. Хингоу, ходило в Каратегин, а оттуда в Гиссар и в Фергану, главным образом, через перевалы Ёфуч и Камчирог. Что касается населения кишлаков верхней части бассейна р. Хингоу, то для него было ближе и удобнее в летнее время ходить в Каратегин и дальше через более трудные, но менее удаленные от их селений перевалы Огбаи Савзихарф, Огбаи Лулихарви, Огбаи Гардани Кафтар и Огбаи Сагрун.

В зимнее время все население бассейна р. Хингоу пользовалось для перехода в долину р. Сурхоб перевалом Ёфуч — единственным открытым для сообщения круглый год.

Сообщение с резиденцией дарвазского бека Калаи Хумбом осуществлялось через перевалы в Дарвазском хребте, главным образом, через перевалы Огбаи Гушон (около 4200 м) и Огбаи Работ (около 3300 м), пригодные для вьючного движения. От кишлака Сагирдашт шел и другой путь через перевалы Огбаи Джари Дарида или Огбаи Равнов. Этот путь шел по узкой долине р. Равнов и выводил к кишлакам Джак и Марг, находившимся на правом берегу р. Пянджа. Перевал открывался только летом и закрывался в начале ноября. Путь через этот перевал был

[1] Оби Шахкандаги, Оби Чашмаи Мурдон, Оби Бушолак, Оби Разак, Оби Дараи Шаков, Оби Сирдорак и Оби Чашмаи Толиб.

[2] В настоящее время через эту реку построен железный мост.

очень трудным, подъем высоким и каменистым, поэтому он был доступен только для пешеходов.

С Кулябским и Бальджуанским бекствами население бассейна р. Хингоу поддерживало связь через перевалы Огбаи Полезак (около 3650 м) и Огбаи Харсанг в юго-западных отрогах Дарвазского хребта.

Как было упомянуто выше, почти вся площадь бассейна р. Хингоу заполнена горными хребтами различной высоты и их отрогами, вследствие чего нередко сообщение между отдельными кишлаками долины р. Хингоу было затруднено и осуществлялось только через перевалы. Во многих случаях и в настоящее время сообщение между рядом кишлаков района осуществляется через такие внутренние перевалы.

От кишлаков Сагирдашта, Пуштарога и Сафедорона (долины р. Калаи Хусайн) в кишлаки Вахьёи Боло (верхнего течения р. Хингоу) можно было пробраться через перевалы Огбаи Гульён (Ғулюн), Огбаи Хазрати Хошмерган и Огбаи Дорчув.

Указанные три перевала и в настоящее время до некоторой степени служат путем сообщения для населения кишлаков Сагирдаштской группы, потому что путь через них в Вахьёи Боло ближе и удобнее, чем по долине р. Хингоу.

Через северный отрог западной части Дарвазского хребта из кишлаков Кулумбаи Боло, Кулумбаи Поён вели два перевала — Огбаи Зогурси и Огбаи Регак на кишлак Саридашт и далее на кишлак Тавильдара. Эти перевалы закрывались только в зимнее время. В настоящее время они используются редко и утратили свое значение.

Как видно из сказанного, сильно пересеченный рельеф бассейна р. Хингоу затруднял связи с более развитыми в экономическом и культурном отношении соседними районами. По вышеописанным тропам и высоким перевалам, по крутым и обрывистым скалам могли передвигаться только местные, привыкшие к горным дорогам, лошади и ослы.

Грузы приходилось перевозить вьюком или переносить на спине. Часто происходили несчастные случаи, когда люди и животные падали в пропасть, тонули во время перехода вброд через бурные реки, погибали со всем имуществом под снежными обвалами — «тарма», попадали под камнепады — «сангчарх» и т. д.

Только при советской власти были созданы нормальные, удобные пути сообщения. Теперь по всей долине р. Хингоу проложены хорошие дороги и проходят автомашины. Трудящиеся Таджикистана проложили автомобильную дорогу от Сталинабада до самых высоких горных вершин Памира — Большой Памирский тракт имени И. В. Сталина, открывший новую эру в жизни горцев. Благодаря этому население различных кишлаков теперь без прежних трудностей попадает в районный центр и в столицу Таджикистана —Сталинабад.

Сообщение между кишлаками противоположных берегов р. Хингоу в настоящее время осуществляется через четыре моста, расположенных у кишлаков Тавильдара, Гирдов, Пашор и Нурундж. Мосты в настоящее время строятся силами местных мастеров, техников и инженеров, получивших образование в Сталинабаде и в других городах Союза. Современные мосты совершенно не похожи на те шаткие и непрочные мостики, по которым перебирались горцы раньше, рискуя упасть в бурную реку. Широкие, прочные, скрепленные тросами мосты позволяют безопасно переправляться через горные реки. На линии Памирского тракта через р. Хингоу имеется паром, на котором переправляются не только вьючные жи-

вотные, но и автомашины. Через все крупные притоки р. Хингоу также сооружены мосты.

Климат. Климат бассейна р. Хингоу суровый. Снега здесь выпадает очень много. Толщина снежного покрова доходит до 1 — 1,5 м, а в некоторых местах даже больше. Зимой среднемесячная температура воздуха, по данным метеорологической станции в Тавильдаре, составляет в декабре — 7,3° (1950 г.), в январе — 5,7° (1951 г.), в феврале — 7,1° (1951 г.).

Зима продолжительная. Снежный покров здесь держится 5 — 6 месяцев. В высоких местах, например, во всех кишлаках, расположенных на северных склонах Дарвазского хребта (Сафедорон, Сафедсанг, Гурбадара, Камчак, Чухкак, Сагирдашт и др.), и в некоторых кишлаках левого берега нижнего течения р. Хингоу (Каракутан, Джавчи, Девлохи Калон, Дехи Боло и др.), снег держится до 6,5 месяцев.[1]

Зима на большей части территории района начинается в ноябре, а в вышеуказанных кишлаках и раньше, весной же склоны гор освобождаются от снега в мае; Дарвазский хребет и хребет Петра I местами освобождаются от снега в конце августа; многие участки хребтов и вершины круглый год покрыты снегом.

Некоторые дореволюционные авторы несколько преувеличивали суровость климата этого района. Так, Г. А. Арандаренко сообщает, что зима в Дарвазе продолжительная (с 15 сентября по 1 мая) и многоснежная, с дневной температурой летом + 16°, с зимним холодом до —35° при частых бурях.[2] Если принять продолжительность зимы, по Г. А. Арандаренко, от 7 до 7,5 месяцев, то занятие земледелием было бы невозможно. На самом деле в большинстве селений посевы начинают созревать в августе, а в сентябре, октябре и половине ноября производится уборка зерновых культур. Только в нижней и средней частях долины уборка урожая начинается немного раньше.

Климатические условия бассейна р. Хингоу разнообразны и зависят, главным образом, от высоты местности над уровнем моря и положения склонов гор по отношению к солнцу.

«Сильная пересеченность местности, — пишет Н. А. Кисляков, — служит причиной того, что количество солнечного тепла, получаемого различными участками поверхности земли, крайне неравномерно. Весной снег стаивает прежде всего на южных склонах гор, имеющих такой наклон, что лучи солнца падают на них вертикально или почти вертикально; затем снег стаивает на горизонтальных террасах, еще позднее на северных склонах гор. Далее, в зависимости от того, какая страна света для данного места является менее закрытой горами, тот или другой участок получает больше тепла и солнечного света соответственно зимой или летом, весной или осенью.

Например, в долине р. Оби-арзынг (правый приток верхнего течения р. Хингоу — М. Р.) зимой солнце восходит очень рано, так как точка восхода приходится в это время прямо в верховьях долины. Летом же, передвигаясь к северу, солнце восходит из-за высокого хребта относительно позднее».[3] То же самое наблюдается в кишлаках Ёзганд, Туто, Пагула, Фарнинг, Каранак, Охангарон, Садика, Кулумбаи Поён, Лангаро, Нурундж, Дамов, Гирдов, Пастелак и другие.

---

[1] Ср. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники.., стр. 109.
[2] Арандаренко Г. А., Дарваз и Каратегин, стр. 441.
[3] Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 109.

Осадки обильные. Годовое количество осадков достигает 628 мм, причем максимум их выпадает весной, в мае. В 1951 г. в мае выпало 106,6 мм осадков. Дождливый весенний период затягивается иногда до июня. Например, в июне 1946 г. количество осадков равнялось 86,3 мм. В июле, августе и сентябре осадков почти не бывает (в июле 1950 г — 00 мм, в августе — 0,6 мм).

Осенние дожди начинаются обычно в октябре, а иногда в конце сентября, так что бездождный период сокращается до 3 — 3,5 месяцев.[1]

Такое распределение осадков и крутизна склонов гор, где вода быстро скатывается вниз, не успев впитаться в почву, приводили к тому, что богарные посевы часто страдали от засухи. Поэтому крестьяне в прежние времена всячески старались обеспечить свои посевы искусственным орошением.

Вследствие того, что в долине выпадает очень много осадков в виде снега (по данным метеорологической станции, в декабре 1950 г. выпало осадков 49,1 мм, в январе 1951 г. — 118,7 мм и в феврале 1951 г. — 150,9 мм), в марте, «когда солнце начинает значительно пригревать, огромные массы снега подтаивают и скатываются в виде больших лавин, запружая иногда течение реки на несколько часов, так что выше места запруды образуются временные озера. Эти обвалы, носящие у таджиков название «тарма», представляют большую опасность для путников. Иногда они обрушиваются и на культурные земли, принося убытки земледельцам, ибо такая лавина, вследствие плотности снежных масс, может сохраниться до середины лета или до осени и участок земли потерян для обработки на целый год.»[2]

Большой ущерб приносили земледельцу весенние паводки — «сел». После сильных дождей небольшие горные речки и ручьи сильно вздуваются и несут с собой массу грязи, обломков скал, огромные камни, корни разных трав и т. п., которые губят все лежащие на их пути. Эти потоки не только портят посевные площади, но также сносят посевы в огородах и наносят вред садам, разрушают сеть арыков и дома.

В 1936 г. такой «сел» прошел через селения Сафедорон и Фаркинг, разрушил много домов и уничтожил массу скота и домашнего имущества, погубил огороды, сады, посевы и пр.

Горный характер района позволяет разделить весь бассейн р. Хингоу на четыре условных климатических подрайона.[3]

1. Подрайон северных склонов Дарвазского хребта

Дарвазский хребет, спускаясь в долину Хингоу местами довольно круто, в верхней своей части имеет пологие склоны с богатыми лессовыми почвами. На этих грунтовых северных склонах Дарвазского хребта на высоте более 2500—2700 м расположены многочисленные селения, составлявшие до революции Сагирдаштское амлокдорство. Типичным кишлаком для данного подрайона является Сафедорон, самый большой кишлак в этом подрайоне (2700 м над у. м). Подрайон богат земельными площадями, а также имеет много речек и ручьев, пригодных для искусственного орошения. Поэтому посевы производились и производятся

---

[1] Гончаров Н. Ф., Очерк растительности Центрального Таджикистана, Изд. АН СССР, М.-Л., 1936, стр. 72.

[2] Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 109.

[3] В разделении бассейна р. Хингоу на четыре подрайона мы до некоторой степени следуем за Н. А. Кисляковым (Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 110), не соглашаясь с некоторыми отдельными его положениями, которые отметим ниже.

как на искусственно орошаемых «зъмини овй», так и на неорошаемых землях, на так называемой богаре, т. е. под дождь — «зъмини лалми или ялми». Сообщение Н. А. Кислякова, что в этом подрайоне якобы отсутствует поливное земледелие, неточно.[1] По собранным нами сведениям, этот подрайон имеет значительные поливные земли, которые существовали здесь с давних пор. Этот подрайон очень богат альпийскими лугами. Выше 2700 м над у. м. на территории данного подрайона находятся хорошие пастбищные площади, славившиеся за пределами бассейна р. Хингоу: Дашти Узбакун, Хирсдара, Куи Шикофи, Чармдара, Пахмдара, Дашти Пардоз, Пахмсанг, Сари Хоки Сурх, Зирадара, Сари Джубор и др. Дикорастущая древесно-кустарниковая растительность встречается только в низовьях р. Оби Сафедсанг (правый приток р. Калаи Хусайн).

2. Подрайон верхнего течения р. Хингоу

Абсолютная высота расположения кишлаков достигает 2500—3000 м. Этот подрайон охватывает всю территорию дореволюционного Сангворского (Лоджиркского) амлокдорства. Для этого подрайона типичным является кишлак Сангвор (2250 м над у. м.). Посевы производятся как на поливных, так и на неполивных землях. Однако преобладающее место принадлежит посевам с искусственным орошением. Н. А. Кисляков пишет, что в этом подрайоне посевы производятся почти исключительно на искусственно орошаемых конусах выноса горных речек, на террасах р. Хингоу или ее истоков. Так как указанные конусы выноса и террасы сами находятся на предельных для земледелия высотах и расположены незначительно ниже линии вечного снега и ледников, посевы на вышележащих горных склонах (к тому же очень каменистых) ничтожны. Дикорастущая древесная растительность почти не встречается, за исключением отдельных зарослей арчевника.[2] Фруктовые деревья встречаются почти в каждом кишлаке, но их количество тоже ограничено.

3. Подрайон среднего течения р. Хингоу

Абсолютная высота данной местности 1800—2200 м. Типичным кишлаком является Хур (около 2000 м над у. м.). Этот подрайон занимает всю территорию б/Тавильдаринского амлокдорства. Посевы здесь производились как на искусственно орошаемых, так и на неорошаемых землях. Последние находились на конусах выноса и древних речных террасах. Подрайон очень богат зарослями древесно-кустарниковой растительности: клена, тополя, ясеня, березы и пр. Выше по ущельям рр. Оби Савзихарф, Оби Сайёд, Оби Гурум, Оби Хур, Оби Лангар на высоте 2500 м встречаются сплошные заросли арчевника. Кроме того, встречаются дикорастущие и искусственно насаженные рощи грецкого ореха, деревьев алычи, яблони и пр. В садах произрастает множество фруктовых деревьев (яблони, абрикосы, груши, орехи, черешни, вишни, шелковица и пр.), но виноградников нет.

---

[1] См. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники, стр. 110—111.

[2] Там же, стр. 110.

4. Подрайон нижнего течения р. Хингоу

Абсолютная высота данного подрайона 1200 — 1800 м. Типичным кишлаком является Чильдара (1500 м над у. м.). Занимает всю территорию бывшего Чильдаринского амлокдорства. В этот подрайон входят некоторые кишлаки, расположенные на очень высоких грунтовых склонах гор, где климат и характер местности до некоторой степени отличаются от других частей данного подрайона, например, Каракутан, Джавчи, Дехи Боло, Девлохи Калон и некоторые другие. Подрайон изобилует древесно-кустарниковой растительностью. Особенно бросаются в глаза дикорастущие рощи грецкого ореха на склонах гор. Встречается также множество древесных пород: клен, береза, арча, ива, плакучая ива, дикая яблоня, алыча и др. В кишлаках этого подрайона очень много фруктовых деревьев, изредка встречается даже виноградная лоза. В этом подрайоне существовали и существуют два вида полеводства — богарное и поливное. Поливные участки находились на конусах выносов и на древних террасах речек.

3. Краткий хозяйственный очерк

До революции в хозяйственном отношении описываемый район являлся одним из бедных и отсталых уголков Восточной Бухары.

Основным занятием населения являлось земледелие — «деҳкунй» и скотоводство — «чорводорй». Производственные отношения до революции носили патриархально-феодальный характер. В районе господствовала феодальная собственность на основное средство производства — землю. Верховным собственником всех земель считался правитель страны — раньше дарвазский правитель — «ша» или «шах», а затем, начиная с 70-х годов XIX века, — эмир бухарский. Основная масса земли и рабочего скота находилась в руках феодальной эксплуататорской верхушки: духовенства, баев, служилого сословия. Они захватывали лучшие земли путем скупки их от разоряющихся бедняков, присвоения заложенных земель и другими путями. В связи с этим большая часть дехкан (крестьян) страдала от безземелья и вынуждена была работать в качестве батраков, поденщиков и издольщиков.

Другой основной отраслью народного хозяйства являлось скотоводство, которое играло большую роль в хозяйственной жизни района, хотя было весьма малопродуктивным. В Сагирдаштском и Тавильдаринском амлокдорствах, где имелись обширные пастбища, количество скота было больше, чем в Чильдаринском и Лоджиркском амлокдорствах.[1]

По рассказам местных стариков, богатые люди в своем хозяйстве имели более 400 голов мелкого рогатого скота, 6 — 7 пар рабочих волов, 8 — 10 голов лошадей, 7 — 8 голов коров, 2 — 3 осла, а кроме того, держали домашнюю птицу. С другой стороны, были люди, и таких людей было немало, которые не имели даже козы. К этой категории населения относилось более 20 — 25% всего населения бассейна р. Хингоу.

Скотоводство играло в крестьянском хозяйстве таджиков большую роль, снабжая его продуктами питания: молоком, сыром, маслом, мя-

[1] Ср. Кузнецов, Дарвоз, стр. 73—82.

сом и салом, а также шерстью, употреблявшейся на изготовление домотканного сукна, из которого шилась мужская и детская одежда (на женские платья употребляли бумажную ткань — «карбос» из хлопка, привозимого из Калаи Хумба), а также различные другие изделия — кошмы — «нъмад», веревки — «банд» и пр. Из шерсти вязались чулки — «чураб» и перчатки — «дъстбела», ткались скатерти — «дъсторхун», переметные сумы — «хурчин». Из кожи изготовляли разные виды обуви — «чоруқ», «хумак», «мукӣ», «маҳсӣ».

Однако, содержание скота требовало от горца больших усилий, так как в силу суровых климатических условий скот часто содержался в хлевах от 5 до 6 месяцев. На все это время необходимо было запасти фураж. В летний период, начиная с первой половины июня до конца августа, весь скот находился на летовках — «девлох». На летовки население выводило его не только для того, чтобы скот питался сочными травами и чтобы запасти больше масла и молочных продуктов, но главным образом для того, чтобы скот не портил посевов, находящихся в окрестностях селений.

Поэтому выход на летовки был связан с состоянием посевов. Как только всходы подрастали, на летовки уходили женщины вместе с маленькими детьми. Мужчины посещали летовки для снабжения женщин продуктами, топливом, а также для того, чтобы по очереди пасти и караулить скот всего населения — «нубати мол», «молвунӣ». Мальчики и подростки помогали женщинам во время доения, собирали топливо и выполняли легкие хозяйственные работы.

Возвращение с летовок приурочивалось к тому времени, когда хлеб с полей, окружающих селения, бывал уже убран, что давало возможность пасти скот на сжатых полях.

До революции в районе существовали мелкие индивидуальные ремесла: ткацкое, кузнечное, гончарное, сапожное, производство деревянных изделий и другие. Все они имели характер домашнего производства.

Каждое ремесло имело своих мастеров—«усто». К кишлаках были ткачи—«устои бофъндa», кузнецы—«устои оҳангар», сапожники—«чорукдуз». Мастера-деревообделочники подразделялись по специальности: мастера, изготовляющие плуги и ярма—«устои съпортарош», «устои юҳтърош»; мастера, изготовляющие деревянные блюда и ложки — «устои табақтърош ва кошуқтърош»; мастера, изготовляющие деревянные галоши «устои кавштърош»; мастера, изготовляющие веретена и прялки—«устои чархатърош ва дуктърош»; мастера изготовляющие деревянные лопатки — «устои кърчактърош» и т. п. Кроме этих мастеров, были валяльщики кошм — «устои нъмадрез», цирюльники — «устои сартърош» и т. п. Каждое большое селение имело перечисленных мастеров.

Ткачеством занимались, главным образом, мужчины, а женщины, готовили им пряжу из шерсти и хлопка, сбиваемых мужчинами-сбивальщиками — «паҳъндаҳо» при помощи инструмента, напоминающего по форме лук и называемого «камуни паҳъндагӣ».[1] Мужчины ткали шерстяную ткань — «раға» для зимних халатов — «чагман» и штанов — «шораға», хлопчатобумажную мягкую материю — «карбос» и хлопчатобумажную грубую материю — «қоғма» для халатов — «чагмани қоғма» и другие. Женщины ткали только на простых, устанавливаемых на земле станках хлопчатобумажные материи — «карбоси зъминбоф», шерстяные

[1] Только в Вахьёи Боло сбивальщицы шерсти были женщины.

ткани для скатертей — «дъсторхун», обмотки — «попеч», «пайтова» и плели на руках очкуры — «банди эзор», обвязка для сапог — «банди галтак», «банди чорък»; кроме того, они вязали шерстяные чулки с узором — «чураби сърхнахш» и без узора — «чураби венахш», «пайпок», шили тюбетейки — «токи» и др.

Кузнецы изготовляли все необходимое для сельского хозяйства: мотыги, серпы, лопатки, кирки, тесла, топоры, железные и чугунные наконечники плугов и пр. Они также разделялись на несколько категорий: отливающие железные наконечники для плугов — «устои оханрез», подковывающие лошадей — «устои на'лгар» и т. д.

Гончарным производством занимались только женщины. Мужчины изредка помогали им копать слой земли до открытия гончарной глины, которая иногда залегала на глубине 1,5 — 2 м. Кроме того, мужчины обязаны были доставать красную глину для окрашивания посуды. Такая глина употреблялась также для покрытия панелей стен — «марза», очагов — «дегдун» и пола — «декун».

Гончарное производство было развито не во всех кишлаках, а только в некоторых: Сафедсанг, Сафедорон, Сагирдашт, Камчак, Чухкак, Лухч, Кади Сурхав, Девлохи Калон, Каракутан и других. Эти кишлаки обеспечивали почти весь район своими гончарными изделиями, которые обменивали на сушеный абрикос, яблоки, овощи, зерно, шерсть и пр. При обмене глиняной посуды на зерно и сушеные фрукты их давали столько, сколько вмещала эта посуда. Количество овощей определялось соглашением обеих сторон.

Гончарные изделия больше всего изготовлялись летом во время пребывания женщин на летовке — «девлох», где свободного времени было больше, чем в селении.

Все эти ремесленники по просьбе населения выполняли заказы и получали от него за свой труд вознаграждение. Как правило, все изделия делались из сырья заказчика: на изготовление ткани давались шерсть или хлопок, для изготовления деревянных вещей — лес, для кузнечных — железо, и даже глину для гончарных изделий тоже должен был приносить заказчик. Заказчики платили мастерам-ремесленникам за их труд натурой; иногда расплата производилась не сразу, условленное количество зерна отдавали после уборки урожая.

Мастера эти не являлись ремесленниками-профессионалами, а занимались ремеслом попутно, когда бывали заказы. Главным источником их доходов обычно являлось земледелие, почти все они имели землю и во время сельскохозяйственных работ занимались сельским хозяйством. Только кузнецы, по договору с населением, иногда оставляли полевые работы и исполняли заказы населения, за что население кишлака (со своим рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем) один день помогало кузнецу в пахоте его участка и один день в жатве в порядке товарищеской взаимопомощи — «хашар».

Доход этих ремесленников в среднем составлял до 200 кг зерна в год, а в некоторых случаях и больше. Например, ткач брал за тканье каждого куска шерстяной ткани «рагза» длиной от 6 до 8 газов[1] по 6—8 тюбетеек зерна. В течение месяца в свободное от полевых работ время он мог выткать 4—5 кусков, в 3 месяца в среднем — 12—15 кусков и получал за это от 90 до 120 тюбетеек зерна. Если эту цифру перевести на килограммы, то получается от 120 до 160 кг зерна и даже больше. Если

[1] Один ткацкий газ составлял две маховые сажени (см. гл. IV).

в семье ткача было много мужчин, способных заниматься полевыми работами, то он мог ткать и летом. Тогда доход его был постоянный.

Таким образом, мы видим, что в бассейне р. Хингоу производство было основано на экстенсивном земледелии и домашнем ремесле. Кустарной промышленности, продукция которой сбывалась бы на рынке и являлась бы источником денежного дохода, здесь еще не было; ремесло являлось второстепенным занятием земледельца — занятием, которому он уделял лишь свободное от полевых работ время, т. е. главным образом зимний период.

Среди беднейших слоев населения одним из способов дополнительного заработка являлось отходничество. Ходили на жатву хлебов в Куляб, Гиссар, Каратегин, а также на работу в качестве рабочих хлопковых заводов в Фергану, Джалалабад, Сузак, Коканд.

Краткое описание дореволюционного хозяйства бассейна р. Хингоу показывает, что население района не производило всего необходимого. Поэтому оно поддерживало торгово-меновую связь с другими соседними районами, главным образом, с Дарвазом, Ванчем, Каратегином и Кулябом. Дарвазцы обеспечивали население бассейна р. Хингоу хлопчатобумажными тканями — «карбос», «алача», тюбетейками, хлопком — «гуза», узорными поясами для штанов — «банди эзор», готовыми халатами (ватными — «чума» и тонкими без подкладки — «челак» или «яктай»), а также свежими и сушеными фруктами. За все это они получали зерно. Дарвазцы привозили фрукты, оставляли их покупателям и уезжали, а позднее, во время поспевания хлебов, снова приезжали за зерном, которое получали в количестве, равном по объему фруктам. Ванчцы привозили в бассейн р. Хингоу железные изделия: наконечники для плугов, кирки, ножи, серпы, лопаты и т. д. — и меняли их на шерстяные халаты, кошмы, шерсть и изредка на зерно. Из кишлака Миёнадух везли в соседние кишлаки и в долину Ванча соль, которую меняли на зерно.

Отсутствие базаров и недостаток промышленных товаров в районе усложняли жизнь трудящихся. Население почти не знало торговли на деньги, а вело только меновую торговлю. А. Е. Снесарев, совершивший поездку в 1905 г. в Восточную Бухару, пишет: «Горцы еще недавно не имели о ценах никакого понятия, ограничиваясь взаимным обменом предметов, т. е. вели исключительно меновую торговлю».[1]

Советский строй в корне изменил жизнь горных таджиков. За советское время, благодаря ленинской национальной политике, сильно поднялся хозяйственный и культурный уровень трудящихся горных районов.

До революции в долине Хингоу существовали только старые религиозные школы-мактабы, в которых ученики заучивали наизусть непонятные тексты из корана на арабском языке, и несколько высших конфессиональных школ-медресе. В 1926 — 1927 гг. впервые создается новая, советская школа, в которой население начало систематически учиться грамоте. За советский период здесь создана сеть начальных, неполных средних и средних школ, где обучается более 8000 детей колхозников. Были созданы также ликбезы для взрослых. Сейчас более 90% всего населения является грамотным.

До установления советской власти население горных кишлаков было совершенно лишено медицинской помощи. Здесь применялись самые примитивные способы лечения, как, например, высасывание крови через трубочку — «хунгирй», обжигание — «догмунй» больного места, лечение при помощи лекарственных трав — «вълчак» (мальва), «камол» (Ferula

[1] Снесарев, Восточная Бухара, стр. 65.

Jaeschkeana), «точи хъруз» (петушиный гребешок) и т. д. Лекарями являлись старухи и старики — знахари — «табиб», чаще всего лечившие такими магическими приемами, как дутье на больное место — «азоим», «чильёсин», окуривание, подвешивание амулета на тело больного и т. д. Все эти «лечебные приемы» в лучшем случае не оказывали никакого действия, в худшем же — калечили больных.

За период советской власти в Тавильдаре были созданы больница, амбулатория, аптека, а в кишлачных советах — медицинские пункты, где больных лечат врачи.

Основными отраслями народного хозяйства таджиков бассейна р. Хингоу и в настоящее время являются земледелие и животноводство. Наряду с этим широкое развитие получило шелководство, садоводство и огородничество.

Земледелие сейчас развивается быстрыми темпами благодаря применению новых научных агротехнических приемов. Постепенно внедряется и новая техника. Там, где это позволяет рельеф местности, обработка земли производится тракторами. Кроме того, во многих местах применяется пароконный плуг. Железная борона употребляется на ровных площадках, заросших сорными травами. В колхозах появились автомашины, брички, различное оборудование и машины.

Коллективизация сельского хозяйства сыграла решающую роль в жизни трудящихся. Благодаря этому бывшие крестьяне-бедняки стали всесторонне обеспеченными людьми. Мероприятия, осуществляемые партией и правительством, позволили идти дальше по пути укрепления колхозов и повышения материального и культурного уровня колхозников.

Сейчас в горных кишлаках колхозники и их семьи стали зажиточными и культурными. В каждом колхозном доме увеличивается поголовье скота. Колхозники приобретают фабричную одежду, мебель, радиоприемники, швейные машины, велосипеды. Их обслуживают электростанции, радиостанции, почта, телеграф, кинопередвижки.

Новейшие постановления партии и правительства о дальнейшем развитии сельского хозяйства вдохновляют колхозников на самоотверженный труд по укреплению колхозов и всестороннее развитие земледелия и скотоводства. Колхозы горных районов из года в год становятся все крепче, увеличиваются их посевные площади и поголовье скота, обогащается техника.

ГЛАВА II

ТЕХНИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, ПРИМЕНЯВШАЯСЯ В БАССЕЙНЕ Р. ХИНГОУ ДО РЕВОЛЮЦИИ

Дореволюционная техника земледелия и различные приемы полеводства не только таджиков бассейна р. Хингоу, но и всего горного Таджикистана до сих пор остаются мало изученными.

Правда, некоторые дореволюционные исследователи и военные наблюдатели в своих работах касались отдельных вопросов техники земледелия и способов обработки земли у горных таджиков.[1] Но эти авторы давали очень отрывочные и случайные, а порой и неверные сведения, не ставя перед собой задачи подробного освещения затронутого вопроса.

Более обстоятельной работой, содержащей в себе некоторый материал о процессе выращивания культурных растений и технике земледелия у горных таджиков Дарваза, является вышедшая уже в советское время работа П. А. Баранова и И. А. Райковой «Дарваз и его культурная растительность».[2] Но она написана под специальным ботаническим уклоном и приведенные в ней этнографические сведения также носят отрывочный характер. Единственной специальной статьей, посвященной интересующему нас вопросу, является статья Н. А. Кислякова «Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу».[3] Кроме этого, Н. А. Кисляков и в некоторых других своих работах дает богатый материал по различным вопросам земледелия таджиков бассейна р. Хингоу.

В настоящей главе мы остановимся на рассмотрении дореволюционной техники и различных приемов земледелия, которые, несомненно, свидетельствуют о многовековой культуре земледелия таджиков не только бассейна р. Хингоу, но и всего бывшего Дарвазского бекства.

1. Земледельческие орудия

Земледельческие орудия у таджиков бассейна р. Хингоу были весьма примитивны.

---

[1] Иванов Д. Л., Путешествие на Памир, стр. 242—245; Ванновский, Извлечение из отчета генерального штаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893 г., Сборник материалов по Азии, стр. 91—93; Гейер И. И., Указ. соч.; стр. 106—107; Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 51—54 и др.

[2] Баранов П. и Райкова И., Указ. соч., стр. 1—109 (по данному вопросу см. стр. 30—109).

[3] Кисляков Н. А., Указ. соч., стр. 108—125.

Путешествовавший в 1892 г. по Восточной Бухаре капитан Кузнецов писал: «Жители Дарваза занимаются исключительно хлебопашеством;... Земледельческие орудия самые первобытные — деревянный плуг и деревянная с железными гвоздями борона; пашут и боронят волами и лошадьми. Очень часто пашут и боронят особой киркой (килянд) руками — это на местах высоких, куда трудно взобраться даже волу».[1]

Капитан Кузнецов, по нашему мнению, ошибается, когда пишет о существовании деревянной бороны с железными гвоздями; таковой не знает никто из стариков Дарваза.[2] Как мы увидим дальше, борона обычно состояла из плетня-волокуши, сплетенного из молодых побегов деревьев.

Почти так же описывает орудия земледелия капитан Ванновский. «Земледельческие орудия, — пишет он, — самые примитивные: деревянная соха наподобие ферганской, но без железного наконечника; борону заменяет сноп сухого тальника; пашут и боронят волами, где позволяет размер пашни, но, по большей части, поля возделываются при помощи небольшой сердцевидной лопатки».[3]

Другой автор — И. И. Гейер, касаясь отдельных вопросов сельского хозяйства дарвазцев, подтверждая слова Ванновского, подчеркивает, что «в обиходе их (дарвазцев — М. Р.) очень мало орудий, а те, которыми они пользуются, самого примитивного устройства. Пашут деревянным плугом (омач), иногда даже без железного лемеха».[4]

А. А. Семенов, посетивший Каратегин и Дарваз в 1898 г., останавливаясь на описании ряда земледельческих приемов и орудий сельского хозяйства, также отмечает, что основным орудием для вспахивания полей является плуг. «Он деревянный и представляет собою как бы прототип нашей сохи: составляется либо из одного цельного куска дерева, по большей части из орехового, либо из двух кусков, с рукояткою для пахаря и длинным шестом, играющим роль дышла. В местностях, где развит железоделательный промысел, на одно или два деревянных острия плуга, смотря по устройству, насаживаются железные сошники (ноук)».[5]

Сообщение Ванновского и И. И. Гейера о том, что плуг существовал без железного наконечника, сомнительно; нашими материалами оно не подтверждается. Да и в условиях горного земледелия с каменистыми почвами плуг без железного наконечника не мог бы служить долгое время.

Кроме того, следует отметить, что Дарваз, находясь по соседству с Ванчем, всегда был обеспечен железом, хотя оно и было сравнительно дорогим. Из Ванчского железа изготовляли железные наконечники, называемые в Ванче и в Калаи Хумбе «новък», а в бассейне р. Хингоу — «оҳани чъфт». Ванчское население обеспечивало железом и железными изделиями не только себя и ближайших соседей, но также, путем обмена, и другие, более отдаленные от Ванча районы бывшего Дарвазского бекства и Каратегина.

Неясно также, что имеет в виду А. А. Семенов, говоря в приведенной выше цитате о «двух остриях плуга». По-видимому, здесь имеет место какое-то недоразумение.

Главнейшими орудиями земледельческого труда во всех районах бывшего Дарвазского бекства были деревянный плуг с железным нако-

---

[1] Кузнецов, Дарвоз, стр. 67—68.
[2] Сообщение Рустамова Гадо, Каримова Робиа и Махмадшарифова Махмада.
[3] Ванновский, Указ. соч., стр. 92—93.
[4] Гейер И. И., Указ. соч., стр. 107.
[5] Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 52.

нечником, мотыга, борона, деревянная лопата, серп, вилы и различные приспособления для перевозки и переноски урожая. Для ирригационных работ применялись еще бревно-рычаг, тесло, кирка и топор.

Остановимся подробнее на характеристике каждого орудия.

Плуг — «съпор», «испор», «сипор». Плуг до революции являлся основным пахотным орудием у всех народов Средней Азии, в том числе и у таджиков бассейна р. Хингоу. Основой его является большой вертикальный кол или остов—«гардани съпор» с изогнутой и заостренной нижней частью — «пеши съпор». Место сгиба называется «қъртъқи съпор». На конец «пеши съпор» («нуги съпор», «нули съпор» или «оҳан-хунаи съпор») надевается железный или, чаще, чугунный наконечник — лемех— «оҳани чъфт» (рис. 2). Вся эта основная часть плуга делается из одного цельного куска дерева и, собственно, она и называется «съпор» или «суфи съпор». В верхней части остова просверливается отверстие и в него под прямым углом к остову вставляется палочка, служащая ручкой — «мъштаи съпор» или «дъстаи съпор».

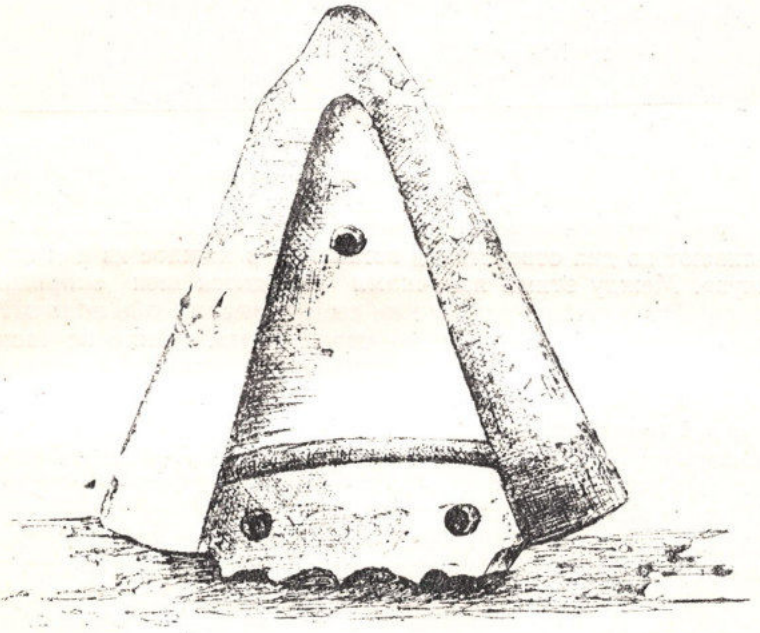

Рис. 2. Чугунный наконечник плуга—«оҳани чъфт».

Вторую часть плуга составляет обтесанное бревно — грядиль или дышло, которое прикрепляется в нижней части «гардани съпора», немного выше сгиба. Грядиль закрепляется в остове плуга в специально продолбленном отверстии — «чъшмъки съпор» или «хунаи тир». Выступающий на другой стороне остова конец грядиля называется «ғукак». В нем проделано отверстие, в которое вставляется палочка — «мардак» или «фуна», закрепляющая грядиль. Грядиль плуга называется «тири съпор» (рис. 3).

Третьей частью плуга является ярмо — «юғ», в которое впрягается пара волов — «ягчъфт», «чъфти гов». Оно состоит из длинного, 2,5 м, толстого бревна, посредине которого имеется утончение,

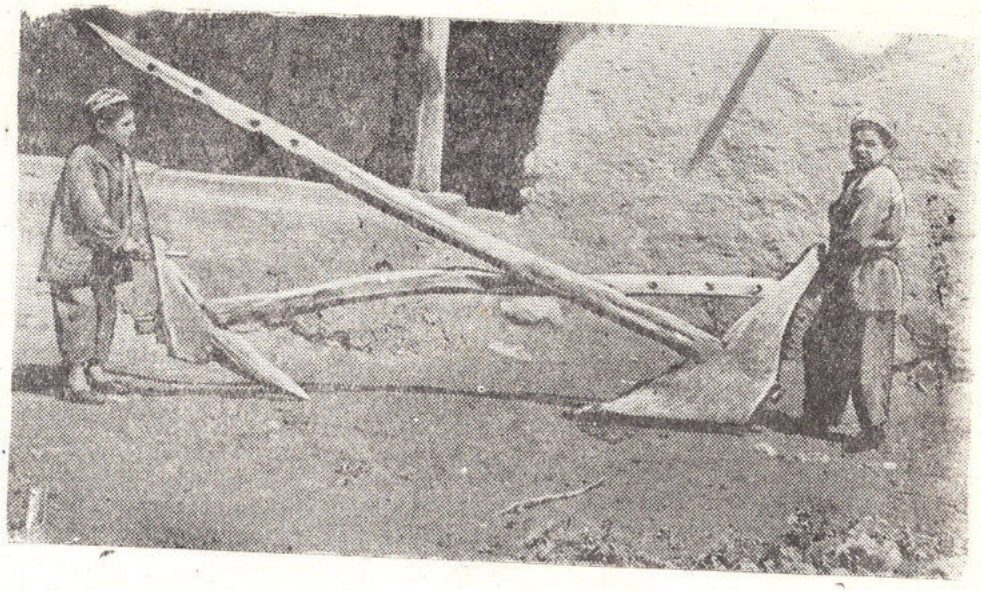

Рис. 3 Виды плуга—«съпор».

называемое «хунаи отанг» — «место отанга». На обоих концах бревна высверливают по два отверстия и вставляют в каждое из них палочку — «юғлолчув». Между этими палочками находится шея запряженного в ярмо вола. Для того, чтобы ярмо не соскальзывало, обе палочки связываются под шеей вола веревкой — «юғлолбанд». Часто на часть ярма между палочками привязывают снизу мягкий мех, чтобы ярмо не стирало и не ранило шеи волов.

Плуг и ярмо соединяются при помощи тяжа — «отанг» и обтесанной и отшлифованной палочки (втулки) — «пешкълӣ». «Отанг» свивают из трех молодых побегов — «шапа» ивы — «бед», акации — «съре», миндаля — «бодум» или, чаще всего, иргая — « ирғай», каждый из которых предварительно также скручивают.[1] Получившаяся веревка из ветвей, называемая «шапаи тофтагӣ», складывается вдвое, слабо перевивается (одним — двумя оборотами) и связывается в виде петли, которая легко разделяется на две (рис. 4). Эта раздвоенная петля набрасывается на ярмо в средней утонченной его части — «хунаи отанг» так, чтобы узел остался наверху, а петли свисали — одна впереди, а другая позади ярма. Взяв концы петель, их опять слегка скручивают и продевают через них конец дышла плуга, на котором имеется несколько отверстий — «шъкофи пешкълӣ». Отрегулировав длину дышла соответственно пришедшемуся перед ярмом отверстию — «шъкофи пешкълӣ», втыкают в горизонтальном положении палочку (втулку) — «пешкълӣ», которая препятствует концу дышла выскользнуть из петли во время движения и удерживает его на месте.

[1] До революции веревки, свитые из нескольких скрученных прутьев разных деревьев, применялись в сельском и домашнем хозяйстве горных таджиков чрезвычайно широко.

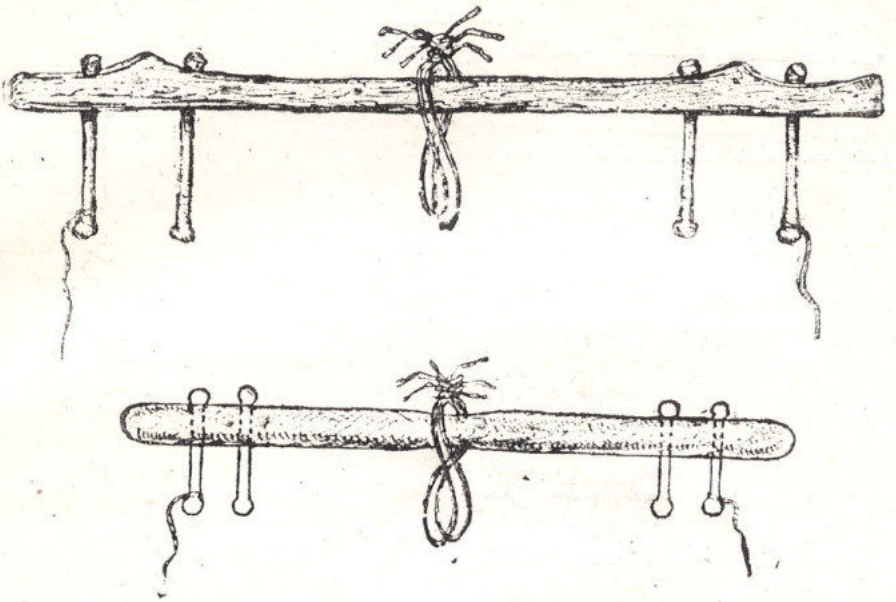

Рис. 4. Виды ярма—«юғ», снабженное отанг'ами.

Отверстия — «шъкофи пешкъли» имеют большое значение во время пахоты. Например, если участок пахотной земли расположен на более или менее крутом склоне, то для того, чтобы плуг входил в землю глубоко и разворачивал пласты земли, втулка вставляется в первое от конца отверстие грядиля. Наоборот, если поле представляет из себя ровное место, то для облегчения работы волов, втулка вставляется во второе или третье отверстия. При этом плуг входит в землю менее глубоко.

В бассейне р. Хингоу повсеместно существовали две разновидности плуга.

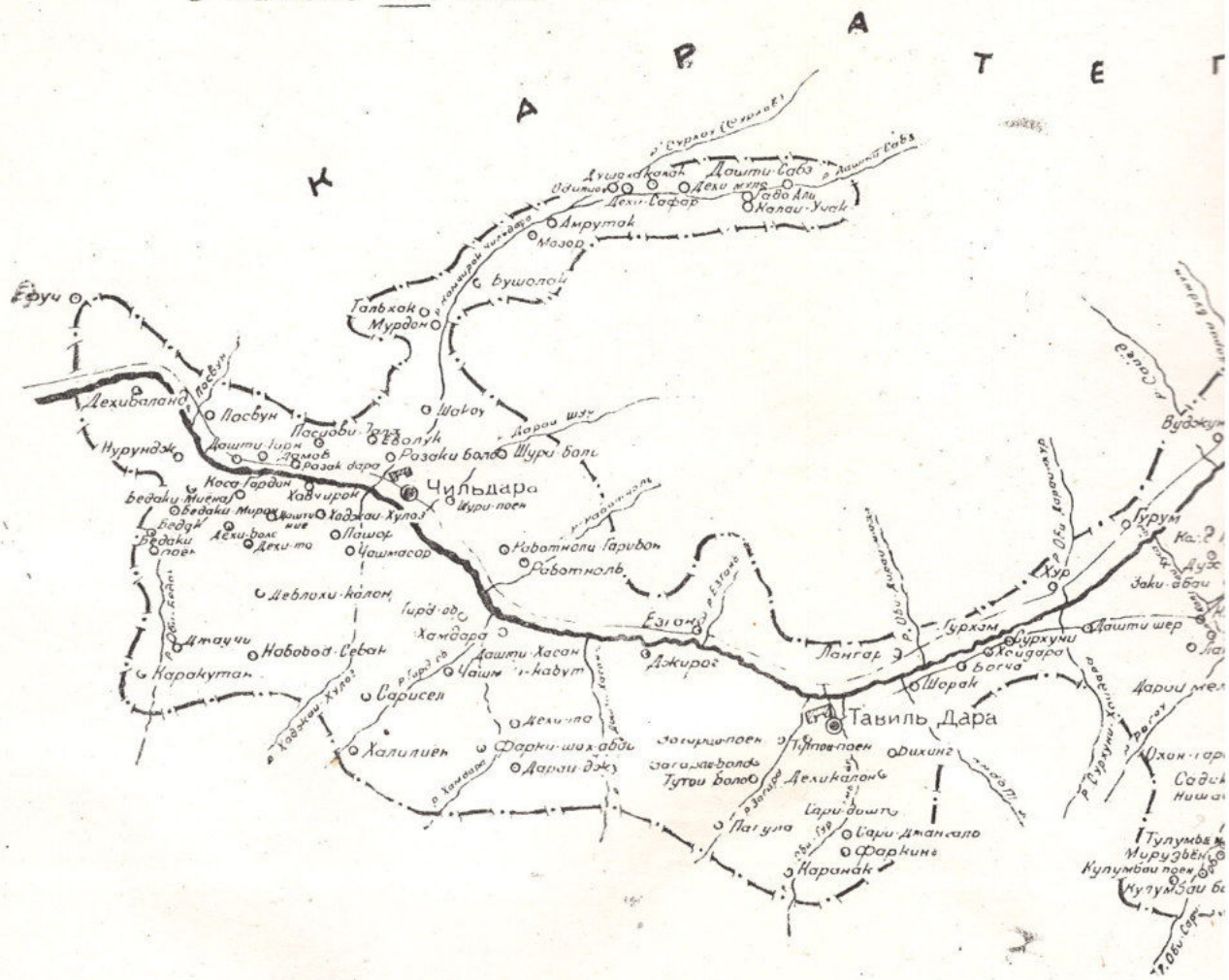
а) Большой плуг, применяемый на ровных местах и называемый «съпори дашт» или «съпори тахдашт». Он имеет высокую верхнюю часть — «гардани съпор», и ручка в нем расположена высоко, чтобы пахарь во время работы не нагибался к ней (рис. 5). При низкой ручке пахарь нагибается к плугу, и у него быстро начинает болеть спина.

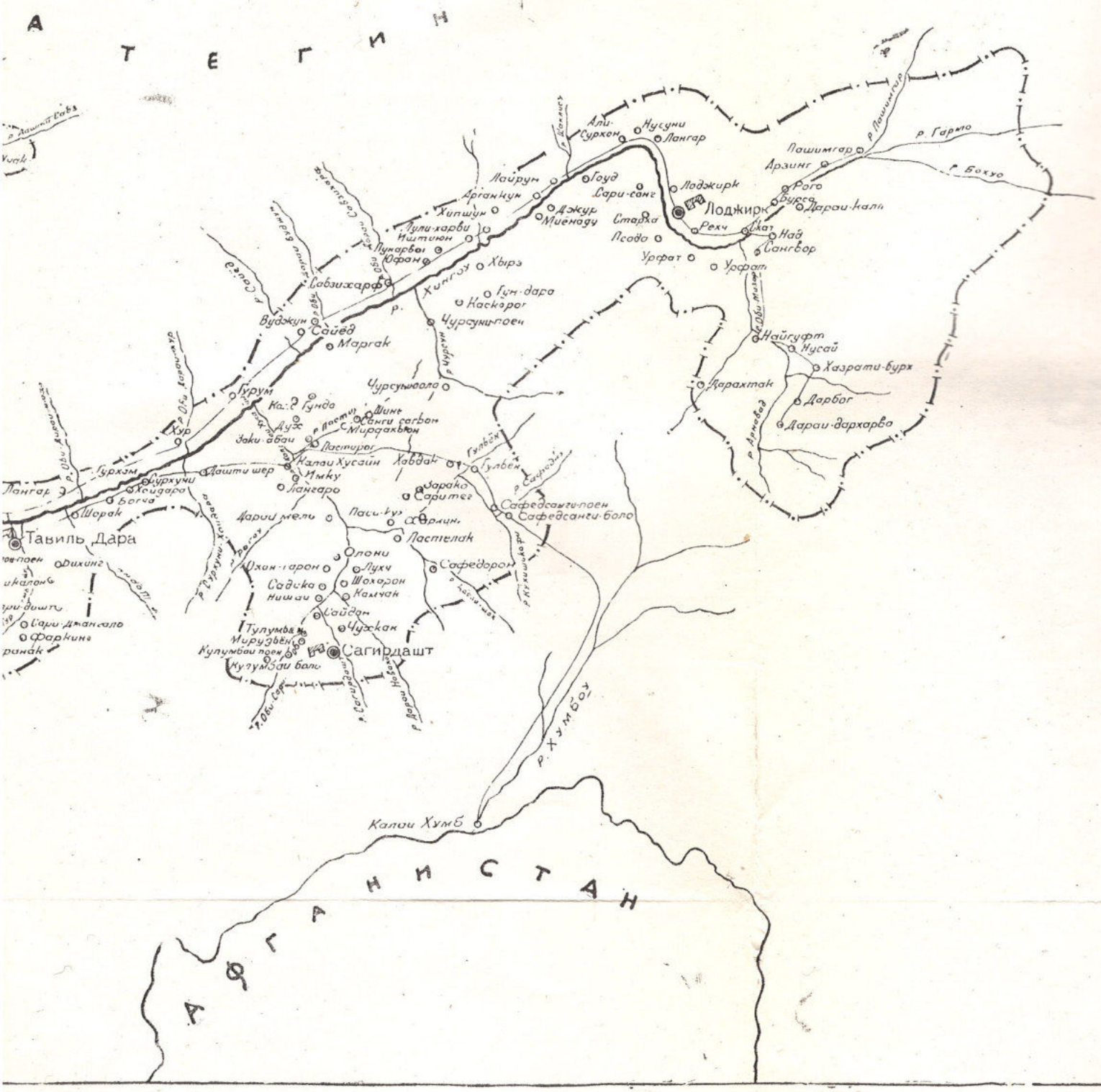
б) Малый плуг, предназначенный для пахоты на более или менее крутых склонах гор. Этот вид плуга называется «съпори бармол» или «съпори девол». Так как на склонах пахота производится снизу вверх и пахарь всегда идет на одну борозду ниже плуга, то в этом плуге «гардани съпор» делается значительно ниже, чтобы рука пахаря находилась на уровне ручки плуга (рис. 6).

Плуг горных таджиков, судя по имеющимся в литературе описаниям, очень сходен, а может быть, и совершенно тождествен с плугом равнинных таджиков, например, Самарканда и узбеков Ферганы.[1] Для

[1] См. Бродовский М. И., Заметки о земледелии в Самаркандском районе, «Туркестанские ведомости», 1872, № 12; Миддендорф А. Ф., Очерки Ферганской долины, СПб, 1882, стр. 227.

Схематическая
КАРТА
бассейна реки Хингоу
в начале XX века

Ефуч
Дехивалан
Посбун
Нурундж
Чильдара
Тавиль Дара
Шарак
Каранак
Фаркинь
Хур
Бургум
Ханкар
Джирог
Дехи-сафов
Мурдон
Мазор
Шарак
Пашор
Чашмасор
Хаджаи-Хулоз
Хамдара
Сарисеп
Халилиен
Фарки-шах-абди
Дарии-джу
Дехи-кала
Загирди-поен
Тутои-болоь
Дехикалонь
Пагула
Дихинг
Тулумбаи
Мирузбен
Кулумбаи-поен
Садык
Ниша
Дашти-Сабз
Дехи-жура
Чаво-Али
Халаи-Ушак
Дашти-Хасан
Чаши-кабут
Дашти-шер
Хейдара
Богча
Заки-абаи
Дарии-мел
Дарии-шур
Разаки-дара
Разаки-болоь
Шури-боли
Шури-поен
Хавчирок
Косагардон
Бедаки
Бедаки-Мирак
Дехи-боло
Дехи-то
Девлохи-калон
Новобод-Севат
Каракутан
Гирд-об
Разаки-Хулоз
Дашти-Лиан
Дамов
Посбун-Залу
Гевалук
Шабоу
Дарии-шур
Кохатнали-Гарибон
Кохатналь
Ханкар
Бургум
Дашти-шер
Хейдара
Богча
Шарак
Загирди-поен
Тутои-болоь
Дехикалонь
Дихинг
Фаркинь
Каранак
Пагула
Сари-дашт
Сари-Джангало
Тулумбаи-поен
Кулумбаи-Сари
Садык
Ниша
Дашти-Сабз
Дехи-жура
Чаво-Али
Халаи-Ушак
Дехи-сафов
Мурдон
Мазор
Бушолой
Посбун
Шабоу
Дарии-шур
Разаки-дара
Разаки-болоь
Шури-боли
Шури-поен
Хавчирок
Косагардон
Бедаки
Бедаки-Мирак
Дехи-боло
Дехи-то
Пашор
Чашмасор
Кохатнали-Гарибон
Кохатналь
Девлохи-калон
Гирд-об
Хамдара
Новобод-Севат
Каракутан
Дашти-Хасан
Чаши-кабут
Сарисеп
Халилиен
Фарки-шах-абди
Дарии-джу
Дехи-кала
Загирди-поен
Тутои-болоь
Дехикалонь
Пагула
Дихинг
Сари-дашт
Сари-Джангало
Фаркинь
Каранак

Лоджирк
Сагирдашт
Тавиль Дара
Калои Хумб
р. Хумбоу
Сайёд
Маргак
Чурсунгоен
Хипшун
Лайрун
Гоуд
Сари-санг
Старха
Псадо
Урфат
Рехч
Хат
Най
Сангвор
Пашимгар
Арзинг
Рого
Бурго
Дараи-хали
р. Гармо
р. Бохуо
Али-Сурхон
Нусуни
Лангар
Найгуфт
Нусай
Хазрати-бурх
Дарахтак
Дарбог
Дараи-дархарво
Гурум
Худжкун
Савзихарф
Хипгоу
Хырэ
Гун-дара
Каскэрог
Чурсунгоол
Шинк
Ханги сарбон
Мирдахъон
Пастиг
Пастирог
Калои Хусайн
Хавдак
Гулъён
Сафедсанги-поен
Сафедсанги-боло
Сафедарон
Ластелак
Олони
Лухч
Шохарон
Камчак
Чужкан
Тулумъён
Мирузъён
Кулумбаи поен
Кулумбаи боло
Дихинг
Сари-Джангало
Фаркинг
Ханги
Имку
Ланггаро
Шорак
Богча
Хур
Гурхум
Чурхуми
Хейдара
Дарии мель
Пасиёз
Ормин
Охан-гарон
Садика
Ниши
Сайдан
Ханги-Сарбон
Мирдахъон
Заки-абаи
Ханги-Сарбон
Пастиг
Дараи-Дарбог
Дараи-Дарахтак
Дараи-Дарбог
Дараи-Дархарво
Дараи-Нали
Дараи-Дархарво
Дараи-Нали
Дараи-Дарбог

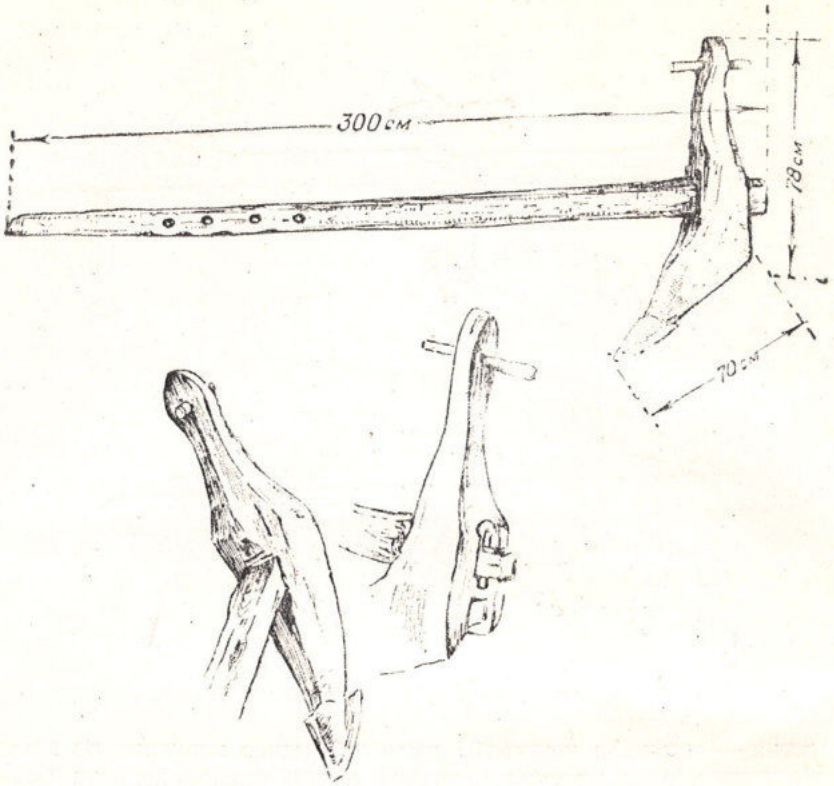

Рис. 5. Большой плуг — «спори тахдашт».

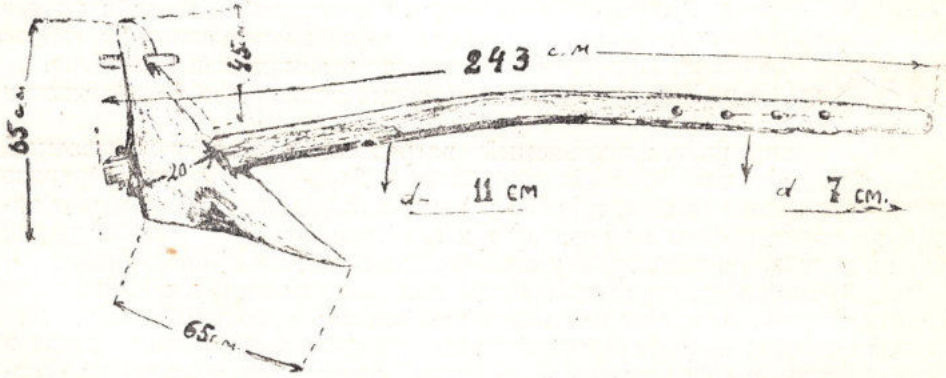

Рис. 6. Малый плуг — «съпори бармол».

выявления возможных локальных различий необходимо детальное и точное (с обмерами) сравнительное их изучение.

Этот тип плуга, по-видимому, являлся общим для многих народов Азии. Так, судя по описанию Г. Н. Потанина,[1] он имеет близкое сходство

1 См. Потанин Г. Н., Очерки Северо-Западной Монголии, СПб, 1876—1877, т. II, стр. 111.

с монгольской сохой, по описанию Н. М. Ядринцева,[1] — с алтайским андазыном и, по фотографии И. Клингена,[2] — с плугом народов Цейлона.

Мотыга — «къланд». В горном Таджикистане очень широко применялось и ручное копательное орудие — мотыга. Она состояла из двух частей — из куска железа сердцеобразной формы (рис. 7) длиной более 25 см и шириной 15 см и деревянной ручки длиной 1 м 25 см. По принципу своего устройства — насадка железного наконечника под прямым углом к ручке — мотыга горных таджиков напоминает равнинный кетмень, но железная часть ее имеет иную форму и гораздо меньше по размеру, чем в кетмене.

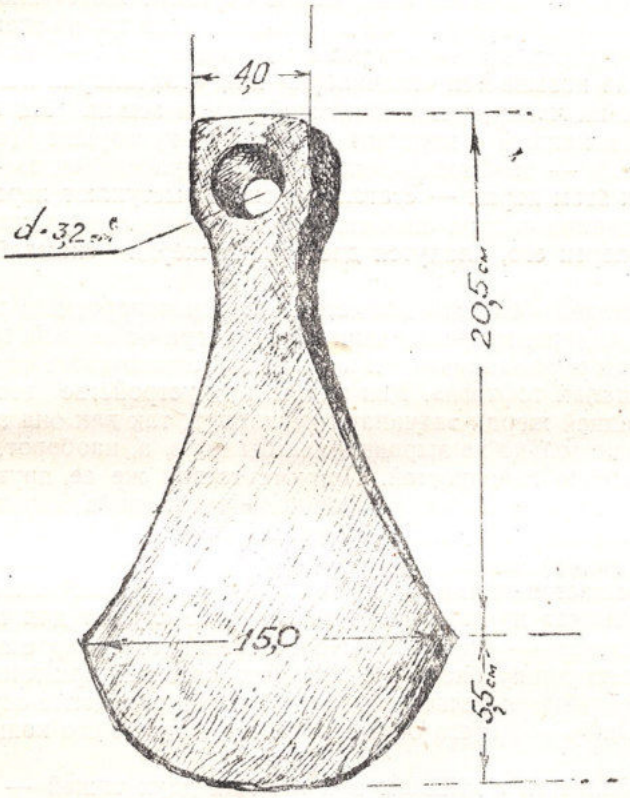

Рис. 7. Мотыга—«къланд».

Мотыга являлась одним из основных орудий сельского хозяйства. Во время пахоты ею вырубали корни растений, разбивали крупные комки земли — «пахса», разрыхляли участки поля, которые почему-либо не были вспаханы плугом. Бедные крестьяне, не имевшие собственных плугов, борон и рабочего скота, ручным способом обрабатывали небольшие клочки земли мотыгой. Такая обработка земли, напоминающая

[1] См. Ядринцев Н. М., Начало оседлости. Исследование по истории культуры Угро-алтайских племен, Литературный сб., СПб, 1885, стр. 157.

[2] См. Клинген И., Среди патриархов земледелия народов Ближнего и Дальнего Востока. СПб, 1889, ч. II, стр. 176 и рис. на стр. 116.

стадию мотыжного земледелия, называлась «къландӣ» — «мотыженье».

Мотыга употреблялась и при многих других хозяйственных и домашних работах, особенно при проведении и ремонте ирригационных сооружений, во время постройки домов и пр.

Борона в бассейне р. Хингоу, как и всюду в Южном Таджикистане представляла собой плетень-волокушу, называемый «чапар». Нами зафиксировано два вида чапара: а) чапар, служащий для выравнивания земли после пахоты и высева зерна и б) чапар для молотьбы, называемый «чапари хирманкувӣ», «чапари хъркувӣ», «чапари ғаллакувӣ» или «чапари говгардунӣ».

а) Чапари чъфт делается следующим образом. На землю кладется толстая жердь (обычно около 10 см в диаметре, если же из очень крепкого дерева, например клена — «зъранг» или иргая, то 7—8 см) длиной около метра. Она называется «таҳчапарӣ» или «таҳчапарии къlух майда кън», т. е. нижний чапар, размельчающий комья земли. На эту жердь укладывают выкопанный с корнями древесный кустарник («ангет» — облепиха, «зелол» — барбарис, «бъшол» — жимолость, «чуз» — шиповник и др.). При этом корни — «саҕал», «реша» выступают перед жердью и во время движения чапара размельчают большие комья земли. Поверх кустарника, поперек его, кладутся две тонкие жерди—«камалӣ» диаметром 5—6 см.

Одна из жердей «камалӣ» кладется спереди чапара, над тахчапари, а вторая сзади чапара, на расстоянии около метра от первой, параллельно ей. Обе жерди привязываются к кустарнику одиночными скрученными прутьями — «шапаи тофтагӣ». Как видим, при устройстве этого чапара снизу второй задней жерди тахчапари не кладут, так как она захватывала бы землю и не только не выравнивала бы поле, а, наоборот, способствовала образованию неровностей. При отсутствии же ее прутья привязанных к жерди тахчапари кустарников волочатся в виде большой метлы, размельчают оставшиеся комки земли и выравнивают поле.

Спереди к чапару, параллельно тахчапари, веревками из скрученных прутьев привязывается палка — «чуви почи хаша», или вместо нее — две петли — «hълқа» из прутьев. И то и другое служит для прикрепления чапара к дышлу — «кашак», которое соединяет чапар с ярмом.

Дышло имеет длину около 1,5 маховых саженей при диаметре 8—10 см. Дышло стараются делать подлиннее, чтобы оно могло служить, даже если какой-либо конец его обломается. На толстом его конце есть отверстие.

Чапар соединяется с дышлом при помощи двух тяжей — «почи ха-

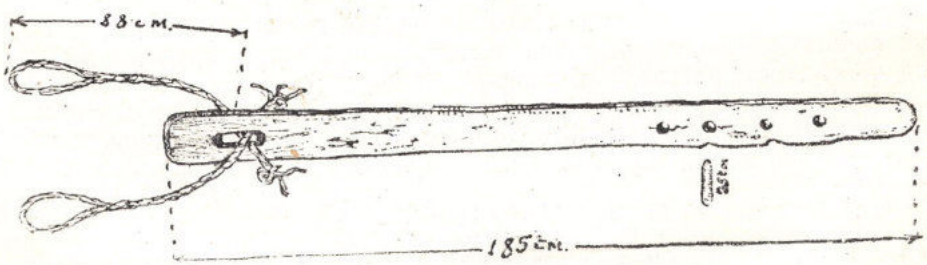

Рис. 8. Дышло или оглобля—«кашак», снабженное тяжами—«почи хаша».

ша» с глухими петлями на одном из концов (рис. 8). Петли накидываются на концы привязанной перед чапаром палки—«чуви почи хаша», свободные же концы тяжей пропускают над веревками, прикрепляющими палку — «чуви почи хаша» к чапару, а затем под этой палкой и, наконец, продевают навстречу друг другу в отверстие, сделанное в нижнем конце дышла (рис. 9). На продетых через отверстие дышла концах тяжей завязывают узлы, которые не дают им выскользнуть из дышла при натягивании.

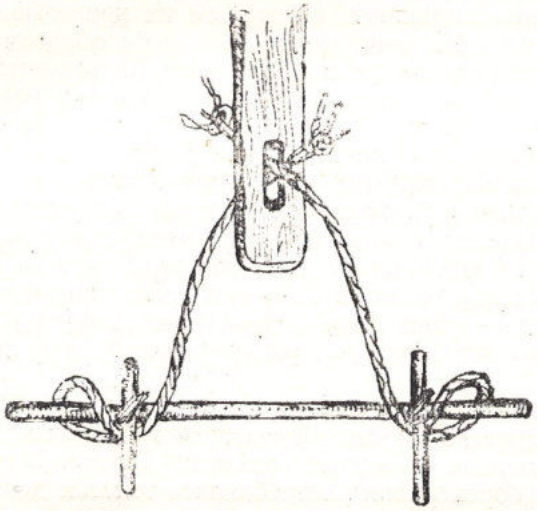

Рис. 9. Способ присоединения дышла при помощи тяжей к бороне-волокуше.

Если у чапара нет палки — «чуви почи хаша», то глухие петли на концах тяжей пропускают в петли, привязанные к тахчапари, а в петли тяжей втыкают палочки — «чувак», чтобы петли тяжей не могли выскользнуть из петель чапара (рис. 10).

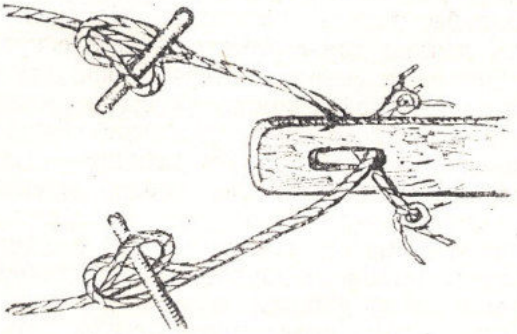

Рис. 10. Способ присоединения дышла при помощи тяжей к бороне-волокуше.

На тонком переднем конце оглобли, как и на конце грядиля у плуга, имеется несколько отверстий — «шъкофи», которые позволяют удлинять или укорачивать дышло, чтобы чапар или чигина были на достаточном расстоянии от волов и во время работы не били их по ногам.

б) Чапари хирманкувӣ делают несколько иначе. На земле укладываются два тахчапари. Переднее из них уже не жердь, а целое бревно диаметром 11—12 см и длиной 3,5—4 м. Оно называется «пешчапарӣ», т. е. «передний чапар». На расстоянии около 1 м от пешчапарӣ, параллельно ему, кладется жердь диаметром около 5 см. Это пасчапарӣ — задний чапар. В бревне пешчапари просверливают сбоку несколько сквозных отверстий. Через эти отверстия пропускают концы длинных скрученных прутьев — «шапаи тофтагӣ». Вторые концы этих прутьев проходят над пасчапари, к которым их привязывают другими скрученными побегами. На прикрепленные таким образом к пешчапари и пасчапари прутья укладывают поперек, параллельно пешчапари, различный кустарник (главным образом миндаль и иргай), срубленный без корней. При этом концы стволов их обращены к краям чапара, а верхушки—к середине. Уложив кустарник, на него кладут две жерди—«ручапарӣ», параллельно лежащим внизу тахчапари, а затем загибают и связывают наверху выпущенные длинные концы лежащих под кустарником прутьев. Для прочности иногда пропускают сверху, переплетая связанные прутья, еще один прут. Перед этим чапаром также привязывают недлинную палку (около 1 м) —«чуви почи хаша», на концы которой надевают петли — «почи хаша», соединяющие чапар с дышлом.

Ярмо для обоих видов чапара употребляется такое же, как и для плуга.

Описанный нами плетень — «чапари чъфт» употреблялся для боронования в большинстве горных и предгорных районов Южного Таджикистана. В равнинных северных районах Ленинабадской области вместо чапара для бороновавия употреблялась толстая доска — «мола».

При обмолоте в северных равнинных районах, как и в горных районах, употребляется плетень-волокуша, который, однако, здесь носит название «вал».[1]

Деревянная лопата — «кърчак». До революции деревянная лопата была одним из наиболее распространенных и употребительных в сельском и домашнем хозяйстве орудий. Она состояла из лопасти в виде плоской прямоугольной доски—«кърчак» и из деревянной ручки—«дъста» длиной свыше 1 м (рис. 11). В зависимости от назначения деревянные лопаты делались разной величины. Самыми большими, до 50×30 см, делались лопаты для сгребания снега с крыш и расчистки дорог от снега; их называли «кърчаки барфрувӣ». Для прочих работ (выбирания грунта при постройке домов, проведения канав на полях при орошении полей, для выбирания навоза из хлевов, веяния обмолоченного зерна и пр.) деревянные лопаты делались меньше — до 25—30×20 см.

Деревянные лопаты изготовляли (из любого дерева) специальные мастера — «устои кърчактърош». Часто мастера делали лопаты из своего материала и меняли их на зерно. Одна лопата в зависимости от размера, качества и спроса стоила от двух до четырех тюбетеек зерна.

Так как одному человеку работать с лопатой было трудно, то во время выбирания грунта при проведении арыков или при постройке дома применялся способ наволакивания — «полаккашӣ».[2] В таком слу-

[1] Следы этого названия нами встречены в Каратегине, где переднее «чапари» называется не «пешчапари», как в бассейне р. Хингоу, а «пешвал», хотя вся волокуша в целом называется так, как и в долине р. Хингоу — «чапар».

[2] О применении способа наволакивания при прокладывании лопатой оросительных канав на поле упоминает Н. А. Кисляков (Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 116).

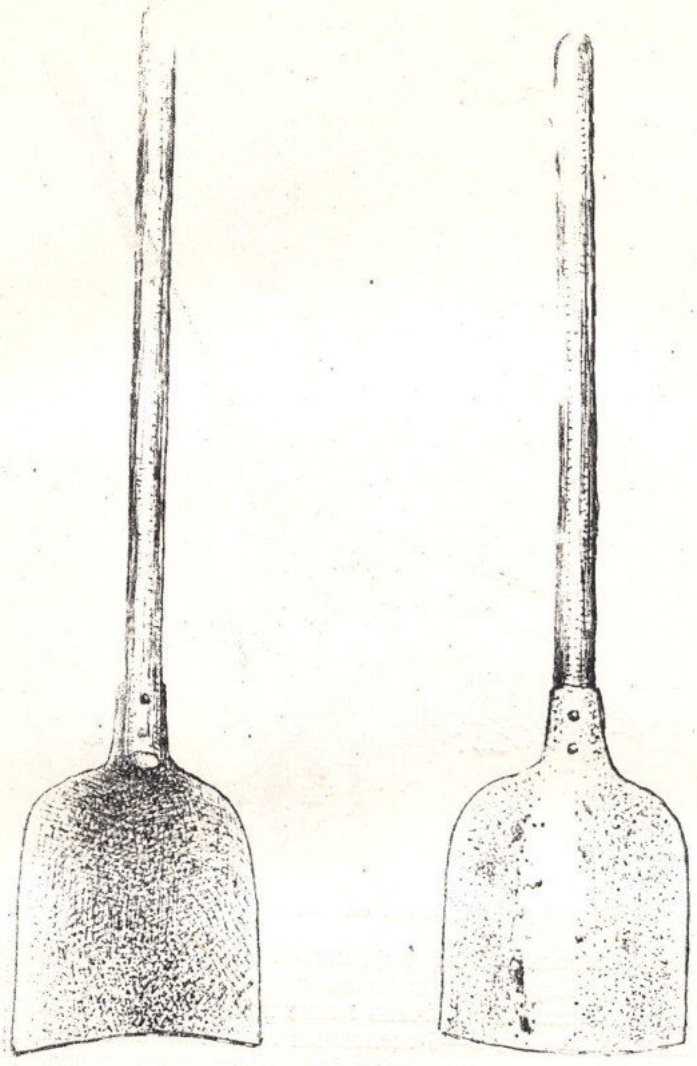

Рис. 11. Деревянная лопата для веяния — «кърчаки бодкъни».

чае работа выполнялась обычно двумя-тремя человеками. К нижней части лопаты, над самой лопастью, привязывали веревку — «банд», оставляя два длинных конца (рис. 12). Два человека брались за концы веревки, а третий держал лопату. Он втыкал ее в предварительно вскопанную мотыгой землю, а двое других тянули лопату веревкой к себе и выбрасывали землю в сторону. Иногда работали только двое, один из них держал лопату, а другой — оба конца веревки.[1]

Железная лопата — «бел». В конце XIX и начале XX веков железных лопат в бассейне р. Хингоу было очень мало. Чаще всего это

[1] Такой же способ со сходным названием «палкаши» применяется при полевых работах в Афганистане, но там вместо лопаты употребляется орудие в форме железного совка (Вавилов Н. Н. и Букинич Д. Д., Земледельческий Афганистан, Л., 1929, стр. 168—169).

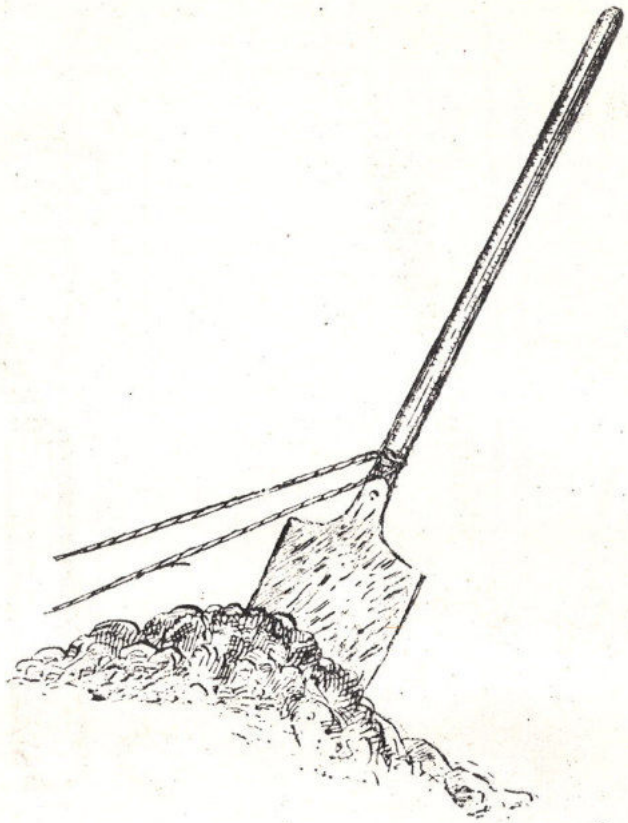

Рис. 12. Схема работы лопатой способом наволакивания—«полаккаш».

были лопаты, приносимые из Ферганской долины, куда крестьяне ходили на заработки. Изредка делали лопаты и местные кузнецы. Лопаты местного изготовления были очень малы и назывались «белча». В одном селении было не больше 5—6 железных лопат. Они постоянно были в работе, потому что не имевшие лопат брали их у владельцев во временное пользование.

В настоящее время железная лопата распространилась в долине р. Хингоу очень широко и в сельскохозяйственных работах в значительной степени вытеснила деревянную лопату.

Серп — «дос» или «дост». Серп представляет собой выгнутое железное лезвие — «дам» без зубцов, насаженное на короткую деревянную рукоятку — «дъмча» или «дъста». Серпы были двух видов: большой, предназначенный для жатвы хлебов и трав, называемый «доси галладъравй», «доси кахдъравй» или «доси лъмб» (рис. 13), и маленький «досча», при помощи которого пропалывали хлеба и рубили кустарник и ветки на топливо, на устройство заборов из кустарника с колючками для огородов и т. д. (рис. 14). Маленький серп также употреблялся при скирдовании сжатых хлебов и трав. Во время перевозки снопов с поля на гумно возчик — «чъгинакаш» всегда брал с собой маленький серп, при-

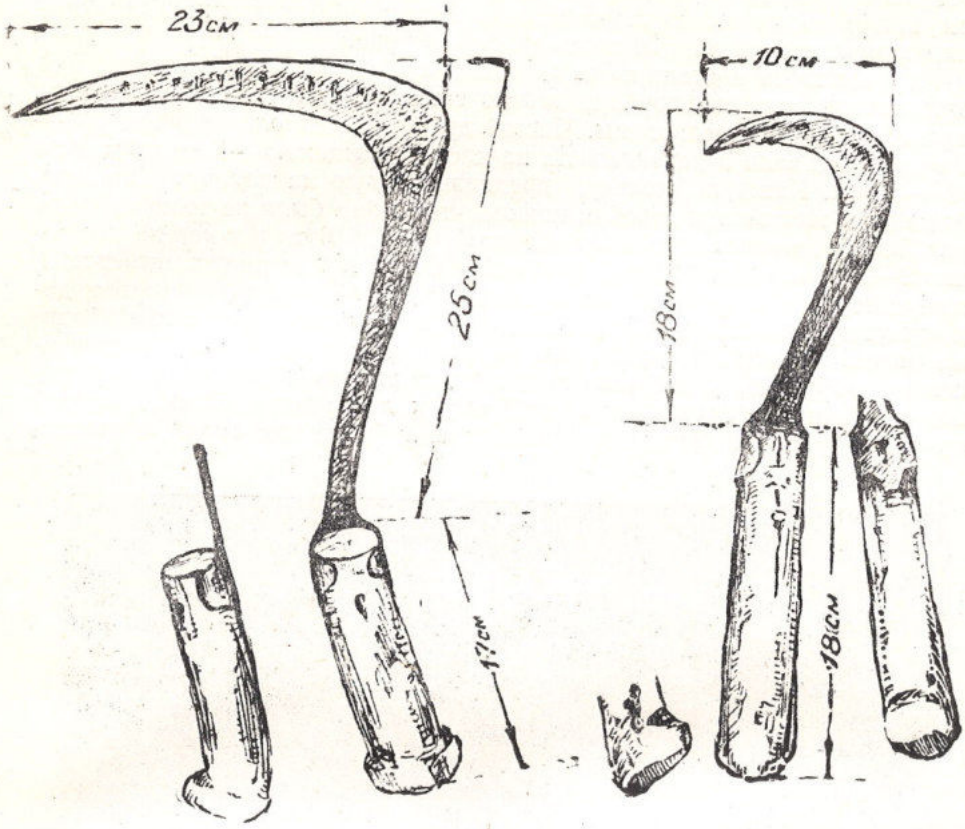

Рис. 13. Серп для жатвы и сенокошения—«доси ғалладъравй».

Рис. 14. Серп для вырубания мелкого кустарника—«досча».

крепляя его за поясом на спине или на веревке, привязанной спереди у саней-волокуш. В случае, если у волокуш обрывался тяж, возчик срубал маленьким серпом молодые побеги деревьев и, скрутив их, приготовлял новый тяж. Кроме того, большие серпы различались своей величиной в зависимости от роста и силы жнеца.

Оба вида серпа могли изготовить местные кузнецы, но чаще всего их привозили из Ферганской долины, приобретая во время отходничества. В бассейне р. Хингоу население предпочитало кокандский серп за хорошую выделку и красивую форму.

Деревянные вилы — «шохин». Деревянные вилы по своему назначению были разнородными.

1. «Дъ шох» — двузубые вилы. Они состояли из одной тонкой жерди (диаметром в 3 см, длиною больше 1 м) с развилкой на конце (длиною 25—30 см). Употреблялись эти вилы во время скирдования снопов и тогда, когда снопы брали из скирда для просушки на току. Кроме того, двузубыми вилами переворачивали на гумне снопы при молотьбе.

2. «Се шох» — трехзубые вилы. Они состояли из одной жерди с тремя развилками на конце (длиною 30—35 см), их употребляли, когда

наполняли мякиной или разгружали корзину волокуши — «чавра» (см. ниже) во время перевозки мякины с гумна в помещение для хранения соломы, если оно находилось далеко от тока.

3. «Чор шох» и «панҷ шох» — четырехзубые и пятизубые вилы. Для изготовления этих вил срубали дерево самых твердых пород — клена, березы, ореха или шелковицы. Часть древесного ствола длиною 50 — 60 см распиливали и раскалывали на части толщиною в 5 см и длиною в 25—30 см. Каждую дольку, предназначенную на палочку для вил, обтесывали теслом или скребли ножом, чтобы она была не толще пальца руки. Затем приготовляли дощечку размером 5×10 см и в ней на расстоянии 2—3 см одно от другого пробивали 4 или 5 маленьких отверстий, через которые пропускали палочки вил так, чтобы по одну сторону дощечки выступали длинные концы палочек, а с другой — короткие. Длинные концы палочек, пропущенных через отверстия дощечек, располагались веерообразно, а короткие связывались вместе и крепко привязывались скрученными молодыми побегами к деревянной ручке длиной около 1 м (рис. 15). Затем положив вилы зубьями над ямкой, выкопан-

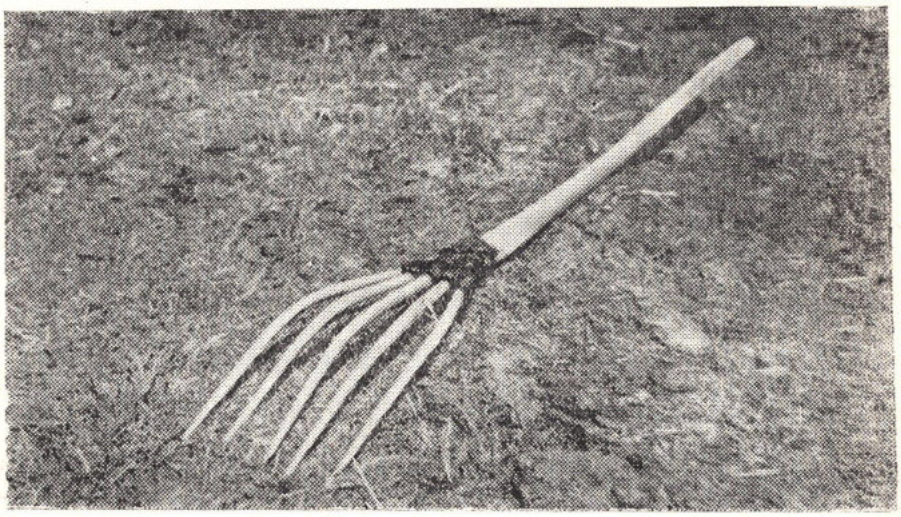

Рис. 15. Деревянные вилы для веяния – панҷ шох.

ной в земле, придавливали камнем или каким-либо другим тяжелым предметом. От этого зубья получали немного согнутую форму. Их оставляли так лежать в течение суток, после чего вилы были готовы для употребления. Четырех- и пятизубые вилы предназначались для веяния обмолоченного хлеба.

Общим названием для всех вил было «шохин» — рогатый. Деревянные вилы делались обычно каждым крестьянином для себя; изредка покупали их у профессиональных мастеров.

Необходимо отметить, что до революции совершенно отсутствовали железные вилы — «чоршохи (панҷшохи) оҳанӣ». Они появились здесь только в 20-х годах текущего столетия. При этом первоначально население под влиянием духовенства не пользовалось ими, считая, что они не

являются орудиями «деда-земледельца», что применение их в сельском хозяйстве принесет несчастье и беду. В настоящее время деревянные вилы вытеснены железными.

Сани-волокуши — «чъгина». До революции в горных районах Таджикистана, вследствие отсутствия удобных путей сообщения, не было колесного транспорта. Основным перевозочным средством в описываемом нами бассейне р. Хингоу, а также и в соседних районах бывших горных бекств Дарваза, Каратегина, Куляба, Бальджуана, являлись сани-волокуши, называемые в этих местностях «чъгина» или «чигина». Саней-волокуш не было в Южном Дарвазе, где скалистые склоны гор не позволяли использовать даже такое перевозочное средство.

Чигина подробно описана Н. А. Кисляковым.[1] Основанием чигины служат два деревянных полоза — «қушқорак» или «қъшқорак», заравненные снизу, а впереди имеющие выгиб кверху. Если под рукой нет достаточно длинной балки для полоза, то последний делают из двух кусков дерева (рис. 16). Оба полоза соединяются двумя поперечными

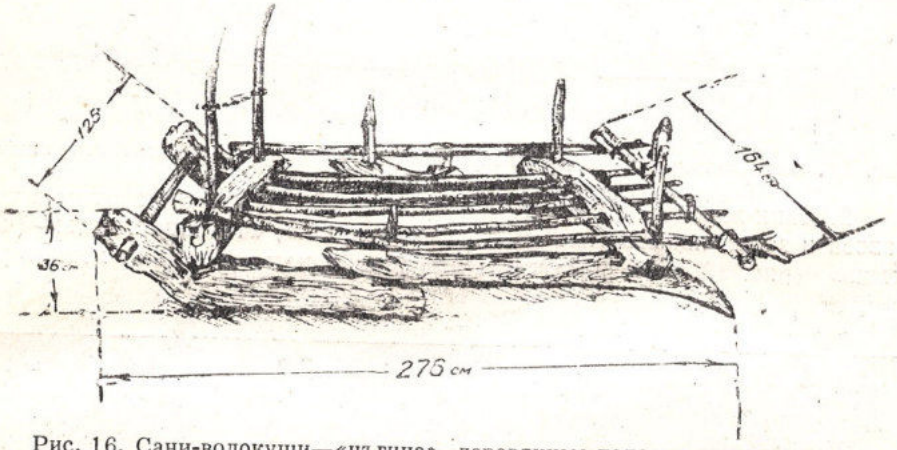

Рис. 16. Сани-волокуши—«чъгина», деревянные полозья которых составлены из двух кусков дерева.

деревянными обрубками — «болъштак» или «болиштак». Кушкорак и болиштак, таким образом, составляют основу чигины. В местах скрещений они соединены вертикальными стойками — «поя», для чего в болиштаках делаются сквозные отверстия, а в кушкораках—пазы. Поверх остова устраивается настил из жердей — «равчув», которые пропускаются в отверстия, сделанные в обоих болиштаках; две крайние жерди прикрепляются поверх болиштаков, образуя как бы борта чигины. Две другие жерди прикрепляются поперек спереди и сзади чигины; первая «биникаш» или «бъникаш» продевается в отверстия, сделанные в передней загнутой части кушкораков, а вторая прикрепляется поверх равчувов у конца чигины и носит название «пасбанд», «пасравчувй» или же «думравчувй».

В бассейне р. Хингоу существовало три вида саней-волокуш.

1. Описанные выше сани-волокуши, употреблявшиеся для перевозки сжатых хлебов и трав — «чъгинаи ғаллакашӣ» или «чъгинаи каҳкашӣ» (рис. 17).

[1] Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 121.

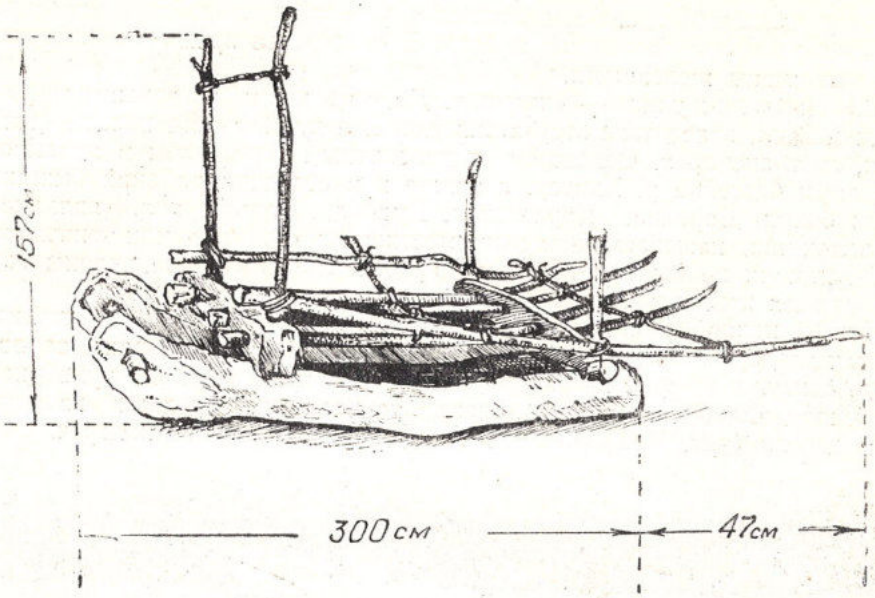

Рис. 17. Сани-волокуши для перевозки сжатых снопов—«чъгинаи ғаллакашӣ».

2. Сани-волокуши для перевозки камней, мешков с зерном с тока, навоза и золы, называемые «чъгинаи сангкашӣ», «чъгинаи гандъм (ҷав) кашӣ» (рис. 18 и 19), «чъгинаи порукашӣ» или «чъгинаи хокистарка-

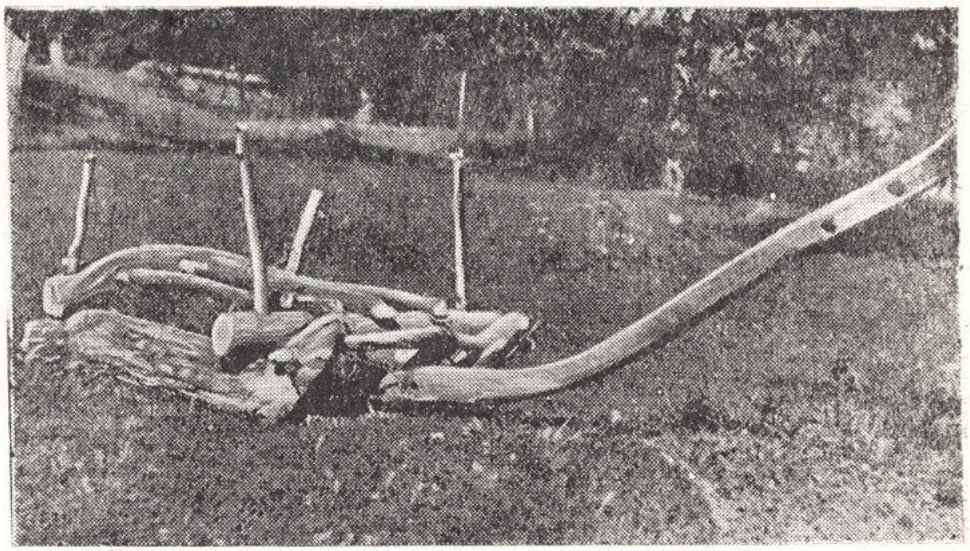

Рис. 18. Сани-волокуши для перевозки камней, мешков зерна и пр.— «чъгинаи сангкашӣ», «чъгинаи гандъмкашӣ».

Рис. 19. Перевозка мешков с зерном на санях—«чъгинаи гандъмкашй».

ший» (рис. 20). Этот вид чигины имел квадратную (а не прямоугольную) форму и по размеру был меньше, чем вышеописанный, но деревянные полозья здесь делались толще, чем у первого вида.

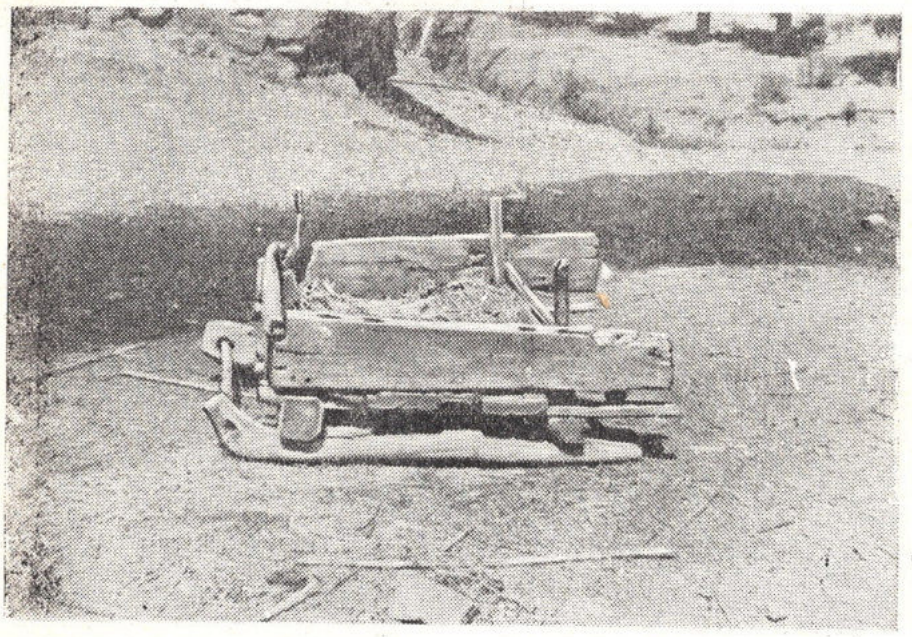

Рис. 20. Сани-волокуши для перевозки удобрения—«чъгинаи порукашй».

3. Сани-волокуши, служащие для перевозки мякины с гумна в помещение для хранения соломы — «каҳду» или «каҳдун», называемые «чавра» или «беза». Отличие «чавра» или «беза» от других саней-волокуш состоит в том, что на них ставится корзина, сплетенная из молодых побегов ивы, прикрепленная к основанию чигины (рис. 21, 22 и 23).

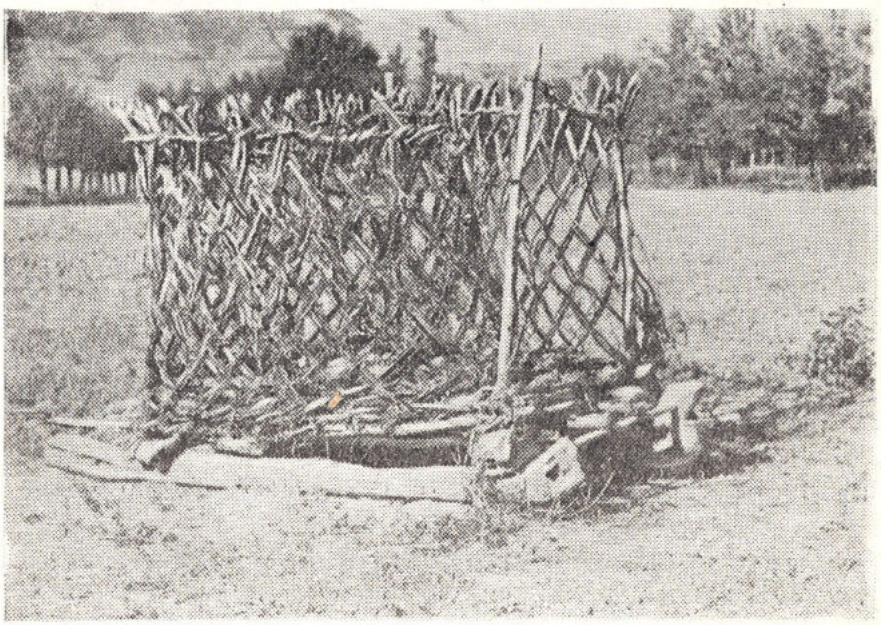

Рис. 21. Сани-волокуши для перевозки мякины — «чавра, беза».

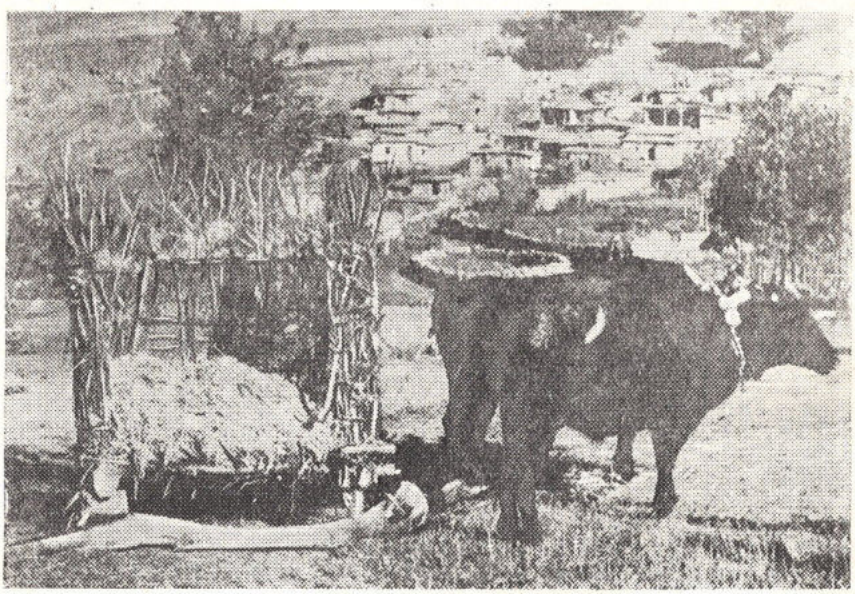

Рис. 22. Перевозка мякины на санях — «чавра».

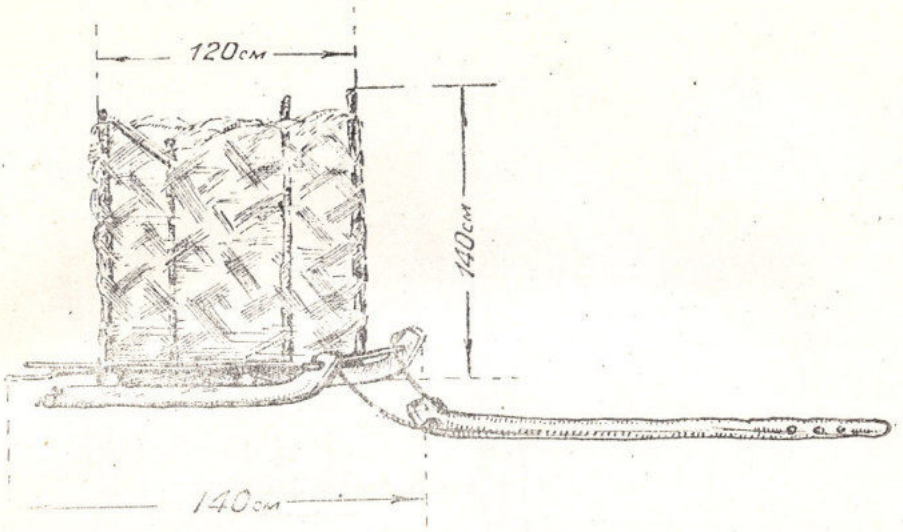

Рис. 23. Схематический чертеж саней—«чавра».

Задняя или боковая часть этой корзины прикрывается щитом, наглухо не закрепленным. Его снимают и начинают наполнять корзину саманом. Когда корзина наполовину наполнена, ее закрывают щитом и закрепляют его, после чего наполнение корзины саманом или мякиной идет через верх.

Приспособление для переноски — «сих». В условиях горной местности часто даже сани-волокуши не могли пройти к посевным и сенокосным участкам. Тогда людям приходилось переносить снопы на ток на себе. Для переноски снопов хлеба или сена существовало приспособление—«сих». Это длинная (около 2 м) палка с заостренным концом. В нижней утолщенной части ее вырезана круглая выемка — «ангъртак» для веревки. Длинная веревка, свитая обычно из козьей шерсти, привязывалась к палке так, что один ее конец образовывал петлю — «кашък» длиной около 1 м, а второй конец длиной больше 1,5 м оставался свободным (рис. 24). Крестьянин ставил сих вертикально и нанизывал на него 3 снопа; еще 3 снопа он укладывал один на другой рядом с сихом. Затем он поднимал веревочную петлю и концом ее обвивал сих, чтобы раздвоенная петля образовала спереди ноши лямки, в которые он продевал руки, а конец петли приходился у него над плечом и он мог держать его рукой при переноске. Конец петли оставался незавязанным, и его держали рукой для того, чтобы, в случае падения с кручи с ношей, человек мог, выпустив из руки конец петли, сразу распустить всю ношу и избавиться от нее. Прижав положенный на снопах конец петли, крестьянин нанизывал на сих еще от 7 до 10 снопов. После этого он поднимал лежащий на земле, с внешней стороны ноши, конец веревки и, прижав им снопы, положенные внизу сиха рядом с нанизанными, завязывал его наверху сиха.

Таким образом, ноша была готова. Человек подходил к ней, вдевал руки в лямки, образованные петлей, брал рукой петли — «сари хълкаи кашък», выступавшие над его плечом, и двигался в путь.

Остается сказать еще об орудиях, применявшихся при проведении оросительных каналов, при постройке домов, для удаления больших камней, а также для вырубания корней и пр.

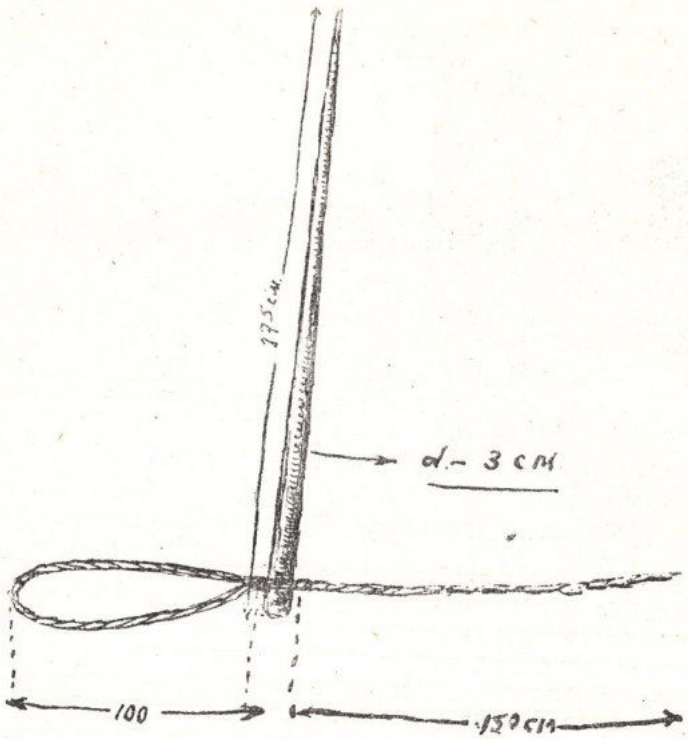

Рис. 24. Приспособление для переноски снопов—«сих».

Помимо мотыги и лопаты (раньше деревянной, после революции железной) при этих работах необходимы были кирка, тесло и лом.

Кирка — «зоғнул», «каноч» или «ръында». До революции кирки изготовляли обычно местные кузнецы. Чаще кирки делались с одним концом, реже — с двумя и были очень маленькими. При советской власти стали завозить и хорошие большие кирки заводского изготовления.

Тесло — «теша». Теша является очень широко распространенным по всей Средней Азии орудием, которое представляет собою небольшое прямое лезвие, насаженное на рукоятку под углом (рис. 25). Она употреблялась и употребляется при изготовлении всяких изделий и орудий из дерева. При проведении и ремонте каналов она употребляется для вырубания корней и прочих мелких работ.

Топор — «тавар». Топор гораздо больше теши, но лезвие его прикреплялось, как и у русского топора, вдоль ручки, а не под углом к ней. Раньше топоры делались всегда местными кузнецами. Теперь они нередко покупаются в магазине, но никогда не употребляются в дело в таком виде, а всегда отдаются местным кузнецам, которые немного переделывают их, придавая им привычную форму — более длинную и узкую.

Бревно-рычаг — «орам». До революции горные таджики употребляли только деревянный рычаг — «орами чувй». Он состоял из толстого бревна твердого дерева с заостренным концом. Его употребляли главным образом для удаления больших камней с места, на котором

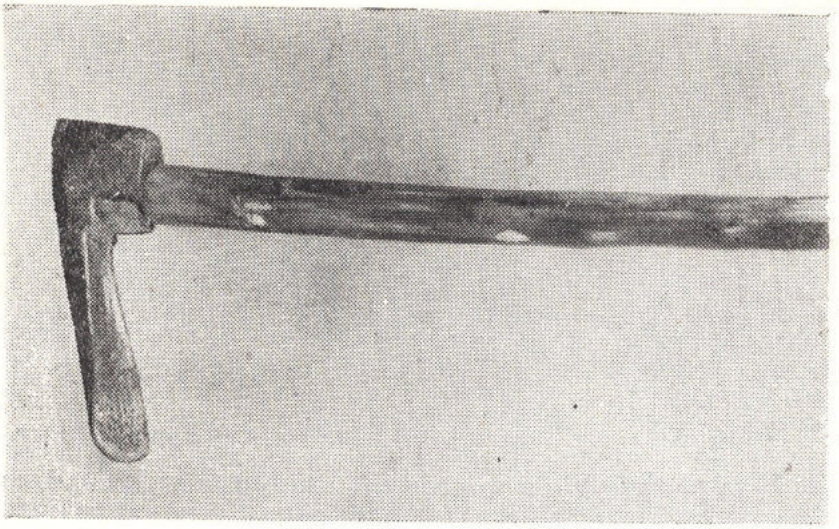

Рис. 25. Тесло—«теша».

строился дом, или с трассы оросительного канала. Прежде всего киркой разрыхляли землю вокруг камня, затем подводили под камень заостренный конец орама, а под середину его клали небольшой камень. Несколько человек надавливали на свободный конец рычага и, действуя таким образом, сдвигали камень с места (рис. 26). Если камень бывал очень

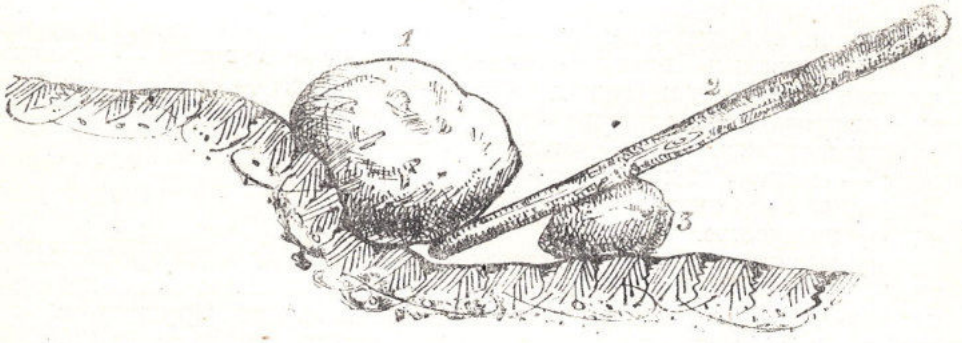

Рис. 26. Удаление камня с дна канала при помощи бревна-рычага—«орами чувй». 1. камень, 2. бревно-рычаг, 3. камень под орамом.

велик, то его еще обвязывали кругом шерстяной веревкой и несколько человек, взявшись за концы веревки, тянули камень к себе, а остальные в это же время с другой стороны поднимали камень орамом (рис. 27).

Почти все перечисленные орудия изготовлялись каждым для себя. Специальные мастера делали только остов плуга, да кузнецы изготовляли железные части всех орудий.

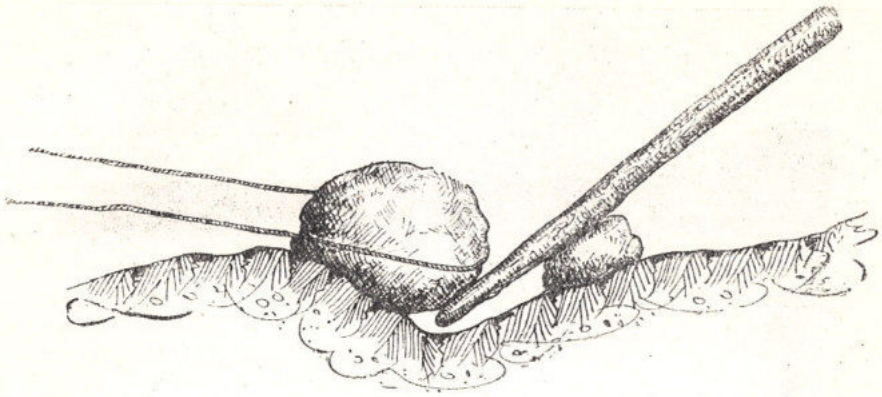

Рис. 27. Удаление камня с дна канала при помощи бревна-рычага и веревки.

Подводя краткие итоги сказанному, необходимо отметить, что в целом большая часть орудий носила своеобразный и весьма примитивный характер. Это относится, в первую очередь, к плугу, который не имеет отвала и при огромной затрате движущей силы только рыхлит землю, полностью не переворачивая пласта земли. С другой стороны, нельзя не отметить, что эти орудия на многие века оказались максимально приспособленными к условиям высокогорных районов. Об их положительных свойствах свидетельствует тот факт, что многие из них не вышли из употребления и до настоящего времени.

2. Сельскохозяйственные культуры

Основными культурами, возделываемыми в бассейне р. Хингоу до революции, являлись пшеница — «гандъм» и ячмень — «чав». Из других злаков высевались просо — «арзън»,[1] итальянское просо — «къноқ», а также в очень ограниченном количестве кукуруза — «чъгорй», которая культивировалась в качестве огородного растения. Из бобовых растений культивировались чина — «мълкак», «мъшънг»; горох — «нахът», чечевица — «наск», бобы — «бокле», гамук — «гомък» и фасоль — «лубй». Последняя выращивалась только на огородах, притом в очень ограниченном количестве.

Из масличных культур засевали лен — «зъгер», а из кормовых трав — только люцерну — «ръшқа», которая занимала очень незначительные площади, преимущественно в садах между фруктовыми деревьями и лишь изредка на отдельных участках, недалеко от жилого помещения.

---

[1] Среди таджиков бассейна р. Хингоу существует легенда о том, что пророк Мухаммад во время войны с неверными оказался со своими войсками в какой-то степи без провианта. Он приказал воинам, чтобы они набрали в мешки песка и нагрузили его на коней. Когда они ехали с этим грузом, встречавшиеся люди спрашивали: «О Мухаммад, что вы везете?» Он отвечал: «Арзонй—«дешевое». Через некоторое время люди остановились на привал. Мухаммад приказал им открыть мешки, и они увидели, что песок превратился в просо. С тех пор якобы появилось просо, называемое «арзан».

Бобовые культивировались почти везде. По нашим сведениям, почти не было селения, в котором не культивировали бы какого-либо из видов этой культуры.

Даже в селениях, расположенных высоко над уровнем моря, как например в Сафедороне, Сагирдаште и других соседних с ними кишлаках, встречались некоторые виды бобовых растений. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Н. А. Кислякова о том, что бобовые культуры встречались якобы только в нижней части долины (кишлак Ёзганд) и в верхней части (кишлак Сангвор) и совершенно отсутствовали в кишлаках, расположенных на северных склонах Дарвазского хребта (кишлак Сафедорон).[1] В Сафедороне и в других кишлаках, расположенных на северных отрогах Дарвазского хребта (Сагирдашт, Камчак, Чухкак, Пастелак и пр.), издавна культивировали чина, просо, а позднее гамук. Однако эти культуры разводило не все население, и они не являлись основными и характерными не только для данных местностей, но также и для остальной части долины, кроме Вахьёи Боло. Поэтому они не имели большого экономического значения. Все виды бобовых культур, за исключением гамука, культивировались на поливных землях.

Огородные культуры также встречались почти везде. В каждом селении разводились по мере климатических возможностей какие-либо из огородных и бахчевых растений: свекла — «лаблабу», капуста кольраби — «карам», репа — «шалгам», морковь — «зардак», тыква — «каду», дыни — «харбъза», арбузы — «тарбъз», перец — «каламфър», кориандр — «гашнич», «гашниз», базилик — «ниёзбу», табак — «тамоку», «тамоки» и некоторые ароматичные и красильные растения.

Овощи больше всего встречались на территориях Лоджиркского, Тавильдаринского и Чильдаринского амлокдорств, в Сагирдаштском же амлокдорстве они разводились в ограниченном количестве. Огородные культуры занимали поливные участки и обычно культивировались около дома.

Пшеница и ячмень служили населению главными продуктами питания. В районе существовало несколько сортов этих растений. Более распространенными разновидностями пшеницы в долине являлись следующие:

1. «Гандъми шухак» или «гандъми сърхак» — пшеница с белыми колосьями и красными зернами. «Гандъми сърхак» — буквально «красная пшеница» (лат., по-видимому, Var. erythrospermum).[2] Эта разновидность пшеницы встречалась в районе везде. В нижней и средней частях долины пшеница «сърхак» занимала по площади первое место и давала хороший урожай; при тщательной обработке земли и достаточном количестве осадков этот сорт давал здесь урожай сам-семь, сам-девять. В кишлаках же Сагирдаштской группы он давал урожай ниже: сам-четыре и сам-пять, поскольку климат северных отрогов Дарвазского хребта более холодный, чем в средней и нижней частях долины, а пшеница «сърхак» теплолюбива.

2. «Гандъми съфедак» — буквально «белая пшеница» — самая распространенная разновидность пшеницы, которая отличалась от первого сорта только белыми зернами (лат., по-видимому, Var. graecum).

Пшеница «съфедак» в нижней и средней частях долины р. Хингоу

---

[1] См. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 111.
[2] См. Баранов П. и Райкова И., Указ. соч., стр. 40.

давала средний урожай сам-четыре, сам-пять, на северных же склонах Дарвазского хребта в хорошие годы—сам-шесть, сам-восемь. Этот сорт пшеницы лучше развивался в более холодном климате.

3. «Гандъми зардкамар» — разновидность от скрещивания двух вышеописанных сортов. Культивировали ее мало.

Ячмень имел две разновидности: 1) ячмень с пленчатыми зернами— «чави къшнак», «чави кишнак» и 2) ячмень с голыми зернами — «чави калак», «чави личак», «чави роғи» или «кабутчав».

Первая разновидность ячменя встречалась повсеместно в долине и являлась более урожайной, чем вторая. Эта разновидность в хорошие годы давала урожай сам-десять, сам-двенадцать. Вторая разновидность ячменя встречалась в большом количестве в нижнем и среднем течении р. Хингоу, но больше всего она была распространена в верховьях реки— в Вахьёи Боло. В среднем и нижнем течении р. Хингоу она давала урожай сам-шесть, сам-семь, а на северных склонах Дарвазского хребта — не более, чем сам-три или сам-четыре. Это зависело, по-видимому, во-первых, от климата, во-вторых — от состояния почвы. Старожилы кишлаков Сафедорон и Сагирдашт сообщали, что почва их полей не очень плодородна («зъмини мо веқъватай») и ячмень «чави роғи» давал на них не очень хороший урожай. Кроме того, через два-три года этот вид ячменя превращался в «джави кишнак». Наоборот, в случае, когда население кишлаков группы Пуштарог, а также Вахьёи Боло привозило из Сагирдашта или Сафедорона «джави кишнак» и сеяло его у себя, он в тот же год превращался в «джави роғи», «джави калак».[1]

Повсеместно в долине р. Хингоу пшеницу, ячмень сеяли как на богаре, так и на поливных землях. Только в кишлаках на северных склонах Дарвазского хребта, особенно в кишлаках Сафедорон и Сагирдашт посевы на поливных землях производились очень редко. Там поливные площади занимали ячменем, бобовыми и огородными культурами.

С нашей точки зрения, неправильно мнение П. А. Баранова о том, что якобы жители Дарваза возделывали чави кишнак на богарных, а кабутчав на поливных землях.[2] Этот порядок вовсе не был обязательным в полеводстве Дарваза и соседних с ним районов. Ср. Андреев Яков, 48!

Остается отметить, что в долине р. Хингоу до революции в основном преобладали яровые посевы — «къшти бъҳорӣ». Большинство населения кишлаков долины не занималось озимыми посевами — «къшти тирамоҳӣ». Озимый посев изредка производился в кишлаках Ёзганд, Хамдара, Чильдара, Пашор, Хафтчирог и других кишлаках по нижнему течению р. Хингоу, где иногда высевали только озимую пшеницу; озимый посев ячменя не практиковался.

В кишлаках Сафедорон, Сагирдашт и др., расположенных на северных отрогах Дарвазского хребта, озимый посев вовсе отсутствовал. Местные старики рассказывают, что в некоторые годы отдельные хозяйства пробовали делать посевы озимой пшеницы, но из-за сильного похолода-

---

[1] Интересны аналогичные наблюдения грузинских хлебопашцев над превращением пшеницы яровой в озимую (Читая Г. С., Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии, Сб. Вопросы этнографии Кавказа, Докл. на сессии Ин-та истории им. И. А. Джавахишвили (15—21 ноября 1949 г.), Тбилиси, 1952, стр. 105.

[2] См. Баранов П. и Райкова И., Указ. соч., стр. 41.

ния всходы замерзли и погибали. Таким образом, до организации коллективного хозяйства в этих местностях озимый посев почти не практиковался.

3. Агротехнические мероприятия

Оставление земли под паром. Дехкане бассейна р. Хингоу для поднятия урожайности своей земли оставляли ее под паром. Существовали два вида пара: зеленый пар, называемый «дам дъҳй», «сафора мунй» или «барй» и черный пар — «шъдгор». Участок, предназначенный под зеленый пар, оставался после снятия урожая невспаханным и незасеянным в течение года. Поле, предназначенное под черный пар, после сбора урожая оставалось на зиму необработанным. В начале лета его тщательно вспахивали два или три раза — один раз вдоль, другой раз поперек и третий раз снова вдоль. Считалось, что землю, оставляемую под черный пар, не следует вспахивать осенью, так как при сильном морозе вспаханная почва «обмораживается» и не дает потом хорошего урожая. Летняя вспашка способствует очищению поля от сорняков, так как свежевспаханные корни их перегорают на жгучем летнем солнце. На следующую весну лежавшее под черным паром поле еще раз вспахивали и оставляли незасеянным в течение 10 дней, чтобы крупные комки земли «перегорели на солнце». После 10 дней высевали семена и запахивали их.

Оставлять земли под черным паром считалось предпочтительнее, так как при этом земля не только получала отдых, но тщательно обрабатывалась и освобождалась от сорняков.

Однако применение переложной системы в любом ее варианте на практике производилось не так широко, как этого требовала целесообразность. Препятствовало этому малоземелье. Основная масса дехканства владела такими небольшими участками, что не имела возможности оставлять половину или хотя бы часть земель незасеянной. Оставлять землю под пар имели возможность главным образом баи, чиновники и представители духовенства, владевшие обширными земельными угодьями, а также некоторая часть середняцких хозяйств, более обеспеченных землей. Под зеленый пар чаще всего оставляли земли, расположенные на северных склонах Дарвазского хребта, так как здесь, вследствие обилия земли, земледелие носило более экстенсивный характер, чем в остальной части долины.

Оставление земли под черный пар было для основной массы крестьянства затруднено, помимо малоземелья, еще недостаточной обеспеченностью сельскохозяйственными орудиями и рабочим скотом. Из-за этого крестьяне не имели возможности производить многократную вспашку земель, оставляемых под пар.

В силу указанных причин засеваемая из года в год земля истощалась и переставала давать тот средний урожай, который обычно при нормальных условиях крестьяне могли получить со своих полей.

Удобрение. Другим способом предохранения земли от истощения, повышения ее плодородия было удобрение.

Основными видами удобрения служили навоз домашних животных и зола. Считается, что навоз «разрыхляет», «смягчает» почву — «зъмина нарм мекъна», а зола уничтожает сорные травы — «алафи вегунара месузуна». Старики кишлаков Сагирдаштской группы считают, что зола,

разбросанная по поверхности поля, в первый год только сжигает сорняки, а на второй год увеличивает плодородие почвы, «опьяняет землю»— «зъмина маст мекъна». Лучшим удобрением считали навоз мелкого и крупного рогатого скота, лошадиный же навоз считали не особенно хорошим.

Население кишлаков нижнего и среднего течения р. Хингоу удобряло поля преимущественно навозом и отчасти золой, а население кишлаков, расположенных на северных отрогах Дарвазского хребта (Сагирдашт, Кулумба, Чухкак, Камчак, Гурбадара, Сафедорон, Сафедсанг и др.), из-за недостатка навоза, который в значительной степени шел на топливо (древесного топлива там недостаточно), удобряло свои земли почти исключительно золой, которой за время долгой зимы скапливалось очень много. Обычно одно хозяйство или несколько хозяйств выбрасывали свою золу в кучу около дома или где-нибудь неподалеку. Большие кучи такой золы назывались «нусол». Если еще тут же находилась мечеть— «аловхона» — место зимних ежевечерних собраний мужчин, где каждый вечер и утро разводили большой костер, то иногда золы накапливалось так много, что даже после удобрения земель оставались ее излишки. В некоторых кишлаках, например, в Сафедороне, можно было видеть целый бугор такой золы, накопившейся за многие годы.

В кишлаках среднего и нижнего течения р. Хингоу зима была мягче и короче, и золы скапливалось меньше. Поэтому там предпринимались некоторые меры для накапливания особенно ценившейся в качестве удобрения золы от сжигаемых соломы, сена и трав. Очень интересна форма коллективного накопления этой золы, отмеченная нами в кишлаках Пашор, Чильдара, Хамдара и некоторых других. Сговорившись с вечера, все мужчины селения утром, разбившись на группы, выходили на сбор валявшихся на тропинках и на гумнах остатков соломы, сена, а также на поиски сорных трав и сжигали все найденное. Полученная зола хранилась в неглубокой яме около какого-нибудь дома. На нее нередко выбрасывалась и зола из очагов домов. Осенью или весной любой нуждающийся в удобрении приходил к этой куче со своей корзиной — «сабат», торбой или носилками — «замбар» и брал нужное ему количество.

Удобрение выносили на поля осенью или ранней весною. Осенью до выпадения снега для этого можно было использовать сани-волокуши — «чигина». После выпадения глубокого снега работа по выносу удобрения прекращалась, так как люди проваливались в рыхлый снег. Только в конце февраля, с началом потепления, когда оттаявший за день снег покрывался по утрам крепкой коркой наста, выдерживавшей тяжесть человека, дехкане спешили вынести удобрение. Работать можно было только в течение нескольких утренних часов, так как с восходом солнца снег уже опять оттаивал.

В марте, когда солнце пригревало сильнее, выносить удобрение уже было невозможно. Одно за другим освобождались от снежного покрова поля, и наступала пора пахоты. Пока вспахивалось первое поле, уже поспевало для пахоты второе и т. д. Тут уже было не до выноса удобрения.

Удобрение выносилось главным образом на поливные земли. Богарные земли обычно расположены на склонах гор, нередко довольно крутых, далеко от селения, и доставлять туда удобрение не было возможности. Иногда только выносили навоз или золу на небольшие участки богарной земли, расположенные близко от селения.

Но и поливные земли, если они находились далеко от селения, в ряде случаев не получали удобрения. Иногда крестьяне, не имевшие волов, вынуждены были все удобрение переносить на поля в корзинах на спине.

Из культур, высеваемых на поливных землях, обязательно должны были получать удобрение люцерна, вырастить которую без удобрения было невозможно. Также всегда удобрялись бахчи и огороды. Поля, засеваемые пшеницей, ячменем и льном, если была возможность, также удобряли. Земли под бобовые и просо никогда не удобрялись.

Возможность удобрения полей в значительной мере зависела от степени благосостояния хозяйства. Богатые, обеспеченные скотом, инвентарем и рабочими руками, хозяйства удобряли свои земли всегда. Скот давал необходимые запасы навоза, батраки выносили его на поля. Если рабочих рук не хватало, бай устраивал «помочь» — «ҳашар» и бесплатно, только за «хорошую» пищу, получал много работников.

Совершенно иначе обстояло дело в бедных хозяйствах. Недостаток скота, особенно крупного рогатого, очень ограничивал количество накапливаемого в хозяйстве навоза, а для выноса на поля золы, более доступной бедняку, в короткие сроки не хватало рабочих рук. Прибегнуть к «помочи» такие хозяйства не могли, так как не имели продуктов для устройства хорошего угощения приглашенным односельчанам. Поэтому бедняки ограничивались только приглашением 2—3 ближайших родственников или соседей; такая помощь носила название «ёридиҳй». Неудивительно поэтому, что поля бедняков иногда несколько лет оставались без удобрения. Только наиболее близкие к селению участки таких хозяйств удобрялись немного навозом и золой, и то не каждый год.

Севооборот. В условиях горного рельефа чуть ли не каждый участок земли, в зависимости от экспозиции склона по отношению к солнцу, абсолютной высоты и ряда других причин, имел разные свойства. Главным признаком деления земель было их положение на солнечной или теневой стороне склона. Участки солнечной стороны — «афтовру» были намного теплее, снег с них сходил раньше, участки теневой стороны — «сояру» или «нъшра» — холоднее, снег на них лежал дольше. Разница эта достигала иногда 15—20 дней. Поэтому нередко бывало, что на участке, который был пригоден к посеву ячменя, имеющего наиболее короткий вегетативный период, пшеница не вызревала.

Исходя из этого, население делило и называло свои земли по тем культурам, которые на этом участке можно было вырастить. Наиболее «холодные» земли, на которых вырастал только ячмень, назывались «чавпая». К этой категории земель относилось большинство участков, расположенных на теневой стороне. Более «теплые» участки, на которых могла вызревать пшеница, назывались «гандъмпая», еще более «теплые», пригодные для выращивания льна и бобовых, назывались «зъгерпая». Если у крестьянина спрашивали, сколько у него земли, то он обычно, отвечая, указывал, что имеет столько-то земли «чавпая», столько-то «гандъмпая» и т. д.

Как уже упоминалось, среди культивируемых в обследуемом нами районе злаков преобладали пшеница и ячмень, которые ежегодно высевались на одних и тех же участках.

По нашим данным, плодосмена, т. е. чередования засеваемых культур, а тем более правильного севооборота, в исследуемом районе не было. Поэтому нам представляется ошибочным утверждение П. А. Баранова и Н. А. Кислякова о том, что в Дарвазе, в том числе и в долине р. Хингоу,

сеяли в первый год пшеницу, во второй год — ячмень, а в третий — бобовые.[1]

В свете сказанного выше ясно, что поскольку земли на теневой стороне годились только под ячмень, то, естественно, на них всегда и сеялся только ячмень. На землях солнечной стороны сеять ячмень не было смысла, их желательно было использовать под более теплолюбивые культуры, среди которых первое место занимала пшеница. Лен же и бобовые, во-первых, требовали самых «теплых» земель, во-вторых, культивировались в незначительном количестве, и чередование с ними пшеницы никак не может рассматриваться как сколько-нибудь правильный плодосмен. Даже байские хозяйства, располагающие большим количеством земли, почти не применяли плодосмена в качестве мероприятия для повышения урожайности полей.

Также почти не практиковались в бассейне р. Хингоу повторные посевы в течение одного года на одном участке. По-видимому, этому препятствовала суровость климата. Нам известны лишь случаи выращивания некоторыми баями огородных или скороспелых бобовых культур, а также проса обоих сортов — қъноқ и арзън после ячменя в нижней части долины. Повторные посевы не практикуются и теперь.

Ускорение таяния снега. Как было упомянуто в первой главе, в бассейне р. Хингоу снега выпадает очень много и держится он от 5 до 6 месяцев. Понятно, что длительность лежания снега на том или другом участке земли также была связана с абсолютной его высотой, экспозицией склона по отношению к солнцу и крутизной склона. Для того, чтобы снег на пахотных полях быстрее таял, в долине р. Хингоу применялся и применяется очень любопытный способ, обычный и для многих других горных районов Таджикистана. Способ этот заключается в посыпании снега землей — «хокзанй».[2]

В конце февраля и начале марта снег постепенно начинает таять. Ночью при сильном морозе растаявший днем снег становится твердым и превращается в плотную зернистую ледяную корку — наст, называемую на местном говоре «қадқун».

В этот период и начинают на посевных участках снег посыпать землей. Для этого в снегу выкапывают яму — «ғулича»; затем мотыгой копают землю и выбрасывают ее кучкой на снег рядом с ямой; после этого деревянной[3] или железной лопатой разбрасывают землю на снег вокруг ямы. Такие ямы копаются примерно на расстоянии 10 м одна от другой. В некоторых кишлаках, расположенных высоко над уровнем моря, где климат более холодный и часты весенние снегопады, посыпать участки землей приходится до 5—6 раз. К таким местностям относятся кишлаки, расположенные на северных отрогах Дарвазского хребта (Сагирдаштская группа).

Кроме полей, землей посыпали также все дороги и тропы, ведущие на пахотные земли, чтобы на них быстрее растаял снег. Особенно тща-

---

[1] См. Баранов П. и Райкова И., Указ. соч., стр. 34; Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 84; его же, Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 111.

[2] О хокзанй в бассейне р. Хингоу упоминает Н. А. Кисляков в своих работах «Следы первобытного коммунизма..., стр. 58; «Старинные приемы земледельческой техники», стр. 114.

[3] Как сообщали местные старики, раньше, копая ямы, пользовались только деревянной лопатой и теслом.

тельно посыпали те места дорог и троп, идущих к полю, где держались массы снега от снежных заносов. Если же снега было так много, что посыпание не помогало, то в таких местах снег счищали лопатой, делая проход на поле.

В старое время для начала посыпания землей снега на полях выбирался особо благоприятный день — «рузи со'ат». Такими благоприятными днями считались вторник — «сешамбе» и четверг — «панҷшамбе». Вечерами в мечети между односельчанами шли горячие споры о времени начала посыпания снега на полях землей. Наконец, все старики, знающие народный календарь и имеющие большой опыт, приходили к окончательному решению, что время это уже наступило. По традиции, перед общим выходом на поля необходимо было послать особого человека, который первым начал бы эту работу. Для этого назначали такого человека, у которого предки были хорошими и богатыми людьми, который сам был добрым, уважаемым человеком, зажиточным крестьянином и, кроме того, обладал бы «легкой рукой» — «сабъкдъст» и «удачей» — «хъшпайъ кадам». Такого человека называли «шавгунӣ», и его функции по существу являлись функциями патрона земледелия. Шавгунӣ постоянно выполнял свои «функции», но если он в данный момент отсутствовал, за него посылали другого, отвечающего всем необходимым требованиям (подробно об этом см. главу V, раздел 1). Первый день работы по разбрасыванию земли, когда выходил в поле лишь один шавгунӣ, назывался «хокбъроръ». На следующий день после хокбъроръ начинали посыпание снега землей на своих участках и другие крестьяне.

Отметим, что Н. А. Кисляков неправильно указывает на то, что шавгунӣ работал целый день.[1] Посыпание земли на снег происходило только с раннего утра до восхода солнца. Позднее снег начинает таять и частицы земли вместо того, чтобы рассыпаться по снегу, погружаются в него, да и сам работающий — «хокзан» погружается в размякший и оседающий снег.

После освобождения земли от снега сразу же приступали к пахоте и посеву. Во время пахоты, давая отдых волам, попутно очищали поля от сорных трав, от камней и пр. Многие участки, главным образом расположенные на крутых склонах или под кручей, приходилось очищать от камней каждый год. Камни собирались в кучи—«сангчълӣ» посередине поля в нескольких местах или же их складывали по меже участка, сооружая иногда из них каменные барьеры. Сорные травы собирали в кучи и сжигали. Зола от этих трав, как упоминалось, являлась хорошим удобрением.

4. Способы обработки земли и высева зерна, сроки пахоты

Как отмечено выше, к пахоте и посеву зерновых культур приступали тогда, когда поля освобождались от снега. В среднем и нижнем течении р. Хингоу (в кишлаках Гурхамб, Чильдара) к пахоте приступали обычно во второй половине марта, а в кишлаках Сагирдаштской группы — в первой половине апреля.

Как уже указывалось, освобождение полей от снега происходило постепенно; поэтому и участки, намеченные для посева, распахивались поочередно. Таким образом, время пахоты и посева было длительным.

[1] См. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 114.

В среднем и нижнем течении р. Хингоу пахота и посев заканчивались в конце мая, а на северных склонах Дарвазского хребта они продолжались иногда до середины июня.

Раньше всего производили посев пшеницы — «гандъмчъфт», а затем ячменя—«чавчъфт». Ячмень созревал в течение 40 дней, в то время как для пшеницы требовалось 60 дней. Кроме того, при раннем наступлении заморозков пшеница подвергалась большему риску погибнуть, чем морозоустойчивый ячмень. В большинстве случаев крестьяне, которые не могли обеспечить семью до нового урожая — «наврас» для быстрейшего получения некоторого количества зерна во время посева пшеницы сеяли на маленьких площадках земли ячмень; этот посев назывался на местном говоре «навкуни», т. е. сверхранний посев.

Нередко весной население кишлаков Сагирдаштской группы испытывало затруднения с семенами; в таких случаях старались привезти на семена ячмень нового урожая из Куляба и засевали этими семенами свои ячменные поля в первой половине июня. Такие посевы успевали вырасти нормально и часто давали хорошие урожаи.

Как рассказывали старики из кишлаков Сагирдашт, Камчак и Чухкак, в отдельные годы население этих высокогорных кишлаков привозило на семена ячмень из сверхранних посевов — «навкуни» жителей нижнего течения р. Хингоу, который созревал в первой половине июня, и сеяли его на поливных участках. Ячмень на этих участках созревал в начале осени — «сари тирамоҳ» (или «тангии тирамоҳ» — буквально «в трудную пору осени»).

Запашка поливных полей — «овичъфт» производилась обычно после посевов богарной пшеницы и ячменя.

Начало пахоты, так же как и начало посыпания снега землей, сопровождалось соответствующим торжественным обрядом пахоты на поле «хорошего хозяина» (см. гл. V, раздела I). На следующий день после совершения обряда все, у кого отдельные участки уже освободились от снега, начинали пахать. Первую неделю крестьяне пахали очень медленно, чтобы приучить к работе откормленных и отвыкших за зиму от пахоты волов. Это называлось «говхънък» — «охлаждение волов».

При пахоте основным орудием являлся вышеописанный плуг, в который запрягали при помощи ярма пару волов — «чъфти барзагов». Самый процесс пахоты также носит название «чъфт» (буквально «пара»). Человек, который пашет землю, называется «чъфтгар», «чъфтҳайкън» или «чъфткън». Пахарь одной рукой держится за рукоятку плуга, а в другой держит хлыст, которым погоняет волов. Для того, чтобы плуг входил глубоко в землю, пахарь крепко опирается на него. За пахарем всегда шел 1 человек, иногда же 2—3 человека с мотыгами в руках. Мотыгами размельчали большие комья земли — «пахса», вскапывали нераспаханные плугом места, выкапывали и рубили толстые корни сорных трав и кустарников. Не отставая от пахаря, они шли за ним по борозде, называемой «вънор» или «куш».

Пахота и связанный с ней посев совершались в основном тремя способами: «пешсупор», «пешчапар» и «дураҳа».

«Пешсупор» (буквально «высев перед плугом»). Крестьянин первоначально бросал на нераспаханную землю зерно, а затем вспахивал ее. В процессе пахоты верхний слой земли, переворачиваясь, прикрывал зерна. Этот способ высева зерна более всего практиковался на землях, расположенных на крутых склонах гор. Наоборот, на участках земли,

расположенных на пологом склоне или у подножья гор, а также на ровной площадке пешсупор не практиковался. Это объяснялось тем, что при сеянии данным способом на пологих и ровных участках семена попадали в землю слишком глубоко и не могли дать хороших всходов. Поэтому обычно при способе пешсупора семена высевали гуще, чем при других способах высева.[1]

«Пешчапар» (буквально «высев перед бороной»). Способ пешчапара являлся самым распространенным способом высева зерна и производился следующим образом. Пахарь прежде всего пахал землю, а следующие за ним люди мотыгами очищали ее от корней сорных растений. После этого на распаханную землю сеяли зерно, а затем участок боронили бороной — «чапар» (отсюда и название этого способа). При посеве по способу пешчапара семена высевали редко, так как они ложились в землю неглубоко и почти все всходили. Способ пешчапара более всего практиковался на поливных землях. Боронование земли при этом способе посева способствовало тому, что поле выравнивалось и вода во время полива шла без затруднения.

«Дураха» (буквально «вспашка два раза»). Сначала пахали землю и очищали ее от всех сорняков. Затем на вспаханной земле производили сев и высеянные семена запахивали плугом. Таким образом, при этом способе поле вспахивалось два раза. Местные старожилы считают этот способ высева зерна лучшим, чем два описанные выше, во-первых, потому, что земля вспахивается более тщательно, во-вторых, потому, что в поле не остается корней трав, хвороста и т. п.

После окончания пахоты и посева весь рабочий скот перегонялся на летние пастбища — «айлок», «пъшта» или «адир» вдали от селения, где скот оставлялся пастись на свободе, без пастухов. Период нахождения волов и лошадей на пастбище длился 1—1,5 месяца. Когда приближалось время перевозки сжатых хлебов или трав, скот возвращался с пастбища.

5. Орошение

В бассейне р. Хингоу большинство земель засевалось под дождь и лишь четвертая часть орошалась.

Основными источниками для орошения полей являлись небольшие реки и ручьи, берущие начало в ледниках Дарвазского хребта и хребта Петра I. Кроме того, население использовало для орошения полей воды ключей, соединяя несколько источников в одну общую систему.

Для отведения воды из речки последнюю, немного ниже отводного канала, перегораживали плотиной — «деволи гав» из камней, бревен, пучков хвороста, веток, пластов дерна — «чем» и земли. Перед этой стеной скапливалась и поднималась вода, которая потом переливалась через сооруженную плотину и текла дальше. Из образовавшегося перед плотиной водоема—«гав» вода шла в главный канал—«чубор» или «чубори калун». Начало его называлось «сари чубор» или «сарбандгах». Если нужно было прекратить подачу воды в канал, то в этом месте сооружалась запруда из камней и пр. От главных каналов отводились уже каналы к отдельным участкам, называемые также «чубор» или «нарчу» (буквально «канал-самец».

[1] Устные сообщения Рустамова Гадо, Бозорова Асо, Хайдарова Кишвара и др.

Работа по проведению арыков производилась только ручным способом. Поэтому в горных районах не встречалось больших каналов. Каналы были узкие и неглубокие, да и очень непрочные. Ширина и глубина большого канала не превышала метра, а чаще всего была гораздо меньше.

При проведении каналов использовали рабочих волов: плугом проводили борозду по намеченной линии канала, после этого ее углубляли.

В условиях горного рельефа, где очень мало ровных площадок, проведение каналов было очень трудной задачей. Часто на пути канала встречался глубокий овраг, размытый склон, что затрудняло дело. Чтобы провести воду через эти обрывы, размытые склоны или овраги, сооружали деревянные жолоба — «нова». При переброске жолоба через овраг под него подставляли стойки из толстых жердей с развилкой — «поя», «хавоза» (рис. 28).

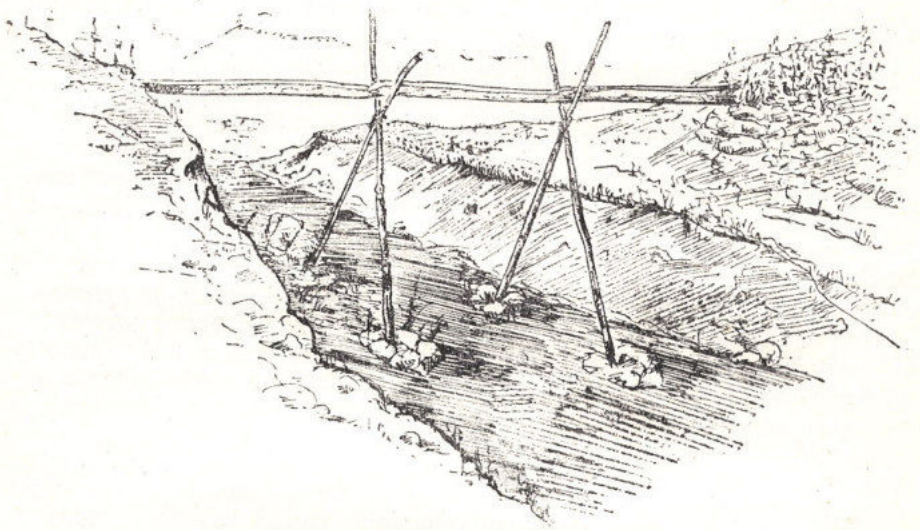

Рис. 28. Схема устройства жолоба-акведука — «нова»

Иногда сооружали так называемые «пайрам». На дне оврага возводили широкую стену, доводили ее до уровня арыка и в верхней ее части устраивали жолоб, по которому проходила вода. Строительный материал употреблялся тот же, что и при постройке плотин.

Так как орудия, применявшиеся при рытье и очистке каналов, использовались самые несложные («къланд», «зоғнул», «бел» «орам»), то работа двигалась медленно, требовала огромного человеческого труда и энергии.

Несмотря на отсутствие специальных технических знаний, горные таджики справлялись с очень трудной задачей проведения каналов по горной неровной пересеченной местности иногда на очень большое расстояние. Так, в кишлаке Сафедорон был сооружен канал длиной более 12 км, по которому когда-то шла вода на земли этого кишлака из местности Кухи Шикофи (по преданию, этот канал был проведен во времена калмыков — «қалимоқ»; в настоящее время он заброшен). Это указывает на огромный запас эмпирических знаний, накопленных народом за многие столетия.

Ф. Энгельс указывал, что из-за трудоемкости работ по орошению оно «...является делом либо общин, либо провинции, либо центрального правительства».[1] И действительно, в проведении арыков и других оросительных сооружениях участвовали все крестьяне, имевшие хотя бы маленький клочок поливной земли; работа производилась коллективно, в организации ирригационных работ у горных таджиков можно видеть пережитки общинных порядков.

Ремонт, очистка и приведение в порядок всех существующих каналов осуществлялись ежегодно весной, по окончании пахоты и посевов. Организаторами этих работ были местные феодалы, кишлачные старосты — «арбоб», а главными руководителями — наиболее опытные старики селения и района.[2]

Работы по очистке и проведению ирригационной сети считались обязательными для каждого крестьянина, имеющего поливной участок, и каждый беспрекословно выходил на работу в назначенный день на назначенное место со всеми инструментами и орудиями. Работа начиналась с головного сооружения и затем велась далее вниз по течению. На работу по очистке каналов и приведению их в порядок тратилось всего 4—5 дней.

Более трудной, требующей много сил и времени являлась работа по проведению новых каналов. В этой работе участвовала почти вся мужская часть населения. Крестьянин, не принимавший участия в общественной работе по проведению арыков без уважительных причин, лишался права пользоваться водой из общественного канала.

Женщины не принимали участия в работе по проведению каналов. Они только заботились об обеспечении питанием членов своей семьи, работающих на канале. В эти дни каждая домохозяйка старалась готовить лучшую пищу и относила на место работы — «сари кор», где пища съедалась работающими коллективно.[3]

За распределением воды наблюдал особый чиновник—«мироб». Если кто-либо опаздывал и не использовал своей очереди на воду в назначенное время, то он терял право на воду до следующего раза.

Когда поле вспахано, засеяно и заборонено, сразу же приступали к проведению на нем временных канавок или борозд, которые назывались также «чубор». Эти канавки обычно проводили плугом. Расстояние между двумя соседними канавками было от восьми до двенадцати шагов; участок, расположенный между ними назывался «това». Прокладывание канавок называлось «чуборзанй» или «товазанй». Если поливные канавки проводились не плугом, а лопатой или мотыгой, то процесс этот назывался не «чуборзанй», а «чуборкашй». Канал, из которого вода поступала в канавки-борозды, назывался «нарчу» и всегда был расположен под прямым углом к джуборам.

К поливу приступали, когда поля покрывали зеленые всходы хлебов. Количество поливов зависело от обеспеченности местности водой. Во многих селениях полив не производили более 2—3 раз, так как снеговые воды, бегущие со склонов гор в глубоких долинах, иссякали уже к концу июля. Там, где это было необходимо, полив производился от 3 до 5 раз.

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф., Избранные письма, Госполитиздат, 1947, стр. 75.

[2] Говоря об организации работы по орошению, Ф. Энгельс называет ее «экономической функцией, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства» (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. IX, стр. 348.).

[3] Ср. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 103.

а иногда, если выпадало мало осадков или их совсем не было, то до 7—8 раз за вегетационный период.

Способы полива были одни и те же, разница наблюдалась только в терминологии. В кишлаках по северным склонам Дарвазского хребта, а также в среднем течении р. Хингоу — в кишлаках Гурхам, Сайёд, Дехи Калон и др. первый полив называли «хокова», второй — «дъова» и третий — «сеова». О них также упоминает Н. А. Кисляков.[1] В нижнем течении р. Хингоу—в кишлаках Чильдара, Пашор, Ходжаи Хулоз, Хафтчирог и др. первый полив называли «овкашак» («впитывающий воду»), второй — «лаhмов» («мягкий полив») или же «шавов» («ночной полив»).

Первый полив производили следующим образом. Из магистрального канала — «чубори калун» воду пускали в распределительный канал — «нарчу» до самого отдаленного участка земли, а из распределительного канала — в параллельные канавки-борозды на поле. В поливных бороздах лопатой проделывалась щель — «банд» или «бандчък» (буквально «сустав»), которая непосредственно подавала воду растениям. После того, как определенная часть това пропиталась водой, эту щель закрывали и прорезывали другие щели. Когда первая това вся была тщательно полита, воду пускали на вторую (выше по течению) поливную борозду, затем на третью и т. д., вплоть до конца (рис. 29).

Второй полив в основном почти не отличался от первого. Разница была в том, что на этот раз участки поливали не снизу вверх, а сверху вниз по течению воды (рис. 30).

Третий полив в основном был сходен с первым, но с небольшой разницей в том, что в этот раз поливали не по одному участку («това»), а сразу же по два и даже по три, снизу вверх (рис. 31).

После третьего полива прорезанные щели оставались до конца поливного периода. Если приходилось поливать еще, то вода пускалась с наиболее высокой части поля по щелям и поля поливались без регулировки. Теперь можно было поливать и ночью и днем. Хозяин поля только пускал воду на первую поливную борозду и распределял ее по поливным щелям. Этот способ полива называли «панҷакъни» («распределение (воды) пятерней»).

В основном злаки поливались до времени восковой спелости, после чего поливать считалось вредным. Полагали, что если поливать после этой стадии, то не затвердеет зерно.

Бывает, что две стороны участка земли являются пологими, а середина составляет ровную площадку. На такой поливной участок воду пускали с двух сторон. Сначала поливали одну сторону, а потом другую. Распределительные каналы на таких землях находились по краям межи с двух сторон. Такой способ полива носил название «дъбаракаов», т. е. полив с двух сторон.

Случается и наоборот, что середина поля бывает выпуклая, а края его составляют ровные площадки. На таких землях распределительный канал проводили по середине поля на выпуклом месте, носившем название «куши минаи зъмин», «чубори минаи зъмин», т. е. канал по середине поля, и поливали сначала одну половину, затем другую. Такой полив назывался «минаов» или «айминаовдъхй», т. е. полив с середины.

---

[1] См. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 117.

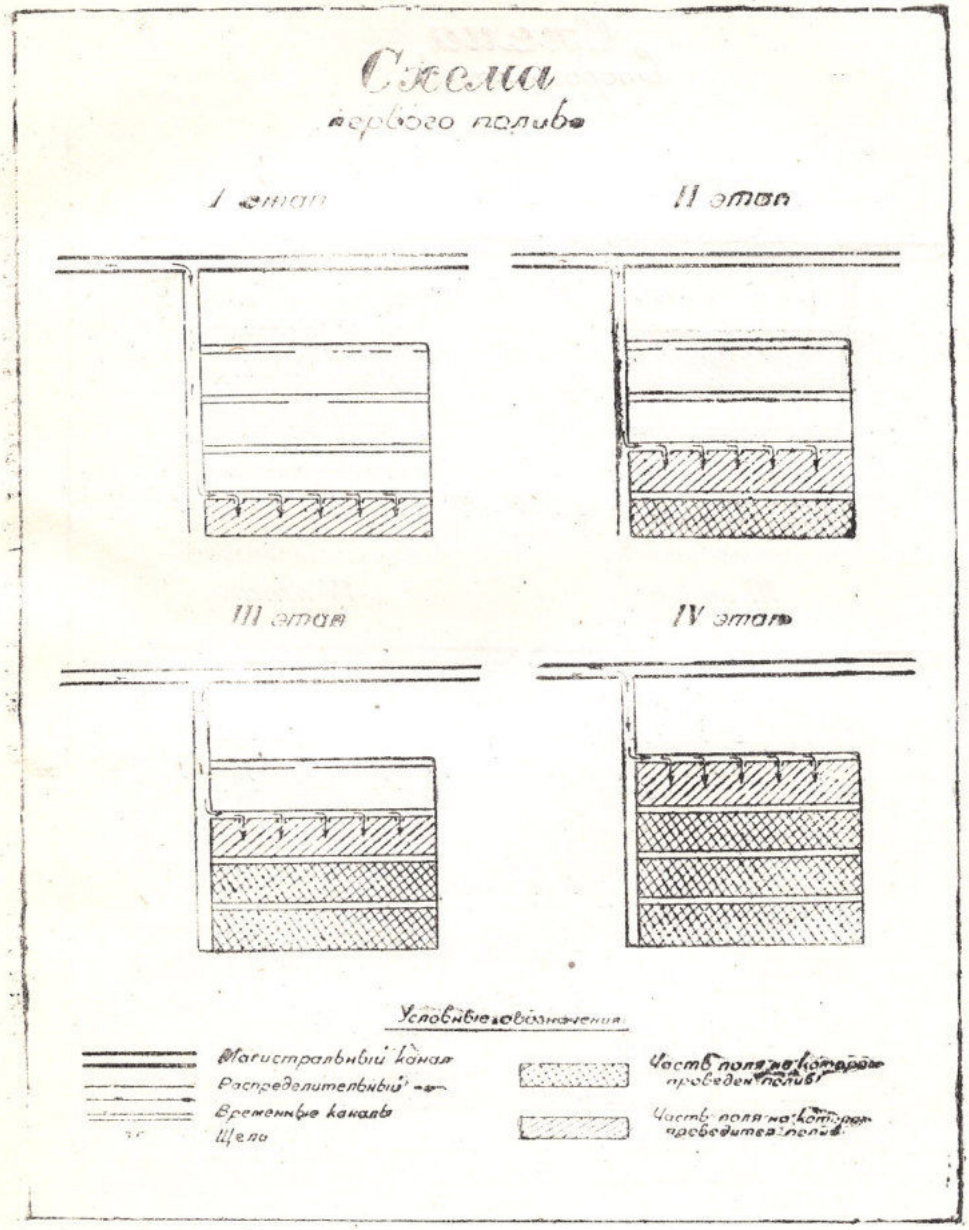

Схемы
первого полива
I этап
II этап
III этап
IV этап
Условные обозначения:
Магистральный канал
Распределительный
Временные каналы
Щели
Часть поля, на которой проведен полив
Часть поля, на которой проведен полив

Рис. 29.

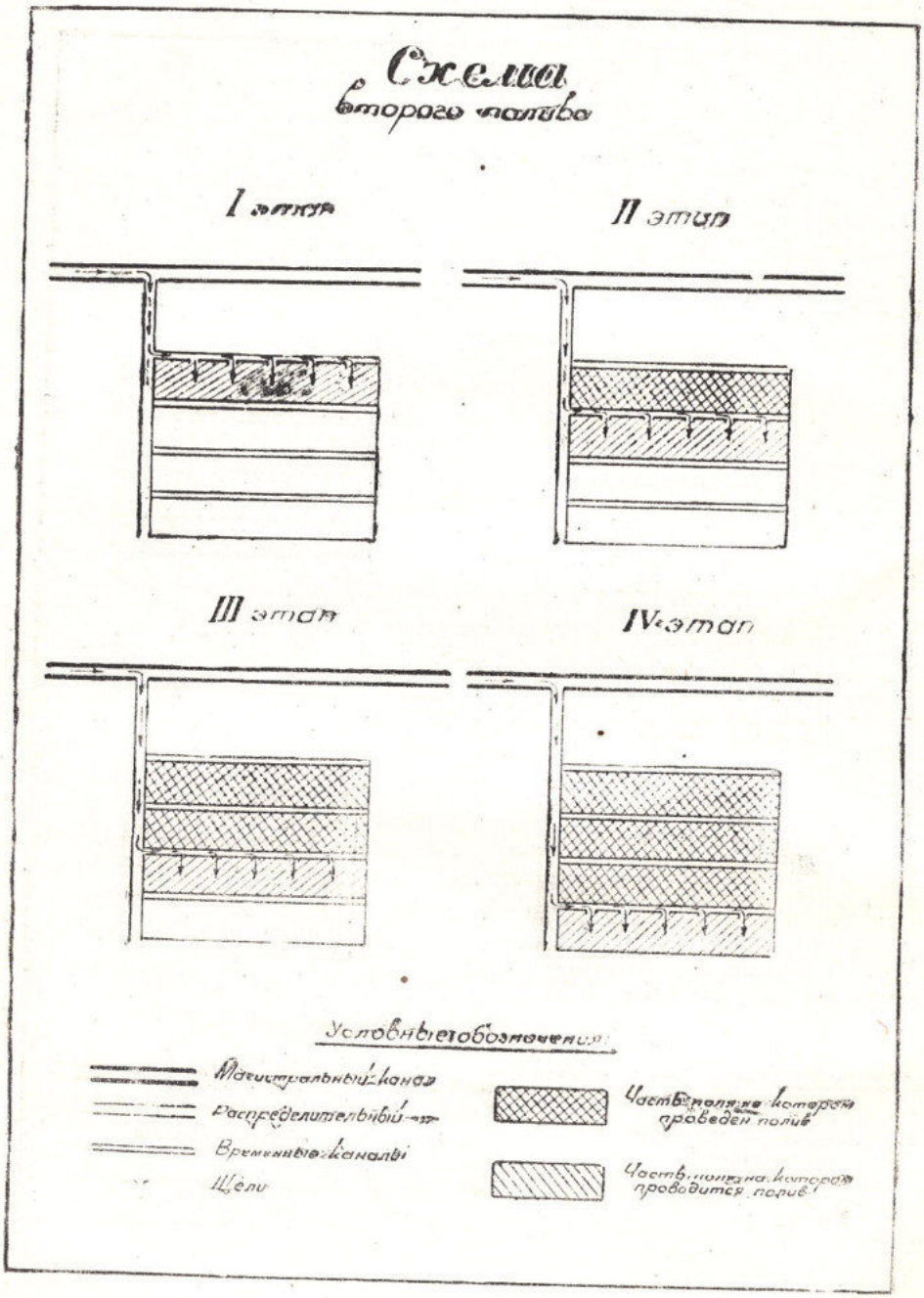

Схема
второго полива
I этап
II этап
III этап
IV этап
Условные обозначения:
Магистральный канал
Распределительный канал
Временные каналы
Щели
Часть поля, на которой проведен полив
Часть поля, на которой проводится полив

Рис. 30.

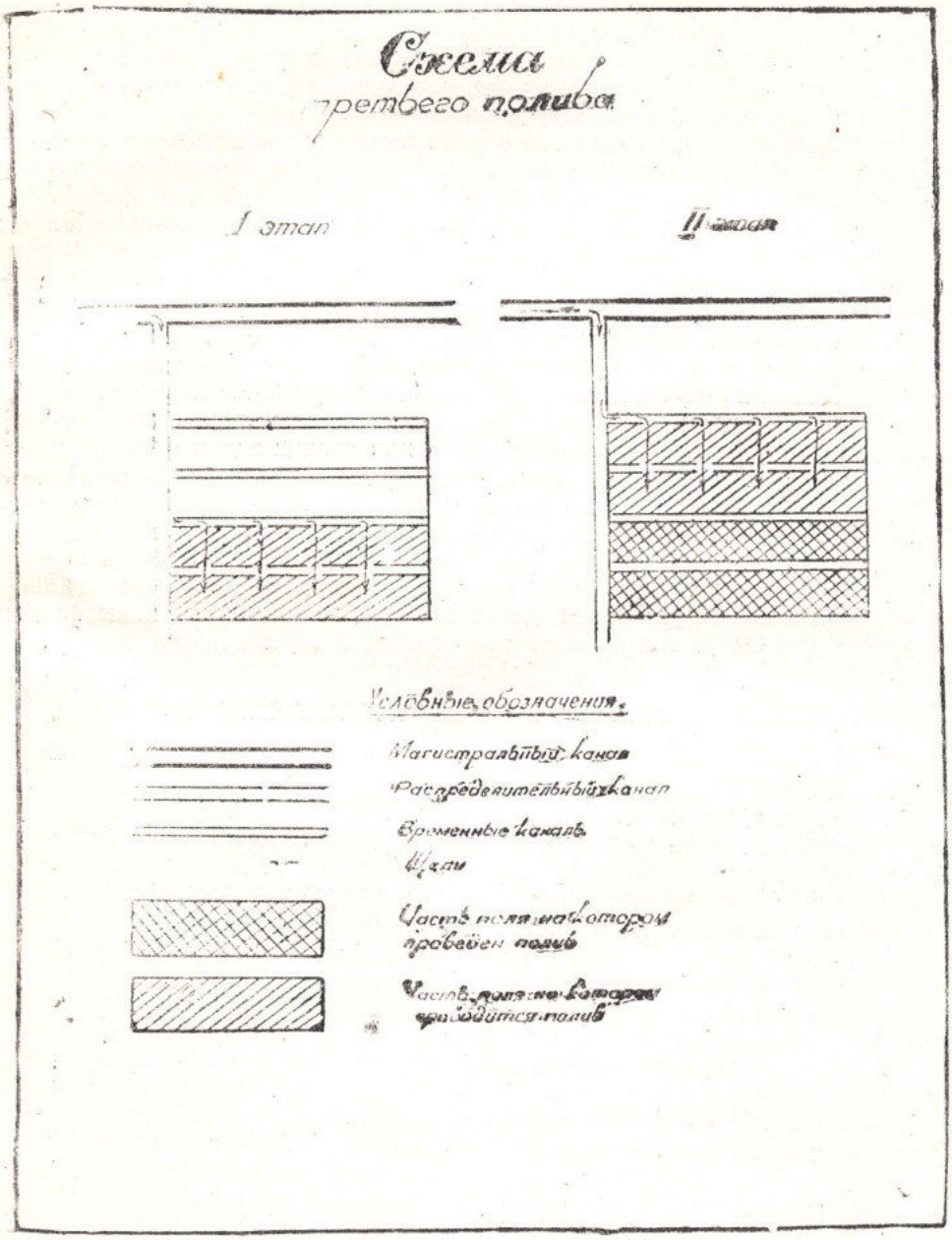

Схема
третьего полива
I этап
II этап
Условные обозначения:
Магистральный канал
Распределительный канал
Временные каналы
Щели
Часть поля, на котором проведен полив
Часть поля, на котором производится полив

Рис. 31.

6. Выращивание урожая

Для того, чтобы вырастить хлеб, крестьянину приходилось затрачивать много труда, кроме того, вплоть до созревания и уборки зерновых культур он все время жил под страхом, что какие-либо обстоятельства, случайности погоды или другие стихийные явления погубят урожай и оставят его без хлеба. Он начинал уход за посевами после того, как появлялись на поверхности земли первые зеленые ростки.

Зерновые культуры в каждой стадии своего развития имеют особые названия. Названия некоторых из них записаны Н. А. Кисляковым в долине р. Хингоу в кишлаке Сафедорон.[1]

Нами подобные наименования записаны в двух пунктах — в кишлаке Сафедорон и в кишлаке Пашор.

В кишлаке Сафедорон употребляются следующие названия. Когда зерна прорастают, то говорят, что «ғалла неш бъровар» (хлеб пошел в рост). Когда ростки появляются на поверхности, это называют «руи хок задан» (появиться на поверхности земли). Когда зеленый листок становится длинным, но еще не имеет пары, то такую стадию называют «якгуш» (буквально «одноухий»). Когда ростки начинают разветвляться, их называют «панча» (буквально «пятерня») или «панча задан.» После стадии «панча» идет стадия «бъғъзак» (буквально «забеременевший»). Когда зерно идет в трубку, а еще позже, когда начинается колошение и колосья становятся похожи на веретенца, говорят «дукак» (веретено). Затем наступает стадия, когда часть посевов заколосилась, а часть находится еще в стадии колошения, она называется «съворъ пиёда» (буквально «конный и пеший»). Стадия, когда все поле заколосилось, называется «сартахт» (ровный); стадия молочной спелости зерен носит название «шира бастан» (молоко завязалось); когда хлеба достигают молочной и восковой спелости (вперемешку) — это «дълмъл» или «кашкӣ», «кашк». Стадия затвердения зерна называется «дунсар» или «дуна бастан» (зерно окрепло); а созревания хлебов, жатвы — «пъхтан», «расидан», «дърав умадан» (буквально «созрело, достигло, подошло к жатве»).

В кишлаке Пашор в нижнем течении р. Хингоу и в некоторых других кишлаках по нижнему и среднему течению, особенно в кишлаках Хафтчирог, Чильдара, Ходжаи Хулоз, Хамдара, Шур, Дамов и др., названия стадий развития посевов отличаются только в некоторых случаях. Там после «руи хок задан» идет стадия «майса» (зеленя — молодые всходы хлебов). После «панча» там идет стадия «пайванд» (буквально «сустав»), за ней — стадия «барги сай» (последний лист у зерновых, в котором находится зачаток колоса). В этих местностях не отличают стадий «бъғъзак», «дукак» и «съворъ пиёда».

Что касается бобовых культур, то у них стадии произрастания носят несколько иные названия и они не варьируют по районам. У бобовых после «панча» идет стадия цветения — «гълкъни». После цветения идет стадия появления завязи—«кусък бастан» (завязаться), после чего идут стадии «шира бастан», «дълмъл», «дона сахт кардан» и «дърав умадан».

Каждая стадия развития раньше имела свои специальные приметы, но, к сожалению, мы не могли записать их подробно, за исключением следующей поговорки: «Ғалла сонибша гуфтаст, ки дар вахти панҷам биё, дар съворъ пиёдагим наё, дар вахти гъл ва ширагим биё, қоқ бъшам

[1] См. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 117.

дъравъм къи, паст дървъм къи, бъланд не, майдам бъкувъ бодъм къи, агар баракат накардъм, ай мъи гила къи» (Зерно сказало своему хозяину: «Приходи взглянуть на меня, когда я буду в стадии «панджа», не приходи, когда я буду в стадии «конный и леший», так как тогда не все стебли заколосились и поле выглядит плохо, приходи во время цветения и наливания колоса, жни меня сухим и жни низко, а не высоко, обмолоти меня мелко и провей; если ты все это выполнишь, а я не принесу тебе благодати, тогда можешь обижаться на меня»).

Перед колошением посевов (в стадии «бързак» и «дукак») обычно приступали к прополке — «хъшова». Полка посевов производилась повсеместно в описываемом районе. Орудием для прополки полей служил маленький железный серп с деревянной рукояткой. Травы, имеющие толстые корни, осторожно жали серпом, чтобы не задеть молодых всходов зерновых культур. Травы, которые имеют тонкий корень, выдергивали с корнем руками. Последний способ употреблялся только на поливных землях и не на всех посевах, а лишь во время прополки льна, проса и огородных культур.

На прополку выходили рано утром и возвращались спустя 2—3 часа после восхода солнца — «чоштак». Считали, что если к полудню в солнечные дни ходить по полю среди зерновых культур, то последние заболеют и высохнут — «пажмурда шуда қок мешаванд».

Борьба с вредителями зерновых культур не была достаточно развита. Когда на посевах начиналось колошение и затвердение зерна, население оберегало их от птиц. А. А. Семенов описывает это так: «Когда хлеба начинают колоситься и созревать, горец ставит в нескольких местах поля пугала от назойливых птиц или же сгоняет последних криками или различными стуками (в железные предметы — М. Р.), причем этим, обыкновенно, занимаются дети или подростки».[1]

Ставили пугала — «шила» и гоняли птиц не везде, а лишь на тех посевах, которые находились недалеко от селения, особенно на посевах проса, льна, пшеницы и ячменя.

Пугало имело еще магическое действие и предназначалось для того, чтобы охранить от воздействия «дурного глаза». Его ставили на самых хороших посевах от сглаза.[2]

В описываемом районе пугало делали из разных предметов. На длинную палку вешали рваную тряпку, вязанки сена, черепа рогатого скота и т. д.[3]

Отпугивание птиц криком и стуком в кишлаках на северных склонах Дарвазского хребта не применялось.

Принимались меры для охраны урожая от потравы скоту. В конце мая или в начале июня, «как только на полях, расположенных поблизости от кишлака или в самом кишлаке, появляются первые зеленые побеги, пребывание скота в кишлаке становится нежелательным из-

---

[1] Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 52.

[2] В Ховалинге б/Кулябской области мы встречали пугало из черепа вола или коровы, укрепленное на длинной палке и водруженное посредине огорода. Нам сказали, что пугало поставили для того, чтобы никто не сглазил растения; когда человек приходит на огород, то сразу его взгляд останавливается на пугале, сила дурного глаза уходит в пугало и не действует на растения.

[3] Помимо посевов, пугала ставили иногда на крышах домов во время сушки там сыра (қърут), который птицы, особенно сороки, часто растаскивают.

за опасности потравы ему посевов. К этому времени из среды односельчан выбиралось особое лицо—«куругмоль» («къръгмол» — М. Р.), в обязанности которого входило наблюдать за тем, чтобы скот не заходил на посевы. В случае обнаружения потравы он ловил зашедшее на поле животное и запирал его в хлев, где и держал до тех пор, пока хозяин животного не уплатит установленную пеню — штраф, называемый тоже «куругмоль». В прежние времена существовал обычай отрезать у животного, произведшего потраву на чужом поле, кончик уха».[1]

По нашим сведениям, кроме кончика уха, еще отрезали уши и хвост целиком, наносили раны животным и т. п. Что касается пени — «hакки къргмол» (доля куругмола), то хозяин скота, портившего посев, платил этот штраф не деньгами, а натурой — несколько тюбетеек зерна или 10 — 12 кусков сушеного сыра — «кърут», яйца, масло и пр.

Лицу, исполнявшему обязанности «куругмол», за его услуги давали зерно в количестве, установленном населением кишлака. Например, каждое хозяйство осенью, после окончания сбора зерновых культур, давало ему по два или два с половиной блюда зерна. Что касается штрафов, то куругмол отдавал их старосте кишлака. В старину староста все собранное в качестве штрафа расходовал на пищу для путников, останавливавшихся в мечети, но позднее, в предреволюционные годы, штрафы шли уже в пользу старосты, частично же их присваивал сам куругмол.

Обычай выбирать общественное лицо, оберегающее посевы от потрав, по-видимому, имеет древнее происхождение и тесно связан с существованием сельской общины. Отметим, например, соответствие функций куругмола и индийского «тотиэ», охраняющего урожай,[2] египетского «генематофилака», также охраняющего урожай,[3] или «катаспоревса», наблюдателя за посевами в эллинистическом Египте.[4]

7. Уборка урожая

Уборка урожая, перевозка и молотьба коротко описаны Н. А. Кисляковым.[5]

К уборке урожая приступали тогда, когда полностью созревали зерновые культуры. Время уборки, как и пахоты, варьировало по району, разница в сроках начала уборки достигала 10 — 15 дней.

«Период жатвы хлебов, — пишет Н. А. Кисляков,—в отдельных районах и кишлаках (бассейна р. Хингоу — М. Р.) наступает в различное время, в зависимости от созревания. В кишлаке Сангвор (верхнее течение р. Хингоу — М. Р.) ячмень начинают жать примерно с начала августа, а пшеницу с начала сентября. В нижней части долины р. Хингоу жатва хлебов начинается значительно раньше».[6]

---

[1] Кисляков Н. А., Древние формы скотоводства..., стр. 39.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. IX, стр. 350.
[3] Струве В. В., Наемный труд и сельская община в южном междуречье конца III тысячелетия до н. э., ВДИ, в. 2, 1948, стр. 27.
[4] Струве В. В., Указ. соч., стр. 27.
[5] См. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 117—125.
[6] Там же, стр. 117.

В первой половине августа наступал период жатвы в кишлаках Сагирдаштской группы; немного раньше (на 5 — 6 дней) начинали жать в кишлаках Каракутан, Девлохи Калон и некоторых других селениях, расположенных по нижнему течению левого берега Хингоу, но находящихся высоко в горах. В кишлаках, расположенных непосредственно в самой долине р. Хингоу, как в нижнем, так и в среднем ее течении, жатва хлебов начиналась в начале августа.

Отметим, что сроки созревания хлебов были различны не только по кишлакам, но и на отдельных участках в одном селении, потому что некоторые из них находились на теневой стороне — «сояру», «нъшра», а другие — на солнечной стороне — «афтовру». Хлеба на теневой стороне созревали позже, а на солнечной стороне раньше, даже если они были посеяны в один и тот же период. На теневой стороне к жатве приступали во второй половине августа, а в кишлаках Сагирдаштской группы — в первой половине сентября. В этих кишлаках даже на солнечной стороне имелись такие участки, где хлеб созревал чуть ли не во второй половине сентября; посевы на таких участках часто подвергались опасности гибели от ранних заморозков. В кишлаке Сафедорон на участках под названием Кадушиканак (буквально «разбивающий тыкву-горлянку»), Рамараха (буквально «путь стада»), Банд (буквально «веревка»), расположенных вдали от селения на большой высоте, около 3000 м, хлебные злаки очень часто погибали от холода, даже не успев пройти стадии расцветения—«дар вахти гъл сармошу мезо» (во время цветения их побивал мороз), — говорили старики.

Это обстоятельство было уже отмечено в 80-х годах Г. Е. Грум-Гржимайло, который писал: «В долине Хингоу, особенно в верховьях этой реки, наблюдаются такие участки, где с трудом доспевает ячмень».[1]

Жатве хлебов предшествовала жатва дикорастущих трав, заготавливаемых для зимнего корма скоту. Бобовые культуры созревали одновременно с хлебными злаками, и их снимали в одно и то же время.

Процесс жатвы носил общераспространенное название «дърав», «дъравкънӣ»; сенокос называли «кахдърав», жатву хлебных злаков — «ғалладърав», жатву пшеницы — «гандъмдърав», жатву ячменя — «чавдърав», жатву льна — «зъғердърав»; жнец назывался «дъравгар».

Все хлебные злаки, травы, бобовые культуры, за исключением гомука, жали железным серпом — «дос», а гомук выдергивали с корнем руками.[2]

В старое время на жатву, так же как и на посыпание снега землей и на пахоту, отправляли сначала от всего селения одного человека, чтобы он первый начал работу.[3] На следующий день на жатву отправлялись все жнецы селения, жали с раннего утра и до позднего вечера почти без отдыха. Отметим, что в некоторых кишлаках по нижнему и среднему течению р. Хингоу жнецы работали до полудня—«нимрузӣ» и уходили домой на отдых, если кишлак находился близко к полю, или отдыхали в поле, если до селения было далеко. Это время отдыха называли—«гармхамбӣ», «гарм гъзарунӣ» или «гарм эстӣ», что соответствует русскому пол-

[1] Грум-Гржимайло Г. Е., Очерк припамирских стран, стр. 86.
[2] Ср. Баранов П. и Райкова Н., Указ. соч., стр. 32.
[3] Подробнее об этом см. главу V настоящей работы.

днику. Гармхамби во время жатвы хлебов в кишлаках Сагирдаштской группы отсутствовал, но имел место во время жатвы дикорастущих горных трав.

Каждая хозяйка приносила своим жнецам на поле пищу один раз в день; это называлось «нохрибарӣ» (лит. таджикское «нахори» — еда). Пища эта состояла из горячего блюда и пшеничных или ячменных лепешек (смотря по состоянию хозяйства).

Н. А. Кисляков пишет: «При жатве трав жнец надевает на левую руку кожаную перчатку — «даст муза» («дъстмуза» — М. Р.), а при жатве злаков на один или два пальца левой руки он надевает кожаные пальцы—«ликак».[1] Однако это описание Н. А. Кислякова неточно. «Дъстмуза» (рукавица—буквально «сапог для руки») надевали только во время жатвы стеблей кустарника или колючки для топлива; эти перчатки шили из бараньей или козьей кожи. Что касается кожаных пальцев—«ликак», то ими в действительности пользовались повсеместно в бассейне р. Хингоу и назначение их состояло в том, чтобы жнец не порезал пальцы. Кроме того, «ликак» надевали на пальцы, имеющие раны или царапины.

Приемы жатвы везде были одинаковы. Работал жнец стоя, в полусогнутом положении. Держа серп в правой руке, он захватывал серпом пучок колосьев примерно посредине стеблей, перехватывал его несколько выше левой рукой и затем перерезал серпом под корень. Такой прием он повторял несколько раз, пока в левой руке у него не окажется большая охапка колосьев — «кавза». Тогда он кладет ее на заранее приготовленную завязку — «банд» или «бандӣ», состоящую из двух пучков колосьев, своими верхними концами крепко скрученных друг с другом. Когда на завязку было положено достаточное для одного снопа количество колосьев, называемое «мъштик» или «сатрӣ», свободные концы ее связывали, крепко нажимая при этом левым коленом или левой ногой на сноп.[2]

Снопы — «дарза» оставались разбросанными по сжатому полю. Только в полдень, когда жнецы уходили на полуденный отдых, или вечером перед уходом домой, собирали снопы и укладывали их в скирды.

Снопы в скирды укладывали несколькими способами.

Сжатые снопы (10—12) укладывали в круг колосьями внутрь. Свободное пространство в середине круга иногда тоже заполняли уложенными плашмя снопами, иногда же оставляли незаполненными. Поверх первого ряда укладывали второй ряд, немного отступя от края. В этом ряду помещалось на 1—2 снопа меньше и верхушки снопов свешивались вниз, внутрь скирда. Последующие ряды также клались отступя от края и еще в меньшем количестве. Получался куполообразный скирд, в котором последний сноп наверху был поставлен вертикально, вниз колосьями. Таким образом, в этом скирде все колосья оказывались спрятанными внутрь. Этот тип скирда называется в верхней части долины «хавча» или «курхавча», т. е. «слепой скирд», а в средней и нижней, начиная от кишлака Ёзганд — «ғанък» или «курғанък». В скирды «курхавча» складывалась пшеница с недозревшими зернами, так как считалось, что в таком скирде она хорошо дозревает. Вообще этот скирд удобен тем, что

[1] Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 117—118.
[2] Там же, стр. 118.

колосья сложенных в нем снопов защищены от дождя, скота и хорошо сохраняются.

Второй вид скирда применялся в верховьях долины и назывался «бомъштик». Стог «бомъштик» имеет в своем основании не круглую, а прямоугольную форму. Снопы в нем укладывались двумя рядами, стеблями (сузками) — «пая» наружу, а колосьями — «хуша» внутрь, причем колосья противолежащих снопов слегка заходили друг на друга. Начиная с третьего ряда, снопы укладывали, отступая от края, и наверху оставалось всего четыре снопа — по два с каждой стороны. На них клали иногда камень для большей устойчивости скирда. В этот скирд, как и в хаска, складывали сухие снопы, в которых все колосья были созревшими.

Влажные снопы, которые нужно было досушить, укладывали по способу, называемому в верховьях «ганък», а в низовьях «хирманак». Здесь снопы укладывались в виде прямоугольника, в один ряд и со всех четырех сторон колосьями внутрь; на углах и в середине снопы лежали под прямым углом друг к другу. При этом способе укладки снопы хорошо просыхали. Так всегда складывались ячмень и бобовые, а иногда еще и лен, если он был не совсем сухой. В каждый скирд укладывали по 50—60 снопов, т. е. столько, сколько входит в одну чигину.

Только в низовьях долины существовал способ укладки стога в три снопа, называемый «нимганък», т. е. полскирда: два снопа клались колосьями друг к другу, а на них клали третий сноп.

Сжатое просо — «арзън и кънок» ставили на поле для просушки отдельными снопами, колосьями кверху, «тычком». Этот способ называется везде «хучпай». Другие злаки ставились в хучпай обычно на токе, а на поле только иногда ставили так отдельные сырые снопы в день жатвы для просушки.

8. Приготовление тока и доставка урожая на ток

Каждый крестьянин имел свой отдельный ток—«хирман». Ток приготовлялся для молотьбы хлебов следующим образом: крестьянин мотыгой или лопатой уничтожал все сорные травы, и пускал на очищенную площадку на целый день воду. На следующий день приступали к выравниванию тока. Для этого по площадке пускали сани-волокуши, в которые волы были впряжены не спереди, а сбоку. Быки тащили сани-волокуши за собой, заравнивая полозьями саней каждое неровное место тока. После этого хозяин тока посыпал его мякиной и затаптывал ногами оставшиеся неровности. Это делалось для того, чтобы ток не потрескался при затвердении его поверхности. Процесс этот назывался «хирманросткый» (приготовление тока).

Одновременно с приготовлением тока ремонтировали специальное помещение при токе — «хирманпоч», используемое для хранения необмолоченных снопов во время дождя и для хранения орудий молотьбы. Зимой «хирманпоч» обычно служил местом хранения запаса соломы для крупного рогатого скота и лошадей; тогда его называли «кахдун». На крыше его держали скирды сена — «хав».

Сжатые хлеба доставляли на гумно тремя способами: перевозкой на санях-волокушах, переноской на спине и спусканием по земле с крутых склонов гор до ровных мест на ветках деревьев.

Перевозка снопов на ток при помощи саней-волокуш. Повсеместно в горных районах Таджикистана, в том числе и в долине Хингоу, до Октябрьской революции, а местами и вплоть до на-

ших дней, существовала перевозка снопов при помощи саней-волокуш. Тягловой силой являлась пара волов, запряженных в них. Сани-волокуши употреблялись повсеместно, за исключением очень крутых и скалистых местностей, где уже невозможно было пройти волам. Сани-волокуши использовались на конусах выносов, на древних террасах речных долин, на крутых грунтовых склонах гор.

На участках, откуда невозможно было перевозить снопы на ток в селе, его приготовляли и обмолачивали снопы там же. Таких мест было много в кишлаках Дехи Боло, Девлохи Калон и т. д.

Во многих кишлаках для перевозки снопов на ток население прокладывало специальные дороги для саней-волокуш — «раҳи чигина» или «чъгинараҳа»; в этой работе принимали участие все крестьяне селения. Инициаторами таких коллективных работ были баи и другие крупные землевладельцы, которые больше были заинтересованы в прокладывании дороги. Большинство санных путей кишлаков Сафедорон, Дараи Мело, Лангар, Ёзганд, Чильдара, Хамдара и др. проводилось таким же образом.

Например, в кишлаке Сафедорон по инициативе крупного земледельца Чучика силами всего населения была проложена дорога от участка Кадушинанак до участка Сари Сев протяжением в 4 км. Крестьян, не имевших в данной местности земли, насильно заставляли участвовать в этих работах.

Баи, феодалы и другие землевладельцы, имея обширные земельные угодья, не участвовали в проведении дорог, а лишь брали на себя руководство организацией работ, ездили на лошадях и следили за их ходом.

На чигину укладывали 40—50 снопов по 2 ряда, так чтобы верхушки снопов с колосьями лежали друг на друге, а гузки по краям. Поверх снопов набрасывали две длинных шерстяных веревки — «банди чигинакаш» и ими крепко увязывали снопы; веревку при этом сильно натягивали с помощью деревянных петель или крючков — «чахт» (рис. 32), привязанных к концам каждой веревки. Когда снопы на санях были увязаны, возчик — «чигинакаш» вставал между волами и погонял их (рис. 33).

Чтобы чигина не перевернулась, на склонах гор возчик держался сбоку от нее, держа ее за переднюю стойку и крепко опираясь плечом на гузки снопов. На крутых опусках возчик также держался за одну переднюю стойку и погонял волов медленно, чтобы чигина не скользила, не ранила ноги волов и не перевернулась.

Способ перевозки снопов на санях-волокушах везде в районе называется «чигинакаш».

Переноска снопов на ток. Необходимость переноски снопов на себе вызывалась, во-первых, необеспеченностью подавляющего большинства крестьян рабочими волами, во-вторых, природными условиями района, где часто невозможно было осуществлять перевозки снопов даже при помощи саней-волокуш, не говоря уже о других видах транспорта. Поэтому крестьяне вынуждены были, несмотря на тяжесть этой работы, переносить снопы на ток для молотьбы на спине, при помощи специального приспособления — «сих» (описание см. выше, в разделе «Земледельческие орудия»). Способ переноски снопов на спине назывался «пъштора» или «пъшторакаш». За один раз можно было перенести от 15 до 20 снопов.

О переноске снопов в бассейне р. Хингоу коротко упоминает Н. А. Кис-

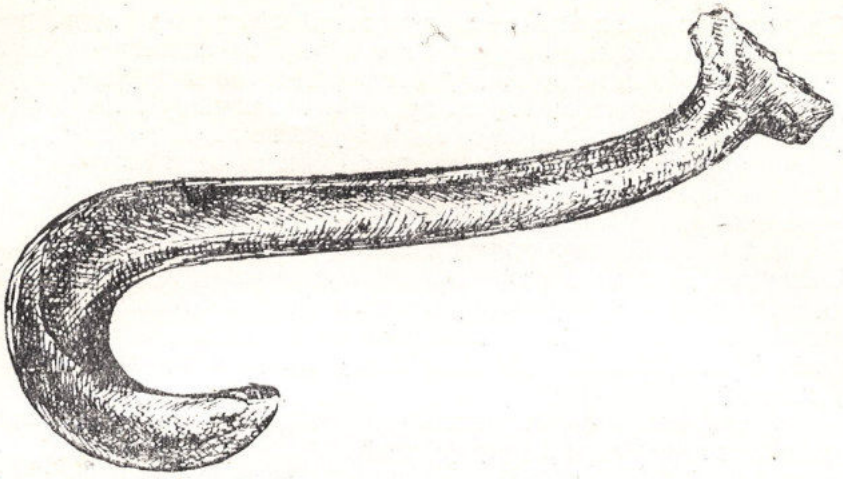

Рис. 32. Деревянный крючок для завязывания веревкой снопов на санях-волокушах.

Рис. 33 Способ перевозки снопов на санях-волокушах.

ляков.[1] В других соседних районах горного Таджикистана способ переноски описан также очень коротко М. С. Андреевым[2] и П. А. Барановым.[3]

[1] См. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 120—121.

[2] См. Андреев М. С. и Половцев А. А., Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишкашим и Вахан, Сб. МАЭ, I., вып. IX, СПб., 1911, стр. 24.

[3] См. Баранов П. и Райкова И., Указ. соч., стр. 32.

Спускание снопов с крутых склонов гор производилось при помощи больших веток или целого небольшого деревца с ветвями. На ветку или на деревцо укладывали несколько снопов пшеницы или ячменя, к концу ствола дерева привязывали веревку или же скручивали ветки и осторожно спускали это сооружение вниз. Часто на очень крутых склонах крестьянин ложился животом на снопы и быстро съезжал на них вниз. Этот способ спускания снопов носил название «шохмола» или «шохмолак».

В бассейне р. Хингоу существовали и такие участки земли, переноска снопов с которых требовала очень кропотливого труда. Они находились на крутых склонах между высокими горами. Снопы с этих участков переносили на спине до такого места, откуда можно было спускать их путем шохмола. Таких участков очень много в нижней и средней части долины.

Спустив путем шохмола снопы на ровное место, их перевозили на чигине или переносили к току на спине.

9. Молотьба

Работа на току — «хирманкувй», «ғаллакувй», «хъркувй» состояла из двух основных последовательных процессов — молотьбы и веяния.

Привезенные или принесенные снопы складывались в большие скирды — «шола» на краю тока. Если ток был свободен, то снопы развязывали и разбрасывали на нем для просушки—«дарзапоракъни», «хърпоракъни» или «хърпоши».

Если снопы были сырыми, их около тока не укладывали в скирды, а ставили для просушки каждый из них тычком. Когда они просыхали, тогда развязывали завязки и разбрасывали их по току для молотьбы. Разбросанные по току колосья назывались «хър». Еще до начала молотьбы крестьяне время от времени переворачивали разбросанные колосья деревянными двузубыми вилами, чтобы они хорошо просыхали; это называлось «хършури» или «хъркови».

Молотьба выполнялась двумя способами. Самой распространенной по всему Бухарскому ханству являлась молотьба при помощи плетенки-волокуши — «чапар» (см. стр. 36). Запряженная в ярмо пара волов волочила чапар по развязанным и разложенным на току снопам (рис 34). Самый процесс носил название «чапаргардуни» (буквально «вращение плетенки-волокуши»). Погонщик — «говгардун» гонял волов хлыстом — «хъмчаи говҳайкъи», «дангали говҳайкъи», «хъмчаи говгардун», «дангали говгардун» или «говруна».

Погонщик время от времени менял направление хода волов и чапара. При этом он перескакивал с одной стороны на другую, крича: «Бо-ha ба!», затем поворачивал волов в обратную сторону. Этот поворот—«говгардункъни» делался для того, чтобы колосья быстрее размельчались.

Вторым способом молотьбы являлось выбивание зерен из колосьев копытами волов, которых гоняли по току вкруговую; этот способ назывался «галлагов» (буквально «группа волов»). Волов связывали друг с другом за шеи на определенном расстоянии длинной веревкой; обычно одновременно в работе было от 3 до 8 волов, а иногда и более (рис. 35). При этом 2 крайних волов называли «гови пал». Обмолот способом «галлагов» продолжался 8 — 10 часов, после чего для окончания обмоло-

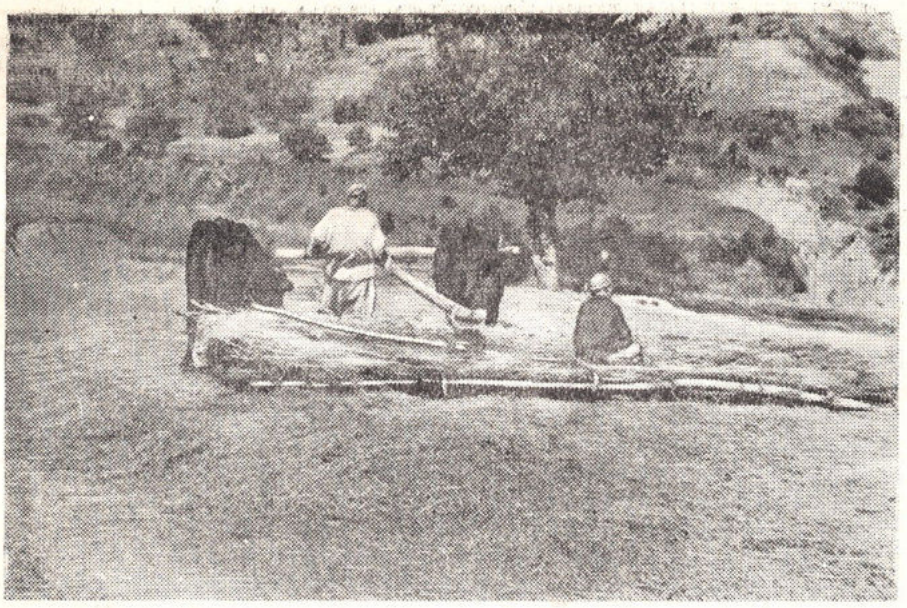

Рис. 34. Молотьба бороной.

та применяли молотьбу чапаром. За волами шли 2 — 3 человека и деревянными двузубыми и четырехзубыми вилами переворачивали размельчающиеся колосья.

Рис. 35. Молотьба способом «галлагов».

В некоторых кишлаках среднего и во всех кишлаках нижнего течения р. Хингоу, особенно в кишлаках, примыкавших к горным районам

б. Кулябской области, галлагов применяли только во время молотьбы бобовых и масличных культур. Зерновые культуры обмолачивали чапаром, и только после того, как куча размельченных колосьев была отвеяна, оставшиеся неразмельченные колосья молотили способом «галлагов», который в этом случае назывался «пайхум». Таким же путем производился обмолот и в соседних районах б. Кулябской области.

Молотьба способом «галлагов» способствовала быстрейшему размельчению колосьев. При этом способе на большом току молотьба длилась не больше суток, в то время как чапаром молотили 1,5 — 2 суток и более. Но бедняцкие и середняцкие хозяйства, не имевшие в достаточном количестве рабочего скота, не могли самостоятельно применять галлагов в молотьбе. Им приходилось объединять скот нескольких хозяйств, и тогда каждый хозяин молотил не более 4 — 5 часов. Оканчивали молотьбу чапаром.

Как при галлагов, так и при обмолоте чапаром рабочими животными являлись только волы, и нигде в долине р. Хингоу при молотьбе, пахоте и перевозке снопов на ток не применяли других животных. На ослах и лошадях, если они имелись в хозяйстве, иногда во время пахоты возили в поле семена.

В Южном Дарвазе, в долине р. Пянджа, при молотьбе использовали ослов, а также коров. В северных горных районах б. Кулябской области в молотьбе использовали ослов и лошадей, в Дашти Джумском районе, примыкающем к Южному Дарвазу с запада, использовали для молотьбы коров.

В бассейне Ях-Су и Кизыл-Су, а также в Каратегине иногда применяли комбинированный способ обмолота — чапаром и галлагов одновременно (рис. 36). В бассейне Ях-Су и Кизыл-Су нередко в чапар впрягали не волов, а лошадь, на которую погонщик садился верхом. Этот же погонщик гонял перед чапаром группу волов — галлагов или заменяющих волов 2 — 3 лошадей.

Рис. 36. Молотьба комбинированным способом — «чапар и галлагов».

Отметим еще молотьбу вручную — «сарчък» или «сарчик», встречавшуюся до революции в долине р. Хингоу и несомненно являвшуюся очень древним способом. Этот способ применялся лишь в очень

бедных хозяйствах, в которых имелся участок земли не больше, чем 2 — 3 блюда зерна, а также женщинами в других хозяйствах в период созревания хлебов; если, например, была нужда в хлебе, они таким путем на скорую руку обмолачивали 2—3 снопа из нового урожая, чтобы смолоть зерно и напечь лепешек.

Сарчик производился следующим образом. На небольшой чистой площадке или в уголке тока клали снопы и тяжелой колотушкой — «дангал» били по колосьям, пока зерно не отделялось от последних. Обмолоченное зерно веяли самым примитивным способом: смешанное с соломой зерно брали в руки, поднимали обе руки до уровня головы и сыпали зерно; ветер уносил мякину, а зерно падало на землю.

О существовании способа «сарчик» в районах Южного Дарваза, прилегающих к Пянджу, упоминают П. А. Баранов и И. А. Райкова.[1] А. Л. Кун такую молотьбу наблюдал в Зарафшанском округе,[2] а В. П. Наливкин — в Фергане.[3]

После того, как колосья и стебель в процессе молотьбы способом «галлагов» или чапаром окончательно размельчались, их собирали в большую продолговатую кучу, имевшую овальную форму — «хара». Кучу делали посередине тока так, чтобы длинная ее сторона была под прямым углом к ветру—«шамол рав». С подветренной стороны кучи плотно к ней на небольшом расстоянии друг от друга втыкали в землю 5 — 6 колышков, называемых «бодчув» (буквально «веятельные (ветряные) палочки»). Они при веянии отделяли зерно от ложащейся дальше мякины. После этого приступали к провеиванию зерна — «бодкъни». В каждом селении различали «шавбод» — ночное веяние и «рузбод» — дневное веяние, что было связано с направлением ветра, в этих горных местах обычно менявшего свое направление утром и вечером. Если крестьяне не успевали провеять кучу зерна за день, то могли продолжать работу и ночью (если ночь была лунная), но для этого нужно было собрать все отвеянное зерно и мякину и вбить колышки по другую сторону кучи; в противном случае зерно перемешивалось бы с соломой.[4]

Веяние происходит следующим образом. Два—три и более веятелей — «бодгар» или «бодкън», стоя боком к ветру, берут деревянными пятизубыми вилами размельченную солому вместе с зерном и подкидывают вверх. Начинают веять с одного края кучи и двигаются, шагая назад, к другому (рис. 37). Во время подкидывания зерно падает перед кучей, а солома — «каҳ» ветром относится и падает позади кучи за колышками; мелкая мякина — «бодкаҳ» падает еще дальше. Когда позади кучи собирается достаточно соломы, один из веятелей вилами отодвигает ее от кучи зерна; это называется «каҳзани». Постепенно позади основной кучи зерна — «хара» образуется вытянутая куча соломы — «хараи каҳ», а перед ней — более тонкая полоса отвеянного зерна с примесью неразмельченных колосьев — «кафа» и стеблей — «пая». Эта полоса называется «мояк» (в районах бассейна Ях-Су — Кизыл-Су — «моя», «мой», в Каратегине — «мая», «майҳак» или

---

[1] Баранов П. и Райкова И., Указ. соч., стр. 33.
[2] Кун А. Л., Заметка о поземельных сборах в Заравшанском округе, «Туркестанские ведомости», № 1, 1874.
[3] Наливкин В. и Наливкина М., Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 29.
[4] Ср. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 124.

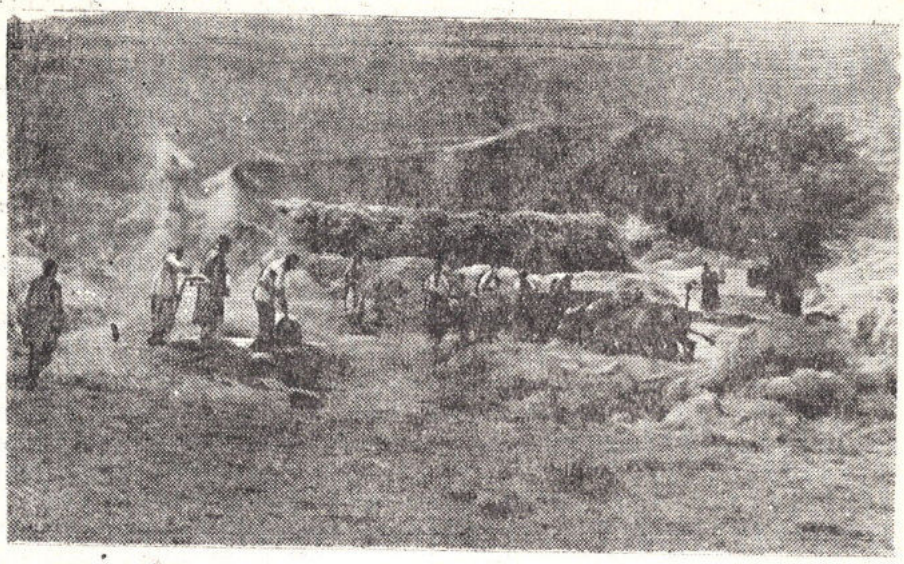

Рис. 37. Справа обмолот способом «галлагов»; слева—веяние.

«маяк»). Когда появился «мояк», один или два человека, идя вдоль него, начинают осторожно сметать с поверхности все неразмельченные части колосьев специальным веником (рис. 38).[1] Эти колосья и неразмельченные стебли сметали в кучи на обоих концах хара; это называлось «пешкаш».

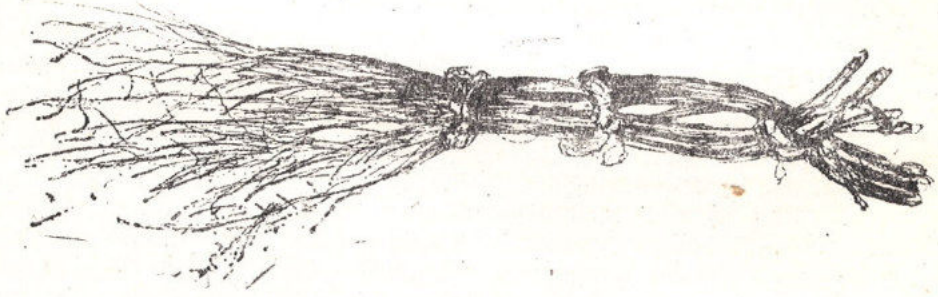

Рис 38. Веник для тока—«чурбин хирман».

При ширине хара около 2 м в процессе веяния последовательно образуется 6 — 8 полосок отвеянного зерна. Как только первый такой мояк определялся, один из веятелей сходил с хара и, сменив вилы на деревянную лопату — «къячак», еще раз провеивал зерно мояка, подбрасывая его лопатой, и получившееся чистое зерно собирал в круглую кучу—«чошт», присоединяя к ней зерно, получаемое от последующих

[1] Эти веники изготовляются из прутьев кустарника и называются «чурбин шох» или «чоруби шох» или же из веток растения «талха»—«чурбин хингак», «чоруби хингак».

мояков.[1] Это второе веяние называется «кърчакбод». Зерно, собранное в чошт, еще раз очищали, просеивая через решето — «ғелбол». Оставшееся в решетке при просеивании — «ғелболкъни» (части колосьев, стеблей, камня, мусор) ссыпали отдельно. Камни выбирались, а колосья обмолачивались вместе со сметенными с мояков колосьями — «кафа».

В кишлаках Сагирдаштской группы кафа оставляли до окончания молотьбы и затем обмолачивали за один раз. Полученное от этого зерно называлось «ғаллаи кафаги» и имело меньшую ценность, чем «ғаллаи чошти», т. е. зерно из чистой кучи.

В некоторых кишлаках среднего и нижнего течения р. Хингоу из мояка не выметали необмолоченные колосья. После окончательного веяния хара мояки собирали посередине хирмана и еще раз молотили способом «галлагов» (см. выше). После этого все зерно опять собирали в длинную кучу и вторично провеивали с помощью деревянной лопаты. На этот раз оставшиеся неочищенными зерна сметали с мояков вениками. Это повторное веяние называлось «чоруббод» — веяние с помощью веника. Такой процесс молотьбы и веяния существовал и у таджиков бассейна Ях-Су — Кизыл-Су и у таджиков Каратегина.

Веяние хлебов отнимало много времени. К веянию одной кучи приступали обычно утром, в 10 — 11 часов, когда уже дул дневной ветерок—«рузбод». Оно продолжалось, смотря по величине кучи и в зависимости от ветра, до позднего вечера. Веяние маленьких хара отнимало половину дня. На веяние обычно приходили по приглашению хозяина, а часто и без приглашения свободные в эти дни крестьяне, которые помогали своему односельчанину — бедняку или середняку.

Для веятелей в доме хозяина тока приготовляли пищу и приносили на ток. Кроме того, в виде помощи на ток приносили пищу родственники и соседи. Принесенная на ток пища называлась «сархирмани» или «сарбоди».

К уборке кучи чистого зерна — «чоштвардори» приступали тогда, когда куча была полностью готова, т. е. когда зерно было просеяно при помощи решета.[2]

10. Заготовка сена для скота

Так как дикорастущие травы поспевали раньше, чем посевы, то к заготовке сена для зимнего корма скота приступали раньше, чем начинали жатву хлебов. В среднем и нижнем течении р. Хингоу к жатве трав приступали со второй половины июня, а на северных склонах Дарвазского хребта — в начале июля. Время жатвы и заготовки сена продолжалось всего 1 месяц или немного больше (1 месяц и 5 — 10 дней). Раньше всего жали юган (Prangos pabularia), так как он быстрее высыхает и пропадает.

Кормовые травы очень разнообразны, но мы укажем лишь самые основные. Наиболее видное место среди них занимали юган, гис или дис (дикий овес — Avena-Sterilis), мынч, ғаша, говрышка (дикий клевер), лъх, къруш, торун (Polygonum polymorphum, p. hissaricum), шибар и др.

Из этих растений основным кормом для мелкого рогатого скота

---

[1] Обычаи и обряды, связанные с мояком и чоштом см. в гл. V.

[2] Об обычаях и обрядах, связанных с этим, см. гл. V

являлся юган, а для крупного рогатого скота и лошадей — мундж, говришка, шибар и пр. Считалось, что если крупный рогатый скот и лошадей кормить юганом и держать в хлеву, то они могут ослепнуть.

Сенокос — «кахдърав» очень мало отличался от жатвы хлебов. Местное население различает 2 вида сенокоса — «пешкавза» и «пасқавза». Первый заключается в том, что, жнец, взяв серп в правую руку, левую руку ставит прямо, большим пальцем кверху, а ладонью к себе. При втором способе левую руку держат перевернутой, большим пальцем книзу, а ладонью от себя. Первым способом обычно жнут хлебные злаки, а вторым — дикорастущие травы.

Травы жали серпом и подхватывали подмышку левой рукой, пока собиралась охапка. Это носило название «палкор», а собиравшаяся подмышку охапка трав называлась «мъштик» или «сатрй» (охапка). Эти охапки складывались в незавязанные снопы — «веб» при жатве югана и в завязанные снопы — «дарза» при жатве других дикорастущих трав (ръшқа, дис, мънч и пр.). Иногда эти охапки оставляли разбросанными по сжатому лугу, что особенно практиковалось в отношении дикорастущих трав, требующих длительной просушки, как, например, нармаках, шибар, ғаша, лух, куруш и пр.

Снопы или охапки трав оставались в разбросанном виде до окончания сенокоса. После окончания сенокошения подсохшие охапки связывали в снопы — «дарза». В 1 сноп связывали 2—3 охапки вместе, накладывая их друг на друга верхушками в разные стороны. После этого снопы укладывались в стога, называемые «хавча» или «ғанък».[1]

В «хавча» или «ғанък» укладывали по 50 снопов, т. е. по 5 нош. 1 ноша — «бор» составляет 10 снопов, а 20 нош составляют «яг бист» (1 двадцатку). Дальнейший счет во время заготовки сена идет также двадцатками — «дъ бист» (2 двадцатки), «панч бист» (5 двадцаток), «дах бист» (10 двадцаток) и т. д.

Снопы сена, как и злаки, перевозили на санях-волокушах, переносили на спине или же спускали их с гор на описанных выше волокушах из веток — «шохмола». Перевозимые или переносимые снопы складывались в стога — «хав» в специальных, огороженных со всех сторон, каменных постройках, называемых «хавгаҳй» (буквально «место для стога») или же на крышах домов. Чаще всего снопы укладывали в большие стога — «хав» на ровной площадке и вокруг них делали плетень из ветвей — «шъғ».

Отметим, что зимою, находясь в хлевах, скот кормился только заготовленными сеном и соломой. Солому держали в специальных закрытых помещениях — «кахду» или «кахдун» (буквально «помещения для соломы»).

Остается добавить, что мелкой пшеничной и ячменной соломой — «майдакаҳ» или «каҳи майда» кормили исключительно крупный рогатый скот, лошадей и ослов, а сено «дарза каҳ» или «каҳи дарза» шло на корм для мелкого рогатого скота.[2]

Крупному рогатому скоту и лошадям иногда скармливали также

---

[1] Способ укладки снопов сена в стога и их названия не отличаются от описанных выше способов укладки и названий снопов злаков в скирды. Здесь отсутствует только «бомъштик» и «нимғанък» (см. выше).

[2] Для всех этих видов соломы употребляется одно общее название—«каҳ».

сено, но это было исключением. В основном крупный рогатый скот и лошадей кормили раз в день рубленым и смешанным с соломой сеном, называя эту смесь «дъръшта», а потом давали только солому. Кормление скота называлось «кахдозй».

Попутно укажем, что скот кормили до 6 раз в день (кишлак Сафедорон): 1) «пъгахй» (утренний корм), 2) «сарафтовй» (солнечный восход), 3) «чоштак» (буквально «маленький полдник», в 12 часов), 4) «чошти калун» (полдень), 5) «пешинй» (после полудня), 6) «вегай» (вечером).[1]

На водопой водили только 1 раз — в полдень (в «чошти калун»). В хорошую солнечную погоду скот в каждом хозяйстве после водопоя выпускали побродить около помещения для хранения соломы или возле скирдов сена в течение одного или полутора часов, — тут же его и кормили.

***

Из сказанного видно, в каких тяжелых условиях приходилось трудиться горному таджику. При низком уровне производительных сил, развитие которых сковывалось господствовавшими в горных районах до революции патриархально-феодальными отношениями, суровые природные условия ощущались особенно остро. Но в этих условиях горный таджик проявлял неистощимое упорство и трудолюбие, и результаты его труда вызывали удивление путешественников, посещавших горный Таджикистан. Так, побывавший здесь в последней четверти XIX века Д. Л. Иванов писал: «Когда вы вступаете на поля этих горцев, вы не верите, что это не шоссе, а поля, но когда взглянете на каменные барьеры, окружающие каждый участок такого поля, и узнаете, что эти барьеры сложены руками из миллионов камней, собранных туземцами, чтобы очистить свои поля, тогда только вы оцените, сколько нужно было затратить труда, чтобы горцу можно было прилепиться к земле, — и тогда-то поймете, как велика должна быть потребность в том же горце непременно жить оседло, хозяйственно, на своей земле, какова бы она ни была».[2]

Вследствие скудности и разбросанности земельных площадей, находившихся на древних речных террасах и конусах выносов, а иногда и на крутых каменных склонах гор, горный таджик применял разнообразные приемы обработки своих пашен, в зависимости от того, где они находились.

Наши материалы говорят о том, что горные таджики бассейна р. Хингоу, как и их соседи, располагали огромным запасом эмпирических знаний, которые накапливались веками и передавались из поколения в поколение.

Одним из примеров тонких народных наблюдений является практиковавшийся всюду среди горных таджиков способ посыпания снега на полях землей для ускорения его таяния. Не зная физических и биологических законов природы, таджикские земледельцы путем длительных наблюдений подметили, что темная поверхность рассыпанной по полю земли привлекает к себе большее количество солнечных лучей и уско-

[1] Подробно о разделении суток см. гл. IV, разд. 3.
[2] Иванов Д. Л., Указ. соч., стр. 244.

ряет очищение поля от снежного покрова. Рациональность этого способа удлинения вегетативного периода подтверждается тем, что он продолжает применяться и в колхозной практике, причем в настоящее время, в сравнении с доколхозным периодом, применяется в большом масштабе.

Большую наблюдательность и знание условий горного земледелия проявляли таджики в устройстве плуга, в способах пахоты и на ровных местах и на крутых склонах гор. Несмотря на свою примитивность, некоторые из старых сельскохозяйственных орудий (плуг, сани-волокуши, чапар) продолжают применяться при пахоте на крутых склонах и теперь, так как тракторы и плуги применимы только на больших ровных площадках.

Еще больших усилий и знаний требовало от горного таджика проведение оросительной сети в условиях сложного горного рельефа с неизбежными в каждую зиму разрушениями каналов и других сооружений снежными обвалами и осыпями.

Изложенные выше материалы свидетельствуют и о том, что таджики бассейна р. Хингоу, как и других горных районов, прекрасно разбирались в сортах выращиваемых ими культур.

Однако, при общем крайне низком уровне сельскохозяйственной техники и агротехнических приемов горным таджикам удавалось получать лишь очень низкие урожаи. В условиях господствовавших патриархально-феодальных отношений крестьянин-производитель и от этого урожая получал лишь малую часть, большая же часть его переходила в руки феодалов, баев и чиновничества.

В настоящее время в технике и методах выращивания урожая произошли громаднейшие изменения. На колхозных полях применяется новая техника и агротехника. Значительно возросло количество и качество высеваемых сортов злаков и других культур. Достаточно упомянуть о введении в широкий обиход культуры картофеля, который дает в бассейне р. Хингоу высокие урожаи и охотно употребляется населением в пищу. Большое значение имеет увеличение посевов льна-кудряша. В выращивании зерновых культур важным фактором, влияющим на устойчивый высокий урожай, является широкое применение озимых посевов, которые раньше из-за неправильных сроков сева не давали хороших результатов, а также систематического внесения на поля удобрений, в первую очередь навоза, большие запасы которого скапливаются теперь на колхозных животноводческих фермах.

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

I. Административное устройство

Долина р. Хингоу до революции в административном отношении входила в состав Дарваза. Дарваз до второй половины XIX века находился под властью местных полунезависимых наследственных правителей — «ша» (множ. «шахо»), а позднее, с конца 70-х годов XIX столетия, насильственно был подчинен Бухарскому ханству.[1]

В последние 25 лет своего существования Дарвазское бекство в административном отношении подразделялось на 7 амлокдорств, четыре из которых находились на территории бассейна р. Хингоу. Каждым амлокдорством управляло особое административное лицо—амлокдор, назначаемый эмиром бухарским или дарвазским беком из числа своих приближенных людей, а иногда из числа местной знати.

Для примера укажем на последних амлокдоров Чильдаринского амлокдорства, которых бухарский эмир назначил на эту должность не из местных коренных жителей, а из числа близких ему лиц и сановников. Как сообщили нам местные старики, в последовательном порядке управляли следующие амлокдоры: Якуб-джебачи (1896—1900) родом из Ромита; Мир Абдуллои Ромити (1900—1910), родственник Якуба-джебачи; Кори-джони мангити (1910—1913) родом из Бухары; Ахмад-

---

[1] Об истории Дарваза см. Арандаренко Г. А., Дарваз и Каратегин (этнографический очерк), стр. 443—445, 447—448; Кузнецов, Дарвоз, стр. 1—6. Кроме того, краткие и отрывочные сведения встречаются в работах следующих авторов: Борнс А., Путешествие в Бухару, т. III, стр. 295—297 и 307—310; Юль Г., Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи, СПб. 1873, стр. 28—29; 35—75; Ошанин В. Ф., Каратегин и Дарваз, стр. 52—53; Иванов Д. Л., Указ. соч., стр. 241—242; Васильев, капитан, Краткое статистическое описание Каратегина, Сборник материалов по Азии, в. XXXIII, 1888, стр. 25—26; Покотило Н. Н., Указ. соч., стр. 500—501; Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 5, 9, 15—16; Снесарев А. Е., Восточная Бухара, стр. 44—46; Мушкетов Д. И., Рохар (Кала-и-Ванч), ИРГО, т. II, в. III, 1916, стр. 240; Бартольд В. В., Таджики. Исторический очерк, сб. Таджикистан, Ташкент, 1925, стр. 106—107, 108—109. Более подробный материал можно найти в работах Н. А. Кислякова: Очерки по истории Каратегина; его же, Ишан-феодал Восточной Бухары, стр. 3—9; его же, История Каратегина, Дарваза и Бадахшана, Материалы по истории таджиков и Таджикистана, Сталинабад, 1945, стр. 71—113.

бек (1913—1915), брат Кориджона, который был назначен амлокдором после смерти последнего. Когда бухарский эмир отозвал Ахмад-бека, на его место прибыл из Бухары Мурад-бек (1915—1922),[1] двоюродный брат Ахмад-бека; в начале 1922 г., когда красные части приблизились к Чильдаре, он бежал в Афганистан.

Таким же образом назначали амлокдоров и в остальные амлокдорства. В Тавильдаринском амлокдорстве примерно с 1900 по 1922 гг. правили следующие амлокдоры из местного коренного населения: Мулла Давлат-бий родом из кишлака Пастирог (правил 4 года); Абдул-Гаффар-бек из кишлака Сайёд (правил 5 лет); Ниёз-туксабо из кишлака Савзихарф (правил 6 лет); последним амлокдором был Акбар-туксабо из кишлака Саридашт (правил 7 лет и был убит Ишаном Султаном в 1922 г.[2]).

В бассейне р. Хингоу население называло амлокдоров «мир» или «хоким», а дарвазского бека — «мири курган» или «мири Дарвоз» и очень редко тюркским словом «бек». Дарвазский бек, как и другие беки, всегда назначался эмиром бухарским не из местного населения, а из числа его ближайших сановников для того, чтобы регулярно получать доходы с бекства. Например, в 1899 г. беком в Дарваз был назначен бывший Курган-Тюбинский бек Мирзо Юлдаш-туксабо.[3]

Амлокдоры управляли амлокдорством и выполняли различные поручения бека: собирали войско в случае войны (в первые годы революции их обязанностью была организация басмачества), мобилизовали население на проведение дорог, на их ремонт, а также на постройку бекских домов и цитадели, вели наблюдение за всем происходящим в амлокдорстве и доносили об этом беку. Однако основной их обязанностью был сбор налогов и податей с населения. Отправляя их беку, часть собранного амлокдоры оставляли себе. Так как амлокдоры, как и прочие чиновники Бухарского ханства, жалованья не получали, а жили на средства, собираемые с населения, и так как никакой чиновник не знал, сколько времени он пробудет на своем месте, то он старался собрать с населения возможно больше средств, не останавливаясь перед незаконными поборами. Фактическая бесконтрольность всех чиновников и отсутствие сколько-нибудь налаженного учета и отчетности давали полный простор злоупотреблениям.

Амлокдоры в своих амлокдорствах достаточно самостоятельно осуществляли свою власть. Они имели полное право наказывать провинившихся, налагать на них штрафы и т. п. Амлокдоры имели при себе казначея — «хазиначй» и писаря — «мирзо» или «котиб».

Самыми мелкими податными единицами в амлокдорстве являлись мирхазорства — «мирхазорй», в местном произношении «михразорй» или «миразорй»; во главе мирхазорств стояли мирхазор, михразор или миразор (буквально «тысячник»).[4] Каждый мирхазор управлял находящимися в его мирхазорстве селениями, следил за выполнением

---

[1] Все эти даты являются приблизительными; наши информаторы точных дат не знали, а хранили лишь воспоминания о том, сколько лет правил тот или иной амлокдор и когда.

[2] О нем см. Кисляков Н. А., Ишан—феодал Восточной Бухары, стр. 25—26.

[3] Липский В. И., Горная Бухара, ч. III, стр. 603.

[4] В западных областях Бухарского ханства чиновники, по-видимому, соответствующие мирхазорам, назывались тюркским словом «мингбоши»—тысячник (Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 401).

повинностей и отдельных поручений амлокдора, за сбором податей и налогов. Он следил за уборкой урожая, а когда приближалось время молотьбы, проверял вместе с другими административными лицами на току количество обмолоченного зерна для исчисления налога, а потом следил за своевременной и полной его сдачей. Часто с мирхазором ездил сам амлокдор и они вместе определяли количество отвеянного зерна на токах.

В дарвазских и каратегинских амлокдорствах время уборки хлебов с полей не устанавливалось амлокдором, как об этом пишет К. М. Мирзаев, считающий такой порядок характерным для всего Бухарского ханства.[1] Это утверждение неверно хотя бы потому, что не везде хлеба созревали одновременно, чтобы можно было приступить к уборке урожая в одно и то же время. В амлокдорствах Каратегина и Дарваза крестьяне приступали к уборке своих полей с созреванием хлебов. Кроме того, утверждение К. М. Мирзаева о том, что «нередко были случаи, когда созревшие хлеба сильно осыпались на корню, и, несмотря на это, коранда (хлебопашец, крестьянин — М. Р.) не имел права приступить к уборке»,[2] не соответствовало, по нашим данным, положению в Дарвазском и Каратегинском бекствах.

Главным административным лицом в кишлаке был староста — «арбоб», его помощниками были десятники — «мири дах». Арбоб считался выборным лицом, но фактически выборы происходили формально, поэтому никогда не вибирались в арбобы представители бедных слоев населения; своих помощников назначал сам арбоб.

В каждом амлокдорстве был 1 казий — «қозӣ», который занимался судебными вопросами. Он подчинялся главному казию — «қозӣ калон», находившемуся в резиденции бека. Казий имел 2 помощников — раиса и муфтия — «раис» и «муфтӣ», следивших за правильным выполнением шариатских законов, за своевременным совершением молитвы — «нъмоз», соблюдением поста — «руза» и других религиозных обязанностей. Для сборов налогов с населения в каждом амлокдорстве было несколько сборщиков — «мушриф». Они объезжали селения, исчисляя вместе с арбобом размер налогов, и следили за доставкой налога в резиденцию амлокдора. За поддержанием в порядке ирригационной сети и распределением воды следили особые чиновники — «мираб». Они вместе с арбобами и десятниками организовывали работы населения по проведению новых каналов, ежегодной очистке и ремонту старых.

Помимо перечисленных должностных лиц, выполнявших определенные функции, в амлокдорстве проживал еще ряд лиц, получивших от эмира или бека различные бухарские чины, за которые они подносили беку или эмиру богатые подарки — «тортуқ». Высшим по рангу из этих чиновников был додхо, додхоҳ и токсоба (туқсабо или тухсабо»), затем мирохур, эшик-ага-боши («эшағабошӣ»), караулбеги («каравълбегӣ») и др.[3] Эти чиновники не имели каких-либо определенных обязанностей, а выполняли отдельные поручения бека.

---

[1] Мирзаев К. М., Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, 1954 г., стр. 46.

[2] Мирзаев К. М., Указ. соч., стр. 46—47.

[3] О бухарских чинах см. Семенов А. А., Очерк поземельно-податного и налогового устройства б/Бухарского ханства, Тр. Среднеазиатского государственного университета, серия II, в. I, Ташкент 1929, стр. 6, 8, 10, 14, 32, 41 и др. (как в тексте, так и в примечаниях).

Все чиновники, называемые общим именем «саркарда» или «амалдор», получали в ленную зависимость — «танхо» определенное количество крестьянских хозяйств — «бъна», которые должны были причитающиеся с них налоги выплачивать не правительству, а владельцу танхо— «танходор». Прежде всего каждый такой чиновник получал в танхо свое собственное хозяйство и таким образом освобождался от налогов. Низший чиновник — арбоб получал только одно свое хозяйство, высшие — до нескольких десятков хозяйств (подробнее о танхо см. раздел «Формы эксплуатации»).

Особую группу в бекстве и амлокдорствах составляло духовенство — «дуогу» (буквально «молящиеся»). Оно также освобождалось от всех видов налога. В эту категорию входили ишаны, сеиды, шейхи, ходжи— «хоча», «хуча», которые имели специальную грамоту от правителя (шаха или бека) об освобождении от налогов. В случае, если при назначении нового правителя их заставляли платить налоги и выполнять различные повинности, они жаловались, доходя вплоть до эмира, и требовали освобождения от всех налогов, сборов и повинностей. Об этом свидетельствует ниже приведенное письмо последнего бухарского эмира Алим-хана к правителю Дарваза в ответ на жалобу группы ходжей Тавильдаринского амлокдорства (рис. 39).

«Он живой!

Убежища государственной власти и знающие законоведение, ближайшие слуги (нашего двора) Абдуссаттор-бек-бий-додхо и казий Гиясиддин удостоены (нашими) дарственными милостями. Знайте, что Мухаммад-Шах-ходжа, Сафар-Али-ходжа, Ну'мон-ходжа и прочие из общества ходжей местности Тавильдары Дарвазского вилайета довели до высочайшего (нашего) сведения, следующее: «Мы издавна, со времен прежних правителей до настоящего времени не имеем никакого отношения к выполнению гужевой повинности и к выплате разных налогов. Об этом имеем бумагу (грамоту) от правителей той области. Несмотря на это, правительственные чиновники незаконно, вопреки установленному порядку, беспокоят нас предъявлением требований к выполнению гужевой повинности. Надеемся (на милостивое ваше распоряжение)».

Вы должны проверить, если у них на самом деле (это) не было в обычае и они были свободны от податей, то запретите упомянутым служащим (наряжать ходжей на поставку гужевого транспорта и требовать с них налоги). Если другое что, то доложите.

Мухаррам, 1335, (ноябрь 1916 г.)».

На обороте печать: «Сейид Эмир Алим».

Дарвазский бек имел также около 800, а позднее 400 навкаров и сарбозов в качестве войска,[1] во главе которого стоял особый начальник — «мири саркарда».

Крестьянское население называлось «халки мирй» или «факири мирй» — мирские люди, люди, принадлежащие местному правителю. Из числа халки мири бек давал своим амалдорам определенное коли-

[1] Г. А. Арандаренко, в 1882 г. насчитывает всех навкаров по спискам в Дарвазе 600 человек (Дарваз и Каратегин, стр. 448).

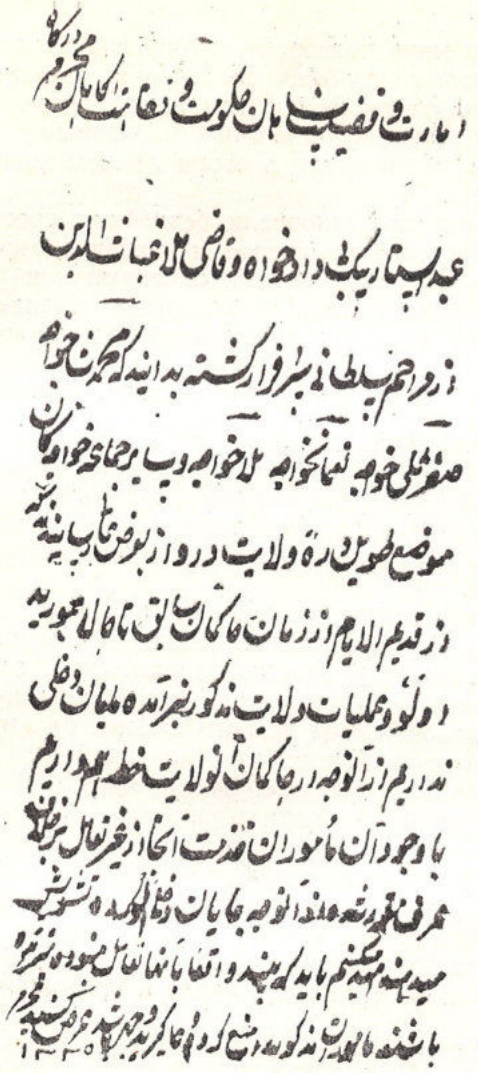

Рис. 39. документ об освобождении группы ходжей сел Тавильдары от налогов.

чество хозяйств в танхо. Как те, так и другие несли на себе бремя многочисленных и разнообразных налогов, от которых богатые чиновники были освобождены, а также выполняли различные трудовые повинности, работая на бека, амлокдора и других чиновников. Проведение арыков для мирских земель, обработка этих земель, полив, полка, жатва посевов, молотьба и перевозка урожая — все это лежало тяжелым бременем на плечах самых бедных слоев населения — факири мири в порядке барщинной повинности. Кроме того крестьяне вынуждены были на своих лошадях и ослах перевозить грузы для бека и его чиновников, пасти скот бека, строить помещения для скота и выполнять много других работ (см. ниже, раздел 4).

Таким образом, основная масса крестьян, относящаяся к подат-

ному сословию халки мири подвергалась тяжелой эксплуатации, а часто самому неприкрытому грабежу со стороны бухарских и местных правителей и их помощников. Чиновники же не проявляли никакой заботы о населении, а старались всякими незаконными поборами и использованием крестьянского труда в своем личном хозяйстве улучшить свое благосостояние.

Кроме амалдоров эксплуатировали беднейших крестьян и кишлачные богачи-баи. Если, попав в тяжелое положение, крестьянин-бедняк обращался к баю за денежной ссудой, семенами или рабочим скотом, то бай давал это на таких условиях, которые с течением времени полностью закабаляли бедняка и фактически превращали его в крепостного.

2. Формы земельной собственности

Начиная со второй половины XIX века, русские и иностранные исследователи,[1] занимавшиеся изучением истории Средней Азии, пытались выяснить различные виды среднеазиатского землевладения и показать различные формы землевладения и землепользования в этом крае. Но этот вопрос еще до настоящего времени остается освещенным далеко не полностью.

Исследователи все земли делили по признаку принадлежности на ряд категорий. 1) Государственные земли — «амляк», «замини давлати», «замини амляк». 2) Частновладельческие земли — «мульк» которые делились на а) «мульк-и-хурр» или «мульк-и-холис» — частное землевладение, свободное от всякого налога, б) «мульк-и-ушрия»— земли, находившиеся во владении потомков арабских завоевателей, с которых взимался налог в размере 1/10 урожая, в) «мульк-и-хераджи» — земли, обложенные налогом в размере 1/4 и 1/5 части урожая. 3) Вакуфные земли — «мульк-и-вакф», которые не принадлежали частным владельцам, а были отданы в пользу мечетей, мазаров, медресе и других религиозных учреждений, завещаны в пользование рода вакфодателя или для содержания объектов общественного пользования (на поддержание дорог, водоемов, колодцев и т. д.). Эти земли были освобождены от налогов и не подлежали купле и продаже.

---

[1] См. Ханыков Н. В., Описание бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 114—119; Куи А. Л., Вакуфы, «Туркестанские ведомости», 1872, № 21; Гребенкин А., Заметка о видах землевладения в Заравшанском округе, «Туркестанские ведомости», 1873, № 3; Соболев Л. Н., Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населенных мест округа, Зап. РГО по отд. статистики, т. IV, 1874, стр. 314—321; Хорошхин А. П., Сугут (топографическо-этнографические очерки), «Туркестанские ведомости», 1871, № 46; его же, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 167—168; Schuyler Eugene, Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand. Bukhara and Kuldja, vol. 1, New-York, 1877, стр. 298—300; Ростиславов М., Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, СПб., 1879, стр. 4—29; Акимбетев Ш., Очерки Когистана, «Туркестанские ведомости», 1881, № 2 и 3; Миддендорф А. Ф., Указ. соч., стр. 415—419; Кауфман К. П., Проект всеподданейшего отчета ген.-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867—25 марта 1881 г., СПб, 1885, стр. 229—235; Гейер И., Указ. соч., стр. 113—114; Липский В. И., Горная Бухара, ч. I, стр. 14—15; Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 45—47; Вяткин В. Л., О вакуфах Самаркандской области, Справочная книжка Самаркандской области, в. X, Самарканд, 1912, стр. 95—107.

Точно такое же деление находим в некоторых работах советских авторов, которые не показывают других категорий земельной собственности в районах Восточной Бухары.[1] Той же классификации земель в б. Бухарском и Хивинском ханствах придерживаются и авторы книги «История народов Узбекистана».[2]

Однако, по нашему мнению, деление на вышеуказанные категории не охватывает всех видов землевладения, существовавших в различных частях б. Бухарского ханства. Во всяком случае подобное деление не является характерным для территории б. Восточной Бухары, для известных нам районов бывших бекств Бальджуанского, Кулябского, Каратегинского и Дарвазского.

В последние годы вышли из печати некоторые работы, посвященные истории аграрных отношений и феодального землевладения и землепользования в Средней Азии, в частности в Бухарском ханстве. Одной из этих работ является книга П. П. Иванова, посвященная истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII веков.[3]

Автор в разделе «К истории аграрных отношений в Бухаре в XVI в.» (стр. 22—48) на основании документов, касающихся хозяйства джуйбарских шейхов, дает подробную характеристику аграрных отношений в Бухарском ханстве XIV века, детально анализирует социальный состав землевладельцев, формы феодальной земельной собственности, перечисляет налоговую терминологию, формы феодальной земельной ренты и проч. Однако П. П. Иванов, по существу, делит все земли на те же категории, что и его предшественники: 1) мемлекэ-и падшахи или мемлекэ-и султани (или мемлекэ) — государственные земли, основным верховным собственником которых, по его словам, юридически являлся глава государства — хан, рассматривавшийся, с точки зрения мусульманского права, наместником аллаха на земле.[4] 2) Мульк — земли, которые составляли безусловную, т. е. не связанную службой хану, частную собственность отдельных феодалов и других лиц, свободно отчуждаемые и передаваемые по наследству.[5] П. П. Иванов мульковые земли по системе обложения разделяет также на мульк-и-хурр или мульк-и-халис, свободные от налогов на основе специальной жалованной грамоты верховной власти, выдававшейся на имя владельца мулька.[6] 3) Вакуфные земли, составлявшие значи-

---

[1] Поспавский Ю., Аграрный вопрос в Зеравшанской долине, «Народное хозяйство Средней Азии», 1926, № 11—12, стр. 24—28; Бартольд В. В., История культурной жизни Туркестана, Комиссия по изучению естественных производительных сил АН СССР, Л., 1927, стр. 193; Семенов А .А., Очерк поземельно-податного и налогового устройства б/Бухарского ханства; Карп Б. Б., Краткий очерк производственных отношений в сельском хозяйстве Таджикистана, сб. Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, Ташкент—Сталинабад, 1930, стр. 19—20; Якубовский А. Ю., Махмуд Газневи (К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства), сб. Фирдовси, Л., 1934, стр. 51—96.

[2] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 144—146.

[3] Иванов П. П., Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.-Л., 1954.

[4] Иванов П. П., Указ.. соч. стр. 32.

[5] Указ. соч., стр. 40.

[6] Указ. соч., стр. 45.

тельную категорию земель в Бухарском ханстве и являвшиеся средством обогащения отдельных крупных духовных землевладельцев.[1]

Не вдаваясь в анализ классификации П. П. Иванова, отметим, что она также не характерна для б. Восточной Бухары.

В работе другого автора, К. М. Мирзаева, дается подробный анализ сущности амляковой формы феодального землевладения в Бухарском ханстве.[2] К. М. Мирзаев полемизирует с рядом авторов, которые занимались вопросами землевладения и землепользования в Средней Азии, в частности в Бухарском ханстве. Он подробно останавливается на анализе сущности амляковых форм феодальной земельной собственности, показывает историю их образования, реализацию амляковых земель в ренте, феодально-крепостнические отношения, связанные с амляковыми землями, превращение последних в ленное пожалование и др. Наравне с амляковыми землями он различает мульковое землевладение.

Но и в работе К. М. Мирзаева не прослежены отличительные особенности формы феодальной земельной собственности, которые были характерны для отдельных бекств Бухарского ханства.

Таким образом, можно придти к выводу, что вопрос феодального землевладения и землепользования в Средней Азии до настоящего времени нельзя считать еще полностью разрешенным. Он требует новых исследований, в частности детального изучения существующих актовых документов и исторических источников, конкретно для определенного исторического периода и определенной территории. Только таким путем можно выяснить специфические особенности различных форм феодального землевладения всех районов и областей Средней Азии.

В настоящей главе мы останавливаемся на характеристике форм феодальной земельной собственности в Дарвазском бекстве.

В Дарвазском и Каратегинском бекствах не были известны формы земельной собственности, которые обозначались бы терминами: «амляк», «мульки хурр» или «мульки халис», «мульки ушрия» и «мульки хераджи». О них мы не находили упоминания и в актовых документах местного административного аппарата того времени. Отсутствовал также самый термин «херадж», потому что такого вида налога население не выплачивало. Население Каратегина и Дарваза, как увидим дальше, никогда не платило херадж, а платило только ушр в размере 1/10 части урожая. Правда, население упомянутых бекств изредка употребляло термин «боджу хироджи мамлакат» как понятие совокупности всех видов государственных налогов, податей и сборов, но не специально для обозначения земельного налога — «херадж» или хераджных земель.

Формы землевладения, существовавшие в б. Каратегинском бекстве описаны советским исследователем горного Таджикистана этнографом Н. А. Кисляковым в его работе «Очерки по истории Каратегина».[3] Н. А. Кисляков показывает четыре основных вида землевладения в дореволюционном Каратегине.

1) «Замини-шохи», «замини-мири» (шахская или мирская земля): для их обработки местные власти принудительно сгоняли население на так называемый хашар.

---

[1] Указ. соч., стр. 46—47; на книгу П. П. Иванова см. рецензию Е. А. Давидович, «Советская этнография», 1955, № 3, стр. 187—192.

[2] Мирзаев К. М., Указ. соч.

[3] Указ. соч., стр. 154—157.

2) Вакуфные земли, завещанные их владельцами для какого-нибудь мазара, мечети или медресе. «Такую землю, — пишет автор, — обычно сдавали исполу, причем доход с нее шел в пользу данного учреждения или лиц, его обслуживающих».[1]

3) Частновладельческие земли, которые разделялись в зависимости от способа приобретения на а) «мульки-мавруси» или в просторечии «мабруси» (наследственные земли); б) «мульки-зархарид» (собственность, купленная на золото); в) «мульки-ялмкан» (распаханная целина).

4) Общественные земли — «замини-омма», которые разделялись на а) «айлоки омма» или «айлоки-подшои» (общественный выпас или падишахский выпас); б) «айлоки-кишлак» (кишлачный выпас).

Н. А. Кисляков, показывая существовавшие до революции виды земельных владений и землепользования б. Каратегинского бекства, справедливо обвиняет дореволюционных исследователей в том, что большинство из них «исходило в основном из мусульманских религиозных норм и взглядов на землю и землепользование, в результате чего обычно получались абстрактные земельные категории, не имевшие ничего общего с теми нормами обычного права, которые сложились в том или другом районе Средней Азии».[2]

Но и данные Н. А. Кислякова по настоящему вопросу неполны, и мы постараемся их дополнить, останавливаясь на земельных категориях, существовших вплоть до организации коллективных хозяйств в б. Дарвазском бекстве, выделяли при этом интересующую нас долину р. Хингоу.

В бассейне р. Хингоу, как и в других районах Средней Азии, вся земля принадлежала верховному собственнику — шаху или эмиру, находясь во владении населения, которое платило номинальному собственнику налог, по существу, являющийся рентой.

Существовало 4 основных категории земель, значительно отличающихся от категорий земель западных районов ханства. Земельные фонды здесь были в руках различных владетелей и по своему типу не были однородными. Но все они одинаково являлись источником эксплуатации и закабаления основной массы населения со стороны местных правителей и феодалов. Эти категории земель были следующие:

1) «Зъмини-шоҳи» (государевы земли) или «зъмини мирӣ» (бекские или мирские земли).[3] Эти земли находились во владении местного административного аппарата — бека или мира, амлокдора и других чиновников. Доходы с этих земель частично шли в пользу амлокдора, а большей частью поступали в распоряжение дарвазского бека.[4]

---

[1] Кисляков Н. А., Указ. соч., стр. 157.

[2] Указ. соч., стр. 151—152.

[3] В этих местностях население не называло государственные земли «замини давлатӣ»; слово «давлат» здесь понималось как «богатство» (отсюда слово «давлатманд»—богатый). Когда молились о государе («подшоҳа дъ'ои нек мекарданд»), говорили: «Хъдо давлати подшоҳа зиёд къна, дар молъ мълкъш баркати илоҳира бърезуна»—Да увеличит господь богатства государевы, да прольёт на его владение божественную благодать.

[4] По свидетельству Г. А. Арандаренко, доходы дарвазского бека были настолько малы, что бек не только не давал ничего эмиру, но, наоборот, эмиру приходилось давать дарвазскому беку «небольшую прибавку» на его содержание (Дарваз и Каратегин, стр. 451). Но это утверждение неправильно: бухарский эмир был заинтересован не только в охране границ Дарваза с Афганистаном, но также и в получении возможно больших доходов со своих владений. По сообщению местных стариков, дарвазский бек ежегодно посылал эмиру «тортуқ» (приношение).

Мирские земли составляли наилучшие и наиболее плодородные участки, в основном поливные. Бек и его чиновники были заинтересованы в увеличении количества таких земель за счет крестьянских, потому что это давало им возможность получать большие доходы. Путем произвола и насилия власти отбирали у крестьян землю и делали ее мирской, таким образом количество мирской земли увеличивалось из года в год. Чтобы лишить крестьян оснований для жалобы на незаконное присвоение их земли, местные чиновники нередко оформляли покупку этой земли у крестьян, придавая ей «законную» форму и выплачивая крестьянину ничтожную сумму. Так, например, в 1912 или 1913 гг.[1] Тавильдаринский амлокдор принудил некоего Абдулмаджида из кишлака Пастирог продать за три теньги и два отреза карбоса (хлопчатобумажная ткань кустарной выделки) участок земли мерой в 6,25 манов (ман составляет около 0,8 га).[2] Из страха перед амлокдором крестьянин был вынужден продать свою землю за эту ничтожную цену, а сам остался почти безземельным; затем Абдулмаджид 19 лет работал у Сафар-Али-бая в качестве мардикора.

Мирские земли во всех амлокдорствах бассейна р. Хингоу, несмотря на ограниченность пахотных земель в них, занимали наибольшую площадь. Например, только в Сагирдаште, Чильдаре, Пуштароге и Тавильдаре было более 250 манов мирских пахотных и сенокосных земель, кроме пастбищ. Помимо этого, почти в каждом селении имелось несколько небольших участков мирских земель с общей площадью в 2—3 мана. Все эти земли обрабатывались крестьянами ближайших селений коллективно, но работали люди на своих харчах, со своим скотом и со своими земледельческими орудиями — «хашари мирй» (о хашаре см. ниже, в разделе «Формы эксплуатации»).

Кроме мирских пахотных земель, в некоторых местах существовали еще мирские пастбища — «чарогохи мирй» или «чарохърчогахи мирй», расположенные неподалеку от резиденции амлокдора (например, мирские пастбища в Чильдаринском амлокдорстве). На мирских пастбищах пасся только скот мира (бека); местное население не могло пускать на него свой скот, пока на этом месте не переставал пастись его скот. В то же время мирский скот свободно пасся на общественных пастбищах.

Кроме мирских земель и пастбищ, были еще мирские сады — «боги мирй» и огороды — «полез». В самой Чильдаре мирский сад занимал площадь около 3 манов и 2,5 мана земли находились под огородом.

В Тавильдаринском амлокдорстве в кишлаках Саридашт и Сариджангал мирский сад занимал площадь около 2 манов. Уход за садами и огородами осуществляли «мирские люди» без всякого вознаграждения. Если кто-нибудь из населения брал что-нибудь из этих садов и огородов, он за это подвергался штрафу как за неуважение к правителям и за кражу.

Крестьяне почти все время были заняты работами на мирских землях. До начала весенних работ они занимались удобрением посевных земель, посыпанием снега землей, очисткой полей от камней и

[1] Сообщение Абдул-Файёза, жителя кишлака Имкун.
[2] О мерах подробно см. гл. IV, раздел 2.

сорных растений. С наступлением весны приступали к обработке земли своим инвентарем; они вспахивали землю от 5 до 10 раз, в то время как свои собственные поля они пахали всего 1—2 раза. После окончания посева ремонтировали и приводили в порядок ирригационную систему, орошали землю, занимались полкой зерновых культур, а когда хлеба начинали колоситься, по очереди охраняли посевы от птиц и других вредителей зерновых культур и, наконец, собирали и обмолачивали урожай. Собранный урожай и солома полностью сдавались в казну мира. Крестьяне же за свои труды абсолютно ничего не получали, выполняя все работы в порядке обязательной трудовой повинности. При этом все указанные работы должны были выполняться крестьянами в первую очередь, несмотря на наличие срочных работ в своем личном хозяйстве.

Не все мирские земли обрабатывались каждый год. Один год вспахивали одни участки, на следующий год эта земля отдыхала, и обрабатывались другие участки.

2) Вакуфные земли, называемые местным населением «зъмини мазорй» (мазарские земли), редко «зъмини вакф», «зъмини вахм». К этой категории земель относились те, которые находились в вечном пользовании мазаров (гробница какого-либо святого, при которой состояли ее хранители — шейхи), мечетей, медресе (высшая духовная школа) и т. п.[1]

В бассейне р. Хингоу эта категория земель была весьма незначительна. Вакуфные земли можно было встретить только в отдельных кишлаках, где было медресе или большой и очень почитаемый мазар. Вакуфные земли были в кишлаках Калаи Хусайн и Лангаро (8 манов), Камчак (20 манов), Ёзганд (15 манов), Сайёд (4 мана), Чурсун (3 мана), Чильдара (5 манов) и в некоторых других. Общая площадь этих земель не превышала 60—65 манов. Все они находились в распоряжении так называемых мадрасадоров, ведавших хозяйственно-материальными делами медресе, и мутаваллиев при мазарах, ведавших такими же делами мазара. Доходы с этих земель поступали вышеуказанным лицам. Иногда очень незначительные средства из доходов с этих земель тратились на питание людей, работающих по ремонту медресе или мазара. Как правило, оплата рабочих не производилась, так как все работы выполнялись верующими — «одамони мусульмон» бесплатно, ибо работа для мазара считалась богоугодным делом — «сабоб».

Вакуфные земли в бассейне р. Хингоу по существу являлись источником обогащения отдельных людей: мадрасадоров, мударрисов, мутаваллиев, шейхов и др. Они обрабатывались местным населением, которое при этом пользовалось своим скотом и инвентарем. Урожай собирался «помочами» — «хашар» и целиком отдавался владельцам вакуфных земель. Поскольку этим землям не велось никакого учета и не существовало никакой отчетности, то злоупотребления были обычным явлением и вплоть до того, что земли постепенно переходили в частное пользование мадрасадоров и мутаваллиев.

Таким путем вакуфные земли кишлака Камчак перешли в руки

[1] Нередко, как мы увидим дальше, эти земли со временем переходили в частное владение.

ишана домуллы Тахир-а'лама,[1] имевшего медресе, где училось около 150 учеников — «мулло бача»;[2] вакуфные земли кишлаков Лангаро и Калаи Хусайн перешли в руки сына некоего ишана Мавлави — Авлиё Ходжи-Ибрагима,[3] а вакуфные земли кишлака Езганд — в руки ишана Султана.[4]

3) Все остальные частновладельческие земли назывались арабским термином «мульк»[5] или «мильк» (в местном произношении «мълк»). Эти земли, как выше упомянуто, на местных диалектах назывались по-разному в зависимости от способа приобретения: «зъмини хъди» — собственные земли, свои земли; «мълки падари» — отцовское владение; «мълки бобиги» — дедовское владение; «мълки мироси» или «мавруси» — наследственное владение; «хок» — земля, имение, двор, родина; «хоки падаръ боби»—отцовская и дедовская земля и т. д.

Земли эти переходили по наследству. Владельцы имели полное право продавать их, отдавать в залог — «гарав», сдавать в аренду — «ичора», передавать кому-либо во временное пользование — «орият».

В бассейне р. Хингоу и во всем Дарвазском бекстве земли «падару бобиги» находились в частном владении коренного населения, независимо от того, являлся их владелец простым крестьянином, ишаном, шейхом, муллой или чиновником. Каждый, кто снимал урожай со своей земли, если он не был освобожден от всех налогов, податей и повинностей, платил миру 1/10 часть от всего урожая, называемую «'ушр».

4) Общественные (общинные) земли — «зъмини'омма» или зъмини хосу 'ом». В факте наличия этих земель можно видеть один из пережитков сельской общины. Эти земли служили выпасом для скота как мирского, так и крестьянского. Кроме указанного выше деления на земли собственно общественные и кишлачные, их делили еще на следующие категории:

а) «Айлок» — пастбища, находившиеся на большом расстоянии (10—15 км) от кишлака. Эти пастбища, хотя и считались общественными, но в основном ими распоряжался дарвазский бек. На них летом пасся крупный рогатый скот и лошади местного населения без всякой охраны, несмотря на то, что на этих айлоках также пасли свои стада крупные скотоводы Кулябского и Бальджуанского бекств, особенно кочевники узбеки и локайцы. Прекрасные качества этих пастбищ привлекали к себе очень многих кочевников и между последними нередко происходила борьба за лучшие их участки. Так, например, в 1917 или в 1918 гг. на летних общественных пастбищах кишлаков Сафедорон и Сагирдашт между Амир-Али (локай) и Бобо-Кул (мугул) произошла крупная

---

[1] В его руки перешли следующие участки, раньше считавшихся землями вакфа: Пеши Мазор (2 мана), Дараи Новахо (3 мана), Рахи Лухч (5 манов), Дашти Чухкак (4 мана), Шибаро (3 мана) и многие другие.

[2] Учащиеся в медресе не обеспечивались содержанием из доходов вакуфных земель, а были прикреплены к отдельным кишлакам, население которых кормило их и обеспечивало топливом. Кроме того, в пользу учеников поступали также продукты, собиравшиеся с населения в дни Навруза (см. главу V).

[3] Ходжа-Ибрагим был сыном ишана Мавлави (собственное имя неизвестно). Сначала он учился у своего отца, а затем отправился в Индию, где учился в медресе в Дели. После окончания медресе он вернулся на родину и открыл свое медресе; Ходжа-Ибрагим пользовался большой известностью как окончивший индийское медресе. Постепенно он стал одним из крупных феодалов.

[4] Кисляков Н. А., Ишан—феодал Восточной Бухары, стр. 3—37.

[5] Мульк—буквально владение, имение, собственность, недвижимость.

ссора. Амир-Али хотел пасти свои отары овец «рамма» и табуны лошадей — «галла» на айлоках Дашти узбекон и Зирадара, на которых много лет пас свои отары и табуны Бобо-Кул. Когда Амир-Али пригнал скот на пастбище и застал там стада Бобо-Кула, то он потребовал, чтобы Бобо-Кул освободил «его пастбища». Они не хотели уступить друг другу, и между ними произошло столкновение, во время которого было убито несколько пастухов. В разборе дела по шариату участвовал тогдашний дарвазский бек Абдуссаттор-бек-бий-додхо и представители кишлаков Сагирдашт и Сафедорон. Амир-Али подарил дарвазскому беку лошадь со сбруей и комплект одежды, в результате по «шариату» айлок Дашти узбекон был передан в руки Амир-Али, а Зирадара оставлена Бобо-Кулу.[1]

Этот факт свидетельствует о том, что общинные выпасы находились в распоряжении бека. Дарвазский бек с кочевников-скотоводов, пригонявших свои отары на летние пастбища, взимал специальную подать — «хасуна» (буквально «подать за траву»). Дарвазский бек в некоторых амлокдорствах имел специальные пункты для сбора этой подати. Такой пункт, например, находился в Сагирдаштском амлокдорстве около кишлака Кулумбаи Боло, в местности Дараи Курушинг, которую стали называть Сари Хасуна, т. е. место для взимания хасуна. Когда приближалось время выгона скота Кулябского и Бальджуанского бекств на летние пастбища Дарвазского бекства, в Дараи Курушинг отправлялась группа административных лиц, а часто и сам бек вместе с амлокдором Сагирдашта; они взимали подать с каждого «сурука» (1000 овец) по две овцы на выбор («хушкард»), которыми пополняли фонд мирского скота. Кроме того, собственники отар для угощения приезжавших к ним административных лиц закалывали 2—3 баранов. После взимания хасуна скотоводы указанных бекств могли свободно пасти свой скот на пастбищах Дарвазского бекства.

б) «Чарогох» или «чарохърчогох» — выпасы или выгоны, находившиеся вблизи каждого кишлака. На этих выпасах пасся скот всего населения, в том числе баев и чиновников, которые пасли свой многочисленный скот отдельными стадами — «моли чъдо» под присмотром постоянных пастухов, в то время как скот большей части населения пасся обобществленным стадом под присмотром пастухов, выставляемых по очереди каждым хозяйством, независимо от количества посылаемого им в стадо скота.

К общественным выпасам относились также и летовки — «девлох», обычно находившиеся неподалеку от селения (в 2—3 км) и называвшиеся по имени этого селения. Например, Девлохои Лухч, Девлохои Гурбадара, Девлохои Сафедсанг, Девлохои Кара-Кутан, Девлохои Ёзганд и т. п.[2] На летовки уходили со скотом женщины и подростки. На летовки уходили для того, чтобы скот не портил прилегающих к

---

[1] Информаторы—жители кишлака Сафедорон Рустамов Гадо, Махмадшарифов Махмад и Самиев Абдулхаким, лично участвовавший в разборе этого дела по «шариату».

[2] Обычно селение называлось «кишлоқ», для отличия его от летовки оно называлось «деҳа» или «дия». Это название нашло свое отражение в местной поговорке «ай дия бай девлоха дугъ чъргот мебарй»—ты носишь пахтанье и кислое молоко из селения на летовку (обычно делается наоборот).

селению посевов и пасся на сочных травах. Здесь производилась и заготовка молочных продуктов на зиму.[1]

в) «Чангали 'омма» — общественный лес, который помимо того, что служил местом заготовки топлива, также являлся местом выпаса скота. Нередко такой лес принадлежал двум, трем или нескольким кишлакам, и иногда между их жителями возникали ссоры и драки во время заготовки топлива.

Одна из таких крупных ссор произошла в 1919 г. между жителями кишлака Сафедорон, с одной стороны, и кишлаков Паси Кух и Фаркинг, с другой, из-за общественных зарослей в местности Джангалак, находившихся в общем пользовании населения четырех кишлаков: Паси Кух, Фаркинг, Сафедорон и Гурбадара. Заросли примыкали к кишлакам Паси Кух и Фаркинг, поэтому жители этих кишлаков стремились получить их в свое исключительное пользование и не раз требовали от сафедоронцев и гурбадаринцев прекращения заготовки топлива в Джангалаке. Однажды аксакалы кишлаков Паси Кух и Фаркинг встретили в зарослях мардикоров (батраков) сафедоронского бая Мулла-Касима, отняли у них заготовленные дрова и избили их. В ответ на это Мулла-Касим обратился к местным жителям с призывом идти «священной войной» — «газои хъдой» против пасикухцев и фаркингцев, предупреждая население, чтобы оно никого не убивало, а только побило как следует. Сафедоронцы вооружились чем попало и двинулись в Паси Кух. Там они врывались в дома, разбивали котлы и посуду, избивали виновных. Пасикухцы запросили пощады и больше не препятствовали сафедоронцам пользоваться Джангаляком.

Говоря об общественных пастбищах и других угодьях, следует отметить разделы этих общинных земель — «зъмин тахсимкъни» или «тахсимоти зъмин» и превращение их в частные владения. Приведем несколько примеров раздела таких земель в бассейне р. Хингоу.

За 15—20 лет до установления советской власти среди общественных пастбищ двух кишлаков — Сафедорон и Зарако Сагирдаштского амлокдорства находился участок Пеши Боровак. Эту землю население кишлака Сафедорон решило распределить между хозяйствами своего кишлака для сенокошения. Арбоб кишлака Сафедорон Рустам Хушназар объявил населению, что тот, кто хочет получить сенокосную землю, должен на следующее утро до восхода солнца придти в Пеши Боровак. В указанный срок желающие получить землю, взяв свои серпы, прибыли на место раздела участка. Определение границ сенокоса делалось таким образом: каждый как можно быстрее старался окружить намечаемый для себя участок полосой сжатой травы. Середину участка он мог сжать позднее. Эти сенокосы считались потом владением отдельных лиц. Хозяин участка имел право поднять целину и превратить сенокос в пахотную землю.

Когда сафедоронцы начали определять границы своих участков,

---

[1] О летовке в горных районах подробно см. Снесарев А. Е., Религия и обычаи горцев западного Памира, «Туркестанские ведомости», 1904, № 93; Андреев М. С., По этнографии таджиков (некоторые сведения), сб. Таджикистан, Ташкент, 1925, стр. 167—168 (в дальнейшем: По этнографии таджиков...); Пещерева Е. М., Молочное хозяйство горных таджиков, сб. По Таджикистану, в. 1. Ташкент, 1927, стр. 43—44, 47—49; Баранов П. и Райкова И, Указ. соч., стр. 24—26; Кисляков Н. А., Древние формы скотоводства..., стр. 40—42.

узнавшие об этом жители кишлака Зарако во главе со своими старшинами — «авсақолои қишлоқ» Муллой Абдуррахимом, Норбутой, Зардаком и другими прибыли в Пеши Боровак. Возник горячий спор, перешедший в драку, были пущены в ход палки и серпы. В Сафедороне в это время случайно находился казий Сагирдаштского амлокдорства домулло Тахир-а'лам. Он согласился поехать на место происшествия и решить спор. По его решению участок Пеши Боровак разделили на 2 части — солнечную и теневую. Солнечная сторона была отдана жителям Сафедорона, а теневая — жителям Зарако. Казий написал два документа — «васиқа», которые потом хранились у старосты каждого кишлака. После раздела этого участка каждый кишлак разделил полученную часть между своими хозяйствами.[1] В 1936 г. сафедоронские колхозники этот участок размером около 22 га распахали; он теперь известен под названием «Ялми Пеши Боровак» — Поднятая целина Пеши Боровак.

Другой известный нам случай раздела общественной земли имел место в 1901 или в 1902 гг. в кишлаке Дараи Джу Чильдаринского амлокдорства.[2] Делили участок с зарослями и кустарником, называемый Каджхам, площадью около 15 манов. Осенью староста кишлака Али Курбон, являвшийся одним из местных зажиточных людей, объявил населению, что, по его мнению, этот участок надо обрабатывать под посевы. Мужчины селения решили вырубить кустарник и выжечь лес, а после этого разделить землю. В назначенное время дехкане с серпами, топорами, пилами и прочим инструментом отправились к Каджхаму и вырубили кустарник и деревья. Через 5—6 дней, когда солнце подсушило все срубленные деревья и кустарники, их подожгли. После этого земля оставалась необработанной целый год.

Следующей весной тот же самый Али Курбон известил население, чтобы люди в такой-то день отправились на Каджхам со своими упряжками волов и плугами. В указанный срок явились все желающие получить землю. Тогда староста кишлака с некоторыми другими авторитетными крестьянами измерил землю при помощи веревки—«банд заданд» и распределил между крестьянами. Конечно, распределение было неравномерное, так как при распределении земли исходили из возможностей данного хозяйства обработать землю. Поэтому бедные хозяйства получили земли меньше, а богатые больше, но ссоры не произошло, и каждый стал обрабатывать полученный участок.

Менее значительные разделы известны в кишлаках Дараи Мело Сагирдаштского амлокдорства, Богча Тавильдаринского амлокдорства и в некоторых других.

Интересные подробности записаны нами о разделе земли в Каратегине. Речь идет о разделе участков общественной земли Дашти Гирдоб и Пушти Мазор в кишлаке Шуль в 1914 или 1915 гг.[3]

По поводу раздела все население кишлака несколько раз собиралось в мечети еще зимой. В обсуждении принимали участие арбаб и

---

[1] Сообщения Самиева Абдулхакима, Махмадшарифова Махмада, Зардакова Каноата и др.

[2] Сообщения Асоева Бозора и Давлатова Гулмахмада.

[3] Устное сообщение Шарипова Манзара, 1904 года рождения, уроженца кишлака Шуль, и Шариповой Суханоро, 78 лет, жительницы кишлака Шуль Гармского района (ныне покойной).

мирхазор. Люди, нуждавшиеся в земле, поддерживали предложение разделить землю, те же, у кого было земли достаточно и кто нуждался в пастбище доказывали, что эта земля под запашку не годится, потому что она каменистая и ее лучше оставить под пастбищем.

Если большинство решало землю делить, то мирхазор отправлялся к диванбеги (административное лицо, ведавшее казной и всем хозяйством бека, а также наблюдавшее за правильным поступлением налогов, выполнением повинностей и т. п.) и просил его разрешения на раздел намеченного участка. Диванбеги ставил условия аккуратно выплачивать налоги с вновь запаханных земель, раздел произвести мирно и давал письменное разрешение — «иҷозат хатӣ», которое считалось основным документом для раздела.

Весной кишлачный арбаб поднимался на крышу мечети и во весь голос кричал:

«Ҳарке (хар касе), ки бошӣ, зъмини фалон ҷора (назывались участки) иҷозат шъд барои тақсим кардан. Ҳозир бош, бърасун, даррав кън, ҳо...о...ой! Ҳой му'мино, зъмин тамом шъд ҳо... о... о...о! Пъшаймон мешавӣ, ҳо... о... ой!» — «Кто бы ты ни был, разрешили разделить землю (назывались участки). Явись, постарайся придти, спеши хо... о... о! О, верующие, земля кончилась, хо... о... о! Будешь жалеть, хо... о... о!».

После этого оповещения население поспешно отправлялось к участку: кто ехал верхом, кто шел пешком, кто с рабочими волами и пахотными орудиями, кто с лопатами и мотыгами; на месте начинали отмечать межи своих будущих участков. Отметки делались при помощи мотыги и лопаты. иногда в качестве отметки на землю клали какой-нибудь предмет. Каждый старался захватить себе участок получше и побольше.

Рассказывают, что некий Хаким, сын Юсуфа, бывший крупным землевладельцем, во время такого раздела участка, отмечая межу, скакал верхом на лошади, бросая для отметок тюбетейку, пояс, халат, платок, мешочек для чая—«чой халта» и чалму; когда у него уже ничего не осталось, он бросил далеко вперед свою камчу, чтобы этим отметить захват еще части земли, и закричал: «Это тоже мой участок!». Его жадность всех рассмешила, и долгое время его дразнили, напоминая о случае с камчой.

В условиях горной местности пахотные земли, находившиеся на склонах гор и в долинах небольших рек на высоте 1500—3000 м над у. м., представляли собой отдельные мелкие участки.

Каждый участок имел свое местное название: Бумгирак, Курнайча, Сари Арча, Джавканиё, Хафтсола, Хамби Говун, Вурс, Гумб, Хархурда, Рахи Лучх, Таи Кух, Говкуш и т. п. Каждый такой участок дробился на более мелкие части, которые при обычном определении размера участка количеством высеянного на него зерна достигали иногда только размера одного табака — деревянной чашки зерна.[1] Земельный участок в 5—10 табаков считался уже большим полем — «зъмини калон». Крайняя ограниченность общей площади пахотной земли при разбросанности участков каждого владения, особенно в гористых местах среднего и нижнего течения р. Хингоу, не могла быть удобной для хлебопашества. Вообще земли в этой местности было

[1] О мерах подробно см. гл. IV, раздел 2.

мало, кроме того, она была очень каменистой. Здесь большая часть хозяйств фактически владела участками не более 1—1,5 мана (около 1—1,5 га).

Сравнительно более обеспеченными землей в долине р. Хингоу являлись кишлаки, расположенные на северных склонах Дарвазского хребта (Сагирдаштское амлокдорство). Но и здесь почти половина земли принадлежала наиболее богатым хозяйствам.

В Сагирдаштском амлокдорстве, несмотря на его сравнительную обеспеченность землей, более 10% хозяйств были безземельными. Большая часть их почти не имела скота: лишь некоторые имели по 1—2 головы мелкого рогатого скота. Безземельные крестьяне работали батраками у баев или шли на заработки.

Вторую группу составляли малоземельные бедняцкие хозяйства. Значительная их часть также не имела ни рабочего скота, ни орудий сельского хозяйства. В редком случае у них было 3—4 головы мелкого рогатого скота. В основном такие крестьяне, так же как безземельные, нанимались к баям батраками или попадали в кабальную зависимость от баев.

Только небольшая часть малоземельных хозяйств имела от 0,5 до 5—6 манов земли, одного рабочего вола, в редких случаях какое-нибудь из орудий сельского хозяйства и 4—5 голов мелкого рогатого скота. Такое хозяйство при обработке земли объединялось с хозяйством другого односельчанина, имевшего тоже одного вола, и земля обоих хозяйств обрабатывалась по очереди. Семена обычно приходилось занимать у бая. Изредка бай соглашался дать семена в долг с тем, чтобы они были ему возвращены из нового урожая в том же количестве, т. е. он давал их в долг «наваки» (буквально «до снятия нового урожая»). Однако на такую беспроцентную ссуду зерна бай соглашался очень редко, по знакомству; в подавляющем же большинстве случаев бедняку приходилось брать семена у бая на кабальных условиях, т. е. отдавать за них долю урожая.

К третьей категории относились крестьяне-середняки, большинство из которых в своем хозяйстве имело одну пару рабочего скота, отчасти орудия сельского хозяйства, от 10 до 14 манов пахотной земли, а также от 40 до 60 голов мелкого рогатого скота. Они составляли не более четвертой части хозяйств данного района. Эти хозяйства лишь с трудом обеспечивали свои семьи продуктами питания до нового урожая. Пара рабочих волов не могла обеспечить обработку в срок всей земли и им также приходилось прибегать к супряге. Но при ней тратилось много времени на ожидание своей очереди; кроме того, супряжник боялся заставлять чужого вола много работать. Это замедляло темпы работы, и крестьянин иногда не успевал вспахать супрягой ту обычную ежедневную норму, которую он успевал обрабатать на своем участке своим рабочим скотом.

Часто, чтобы обеспечить семью, крестьяне-середняки шли в кабалу к баям, брали семена в долг и обрабатывали землю издольно. Часть середняцких семей для улучшения материального положения отправляла некоторых своих членов на отхожие промыслы в Ферганскую долину.

К четвертой категории населения относились кулаки-баи. Они имели в своем хозяйстве в среднем от 6 до 12 пар рабочих волов, были обеспечены необходимыми орудиями сельского хозяйства, имели 250—

300 голов мелкого рогатого скота, от 30 до 45 манов пахотной земли (кроме сенокоса), от 5 до 15 коров, несколько лошадей.

Байские хозяйства составляли не более 6—7%, но почти половина всего рабочего скота, орудий сельского хозяйства и земли принадлежала им. Помимо собственных земельных участков, баи использовывали и чужие земли, находящиеся у них в залоге или во временном пользовании.

В. И. Ленин указывал: «Богатые крестьяне не только покупают землю на-вечно, но они же больше всего нанимают земли и на-года, арендуют землю. Они отбивают землю у деревенской бедноты, снимая большие участки».[1] Таким именно путем баи бассейна р. Хингоу сосредоточивали в своих руках огромные земельные площади, для обработки которых широко применяли труд батраков и издольщиков на самых различных, но всегда выгодных для них условиях.[2]

В. И. Ленин, характеризуя положение богатых крестьян России, указывал, что «... одна из самых главных особенностей богатого крестьянства состоит в том, что оно **нанимает батраков и поденщиков.** Подобно помещикам, богатые крестьяне тоже живут чужим трудом. Подобно помещикам, они богатеют потому, что разоряется и нищает масса крестьянства».[3] При этом они всегда старались «... выжать как можно больше работы из своих батраков и заплатить им как можно меньше».[4]

Эти высказывания В. И. Ленина применимы и в отношении баев-землевладельцев бассейна р. Хингоу. Рассмотрим хозяйства некоторых крупных баев изучаемого нами района.

Так, Мулла-Касим-бай из кишлака Сафедорон в 1919 — 1920 гг. имел только в своем кишлаке более 45 манов (около 40 га) земли, был обеспечен сельскохозяйственным инвентарем, имел 11 пар волов, 10 лошадей, 13 — 14 коров, не считая приплода, 2 верблюдов (кроме него, во всем Дарвазском бекстве никто не имел верблюдов), 5 — 6 ослов, 2 мулов, более 600 голов мелкого рогатого скота и т. д. Кроме того, 8 пар его волов находились у крестьян некоторых кишлаков Тавильдаринского амлокдорства. Крестьяне, которые в своем хозяйстве не имели рабочего скота и семян, брали их у Мулла-Касима и обрабатывали свои земли на условиях издольщины. Мулла-Касим получал половину, а часто и больше половины урожая с этих участков. Так, например, он получал долю урожая с посевов в кишлаках Сагирдаштского амлокдорства: в Пастелаке—с 2 манов, Губадаре—с 3 манов и Чухкаке — с 3 манов; в кишлаках Тавильдаринского амлокдорства: в Калаи Хусайне — с 3 манов, Чурсуне — с 4 манов, Хойдаре и Богче — с 4 манов, Гуруме — с 3 манов, Хуре — с 4 манов, Миёнадухе — с 4 манов и Гундараи Боло — с 2 манов.

Таким образом, Мулла-Касим ежегодно получал дополнительный доход с посевов в 41 ман земли за пределами своего села. Если принять средний максимальный урожай в сам-4, то с 41 мана земли получалось 164 мана или 656 пудов зерна (в мане 4 пуда). Из них Мулла-Касиму, если он не давал семян для высева, а давал только землю, доставалась половина, т. е. 82 мана или 328 пудов чистого зерна. Если же он давал

---

[1] Ленин В. И., Соч., т. 6, изд. 4-е, стр. 347.
[2] Подробнее о них см. ниже, раздел «Формы эксплуатации».
[3] Ленин В. И., Соч., т. 6, изд. 4-е, стр. 349.
[4] Там же, стр. 349.

крестьянину семена на посев, то удерживал их дополнительно из доли крестьянина. Крестьяне кишлака Сафедорон также брали у него семена и рабочий скот и обрабатывали свои земли на началах издольщины.

Мулла-Касим, как и многие другие баи, занимался торговлей. При помощи своих 14 — 17 мардикоров он гонял скот в Коканд, Маргелан, Сузак, Джалалабад и Бухару, а оттуда привозил разные товары, начиная от мануфактуры и сельскохозяйственных орудий (чугунных наконечников для плуга, серпов, мотыги и пр.) и кончая женскими украшениями. Все это продавалось населению. Специальных лавок он не имел, желающие купить у него что-либо приезжали к нему на дом.

Часть привезенных вещей Мулла-Касим тратил на подарки и приношения — «пешкаш», «тортъқ» дарвазскому беку и местному амлокдору. Как рассказывают, бывали случаи, что его посещали беки, а визиты амлокдоров были постоянным явлением. Например, дарвазский бек Абдуссаттор-бек-додхо был с ним в дружественных отношениях и часто приезжал к нему. В 1915 — 1916 гг. брат Мулла-Касима Ходжал-Кабир был назначен туксабо, а в 1918 — 1919 гг. младший его брат Кандак — мирахуром. Этим его братьям-чиновникам принадлежали в качестве танхо 45 дворов в разных кишлаках Сагирдаштского и Тавильдаринского амлокдорств, 15 из них находились в их родном кишлаке Сафедороне.[1] Сами они были освобождены от уплаты всех видов налогов.

В качестве второго примера можно указать крупного купца-ростовщика и бая кишлака Савзихарфа Ниёза-туксабо. Отец Ниёза был неособенно богатым, но зажиточным крестьянином. Он имел в своем хозяйстве пару рабочих волов, сельскохозяйственный инвентарь, 10 — 12 манов пахотной земли, более 70 — 80 голов мелкого рогатого скота, 2 коровы, 1 лошадь. Его 4 сына все были способными к работе. Самый старший Ниёз часто ездил в Фергану на заработок. 2 года он работал в Коканде весовщиком и за это время сумел накопить денег. Вернувшись домой, он привез разнообразные предметы для продажи. Материи и ценные вещи он менял на баранов, покупал лошадей, которых потом гнал в Коканд на продажу. Постепенно он стал гонять скот в Самарканд и Бухару. Таким путем он стал крупным купцом — «савдогар».

Став крупным баем, он начал делать бухарскому эмиру и дарвазскому беку разные подношения и в результате этого в 1909 или 1910 гг. получил чин туксабо и был назначен амлокдором в Тавильдаре. С того времени его хозяйство стало увеличиваться. В 1914 или 1915 гг. он был освобожден от должности амлокдора, но как туксабо получил в танхо 20 из 56 хозяйств своего кишлака Савзихарф.

Крестьян, отданных ему в танхо, он беспощадно эксплуатировал, отбирал у них земли. Из года в год количество его земли увеличивалось. Только в своем кишлаке он приобрел путем скупки более 50 манов пахотной земли и около 20 — 25 манов сенокосной. В конце 1920 г., незадолго до установления советской власти, он имел уже в своем хозяйстве 10 — 11 пар рабочих волов, 6 лошадей, 12 — 13 коров, более 500 голов мелкого рогатого скота, 5 ослов и т. д.[2]

Крупными баями-землевладельцами в конце XIX—начале XX веков были также Мулла-Шокир-бай (кишлак Пастигор), Сафар-Али-бай

---

[1] Сообщение Рустамова Гадо, Самиева Абдулхакима, Давлатова Химата и др.
[2] Сообщение Джалилова Ятима.

(кишлак Калаи Хусайн), Назри-бай (кишлак Сайёд), Абдурахман-мирохур и Худойназар-бай (кишлак Гурхам), Мирзо-Бузург (кишлак Хур), Мадад-бай и Акбар-туксабо (кишлак Саридашт), ишан Султан и Мирзо-Иззат-шох (кишлак Езганд), домулла Тахир-а'лам-ишани халифа-раис (кишлак Камчак), домулла Зиёвуддин-бай (кишлак Кулумбаи Боло), Мадад-бай (кишлак Чухкак), Бойманд (кишлак Дехи Баланд) и многие другие.

Эти крупные баи-землевладельцы в своем кишлаке фактически были полновластными правителями. Их влияние в среде сельского населения было очень велико, в большинстве случаев они были старейшинами кишлака — «авсакол», «калун», «лъмб» или «одамшавъында», «калун-шавъында». При решении того или другого вопроса население кишлака первоначально обращалось к ним и только потом к чиновникам — представителям власти. Эти баи следили за своевременной уплатой налогов и сборов, за правильным пользованием общественными пастбищами, лугами, лесами, за осуществлением ирригационных работ и т. д. Они полностью подчиняли население кишлака своей власти, и без их согласия оно не могло самостоятельно решать сколько-нибудь важные общественные и хозяйственные вопросы.

Как было сказано, в бассейне р. Хингоу до революции население было обеспечено землей весьма неравномерно. Земельные участки каждого хозяйства, как правило, были расположены вразброс, иногда далеко один от другого. Эта крайняя чересполосица затрудняла обработку земли, так как крестьянин в горячую страдную пору вынужден был терять очень много времени, иногда даже несколько дней, чтобы перейти на другой свой участок и перенести туда весь необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Вместе с тем чересполосица являлась иногда причиной конфликтов между владельцами соседних участков. Если одной из спорящих сторон был влиятельный бай, то конфликт нередко заканчивался незаконным захватом земли бедняка.

Например, некий Зокир из кишлака Заки Абди имел земельный участок, называемый Таги Говаракух, по соседству с Маджидом из кишлака Кал'а.[1] Маджид был гораздо богаче Зокира и почти 5 лет настаивал на том, чтобы Зокир обменял свою землю на его участок Дорчув, расположенный в 8 км от этого кишлака. Зокир не соглашался, так как его земля была более плодородной, чем предлагаемый участок. Тогда Маджид решил захватить эту землю иным путем. Он отправил в подарок местному казию Мулла-Курбану барана и халат. Казий посоветовал ему найти двух свидетелей — «шохид», которые бы подтвердили, что эта земля была когда-то во владении отца Маджида и впоследствии была отдана в аренду Зокиру. Маджид так и поступил: он дал взятки двум старикам и написал заявление на имя казия, требуя возврата имения отца—«да'вои мълки падар». Казий позвал к себе Зокира и вынес решение о передаче земли Маджиду.

Подобный же случай, примерно в 1902 — 1904 гг. имел место в кишлаке Гурбадара. Земельный участок жителя этого кишлака Махмад-Заира находился по соседству с землями, принадлежавшими Сайид Абдуррахиму на участке Рахи Лухч. Сайид Абдуррахим давно думал захватить участок Махмад-Заира; он несколько раз предлагал последне-

[1] Сообщение Абдул-Файёза и Зокирова Одина.

му продать землю, но всякий раз получал отказ. Тогда Сайид Абдурахим предложил ему взамен свою землю на участке Шибаро. Но и на этот раз Махмад-Заир не согласился. Спустя 2 года, вследствие засухи, весь урожай погиб, и Махмад-Заир вынужден был обратиться с просьбой к Сайид Абдурахиму, чтобы тот купил его землю; Сайид Абдуррахим сделал вид, что он не очень хочет покупать ее. Махмад-Заир, дошедший до предельной нужды, просил его дать ему за его участок хотя бы сколько-нибудь. Тогда Сайид приобрел эту землю за мешок ячменя (около 4 — 5 пудов).[1]

Таких примеров можно привести много. Каждый состоятельный земледелец старался захватить землю своего соседа, так как это давало возможность не терять времени на переходы с поля на поле, что в условиях горного рельефа играло большую роль.

Очень часто были споры между соседями из-за межей. Большие межи — «раша» между владениями разных лиц считались неприкосновенными. Однако нередко случалось, что крестьянин во время пахоты не мог устоять перед соблазном увеличить свое поле, запахав 1 — 2 борозды за счет межи. Из-за этого неизбежно возникали ссоры и даже драки.

Например, еще до установления Советской власти в кишлаке Нурундж крестьянин Юнус Наби запахал 2 — 3 борозды от межи участка, принадлежавшего крестьянину Зарифу. Дело дошло до драки, и оба крестьянина поранили друг другу головы мотыгами.[2]

В условиях феодального строя, при котором большая часть земли находилась в руках феодалов-землевладельцев и основная масса крестьянства страдала от безземелья, такие споры и ссоры были неизбежны.

3. Формы отчуждения земли.

Отчуждение земли в основном происходило 4 способами, а именно: по наследству, куплей-продажей, путем залогов — «гърав», «гирав» и временного пользования — «'орият».

а) Переход земли по наследству. После смерти отца земля и имущество переходили по наследству к его сыновьям, дочерям и жене. Если все они жили вместе, то все имущество находилось у них в общем пользовании. Но если семья делилась, то земля, дом, двор, сад и другое имущество также делилось между ее членами. Раздел имущества в бассейне р. Хингоу до революции обычно производился по шариату.

В бассейне р. Хингоу имущество делили сами крестьяне, часто без присутствия местного судьи, а в случае недоразумений в разборе дела участвовали кишлачный староста и некоторые богатые люди. Иногда для раздела приглашали судью — «казия», 2 — 3 стариков в качестве свидетелей — «шохид», после чего приступали к разделу. Сы-

---

[1] Информаторы: Карим Робиа, Махмад-Заир (см. в тексте), 78 лет, неграмотный, и Мулла Негмон, 68 лет, грамотный, учившийся в старой школе, житель кишлака Гурбадара.

[2] Сообщение Муродова Суфи, 52 лет, из кишлака Нурундж. О таких же ссорах среди припамирских таджиков сообщают М. С. Андреев и А. А. Половцев: «В прежнее время... часто происходили ссоры и даже драки между соседями из-за межи, в особенности весной, когда приступали к посеву». (Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, Ишкашим и Вахан, стр. 22).

новья получали по две части, дочери по одной, а жена покойного домохозяина получала 1/8 часть имущества — «хаштьяк».[1]

Если у вдовы были грудные дети, то она получала не 1/8, а 1/4 часть всего имущества — «чорьяк», в которое входила и земля.

Дом отца, по существующему обычаю, переходил к младшему сыну.[2] Старший брат в виде компенсации за дом получал какую-нибудь ценную вещь: лошадь, быка или самый хороший и большой участок земли. Но иногда из уважения к старшему брату, который после смерти отца и матери выступал в роли отца,[3] и если у него была большая семья, младший брат уступал ему большой дом — «хунаи калун» или «хунаи бузургун», а сам переселялся в маленькое помещение.

Переход дома отца в наследство к младшему сыну существовал и в расположенных выше по Пянджу припамирских горных районах и у ряда других ираноязычных народов. «В случае раздела между братьями (в Ишкашиме, Зебаке, Вахане и Гороне — М. Р.), — писал М. С. Андреев, — дом отца переходит к младшему, старший же получает самый большой участок земли».[4] В долине Бартанга после смерти отца «дом переходит к младшему брату. Старшие братья получают соответственно большую часть из прочего имущества».[5]

О разделе наследства и переходе отцовского дома к младшему сыну у горных осетин упоминает М. М. Ковалевский: «У осетин старший наследует воинские доспехи, младшему достается отцовский дом, все же остальное поровну делится между всеми наследниками».[6]

Про кафиров Гиндукуша сообщает Дж. С. Робертсон: «Собственность, оставленная отцом, делится поровну между сыновьями, с тем исключением, что старший сын получает сверх своей доли еще какой-либо ценный предмет, как напр., корову или плясовой убор; младший брат обыкновенно наследует дом отца».[7]

Из вышеизложенного видно, что порядок раздела имущества и перехода дома отца к младшему брату у перечисленных иранских народностей соответствовал описанному нами. Однако в бассейне р. Хингоу иногда дом не доставался младшему брату. Младший брат мог отказаться от дома отца и отдать его старшему брату из уважения к нему. Кроме того, если старший брат имел большой авторитет среди населения, особенно среди старост кишлака или чиновников, то он мог при помощи их присвоить себе отцовский дом; в таком случае местная знать, которой он давал небольшую взятку, шла ему навстречу.

---

[1] Ср. «В Вахане и Сарыколе дочери участвуют на равных правах при разделе всего, кроме земли, которая переходит к сыновьям ...В Читрале и Свате следуют шариату, по которому все сыновья получают равные части. Дочери при выходе замуж получают приданое, в которое не входит земля». (Биддельф майор, Народы, населяющие Гиндукуш, перевод П. Лессара, Асхабад, 1886, стр. 109—110).

[2] О переходе дома отца к младшему сыну в Вахьёи Боло упоминает Н. А. Кисляков (Следы первобытного коммунизма..., стр. 74).

[3] Ср. «...обыкновенно, по смерти родителей (в Армении—М. Р.) старший брат вступает в право отца» (Гакстгаузен А., Закавказский край, СПб, 1857, стр. 190).

[4] Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч. стр. 20.

[5] Зарубин И. И., Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга, сб. МАЭ, т. V, в. I, 1918, стр. 125.

[6] Ковалевский М. М., Очерк происхождения и развития семьи и собственности, в. I, СПб, 1895, стр. 106.

[7] Робертсон Дж. С., Кафиры Гиндукуша, Ташкент, 1906, стр. 130.

Н. А. Кисляков, останавливаясь подробно на понятии усадьбы — «хок» и истории ее перехода к другому лицу в Сангворе, пишет: «Если же между братьями не существовало согласия, а были постоянные споры из-за того, кому владеть домом, то вопрос разрешался «хокимом» (hokim, т. е. правителем — М. Р.), мирским чиновником, совместно со старейшинами кишлака. Они определяли, который из братьев является наиболее трудоспособным и сможет поддержать хозяйство на определенной степени благосостояния. Такому брату дом передавали в пожизненное владение, а остальные братья оставались безземельными и выселялись».[1] Мы не имеем достаточно материала, чтобы судить о том, существовал ли и во всем бассейне р. Хингоу такой порядок. Всякий раз при расспросах мы получали отрицательный ответ. Можно предполагать, что в условиях недостаточного количества земель у сангворских таджиков этот порядок мог существовать, что же касается выселения остальных братьев из дому и обезземеливания их, то, по-видимому, это не могло иметь широкого распространения, а вероятно существовало лишь в редких случаях.

Во время раздела земельных участков в описываемом районе обмеряли каждый участок земли веревкой и судья писал на имя каждого наследника особую купчую крепость — «васика». Вот, например, один из этих документов (рис. 40):

«Это было в месяц джимад-ус-сани 1282 года (хиджры, т. е. сентябрь — октябрь 1865 г.), когда мы разделили землю Ходжа-Алим-Мухаммада между его наследниками. Один из наследников (был) Абдул-Кадир, а (вся) земля — девять манов, которые находятся в местности Сафедорон, и границы их известны.

Наследственная доля Абдул-Кадира вышла: один участок с домом, (который) с востока примыкает к земле Суфи-Мухаммад-Расула, с запада примыкает также к дому названного Мухаммад-Расула, справа — к владениям (мулк) Мухаммад-Шарифа, сына Давлата, слева — к владениям Иноятулло, сына Мухаммад-Розика; и еще участок с постройкой с востока примыкает к общественной дороге, с запада — тоже к общественной дороге, справа примыкает к владениям Мирзо-Азиза, сына Абдул-Азиза, слева примыкает к владениям Мухаммад-Рахима и Шоха, сына Мухаммад-Гадо.

Так произошло событие, которое записано, чтобы в случае надобности стало бы документом. И было это (совершено) в присутствии людей правдивых и надежных.

Присутствовали в данном собрании: Мулла Мухаммад-Носир, Косим, Мухаммад-Расул, Амир-Мирзо-шох, сын Мулла Шох-Ходжа, Мухаммад-Рахим, сын Мухаммад-Содик и другие мусульмане».

На печати: «Казий Абдул-Хамид, сын казия Абдул-Ма'ина».

Бывали случаи, когда у покойного домохозяина не оставалось наследников или наследники были несовершеннолетними. Если у покойника был брат, то в таких случаях дом, земля, двор и все другое имущество передавались ему. Но, если у него не было родного брата, то передавались брату его жены. Несовершеннолетних наследников передавали кому-нибудь из упомянутых родственников на воспитание с оформлением этой передачи особым документом. За счет этого наследства он

---

[1] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 107.

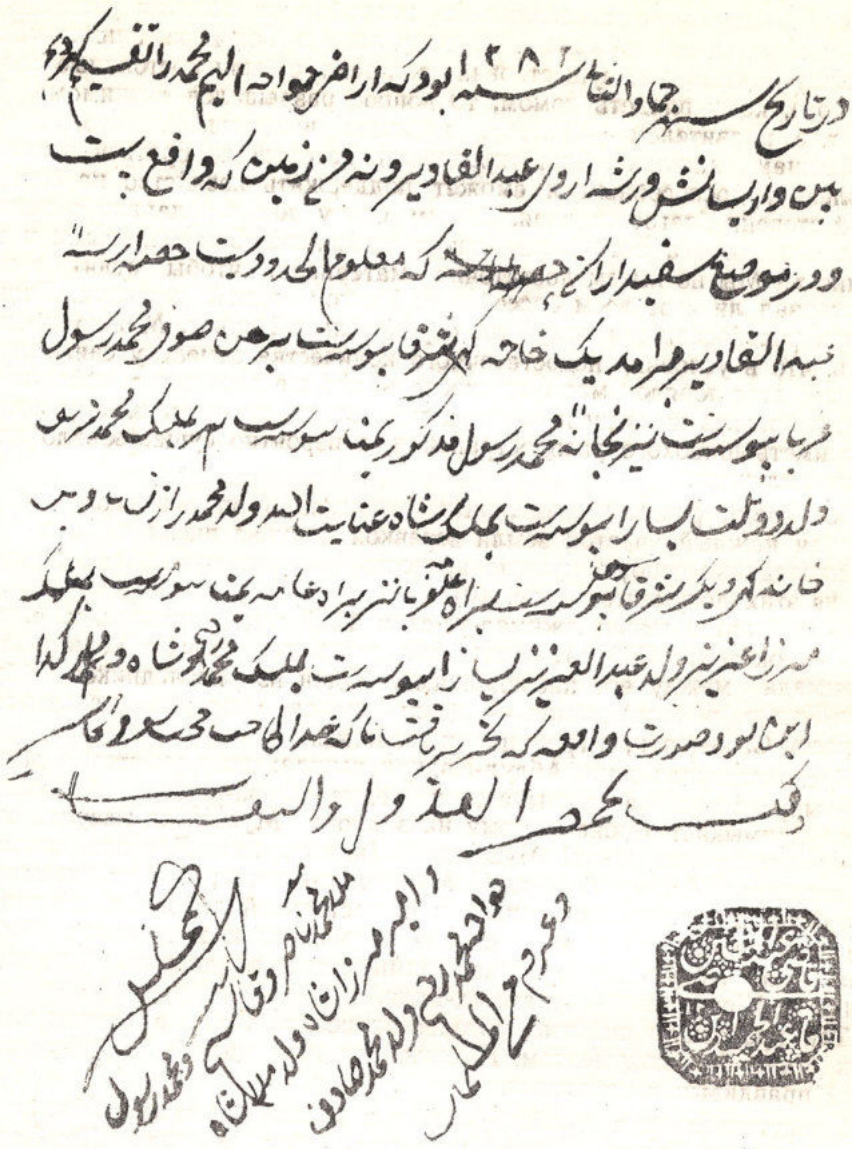

Рис. 40. документ о разделе земли между наследниками.

воспитывал малолетних детей, оставшихся сиротами. Когда эти дети выростали и требовали наследства отца, то воспитавший их дядя подсчитывал все расходы на них и удерживал их из наследства, а остальное отдавал им. Если наследники оставались жить с дядей (речь идет о дяде по материнской линии — «тағой») и не требовали наследства, то земля и прочее имущество оставались у дяди и считались перешедшей к нему через наследников «долей племянников»— «ҳаққи хорзоғи».

Наследство, доставшееся детям после смерти отца, если в нем была земля, называлось «мулькы мироси» (наследственное владение) или

«мульки падарй» (отцовское владение), а если было другое имущество — «ҳаққи мироси» (наследственная доля) или «ҳаққи падарй» (отцовская доля).

Иногда не только посевная земля, но даже дом, двор, скот и вещи оставались у того человека, который воспитал детей покойного владельца. Так было в том случае, если он доказывал, что для воспитания упомянутых детей расходовал больше, чем стоило наследство, перечисленное в васика.

А. А. Семенов пишет: «...если бы по смерти хозяина поля остался в его семье несовершеннолетний старший сын, неспособный обрабатывать землю, и если бы даже, кроме него, были еще и другие дети или взрослые сестры и при них мать, то участок передается во владение не им, а старшему мужчине в роде, например, брату покойника, за которым уж и остается на всю жизнь безвозвратно».[1]

Жена покойного домохозяина, если она была молодая, и взрослые дочери, хотя и имели право на наследование земли, в большинстве случаев не требовали землю и, выходя замуж, брали то, что им полагалось из другой части имущества. Например, несколько голов скота, постель, домашнюю утварь и т. п.

Например, в кишлаке Гурбадара после смерти Мулла-Шарифа осталось двое его сыновей—Бадал и Мирзо-Карим и дочь Сафаргуль. Сафаргуль было 15 лет, когда Бадал и Мирзо-Карим стали жить отдельно. Дом отца перешел к Мирзо-Кариму, а Бадал получил маленькое помещение — «ҳичра». При разделе имущества Сафаргуль из наследства отца получила только несколько голов скота и мелкие предметы, а свою долю земли уступила Бадалу, так как он был старше и воспитывал ее пять лет. Когда она вышла замуж, то получила только скот, который ей достался по наследству в виде приданого.

В кишлаке Шаков после смерти главы семьи Асо в доме его наследниками остались его жена, две дочери и сын Мансур. Старшая дочь Бибимох получила 20 табаков земли (около 1 га) и $^1/_3$ всего количества скота, а младшая Зайтуна свою долю отдала брату и решила остаться у него до выхода замуж. Мать не хотела выходить замуж и осталась жить с сыном, ее доля тоже осталась у него. Бибимох вышла замуж за Джамшеда, жителя этого кишлака, и ее 20 табаков земли, а также 1/3 часть скота из наследства перешли к Джамшеду. Зайтуна, выходя замуж, не взяла у брата свою наследственную долю, брат дал ей в качестве «маҳр» (приданого) 1 корову, 4—5 голов мелкого рогатого скота, 1 котел, несколько чашек, ложек и пр.

Таким образом, земля, как и другое домашнее имущество, после смерти домохозяина делилась между наследниками, в связи с этим состоятельное хозяйство, конечно, приходило в упадок. Мелкие семьи при ограниченном количестве земли, необеспеченности рабочим скотом, а также орудиями сельского хозяйства, вынуждены были идти в кабалу к баям, работать у них в качестве издольщиков и батраков.

б) Купля-продажа земли, стоимость земли при продаже и обмене земли. По собранным нами материалам, купля и продажа земли в старое время, при управлении страной дар-

[1] Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 49—50.

вазскими родовыми шахами, в долине р. Хингоу мало практиковалась. В последнее время, т. е. после присоединения Дарваза к Бухарскому ханству, купля и продажа земли стала частым явлением. Многочисленные актовые документы, которыми оформлялась продажа земли, относятся только к этому времени. Что касается времени правления шахов, то для него мы не имеем никаких документов и достоверных данных о купле и продаже земли и ее стоимости. Мы знаем только со слов стариков, что во время управления страной шахами земля стоила гораздо дороже, чем во время бухарского владычества.

Необходимо также отметить, что землю чаще всего продавали бедняки в момент острой нужды, обычно за ничтожную цену.

Баи продавали землю очень редко и, не будучи связаны нуждой, имели возможность продать ее в 2—3 раза дороже, чем крестьяне-бедняки. Чаще же всего они покупали земли у бедняков и нередко грабительским образом: разными уловками получали от них землю почти даром.

Земля в большинстве случаев обменивалась на скот, хлопчатобумажные ткани местного изделия, зерно, очень редко продавалась за деньги. Крестьяне-бедняки продавали свою землю в основном из-за недостатка продуктов питания (особенно в неурожайные годы), из-за отсутствия одежды и главным образом для уплаты различных налогов, калыма за невесту, для расходов по похоронам и многочисленным поминкам в случае смерти одного из членов семьи.[1]

Для примера возьмем семью Махмад-Заира из кишлака Гурбадара. Она состояла из 7 человек, из которых Махмад-Заир и его два брата являлись работоспособными. Он в своем хозяйстве имел рабочий скот, сельскохозяйственные орудия и около 8 манов земли. Но в неурожайный 1916 г. он вынужден был продать Мулла-Касиму 3 участка земли площадью в каждом из них по 16—17 табаков высеваемого зерна (около 0,8 га) за 25 табаков ячменя и 10 табаков (около 9 пудов) пшеницы.

Мирзо-Азиз Азимов и Шариф Абдуррахимов из кишлака Сафедорон продали тому же Мулла-Касиму по участку земли размером по 20 — 25 табаков высеваемого зерна (более 1 га) за 17 табаков (более 4 пудов) ячменя и 12 чугаз (48 аршин) маты-карбоса.[2]

Крестьянин Банги из кишлака Чильдара 20 табаков (1 га) земли продал некоему Исамуддину за 1 барэна и 28 чугаз (112 аршин) маты.

Что касается имущих классов, то они при продаже своих земель ценили их очень дорого и требовали оплату деньгами. Поэтому крестьяне-бедняки, нуждавшиеся в земле, не имели возможности покупать ее у богатых людей и последние чаще всего продавали свои земли друг другу. Приведем образец актового документа о продаже участка земли в Вахьёи Боло (верховье р. Хингоу) одним баем другому (рис. 41).

«Описание границ одного участка земли, который находится в селении Сангвор, из Вахьёи Боло, относящегося к Калаи Хум(б)у, что из областей благородной Бухары — да будет избавлена она и ее пра-

---

[1] Рахимов М., Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области, Изв. Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, № 3, 1953, стр. 109, 125—126. (В дальнейшем: Обычаи и обряды...).

[2] Г. А. Арандаренко пишет, что в Дарвазе в 1882 г. один кусок бязи (в 12 аршин) стоил 40 копеек, кусок алачи, бумажной крашенины (на халат)—60 копеек (Дарваз и Каратегин, стр. 457).

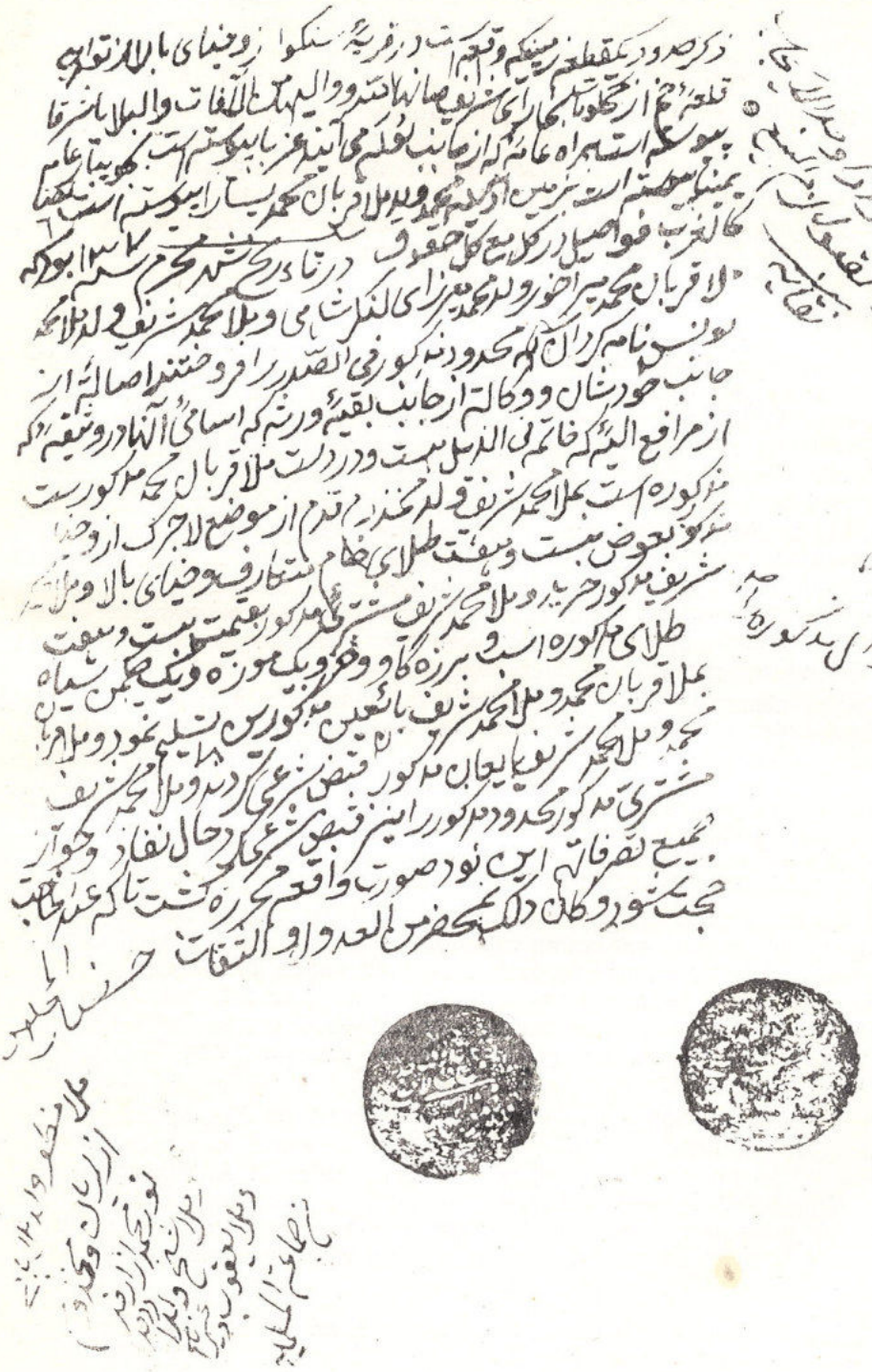

Рис. 41. Документ о продаже земли в Вахьёи Боло.

витель от всяких бед и несчастий! С востока он примыкает к общественной дороге, по которой идут со стороны Лугаха, с запада — к общественному арыку, справа — к земле Одина-Мухаммада, сына Муллы Курбан-Мухаммада, слева так же, как и с запада — (к общественному арыку). Полностью со всеми правами (на этот земельный участок).

В месяц мухаррам 1307 года (сентябрь 1889 г.) Мулла Курбан-Мухаммад-мирохур, сын Мухаммад-Мирзо, из кишлака Лангари Шох и Мулла Мухаммад-Шариф, сын Мулла Мухаммад-Юнуса, письменосца, которые лично от себя и по уполномочию остальных наследников, имена коих — в васике, представленной в суд и скрепленной печатью, которая находится в руках названного Мулла-Курбан-Мухаммада, продали участок в (вышеназванных) границах, известный всем, Мулла-Мухаммад-Шарифу, сыну Махдума Мухаммад-Карама, из местности Лоджирк, из упомянутого Вахьё, за двадцать семь слитков нечеканеного золота (طلای خام), известных в Вахьёи Боло. А названный Мулла Мухаммад-Шариф купил (этот участок). Названный выше покупатель, Мулла Мухаммад-Шариф, вручил обоим упомянутым продавцам, Мулла Курбан-Мухаммаду и Мулла Мухаммад-Шарифу, лошадь, быка, осла, одну пару сапог и один черный шерстяной халат стоимостью в двадцать семь названных золотых. Названные продающие, Мулла Курбан-Мухаммад и Мулла Мухаммад-Шариф, законно приняли (эти вещи), а упомянутый покупатель Мулла Мухаммад-Шариф также законно получил участок в описанных выше границах. Положение с дозволенностью взятия всех владений (таково). Так произошло событие. Оно записано, чтобы в случае необходимости стало бы документом. И было это (совершено) в присутствии людей правдивых и надежных».

Вверху сбоку по-арабски выписка из книги Хидая: «Когда осуществилось утверждение и принятие (сторонами сделки), стала обязательной купля и продажа».

«Присутствовали: Мулла Музаффар, сын Мулла Боби из Лайрона, Махдум Нурмухаммад из Урфада, Мулла Шайх, сын Дод-Худо, Мулла Якуб и другие из числа мусульман».

В печати надпись неразборчива.

В Дарвазском бекстве установленной цены на землю не было. Но, по словам стариков, в это время стоимость одного мана богарной земли (поливных было мало) приблизительно была равна стоимости 1 хорошей лошади или 1 вола и 1 овцы, или же 1 коровы и 2 овец. За один ман хорошей плодородной земли давали 100—120 чугаз (400—480 аршин) хлопчатобумажной материи местного изделия или 7—8 манов (28—30 пудов) зерна.

Если стоимость одного мана земли в бассейне р. Хингоу соответствовала цене 1 лошади, то по гармским ценам 1 ман земли стоил от 15 до 30 руб.,[1] не больше, а в Каратегине, как пишет Г. А. Арандаренко, земля продавалась в это время по 20 руб. за десятину ляльми, по 40 руб. за десятину арычной. В Южном Дарвазе земля стоила несколько дороже, а ценность садов зависела от количества тутовых деревьев

[1] О расценках товаров на базаре Гарма в 1882 г. см. Арандаренко Г. А. Дарваз и Каратегин, стр. 456—457.

Так, в Дарвазе сад в 20 деревьев продавался за 100 кусков (1200 аршин) бязи или за 40 руб.[1]

Таким образом, низкая цена на землю зависела не от наличия обширной площади пахотных земель, а от материальной необеспеченности народа.

Купля и продажа земли оформлялась у местного судьи при нескольких свидетелях из местных стариков (часто, впрочем, эта формальность, установленная шариатом, нарушалась).

При продаже судья, как видно из приведенного выше документа, писал на имя приобретавшего землю купчую — «васика», в которой точно указывалось место расположения участка земли, определялись его границы с четырех сторон: с востока, запада, севера и юга, его размер по количеству высеваемых на нем семян, устанавливалась его стоимость, назывались имена бывшего и нового его владельцев и т. д. После подписи доверенных свидетелей казий прикладывал свою печать и этим удостоверял законность совершившейся купли—продажи данного участка. За это казий получал от обеих сторон (продавшего и приобретшего) вознаграждение: барана, халат, деньги или какую-нибудь вещь — «мухруна» (за печать) или «қозиюна», «хаққи козй» (доля казия).

Наравне с куплей и продажей между крестьянами практиковался обмен одного участка земли на другой. В таком случае за хорошую, более плодородную землю при обмене давали еще что-нибудь впридачу— «болой», например, барана, теленка, шерстяной халат, кошму или какую-либо другую вещь. Обмен участков земли также совершался при участии судьи, который писал на имя каждого из обменявшихся васика.

в) Залог. Кроме купли и продажи широко практиковался залог земель — «гърав». Система залога являлась одним из способов захвата крестьянских земель баями. Крестьянин, нуждавшийся в деньгах в связи с женитьбой сына, поминками, недостатком пищи в неурожайный год, нехваткой семян для посева и т. п., отдавал свой участок земли в залог на определенное время с условием, что за этот срок он погасит ссуду. Если он не делал этого в срок, земля переходила во владение того, кто взял участок в залог.

Примером могут служить следующие случаи.[2] В 1906 или 1907 гг. Чильдаринский амлокдор Мир Абдулло поручил некоему Банги (отцу одного из рассказчиков) доставить какое-то важное письмо эмиру бухарскому в Бухару, но Банги отказался от этого поручения, так как у амлокдора были специальные люди—караулбеги, которые всегда возили корреспонденцию в Бухару. Рассердившийся амлокдор наложил на Банги 300 тенег[3] штрафа — «ярғу». Банги, не находя другого выхода, продал свою единственную лошадь, 2 коров и несколько голов мелкого рогатого скота и таким образом собрал 250 тенег. Остальную сумму он не мог достать и вынужден был заложить 2 участка своей земли (каждый размером больше мана) ёзгандскому баю Мирзо Иззат-Шоху за 50 тенег. Присоединив эти деньги к вырученным от продажи скота, крестьянин заплатил 300 тенег амлокдору. Когда пришло время вер-

[1] Арандаренко Г. А., Дарваз и Каратегин, стр. 457.
[2] Сообщение Бангиева и Хайдарова Кишвара.
[3] 1 таньга равна 15—20 коп.

нуть ссуду Мирзо Иззат-Шоху, Банги не смог этого сделать, и земля осталась в руках Мирзо Иззат-Шоха.

Житель кишлака Раззак Чильдаринского амлокдорства Махмадамин заложил свой земельный участок площадью около 1 мана Насриддину, жителю этого же кишлака, за 1 барана, который нужен был для уплаты налога. Махмадамин не мог в срок отдать барана, и его земля осталась у Насриддина.

Приведем еще пример. В кишлаке Дехи Баланд был крупный бай и ростовщик Бойманд, который часто под видом «помощи» — «ёрдам» давал нуждавшимся крестьянам своего селения и соседних кишлаков деньги, семена на посевы, хлеб, мануфактуру, за что крестьяне закладывали ему свои земельные участки и сады; эти земельные участки нередко оставались у Бойманда, так как крестьяне не могли погасить ссуды в срок.

Так, в 1916 г. крестьянин кишлака Нурундж Мурадов Суфи заложил 5 манов (около 5 га) своей пахотной земли Бойманду за 30 отрезов (180 метров) ситца, необходимых для поминок отца. Суфи своевременно не смог погасить ссуду, вследствие чего эти 5 манов земли перешли во владение Бойманда. Крестьянину Суфи удалось получить свою землю только после падения Бухарского эмирата и становления Советской власти в Таджикистане.[1]

г) Передача земли во временное пользование. Наряду с залогом, практиковалась еще сдача земли во временное пользование, — «'орият». Отданная во временное пользование земля нередко к хозяину не возвращалась .

Например, Сафар-Али Лоик, житель кишлака Фаркинг, ушел на заработок в Коканд и передал 1 участок земли во временное пользование некоему Довуду, жителю этого же кишлака. Через 2 года Сафар-Али вернулся из Коканда и потребовал свой участок, но Довуд отказался возвратить его без вознаграждения в 15 тенег и 1 хороший кокандский серп. Это требование Довуд мотивировал тем, что если бы он в течение 2 лет не обрабатывал эту землю, то она могла стать такой же, как целина. Он указал, что за это время очистил землю от камней, кустарников и т. д. Когда Сафар-Али обратился к казию, последний вынес решение в пользу Довуда.

Правда, иногда после больших хлопот и судебных разбирательств оставленные во временное пользование земли частично или полностью возвращались прежним владельцам. Об этом свидетельствует следующий актовый документ из кишлака Кеврон современного Калаи Хумбского района (рис. 42).

«Описание границ двух участков земли, расположенных на территории Мудверг местности Киброна. Первая часть его (т. е. первый участок земли) с востока примыкает к реке Пяндж, с запада — к саду Наима, слева — к общественной дороге, справа — частично к реке Пяндж, частично к саду названного Наима.

Вторая часть его с востока примыкает к земле Висхарви, с запада — к горе «биломолик» (без хозяина), слева соприкасается с землей Талбака, справа подходит к реке Пяндж несколькими деревьями

[1] Сообщение Мурадова Суфи от 4 сентября 1955 г.

Рис. 42. Документ о передаче земли во временное пользование.

тута (шелковицы), виноградной лозы, граната, каркаса и одного дерева инжира, так что все эти границы известны у жителей этого кишлака.

Было четвертое число месяца рамазана — да будет он запечатлен молитвой и чтением корана! — 1334 хиджры (1915—1916 гг.), когда явился в судебное установление Дарвазского вилаета подданный славной страны, благородной Бухары — да будет она защищена вместе с своим господином правителем от (всяких) несчастий и бед! — Акобир-шох, сын Мухаммад-шоха из местности Ризвай, приведя с собой Талбака, сына Мухаммад-Азиза; и сделал заявление сей пришедший по отношению к приведенному им (Талбаку) такого рода упомянутые участки, являясь моим достоянием и мулком, я передал названному Талбаку во временное пользование, а (теперь) упомянутый ответчик (Талбак) отказался от претензии вчиняющего (к нему) иск (Акобир-шоха).

После этого дали показания соответственно заявлению истца (Акобир-шоха) Мулла Махмуд, сын Мухаммад-Сафи, и Мирак, сын Абдул-Карима, из коих каждый был вполне правдивым и беспристрастным свидетелем. И после неспособности (ответчика Талбака доказать свою правоту) отражения (его претензий) и опровержения (его иска) двумя названными свидетелями мы, судьи священного шариата, постановили в пользу упомянутого истца и в ущерб ответчика (Талбака) решение непременное, верное, беспрекословно исполняемое и необходимое.

И было отображено это событие тем, что оно было записано, чтобы в случае необходимости стало бы документом. И было это (совершено) в присутствии людей правдивых и надежных.

Присутствовали: Мулла Мухаммад-Наим, мударрис, сын Мухаммад-Саида, Мулла Баходур и Ходжа Абдуррасул».

В печатях (слева направо) следующие подписи: «1. Кази Мулла Низамуддин-«судур» ибни Мулла Курбан-Мухаммад, 2. Муфти Мулла Нурулхак-раис ибн домулла Абдулхай-мударрис — да почиет над ним милость (Аллаха)!».

Пожилые люди из кишлака Сафедорон слышали от своих отцов, что еще во время шахов Давлат-Азиз из кишлака Сафедорон по какой-то причине уехал со своей семьей в Куляб и долгое время жил в кишлаке Ар-ари тока, где и умер. Сын его Ибодуллох после смерти отца вернулся в свое родное село Сафедорон и потребовал у Мухаммад-Исо участки отца, которые были переданы ему во временное пользование — «орият». Но Мухаммад-Исо отказался признать права Ибодуллоха. Ибодуллох обратился к казию, но так как Мухаммад-Исо был влиятельным баем и чиновником, то другие односельчане, боясь его, отказались выступить свидетелями Ибодуллоха. Только один восьмидесятилетний старик по имени Шох-Давлат засвидетельствовал, что отец Ибодуллоха действительно передал свои земли Мухаммад-Исо во временное пользование. Но его свидетельство не было сочтено достаточным, и большая часть земли Ибодуллоха по решению суда была передана Мухаммад-Исо.

Приведем документ, составленный на основании этого судебного разбирательства (рис. 43).

«Описание границ земли: 1) земля Кавялм (площадью) приблизительно двенадцать трехтюбетеечных блюд семян этой местности

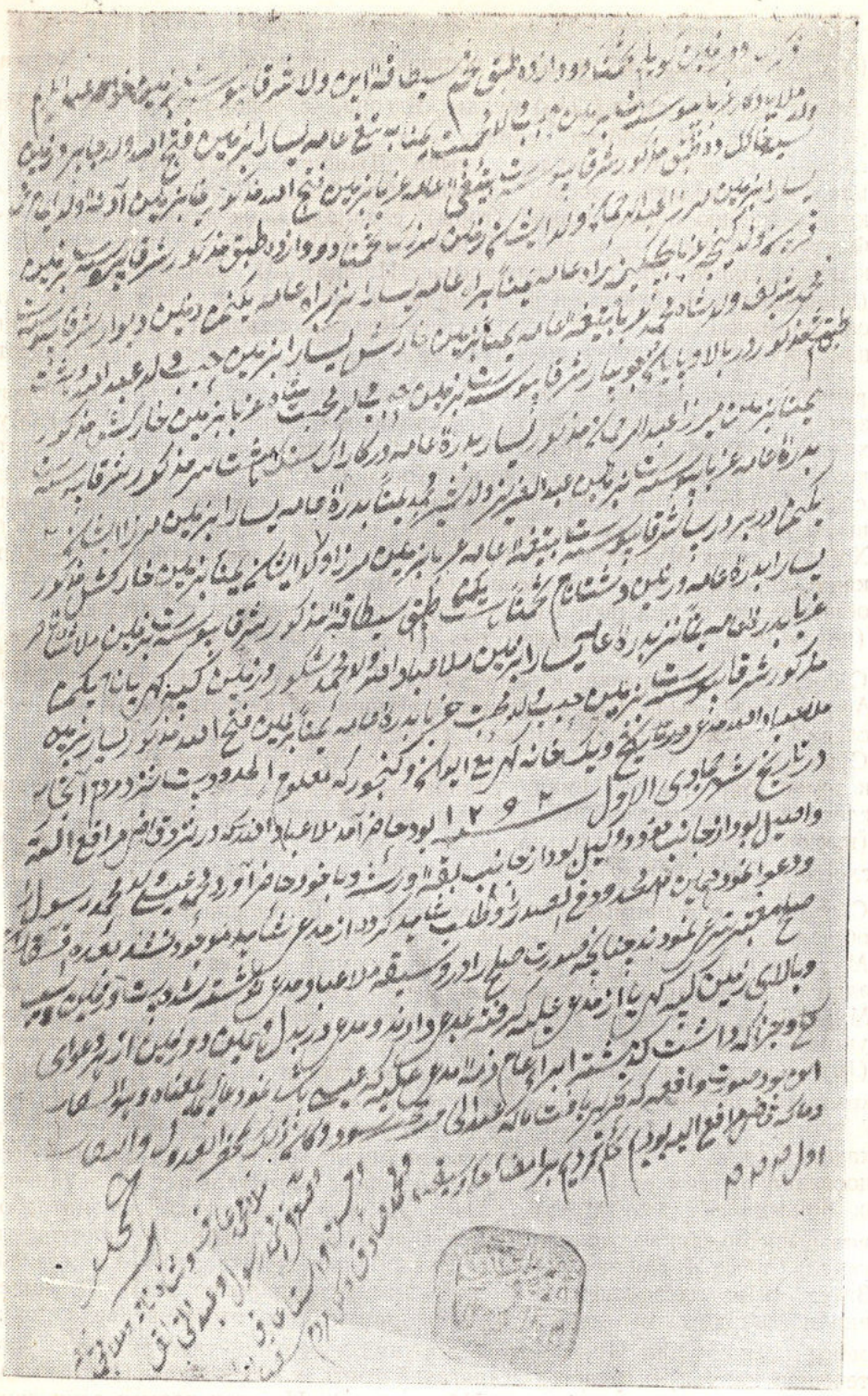

Рис. 43. Заключение казия по земельному спору, возникшему в связи с отдачей земли во временное пользование в сел. Сафедорон.

(طبق تخم سیطاقهٔ این ولا) С востока она примыкает к земле Ходжа Абдул-Карима, сына (ولد) муллы Ёдгора, с запада — к земле Хабиба, сына Мухаббата, справа — к гребню общественной (горы), слева — к земле Фатхулло, сына Джобира; (2) земля Сияххокак — (площадью) десять упомянутых блюд. С востока она примыкает к гребню общественной (горы), с запада — к земле упомянутого Фатхулло, справа — к земле Одина, сына Имам-Мухаммада, слева — к земле Мирзо Абдуррахмана, сына Ишана; (3) земля Сари Зак — (площадью) приблизительно двенадцать упомянутых блюд. С востока она примыкает к земле Курбана, сына Кенджа, с запада — к общественной дороге для саней-волокуш (بچگینه راه عامه), справа — к общественной дороге, слева — тоже к общественной дороге; (4) один ман земли Девор (крутой склон). С востока она примыкает (к земле) Мухаммадшарифа, сына Шох-Мухаммада, с запада — к гребню общественной (горы), справа — к земле Хоркаша, слева — к земле Хабиба, сына Абдулло; (5) земля (площадью) восемь упомянутых блюд семян выше и ниже Канала (по течению). С востока она примыкает к земле Хабиба, сына Мухаббат-шоха, с запада — к земле упомянутого Хоркаша, справа — к земле упомянутого Мирзо Абдуррахмана, слева — к общественному ущелью; (6) участок земли в местности Кароки Санг (площадью) в восемь упомянутых блюд (в тексте هشت سر مز کور). С востока он примыкает к общественному ущелью, с запада — к земле Абдул-Азиза, сына Шермухаммада, справа—к общественному ущелью, слева — к земле Мирзо Ишана; (7) один ман (земли) в Бари Вурсо. С востока она примыкает к гребню общественной (горы), с запада — к земле Мирзо, сына Ишана, справа — к земле упомянутого Хоркаша, слева — к общественному ущелью; (8) земли под названием Дашто (площадью) приблизительно восемь упомянутых блюд (вычеркнуто слово طبق— блюдо и сверху написано слово یکمن — один ман). С востока она примыкает к земле муллы Шохносира, с запада — к общественному ущелью, слева — к земле муллы Ибодуллоха, сына Мухаммад-Шукура; (9) земля, называемая Капагахиё (площадью) один упомянутый ман. С востока она примыкает к земле Хабиба, сына Мухаббата, с запада — к общественному ущелью, справа — к земле упомянутого Фатхулло, слева — к земле истца муллы Ибодуллоха; (10) участок под домом с верандой и кладовой (گنجور), границы которого известны населению этой местности.

Был месяц джимад-ул-аввал 1292 года (1874—1875 гг.), явился к казию для судебного разбирательства мулла Ибодуллох, который был посредником сам от себя и уполномоченным от остальных наследников, и, приведя с собою Мухаммад-Исо, сына Мухаммад-Расула, потребовал вышеописанные участки (всего в документе указано 10 участков) и искал (просил) свидетелей, но у жалобщика не оказалось свидетелей. Затем старосты заключили (между ними) признанное всеми соглашение по шариатскому закону, которое нашло свое отображение в документе истца муллы Ибода, чтобы нижний и верхний участок земли (по течению канала) и участок Капагахиё взять у ответчика (Мухаммад-Исо) и передать истцу (мулле Ибодуллоху). И истец взамен этих двух

участков земли отказался от всех своих малых и больших претензий; и ответчик, которым являлся Исо, полностью согласился, зная сущность его и надежность.

И было отображено это событие тем, что оно записано, чтобы в случае надобности стало бы документом. И было это (совершено) в присутствии людей правдивых и надежных. И мы, судьи данного процесса, вынесли решение на основе подписи решения документа.

Присутствовали: мулла Мухаммад-Ориф, суфи Мухаммад-Расул, Абдул-Холик и все население Сафедоро(н)».

На печати: «Казий Абдул-Хамид, сын казия Абдул-Ма'ина».

4. Формы эксплуатации

В дореволюционный период в бассейне р. Хингоу существовали различные формы эксплуатации беднейших слоев крестьянского населения крупными феодалами, баями, а также представителями бекского и амлокдорского аппарата. Следует отметить, что в большинстве случаев административные лица являлись в то же время и феодалами-землевладельцами.

Ввиду недостатка земли, мертвого и живого инвентаря крестьяне-бедняки для обработки своей земли были вынуждены заключать всякие кабальные сделки с крупными землевладельцами — «шарики», «мардикорй». Землевладельцы использовали труд маломощных крестьян также путем устройства массовых принудительных сельскохозяйственных работ — «хашар».

Разнообразие форм эксплуатации, бытовавших в исследуемом районе, создает известные трудности для точного определения их характера и сущности. Постараемся разобраться в этих формах.

а. «Ш а р и к й». Слово «шарики» — арабско-таджикского происхождения (арабское «шарик» — товарищ, компаньон и таджикское окончание «й» для обозначения производных существительных) и может быть переведено на русский язык как «товарищество», «соучастие». Несомненно, шарики некогда являлось своеобразной производственной кооперацией.

На различных стадиях развития общества кооперация, как известно, имела различные формы. По этому поводу К. Маркс писал:

«Кооперация в процессе труда, которую мы находим на зачаточных ступенях человеческой культуры, напр. у охотничьих народов или в земледельческих общинах Индии, покоится, с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой стороны — на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с родом или общиной, и спаян с ним столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем. То и другое отличает эту кооперацию от кооперации капиталистической. Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве. Напротив, капиталистическая форма кооперации уже с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего рабочую силу капиталу».[1]

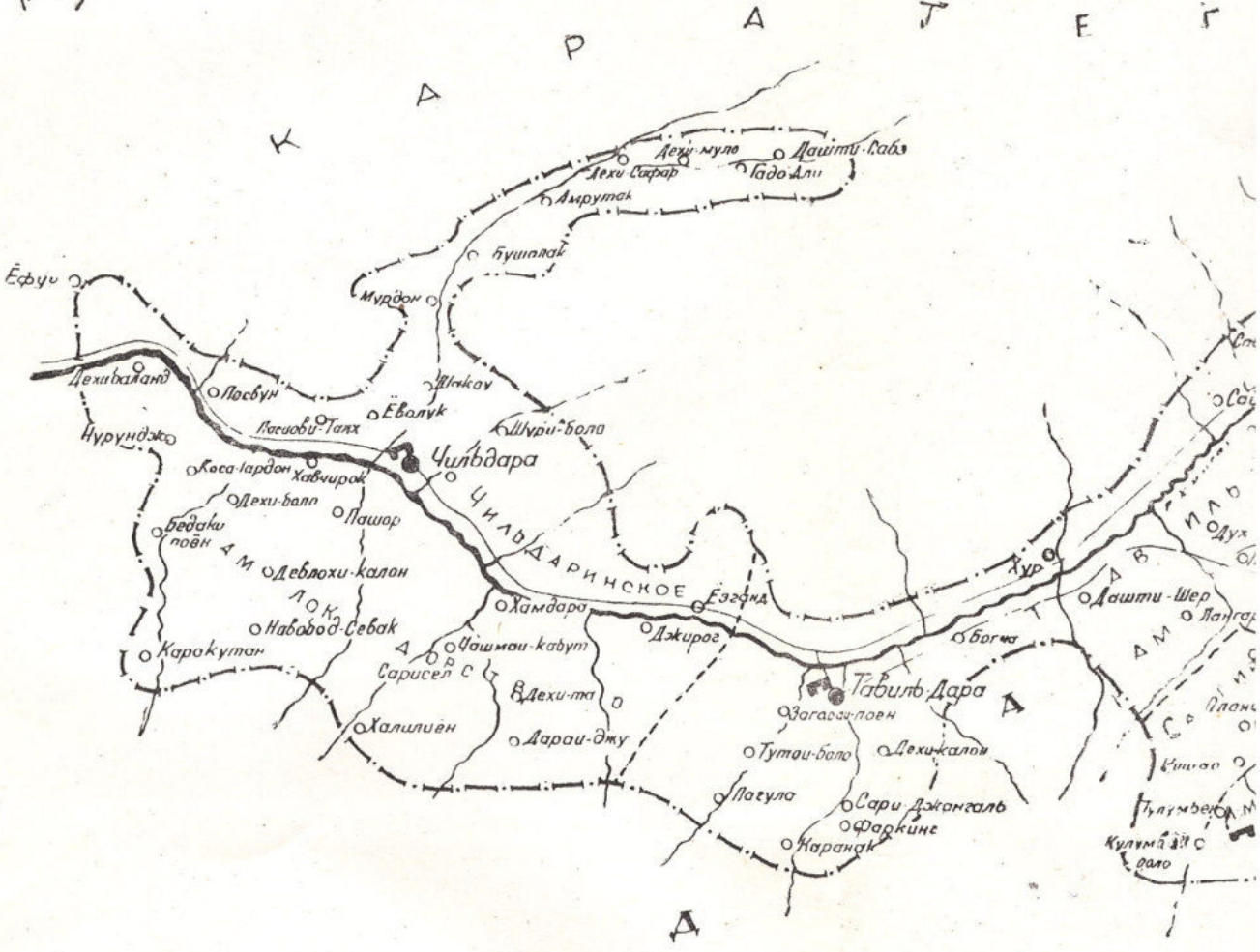
[1] М а р к с К., Капитал, т. I, гл. XI, Госполитиздат, 1952, стр. 340—341.

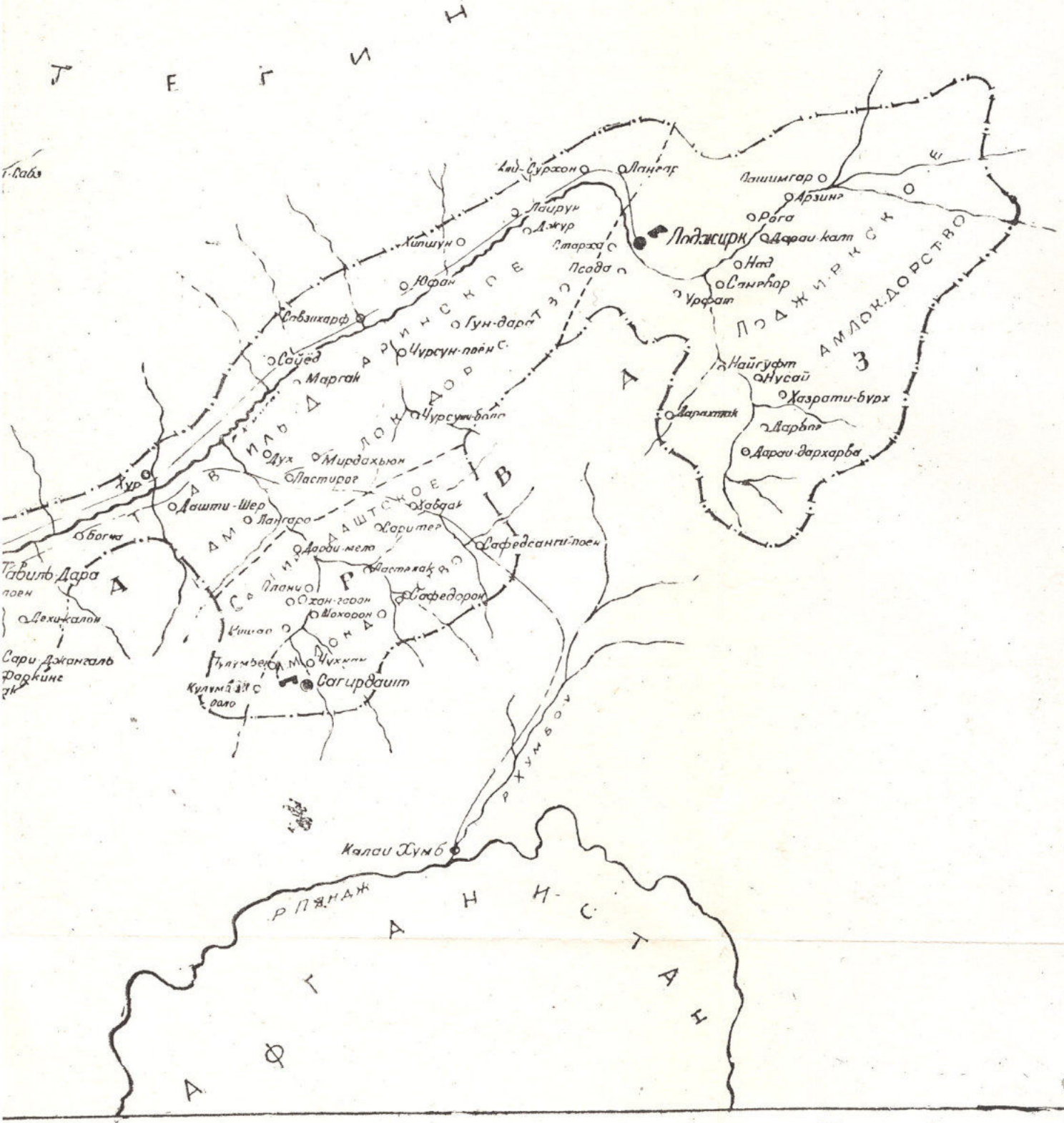
Схематическая

КАРТА

амлокдорств бассейне реки Хингоу

(Дарбазское ханство конца XIX начало XX вв.)

Ланджирк
Дарай-кал
Нид
Санчор
Урфат
Ланджирское
Амлокдорство
Ишимгар
Арзинг
Рога
Найгуфт
Нусай
Хазрати-бурх
Дарбанд
Дарай-дархарва
Марахтак
Ланглар
Ид-Сурхон
Лайрун
Джур
Старха
Псода
Хитшун
Юфан
Гун-дара
Чурсун-поен
Чурсун-боло
Маргак
Сайед
Савзихарф
Мирдахьюн
Пастирог
Дух
Хур
Даштак-Шер
Ланграо
Богча
Харитег
Хавдак
Сафедсанги-поен
Дарай-мело
Пастахак
Сафедарак
Хан-гарон
Шохорон
Кишао
Пулумьек
Чухкин
Сагирдашт
Кулимай
Дало
Дехи-калон
Сари Джангаль
Фарзинг
Калаи Хумб
Рхумбоу
Рпанж
Афганистан

Шарики как одна из форм производственной кооперации покоилось на коллективном владении средствами производства, в частности землей, и являлось формой простой кооперации, свойственной сельской общине. Но постепенно шарики из средства взаимопомощи превратилось в средство эксплуатации.

Многие исследователи социально-экономических отношений народов Средней Азии, в том числе и народов современного Таджикистана, в своих работах разделяют шарики на два вида: 1) форма взаимопомощи и 2) форма эксплуатации беднейших слоев крестьянских хозяйств.

Л. И. Дембо в работе «Земельный строй Востока» в главе, посвященной «чайрикерству» — издольщине, пишет: «Вполне возможно, что первоначально на более низкой ступени хозяйственного развития чайрикерство действительно было товариществом: собственник земли и собственник инвентаря объединялись для совместной обработки земли. Но постепенно, с развитием дифференциации, более зажиточные получили возможность эксплоатировать экономически более слабых своих товарищей».[1]

Другой исследователь, Б. Карп, в статье «Краткий очерк производственных отношений Таджикистана» . дает характеристику различным видам кабальных отношений в кишлаке, в том числе и шарики, разделяя последнее на 2 группы: 1) товарищество на компанейских началах и 2) форма эксплуатации.[2]

Н. А. Кисляков, характеризуя различные виды шарики, пишет: «Мы видим, таким образом, как, прикрываясь старинным безобидным термином, родовой институт совместной обработки земли выродился в весьма распространенную форму жестокой эксплоатации».[3]

До установления Советской власти шарики существовало в двух отмеченных выше видах и в бассейне р. Хингоу.

1. Виды шарики чисто товарищеского характера. Одним из видов ширики являлось простое кооперирование труда и средств производства (рабочего скота, семян, орудий сельского хозяйства и земли). Крестьянин, имевший малое количество семян и испытывавший недостаток в рабочем скоте, орудиях земледелия и земле, вступал в соучастие с другим крестьянином, находящимся в таком же положении. Они совместно обрабатывали маленькие клочки своих земель, вкладывая одинаковый труд, совместно участвовали в уборк урожая и делили урожай пополам.

Такой вид шарики, несомненно, являлся чисто товарищеским, потому что здесь крестьяне вступали в товарищество по соглашению друг с другом с целью достижения общей выгоды — вырастить урожай общими усилиями и распределить последний поровну. Каждый соучастник вкладывал в общее дело равную долю труда и средств.

Такой вид простой кооперации (шарики) имеет несколько вариантов.

Один из них заключается в том, что крестьянин, имея определенный участок земли, а также и семена, но не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, вступал в товарищество с другим

---

[1] Дембо Л. И., Земельный строй Востока, Л., 1927, стр. 80—81.
[2] Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане, стр. 24—27.
[3] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 32.

крестьянином, у которого имелись и рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, но не хватало земли. Они совместно пахали землю первого крестьянина, собирали урожай, молотили и делили пополам зерно и солому, не обижая друг друга.

Второй вариант такого товарищества заключался в том, что 2 или 3 бедняцких хозяйства вкладывали в общий фонд семена, 1 или 2 участка земли, 1 пару рабочих волов и сельскохозяйственные орудия и совместно обрабатывали землю, участвовали вместе в полке, жатве, обмолоте и урожай и солому делили поровну, после чего каждый из своей доли платил «ушр» и другие сборы. Если в такое товарищество вступали 3 или 4 крестьянских хозяйства, то оно называлось «се шарика» и «чор шарика» — 3 товарища-соучастника, 4 товарища-соучастника.

Вышеотмеченный вид шарики как форма простой кооперации средств производства широко практиковался и в некоторых соседних районах. В. Дынин, описывая быт и обычаи горцев верховьев Зарафшана, отмечает, что «земля вдов и малолетних сирот обрабатывается обычно на условиях шарики, т. е. товарищества, которое встречается также и в отдельных наиболее безземельных селениях».[1]

Необходимо отметить при этом, что во всех вышеописанных вариантах шарики количество рабочих рук не принималось во внимание. В то время как хозяйство 1 соучастника имело 2—3 работников, другое хозяйство имело только 1 работника.

Следующим вариантом такой простой кооперации являлся «алгов» — супряга — объединение своих волов 2 хозяйствами в 1 упряжку.

Н. А. Кисляков по этому поводу пишет: «Между двумя родственными хозяйствами, из которых каждое имеет по одному быку (в основном такие хозяйства являются бедняцкими), устанавливается соглашение, что каждый хозяин будет пользоваться обоими быками на время пахоты поочередно. Каждый пашет свою землю самостоятельно, причем два дня быки находятся в пользовании одного хозяйства, следующие два дня в пользовании другого».[2]

В основном Н. А. Кисляков правильно характеризует алгов, но необходимо сказать, что этот вариант простой кооперации устанавливался не только по соглашению между 2 родственными хозяйствами, но также широко практиковался и между бедняками-крестьянами какого-либо селения и даже соседних селений, хотя они и не были родственниками.

Например, некий Мирзо-Азиз, житель кишлака Сафедорон, часто вступал в алгов с Мирзо-Наимом и Махмадрахимом, жителями этого же кишлака. Одина Алимов, житель того же кишлака Сафедорон, очень часто вступал в такое соглашение с Махмад-Заиром, жителем кишлака Гурбадара, с которым он не был в родстве. Таких примеров можно привести очень много.

Вступающие в алгов крестьяне часто помогали друг другу в обработке земли, в уборке урожая и в молотьбе.

Изредка среди некоторых соучастников из-за плохого обращения

---

[1] Дынин В., Очерк быта горцев верховьев Зеравшана (опыт экономического исследования), Изв. Туркестанского отд. русского геогр. об-ва, т. X, в. 1, 1914, стр. 44. О таком шарики нам рассказали в 1948 г. во время полевых работ в Сари-Хосорском районе (б. Бальджуанское бекство).

[2] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 30.

со скотом во время пахоты происходили ссоры, вследствие чего, обидевшись друг на друга, они на следующий сезон не вступали в такое товарищество.

Алгов, по-видимому, издавна существовал среди народов Средней Азии. Л. Костенко, описывая ежегодные переделы пахотной земли (по жребию) оседлого населения равнинной части Средней Азии, также упоминает об этом: «Основанием при всех разделах общественных земель и суждениях о земледельческих работах служит «кош», т. е. пара волов, запряженных в соху, с рабочим и с необходимыми ручными орудиями. Количеством кошей, состоящих в чьем-нибудь распоряжении, измеряется его поземельное богатство, потому что от того зависит величина земли, которую владелец кошей имеет право обрабатывать. Само собой разумеется, что если есть владельцы, имеющие по несколько кошей, то случается и так, что несколько бедняков содержат на складчину всего один кош».[1]

Алгов часто встречался в Бухаре. Там дворы с малым количеством скота соединялись вместе, чтобы составить «кош», и в таком случае обработка полей товарищества производилась хозяевами полей по очереди.[2]

Алгов упоминают и авторы «Истории народов Узбекистана», где указывается: «Наиболее же распространенной формой товарищества являлось объединение рабочего скота обоих шариков для составления парной воловой упряжи (кош), при помощи которой обработка земель обоих хозяйств или производилась сообща, или же каждый из товарищей пользовался упряжкой по очереди, при условии обработки площади земли в равных размерах».[3]

Из изложенного выше о шарики и алгов можно придти к выводу, что такие варианты простой кооперации практиковались среди бедных крестьян, нуждавшихся в тех или других средствах производства (земле, скоте, семенах и инвентаре). Маломощные крестьяне вынуждены были вступать в товарищество, чтобы получить хотя бы незначительный доход с земли для существования.

2. Виды шарики кабального характера, являвшиеся одним из основных способов эксплуатации.

Землевладельцы, крупные чиновники бекского и амлокдорского аппарата, духовенство, баи, в руках которых была сосредоточена масса земельных участков, часто давали свою землю для обработки малоземельным и безземельным крестьянам на правах шарики, т. е. сдавали в издольную аренду. Кроме того, малоземельные крестьяне при обработке своих крохотных участков земли нередко вынуждены были получать от крупного землевладельца средства производства (рабочий скот, семена, орудия сельского хозяйства) также на правах шарики. В таком случае известная доля урожая также поступала указанному крупному землевладельцу.

Шарики в описываемом нами районе чаще всего практиковалось на богарных землях, потому что, с одной стороны, в этом районе поливной

---

[1] Костенко Л., Земледельческая производительность Средней Азии, «Туркестанские ведомости», 1870, № 17; см. также Шишов А. А., Сарты, ч. I, Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, 1904, в. XI, стр. 190.

[2] Губаревич-Радобыльский А., Экономический очерк Бухары и Туниса, СПб, 1905, стр. 32—33.

[3] История народов Узбекистана, т. II, стр. 251.

земли было весьма ограниченное количество, с другой стороны, обработка богарных земель, расположенных часто на крутых склонах, была более трудным делом. Поэтому баи, которые имели не более 3—4 манов поливной земли, никогда не сдавали эту наиболее ценную землю в обработку на условиях шарики; они предпочитали обрабатывать поливные участки силами батраков.

Остановимся подробнее на различных вариантах шарики, представляющих одну из форм жестокой эксплуатации, которая практиковалась в бывшем Дарвазском бекстве вообще и в бассейне р. Хингоу в частности.

Первый вариант такого шарики заключался в том, что крестьянин, имеющий землю, рабочий скот и орудия сельского хозяйства, но не имеющий семян для посева на своем участке земли, брал у бая семена и обрабатывал землю своим трудом. Все сельскохозяйственные работы (пахоту, полку, жатву, обмолот) выполнял крестьянин, а урожай и солому делили пополам с баем. После раздела урожая крестьянин от своей доли урожая выделял баю такое количество зерна, какое он брал для посева. После раздела зерна каждый из них из своей доли платил ушр и другие сборы. Если при этом крестьянин не выполнял каких-либо поручений бая или по какой-либо причине между ними происходила ссора, то бай, упрекая крестьянина, говорил: «Мън търа тъхъм кардъм, одамът кардъм, агар тъхмът намедом, тъ ай къшнагира мемурди» (Я тебе дал семена, сделал тебя человеком, если бы я тебе не дал семена, ты бы с голода умер).[1] Этот вариант шарики назывался «тъхмаки», или «тъхмкъни» — семенная ссуда.

Второй вариант шарики заключался в том, что крестьянин, имевший семена для посева, рабочий скот,[2] орудия сельского хозяйства, но не имевший в достаточном количестве пахотной земли, договаривался (устно) с баем о том, чтобы вступить с ним в шарики, и получал для обработки определенный участок земли бая. Все сельскохозяйственные работы выполнялись крестьянином, бай не участвовал ни в какой работе. Урожай после обмолота также делился на две равные части между баем и крестьянином, но бай при этом ничего не давал крестьянину. Кроме того, крупный землевладелец часто оставлял крестьянину (шарикеру) солому, а взамен получал от крестьянина барана, масло, соль, сыр — «қърут», сушеные фрукты, или крестьянин приносил ему на дом 15—16 вязанок дров или хвороста. Эти приношения назывались «ҳаққи каҳ» или «каҳуна», т. е. «за солому».[3]

Третий вариант шарики, близкий к первым двум, заключался в следующем. Крестьянин имел рабочий скот и орудия сельского хозяйства, но не имел пахотной земли и семян. Тогда он вступал в шарики с баем, брал у него землю и семена и обрабатывал ее сам, без участия бая. Когда урожай был собран в кучу, на ток появлялся бай и получал половину урожая и солому. Этот способ наживы местные дехкане называли «даҳани чуволгири» — «держание мешка за края», т. е. дармоедство.[4] Кроме того, бай всегда брал из доли крестьянина семена, которые давал ему для посева.

---

[1] Полевые записи от 1 ноября 1950 г.

[2] Если каждый крестьянин имел одного рабочего вола, то они вступали в алгов, а затем в шарики с баем.

[3] Записи от 3 сентября 1950 г.

[4] Полевые записи от 20 сентября 1949 г.

Четвертый вариант шарики был следующий. Крестьянин, который не имел ни земли, ни мертвого, ни живого инвентаря, договаривался с баем о шарики. Он обрабатывал байским рабочим скотом и инвентарем байскую землю, сеял семена, полученные от бая, и от собранного урожая получал одну третью часть. Кроме того, крестьянин давал баю сверх того, как долю его волов — «хаккн барзагово», а также выделял баю часть своей доли урожая за семена. При этом варианте шарики крестьянин фактически находился в полной зависимости от землевладельца.

Перед вступлением в такое шарики бай обычно ставил крестьянину еще ряд условий: крестьянин должен был косить для байского скота сено, выполнять обязанности пастуха, заготовлять для бая дрова и хворост, зимой чистить снег с крыш его построек и выполнять ряд других поручений.

Пятый вариант шарики заключался в том, что крестьянин, имеющий свою пахотную землю, но не имеющий ни одного рабочего вола, заключал устный договор с баем о вступлении в шарики из половины урожая, за что бай давал ему только рабочий скот. Получив рабочих волов, крестьянин без помощи бая обрабатывал свою землю, собирая урожай и обмолачивая его, а затем половину чистого валового сбора отдавал баю. Иногда бай даже не приходил на ток во время измерения и раздела урожая, а посылал кого-нибудь из своих рабочих известить крестьянина, чтобы он без всякого обмана принес ему на дом всю его долю.

Рассматриваемые 5 вариантов шарики, являясь одной из форм порабощения крестьянского населения в бывшем Дарвазском бекстве, бытовали в нем повсюду. Они практиковались баями, представителями духовенства, чиновниками и другими феодалами, очень напоминая институт издольной аренды, распространенный по всему Востоку.

На правах шарики обрабатывались почти все земли Мулла-Касим-бая, домулла Тохира, Гайрат-бая Джобирова, Шо-Файз-бая Мурадова, Ходжа-бая — крупных феодалов Сагирдаштского амлокдорства; ишана Султана, Нияза-туксабо — крупных феодалов, а также купцов, ростовщиков Тавильдаринского амлокдорства и многих других.

Приведем некоторые примеры. Некий раис Мулло Абдуррахим из кишлака Камчак Сагирдаштского амлокдорства был одним из богатых людей. Он в своем хозяйстве имел 5 пар рабочих волов, 3 лошади, 2 ослов, более 240 баранов и коз, 7 дойных коров и более 45—50 манов пахотных земель. Абдуррахим-раис держал 4 батраков — «мардикоров», которые выполняли для него все сельскохозяйственные работы. Кроме того, он ежегодно давал рабочих волов и семена 5—6 крестьянским хозяйствам своего кишлака, а также некоторым крестьянам соседних кишлаков Лухч и Чухкак, которые обрабатывали свои земли на условиях шарики с Абдуррахимом.

Шо-Файз-бай Мурадов из кишлака Сайидон того же амлокдорства, выходец из семьи сейидонских ишанов, являлся крупным баем этого кишлака. Он в своем хозяйстве имел 7 пар рабочих волов, 2 ездовых и 2 вьючных лошадей, 16 дойных и яловых коров, 3 ослов, более 260 голов мелкого рогатого скота, более 60 манов пахотной земли. Ежегодно у него работало 4—5 батраков и пастухов. В последнее время существования Дарвазского бекства у него в качестве батраков работали Кури Мирзо из кишлака Сайидон, Мусаввиров Хайдар из кишлака Мур'удьён

и другие; 10 лет работал у него пастухом Сайидов Сафар из этого же кишлака, его ятимом (батраком) был Акобир из кишлака Олуни, который работал у него 7 лет с условием, что по окончании этого срока он женится на племяннице бая Сайрон. Шо-Файз-бай ежегодно давал рабочих волов и семена бедным крестьянам кишлаков Олуни, Мур'удьён, Охангарон и других, которые обрабатывали свои земли на условиях шарики и отдавали половину урожая Шо-Файзу.

Упомянутый ранее Мулла-Касим-бай давал семена и волов крестьянам различных кишлаков, которые, обрабатывая свои земли, половину урожая отдавали ему. Он изредка ездил к ним и осматривал вспаханные поля, а также следил за ходом уборки урожая. В кишлаке Гурум у крестьянина Берди ежегодно находилось 2 пары волов Мулла-Касим-бая, при помощи которых Берди обрабатывал свою землю в шарики с Мулла-Касим-баем. И хотя в обработке этой земли Мулла-Касим-бай не участвовал, но урожай делился на 2 равные части, из которых одна забиралась баем. Он изредка давал семена Берди, и после дележа урожая брал у него еще и за семена. Иногда Мулла-Касим-бай за семена ничего не получал, но тогда Берди на следующий год должен был засевать землю своими семенами, за что он, разумеется, ничего не получал.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что хотя некоторая часть бедных крестьян имела по 1 волу, частично орудия сельского хозяйства, семена, а также небольшие земельные участки, но основным источником средств существования для бедноты являлась продажа своих рабочих рук, главным образом, посредством издольной аренды и батрачества.

б. «Хашар». Другой формой эксплуатации, носившей когда-то форму товарищеской взаимопомощи, являлся хашар (буквально «помочь»). «Хашар'ом» называется, — пишет Н. А. Кисляков, — обычай коллективной помощи соседу, односельчанину или родственнику, не могущему по тем или иным причинам справиться с какой-либо срочной сельскохозяйственной работой. Причиной может быть болезнь, недостаток рабочих рук и пр.».[1]

Сначала рассмотрим те виды хашара которые имели характер чисто товарищеской взаимопомощи. Организатор такого хашара — «хашардор» передавал людям, в готовности которых оказать ему помощь он был уверен, приглашенье помочь ему в работе. Получив их согласие, хашардор назначал время хашара и указывал участок работы.

Оповещали участников хашара — «хашаракиё» обычно вечером. Рано утром они отправлялись в поле. Хозяин поля кормил их 3 раза в день: первый раз после восхода солнца, что называлось «нонъшта» или «тахтул», второй раз «в полдень — «хъроки нимрузй» или «нохрй» и третий раз вечером, когда все участники возвращались с поля в дом хашардора — «хъроки вегай». Организаторы хашара старались хорошо кормить работающих. В эти дни хозяин поля, смотря по своему достатку, резал барана или козла, а не имевшие возможности это сделать

[1] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 33—34.

приготовляли самые любимые блюда — «руғанчуш».[1] «фатирмаска»[2] и т. п.

Участники хашара работали только 1 день, более 1 дня устраивать хашар обычно не полагалось.

Хашар устраивался главным образом для жатвы зерновых культур, но иногда также и для пахоты, сенокоса, переноски сжатых трав или хлеба с поля на дом, переноски дров, чистки и просушки для топлива накопившегося в хлевах навоза, для валяния кошем или обработки шерстяных тканей— «ҳашари нъмадрезй», «ҳашари чагманмолй» и т. д.

Небольшой хашар часто устраивался маломощными хозяйствами как для сельскохозяйственных работ, так и для постройки какого-либо помещения, для охраны скота всего населения кишлака на основе общеустановленного порядка очереди — «молвунй» и т. д. В таких случаях приглашалось лишь 2—3 хозяйства, и эта помощь называлась «ёридиҳй».

Хашар издавна был распространен как среди горных и равнинных таджиков, так и среди других соседних народов , о чем упоминают многие дореволюционные и советские авторы.[3]

Все эти авторы описывают тот вид хашара, о котором мы говорили выше и который действительно имел характер коллективной товарищеской взаимопомощи. Они, однако, не раскрывали сущности хашара, устраиваемого баями, ничего не говорили о кабальном характере его по отношению к крестьянским массам, о том, что крупные феодалы, духовенство и чиновники под видом хашара эксплуатировали маломощных крестьян, используя их труд в своих интересах.

Только Н. А. Кисляков и Б. Г. Гафуров исторически подошли к этому вопросу, раскрыв эксплуататорскую сущность такого хашара. Они показали, что некоторые виды хашара являются формой барщинной эксплуатации и наживы.[4]

Итак, хашар как один из видов взаимопомощи существовал в горных районах вплоть до установления советской власти. Он был распространен среди бедных и маломощных крестьян, действительно нуж-

---

[1] Согрев молоко или пахтанье в котле, крошат в него тонкие лепешки—«чапотй» и смешивают их с молоком или пахтаньем, затем раскладывают по деревянным чашкам и едят с растопленным маслом.

[2] На горячие лепешки из пресного теста сверху кладут сливочное масло, потом при помощи деревянной ложки лепешки крошат и макают, чтобы хлеб пропитался маслом.

[3] Арандаренко Г. А., Дарваз и Каратегин, стр. 457; его же, Каратегин (по расспросным сведениям), Военный сборник, год двадцать первый, т. CXXII, № 5, стр. 123 (примеч. 1); Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 21—22; Андреев М. С., Выработка железа в долине Ванча, Ташкент, 1926, стр. 14; его же, По этнологии Афганистана. Долина Пянджшир, Ташкент, 1927, стр. 24—25 (в дальнейшем: По этнологии Афганистана); Дынин В., Указ. соч. стр. 44—45; Наливкин В. и Наливкина М., Указ. соч., стр. 20 и др.

[4] См. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 29—35; его же, Очерки по истории Каратегина, стр. 147 и др.; Гафуров Б. и Прохоров Н. Н., Падение Бухарского эмирата. К 20-летию советской революции в Бухаре (1920—1940), Сталинабад, 1940, стр. 11; Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 339, 406.

дающихся в помощи из-за недостатка рабочей силы и бедности. Но наряду с товарищеской взаимопомощью существовал также, как было сказано, кабальный вид хашара — особая форма барщинной эксплуатации, когда крестьян-бедняков заставляли работать бесплатно на мирских и амлокдорских землях — «хашари мирй», а также на землях владельцев танхо и других феодалов.

Такой вид хашара практиковался также при проведении оросительных каналов, при сенокошении для зимнего подкорма мирского скота, при заготовке и переноске на спине с дальних участков дров и хвороста, при постройке жилых домов и прочих помещений для чиновников, баев и пр. Все эти работы крестьяне выполняли совершенно безвозмездно. Таким образом, более 3/4 рабочего времени крестьян уходило на хашар и другие работы для влиятельных лиц. Отказаться от участия в таком хашаре крестьянин не решался, боясь преследований и расправы со стороны феодала или бая.

Следует отметить, что некоторые организаторы таких хашаров (баи, духовные лица и отдельные сельские чиновники) 2 — 3 раза в день кормили участников хашара; это угощение обходилось им довольно дешево, во всяком случае оно не компенсировало труда работников. Однако гораздо чаще крестьян заставляли работать на таких хашарах, даже не обеспечивая пищей; каждый крестьянин приносил себе еду из дома. Этот вид хашара являлся уже настоящей барщинной повинностью.

Таким образом, хашар, первоначально имевший форму товарищеской коллективной взаимопомощи, со временем превратился в форму барщинной эксплуатации и, как справедливо замечает Н. А. Кисляков, «был использован феодалами для безвозмездной обработки своих земель силами дехкан, причем он потерял уже свой добровольный характер и сделался обязательным».[1]

в. Налоги, сборы и повинности. Помимо шарики и хашара, тяжелым бременем для населения являлись различные виды налогов, сборов и повинностей.

Относительно некоторых видов налогов, взимавшихся с населения в Дарвазском бекстве и других соседних к ним районах, приведены сведения в работах Д. Л. Иванова,[2] Н. Н. Покотило,[3] Г. А. Арандаренко,[4] капитана Кузнецова,[5] А. Г. Серебренникова,[6] И. И. Гейера,[7] А. С.[8] и некоторых других авторов.

Эти авторы специально не занимались социально-экономическими отношениями и в своих работах не дали анализа классовой сущности налогового гнета.

Подробное описание различных видов налогов, сборов и повинностей в Дарвазском и Каратегинском бекствах мы находим в работах

---

[1] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 34.
[2] Иванов Д. Л., Указ. соч., стр. 241—242.
[3] Покотило Н. Н., Указ. соч., стр. 484.
[4] Арандаренко Г. А., Дарваз и Каратегин, стр. 449—451.
[5] Кузнецов, Дарвоз, стр. 68—70, 72—73.
[6] Серебренников А. Г., Очерк Шугнана, Военный сборник, в. 12, 1895, стр. 433—434.
[7] Гейер И. И., Указ. соч., стр. 108.
[8] А. С., Указ. соч.,

Н. А. Кисляковa.[1] Н. А. Кисляков для долины р. Хингоу перечисляет 11 видов налогов и сборов, взимавшихся с населения Лоджиркского амлокдорства, а также указывает на некоторые повинности; эти налоги, сборы и повинности в основном существовали почти во всем Дарвазском бекстве с некоторыми видоизменениями.

Налоги, сборы и повинности, существовавшие во время бухарского владычества в Дарвазе, в частности в бассейне р. Хингоу, и порядок их взимания мы рассмотрим более подробно.

Система налогов и порядок их взимания во времена дарвазских родовых шахов (до подчинения края Бухаре) нам очень мало известны. По рассказам местных стариков, во времена шахов-правителей Дарваза система налогов была гораздо легче по сравнению с налоговой системой времен бухарского владычества. В памяти стариков сохранились воспоминания о следующих налогах времени правления дарвазских шахов.

1) «Ушр» — налог с чистого урожая, взимавшийся в размере 1/10 части валового сбора с каждого тока.

2) «Закот» — налог со скота из расчета — 1 голова с каждых 40 голов мелкого рогатого скота.

3) «Дудуна» — подымная подать из расчета—с каждого хозяйства в течение года 1 баран или коза.

4) «руғани шаҳи», «руған барои шах» — сбор масла для шаха, с каждого двора по 1 кувшину в год или каждый месяц по 1 большому деревянному половнику — «кавлез», вмещавшему около 500 г масла. Для взимания этого налога сельский староста — «арбоб» или сборщик налогов — «мъшриф» с несколькими другими лицами ходили по дворам.

Других налогов и сборов местные жители не помнят.[2]

Со времен установления бухарской власти жизнь трудового народа стала невыносимо тяжелой. Крестьянство было задавлено разнообразными формами налогов и повинностей, а также грабительством местного чиновничества, феодалов и баев.

В 4 бывших амлокдорствах Дарвазского бекства, которые были расположены в бассейне р. Хингоу, каждое хозяйство было обложено налогом. Почти все налоги и сборы взимались натурой. Лишь позднее, приблизительно в конце 90-х годов XIX века, появились и денежные налоги.

Вот некоторые виды налогов и податей, взимавшиеся в этих местностях с населения во времена бухарского владычества.

1. «Ушр» — налог с урожая в виде 1/10 части. Он взымался во всех восточных бекствах—Дарвазском, Каратегинском, Больджуанском и Кулябском. Ушр здесь взимался не с земли, а с урожая, независимо от того, богарная земля или поливная, принималась во внимание лишь ее доходность.[3]

---

[1] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 96—97; о налогах и повинностях в Каратегине см. его же, Очерки по истории Каратегина, стр. 139—145.

[2] О системе налогов в Ванче во времена шахов см. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 54; см. также о налогах времен каратегинских шахов его же, Очерки по истории Каратегина, стр. 139.

[3] В некоторых бекствах Бухарского ханства крестьяне платили с урожая поливных земель гораздо больший налог, чем с богарных. Например, в б. Гиссарском бекстве взимали налог в виде 1/5 части урожая с поливных земель—«хумс», и 1/10 части с неполивных—«ушр» (см. Гафуров Б. Г., История Таджикского народа, т. 1, стр. 406).

Порядок взыскания ушра был следующий. После каждого обмолота, когда чистое зерно было собрано в кучи, на ток являлась целая группа чиновников — мирхазор, муширф, арбоб, некоторые духовные лица, иногда и амлокдор, и начиналось измерение урожая. До прихода этих людей хозяин тока не имел права трогать собранного урожая. Зерно измерялось большими деревянными блюдами — «табак» или «табаки вардоръында». Девять табаков хозяин тока брал себе, а десятый отсыпал отдельно для ушра. Затем хозяин тока отвозил собранный ушр на склад — «хазина» или «амбор», где хранился весь ушр, собранный с населения какого-либо кишлака.

После отдачи ушра хозяин тока должен был из оставшегося у него зерна отдать по одному деревянному блюду зерна (около пуда) еще некоторым чиновникам: «мирхазоруна» — доля мирхазора, «муширфуна» — доля муширфа, «арбобуна» — доля арбоба, «раисуна» — доля раиса, «хаккы аллох» — «божья доля», для сельского учителя. Если эти лица отсутствовали, то их долю крестьянин доставлял к ним на дом. «Дахьяк» (буквально 1/10 часть) — милостыня, которая давалась в количестве одного маленького блюда или 1—2 тюбетеек зерна приходящим на ток нищим, сиротам и т. д.

2. «Амал» — подать, взимающаяся с каждого хозяйства в размере 1 овцы или козы. В некоторых местах, где скотоводство не было развито (Дарваз), взимали по 1 карбосу (1 кусок бумажной материи, составляющий 12 чугазов, т. е. около 24 м). Эта подать в конце XIX столетия взималась деньгами в размере 5 тенег. В некоторых случаях, если крестьянин не мог выплатить амал деньгами, с него, вместо 5 тенег, брали 1—2 овцы.

3. «Закот» — подать со скота, взимавшаяся в размере 1 овцы или козы с каждых 40 голов рогатого скота. Поскольку крупного рогатого скота у крестьян было мало, этот налог взимался в виде масла, сыра, шерсти и т. п.

4. «Қънърға закот» или «чорвои қънърға» — подать с крестьян, живущих по дороге к резиденции правителя (бека), в размере 1 овцы в год. Эта подать шла на содержание проезжавших с поручениями мира чиновников (амалдоров) и его слуг (навкаров) и взималась даже с хозяйств, совсем не имеющих скота.[1] Эта подать обычно взималась весной, когда главные дороги на перевалах были открыты; она была очень обременительной для населения кишлаков Пастелак, Фаркинг, Зарако, Хавдак, Гульён, Сафедсанг и Сафедорон, находившихся по дороге к резиденции бека—Калаи Хумбу. Население часто протестовало против этой подати, но ее продолжали взимать. Только перед установлением Советской власти некоторые крестьяне и селения в Дарвазе были освобождены от этой подати.

Об этом свидетельствует следующий указ Дарвазского бека Гайратшох-бий-додхо (рис. 44).

«Да будет известно амлокдорам и имеющим (к этому) касание людям Сагридашта (Сагирдашта), что во славу государства его величества (эмира) селения Гульён и Хавдак, в силу того, что они находятся вблизи дороги и терпят (от проходящих и проезжающих) убытки,

[1] Ср. с «қонолга», «конорга» или «қунурга» других районов Средней Азии (Семенов А. А., Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, стр. 6; Иванов П. П., Указ. соч., стр. 39).

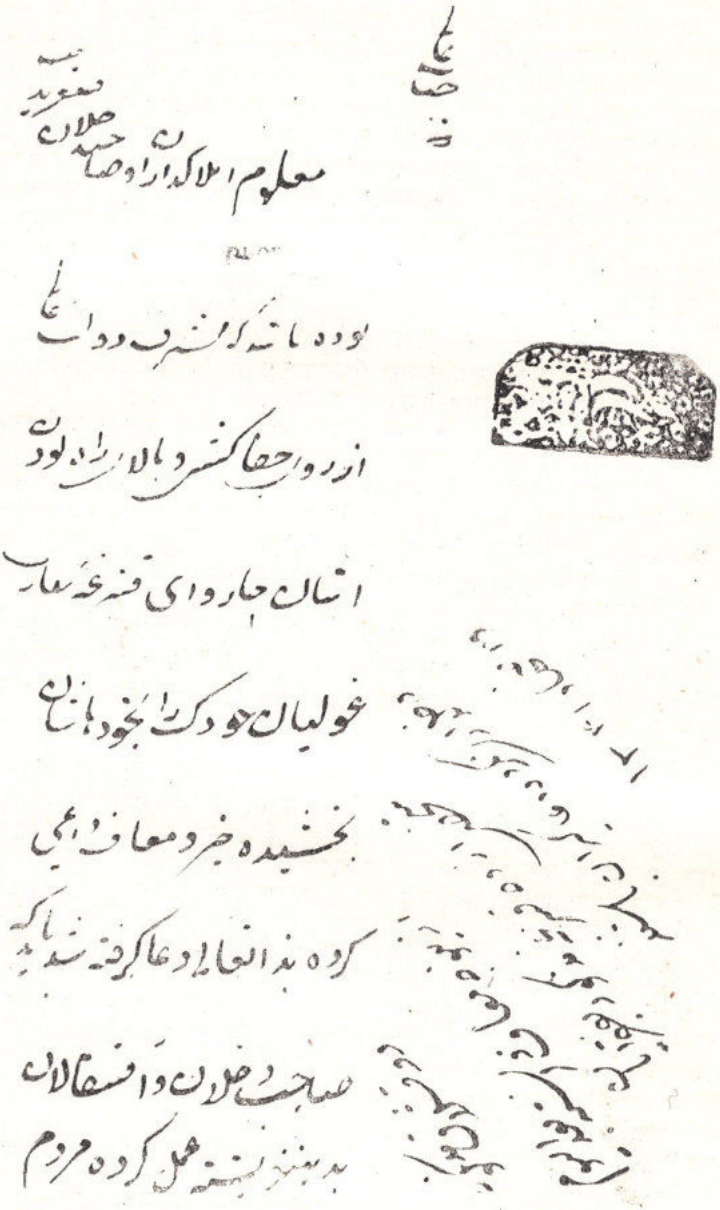

Рис. 44. Документ об освобождении кишлаков Гульён и Хавдак от налога со скота — „кънърга закот".

освободить от весенней подати. (چاروای قنر غهٔ بهاری) с тем, чтобы они сами пользовались ею. Да пусть молятся они за его величество (эмира).

Имеющие касание люди и старосты (белобородые) кишлаков должны действовать согласно написанному (документу), считать эти два кишлака освобожденными (от этой подати), и впредь никто не должен иметь никакого касательства к (взиманию) упомянутой подати с населения, и пусть они молятся.

Да будет (это всем) ясно. 1341 год (хиджры, 1922—1923 гг.)».

На печати: «Гайрат-шох-бий-додхо».

5. «Чорвои утохй» — подать со скота для нужд «армии» бека или амлокдора. Население каждого кишлака должно было ежегодно давать беку или амлокдору 2 заколотых баранов и 1 большую корзину—«сабат» хлебных лепешек. Эта подать была особенно обременительна в последние годы существования Бухарского эмирата, начиная с 1918—1919 гг., когда населению приходилось, вопреки установленному правилу, платить эту подать по 2 раза в год. Для уплаты ее крестьяне собирали зерно и вскладчину покупали на него барана и отправляли с кем-нибудь из односельчан в резиденцую бека или амлокдора. В бассейне р. Хингоу организаторами таких «армий», вернее басмаческих шаек, в 1920 г. был ишан Султан, который имел 40—50 сарбозов — солдат. Население, в том числе и часть духовенства, считало эту подать «более поганой, чем мясо сурка» — «чорвои утохй ай гушти сағърънда hарумтарай».

6. «Дудуна» — подымная подать, которая существовала еще во время шахов и взималась натурой. Во время бухарского владычества она взималась в размере 1—2 тенег с каждого хозяйства, т. е. приобрела денежную форму.

7. «Руғани мирй» — подать маслом для мира. Взималась за год по 1 кувшину (вместимостью около килограмма) коровьего масла с каждого двора.

8. «Маскаи қънърға» — ежегодная подать сливочным маслом с крестьян селений, не находившихся на главной дороге к резиденции бека. Она взималась в размере 2 деревянных половников — «кавлез», вмещавших по 500 г масла. Эта подать шла на содержание проезжавших через резиденцию амлокдора правительственных чиновников. Осенью староста кишлака обходил все дома своего селения и собирал масло.

9. «Пашми мирй» — подать шерстью для мира, которая собиралась с каждого двора в размере 10 қадок, т. е. около 4,5 кг. В некоторых кишлаках с населения брали шерстяные веревки, шерстяные халаты, шерстяные штаны, кошмы, кожи, шерстяные мешки и т. д.

10. «Андози оҳанй» — железная подать. Этот вид налога существовал еще во времена шахов, но только для населения некоторых районов, находившихся вблизи Ванча.

Д. Л. Иванов пишет, что «...в Дарвазе была введена подать железом. Так как на реке Ванче существовала и теперь еще существует добыча железной руды и приготовление из нее местным способом железа, то вероятно ранее эта подать и касалась исключительно Ванчской провинции и уже впоследствии была распространена и на остальные

местности Дарваза, которые о своем железе понятия не имеют. Размер железной подати равняется 7,5 фунта (больше 3 кг — М. Р.)».[1]

В Ванче этот налог называли «хумс».[2] В уплату налога железом в Дарвазском бекстве с населения собирали по 1 лемеху и заступу.

В бассейне р. Хингоу с населения брали железные изделия — железные стремена, подковы для лошадей, железные наконечники для плугов, мотыги, кирки и лопаты. Все это население каждого кишлака приобретало в обмен на зерно и отдавало беку или амлокдору.

11. С населения собирали также некоторые деревянные изделия: деревянные галоши, деревянные лопаты, деревянные ложки, чашки и седла.

12. «Меваи мирй» — мирские фрукты; так назывался сбор с населения отдельных кишлаков, в которых имелись фруктовые сады. Собирались в свежем и сухом виде яблоки, урюк, вишня, черешня, орехи и груши. Эти сборы производились в кишлаках Пуштарог, Сайёд, Савзихарф. Чильдара. Сурхав, Пашор, Хамдара и ряде других.

13. В Вахьёи Боло население, которое занималось добычей золотого песка, было обложено налогом золотом в размере 5,5 г («якъ ним тилло») за год. Этот налог назывался «тиллои шар'й» — «законное (на основе шариата) золото».

14. В кишлаках Гульён и Хавдак, а также в некоторых кишлаках Вахьёи Боло население ежегодно, весной, собирало и возило специально для дарвазского бека и его придворных чиновников по одной корзине — «сабат» корней травы, называемой «мънгак» — чина клубненосная (Lathyrus tuberosus L.) (рис. 45). Весной, когда у этого растения еще не появлялись зеленые листки, корень его бывает вкусным. Находя растения по сухим прошлогодним листьям, корни выкапывали из земли (глубина 30—50 см) специальными деревянными палками — «мехчок», мотыгами или железными лопатами, собирали их и относили в вареном или сыром виде в Калаи Хумб.

Кроме перечисленных налогов, податей и сборов, существовал еще целый ряд других сборов и повинностей.

Во время поста рамазана каждый держащий пост — «руза» обязан был платить сельскому учителю по одному блюду зерна, так называемого «фитри руза». Кроме того, каждое хозяйство платило осенью по одному блюду зерна специальному человеку, который призывал молящихся к молитве — «муэззину» («мълозими қишлоқ»). Помимо этого, крестьянин платил ряд сборов за совершение разных юридических сделок, когда у него бывала в них нужда. Например, за раздел между семьей наследственного имущества — «тақсимъ тарака» или «тақсими мирос» судья — «қозй», совершавший этот раздел, брал 1/40 часть стоимости наследства, что называлось «таракавуна». Эта 1/40 часть наследства выплачивалась казию овцой, халатом, иногда, если делилось более зажиточное хозяйство, коровой; за свадьбу он получал «никохуна»; за оформление разных сделок и разрешение споров— «ҳукмуна» и т. п. При похоронах сельские муллы получали с родственников умершего что-либо за выкуп грехов покойника,[3] а за молитву по

---

[1] Иванов Д. Л., Указ. соч., стр. 242.
[2] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 54.
[3] См. Рахимов М., Обычаи и обряды..., стр. 117—118.

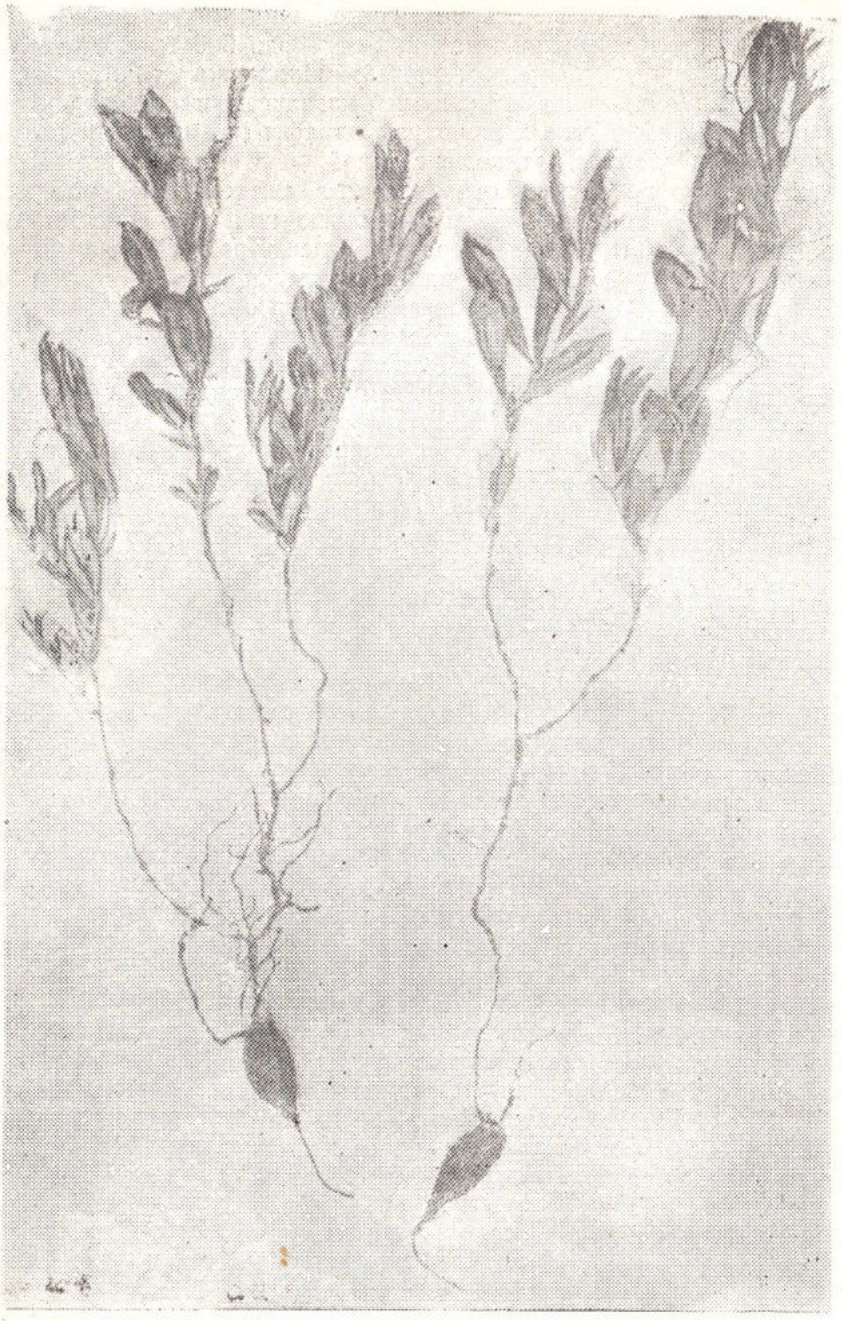

Рис. 45. Кустик съедобного растения — чины клубненосной — мънгак, клубни которой крестьяне должны были представлять правителю и чиновникам в виде натурального сбора.

покойнику — «чъноза» получали «пешнъмоз» в размере 5—6 м материи. Также широко практиковались различные виды штрафов — «ярғу», смотря по «вине» крестьянина, начиная от 30 до 300 тенег.

Приведем один любопытный пример наложения таких штрафов. Тавильдаринский амлокдор со своими казначеем и секретарем часто ездил по кишлакам с целью наложить штрафы на крестьян по какой-либо причине. Однажды, приехав с такой целью в кишлак Хипшун, они увидели, что крестьянин отправляет на сжатом поле естественную нужду. Амлокдор приказал своему казначею привести крестьянина, и на него наложили штраф в размере 250 тенег. Крестьянин не мог сразу выплатить эту сумму. Секретарь написал ему приказ — «хатти ярғу», по которому он обязан был выплатить указанную сумму в течение недели, и отдал ему на руки. Через несколько дней в Тавильдару приехал Мири Окбурут, надзиравший над четырьмя амлокдорствами бассейна р. Хингоу. Крестьянин пожаловался ему на амлокдора и мир освободил его от штрафа.[1]

Кроме налогов, податей и сборов широко практиковался ряд трудовых повинностей, которые обязано было нести без всякого вознаграждения земледельческое население.

Одной из таких повинностей являлась перевозка различных грузов для местных правителей — бека, амлокдора и других крупных чиновников, что отнимало у крестьян много рабочих дней. Эта повинность называлась «улав» (литературное «улов»—«улок»).[2] Крестьяне, которые в своем хозяйстве имели лошадей и ослов, обязаны были без всякого отказа отбывать эту повинность. Чаще всего в улав отправлялись в Куляб и в Гиссар, чтобы привезти для бека, амлокдора и других чиновников необходимые для них товары: мануфактуру, рис, сахар, чай, свечи, посуду и др. Нередко с этими поручениями посылались навкары бека, а крестьянин должен был дать навкару лошадь и пешком идти вслед за ним. Кроме того, осенью после сбора ушара, крестьяне перевозили зерно в Калаи Хумб; при этом была установлена особая норма для каждого хозяйства. Перевозка производилась на лошадях, ослах и волах, а кто не имел вьючного скота, должен был нести груз на себе — «пъштора». На лошадях перевозили по 7—8 пудов, на ослах — 5—6 пудов, на волах — 4—5 пудов, а люди носили на спине по 3 пуда. При перевозке грузов крестьяне должны были иметь собственные мешки, веревки и другие необходимые вещи.

Особенно трудна была перевозка и переноска грузов для крестьян Сагирдаштского амлокдорства, потому что им приходилось везти зерно (ушр) и Калаи Хумб в конце марта, когда дорога через перевал Хобу Работ только что открывалась для передвижения; нужно было расчищать дорогу от глубокого снега; часто при этом люди обмораживали ноги и руки.

Другой повинностью была доставка дров амлокдорам и прочим представителям власти. Она была особенно тяжела для населения тех

---

[1] Сообщение Акрама Каноатова, 50 лет, жителя кишлака Аргамкун (ныне покойный).

[2] Об улаве или улаге см. Семенов А. А. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, стр. 6 (примеч.); Кисляков Н. А. Очерки по истории Каратегина, стр. 145; История народов Узбекистана, т. I, стр. 389.

мест, где лес отсутствовал или находился далеко от селения. Заготовка дров требовала затраты 2—3 рабочих дней: один день шел на заготовку дров, второй на доставку их в селение и третий на доставку по назначению.

В каждом амлокдорстве мир имел несколько тысяч голов скота, получаемого в счет уплаты налогов от населения. Сено для мирского скота заготавливалось путем хашара. Летом крестьяне по очереди пасли скот на пастбищах. Ответственным лицом был находившийся постоянно при стадах гончи, который для отдельных отар назначался амлокдором, а главный гончи, ответственный за весь скот бекства — самым беком. В последние годы существования Дарвазского бекства главным гончи этого бекства был некий Гайрат-Шох, родом из Дарваза. Когда часть мирского скота отправляли для продажи в Коканд, Джалалабад, Сузак, Бухару и другие места, то в такой путь вместе с гончи и 5—6 наукарами (последние ехали для того, чтобы охранять скот) отправлялось еще несколько человек из числа мирских людей в качестве пастухов.[1] Питанием обеспечивал их гончи. Если в дороге погибал скот, то отвечал за это не только гончи, но и пастухи, которые обязаны были после возвращения домой возместить стоимость погибшего скота.

Тяжелой повинностью являлась также работа, называемая «вегорй» («бегорй») — принудительные наряды на постройку различных помещений для бека и его чиновников, помещений для их скота, постройку стен вокруг амлокдорских садов, огородов и люцерновых полей, на постройку мостов, на ремонт и строительство каналов для орошения мирских земель и т. д.

Что касается крестьянских хозяйств, отданных в танхо чиновникам, то они работали на последних, исполняя все перечисленные работы (о системе танхо см. ниже, раздел 4).

Таким образом, в горных бекствах крестьяне находились под необычайным гнетом, осуществляемым бухарским правительством в лице его наместников и многочисленной группы чиновников и должностных лиц, не получавших из казны жалования и живших фактически за счет произвольного ограбления крестьянских масс. С крестьян взималось в 2—3 раза больше установленных норм обложения. Этому способствовало то обстоятельство, что для местных правителей не существовало никаких отчетов и учета. Большое количество податей, налогов и сборов поступало в их пользу, а не в государственную казну. Так как население находилось в полной зависимости от местных правителей, крупных феодалов и чиновников, вполне ясно, что в такой системе управления существовал полный произвол и злоупотребления.[2]

Этот порядок был не только в описываемом нами районе, но существовал во всех других бекствах б. Восточной Бухары, вообще во

---

[1] В основном скот продавался для получения денег на подносимые ежегодно беками бухарскому эмиру богатые подарки, состоявшие из денег и ценных вещей, так называемый «тортуқ» или «пешкаш».

[2] Гафуров Б. и Прохоров Н., Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины, Сталинабад, 1944, стр. 149.

всем ханстве, как, впрочем, и в других среднеазиатских ханствах.[1]

Необходимо отметить, что различные виды налогов в восточных бекствах Бухарского ханства носили более тяжелый и кабальный характер, чем в западных бекствах. «В восточных районах Бухарского ханства, — писали Б. Г. Гафуров и Н. Н. Прохоров, — где концентрировалась основная масса таджикского населения, эксплуатация крестьянства носила особенно тяжелый характер».[2]

Порядок хищнического взимания налогов и ряд других незаконных сборов и повинностей совершенно разорял крестьянскую массу. Этот безграничный произвол и злоупотребления не могли не вызвать удивления у многих русских исследователей и путешественников, побывавших на территории восточных бекств Бухары.

Г. А. Арандаренко, побывавший в Дарвазе и Каратегине в 1882 г., когда еще только укреплялась власть Бухарского ханства, наблюдал хищническое ограбление местного населения чиновниками. Он пишет, что они, собирая с крестьянского населения различные виды налогов, «злоупотребляют, вымогают у своих подвластных более положенного».[3]

Автор, выступавший под инициалами А. П., описывая систему податей и налогов бывшего Гиссарского бекства, с удивлением отмечает: «...сколько бедному бухарскому земледельцу приходится уделять от трудов своих. Можно с уверенностью сказать, что, по крайней мере, у половины населения Бухары не только не остается какого-либо излишка средств к существованию, но едва ли хватает для их собственного пропитания. Ведь нужно же удовлетворить такую массу даровых нахлебников!...

У каждого читателя, без сомнения, в конце концов, явится вопрос — что же дает Бухарская правительственная власть населению? Невольно

---

[1] О податях и налогах в б. Каратегинском бекстве см., например, Арандаренко Г. А., Каратегин, стр. 131; его же. Дарваз и Каратегин, стр. 449—451; Васильев, капитан, Указ. соч., стр. 23—24; Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, стр. 139—145. О налогах, сборах и повинностях в других ближайших районах Средней Азии (например, для долины Зарафшана и Ягноба) см. Хорошхин А. П., Долина Зеравшана, Военный сборник, 1870, № 7, стр. 125—135; Гребенкин А., Заметки о Когистане, Материалы для статистики Туркестанского края, т. II, 1873, стр. 82—83. Кун А. Л., Бухарские порядки Заметки о порядке взимания поземельных податей, «Туркестанские ведомости», 1873, № 32; Ростиславов М., Заметка о поземельных сборах в Зарафшанском округе, «Туркестанские ведомости», 1874, № 1; Соболев Л. Н., Указ. соч., стр. 343—433; Кун А. Л., (Искандер-Тюра), Сведения о ягнаубском народе (к материалам для исследования ягнаубского языка), «Туркестанские ведомости», 1881, № 3 и 4; о Ферганской долине см. Миддендорф А. Ф., Указ. соч., стр. 421—425; Н. П., О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве в последнее время правления Худояр-хана, «Туркестанские ведомости», 1876, № 16 и 17; о Гиссарских и Кулябских бекствах см. Снесарев, Восточная Бухара, стр. 135—146 (в прилож.); Варыгин М. А., Опыт описания Кулябского бекства, ИРГО, т. LII, в. 10, 1916, стр. 792—800. О податях и повинностях в Бухарском ханстве вообще см. Хорошхин А., Заметка о закоте в Бухарском ханстве, «Туркестанские ведомости», 1872, № 14; Логофет Д. Н., В горах и на равнинах Бухары, стр. 147—150; Семенов А. А., Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства; Гафуров Б. и Прохоров Н. Н., Падение Бухарского эмирата, стр. 10—11; Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 406—408; Мирзаев К. М., Указ. соч., стр. 45—55.

[2] Гафуров Б. и Прохоров Н., Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины, стр. 249.

[3] Арандаренко Г. А., Дарваз и Каратегин, стр. 449.

При этом в голове читателя мелькает мысль о народном образовании, благоустройстве городов, путей сообщения, об организации медицинской помощи и т. д.

К крайнему сожалению, приходится ответить весьма коротко: «Ничего подобного».[1]

Описывая деспотический режим Бухарского ханства, А. Е. Снесарев подчеркивает, что «режим этот крайне бюрократичен и централизован, в нем слишком много жестокого деспотизма и слишком много возможностей для всякого произвола и неправды. Эта особенность административного строя прежде всего сказывается систематическим и непоправимым обеднением страны. Подобное обеднение вы наблюдаете всюду, о нем вы слышите со всех сторон».[2]

М. А. Варыгин, описывавший разнообразные виды налогов и систему правления б. Кулябского бекства, писал, что «вся сущность их (бека и чиновничества — М. Р.) деятельности заключается в исправном внесении в казну налогов, а следовательно и во взимании с населения податей, причем характер этих сборов напоминает скорее военный приз, дань победителям, чем действия благоразумного хозяина. При таком положении вещей, понятно, все заботы о процветании края сведены к нулю; на долю народа остается бремя налогов, страх и палка как средство достижения уничижения.

Все, что ни дает земля, труд человека, все, кроме воздуха, в Бухаре обложено сбором; помимо этого, незаконные штрафы, грабительские конфискации имуществ применяются в «благородной Бухаре», и покорно несет иго терпеливое население, забитое, усыпленное мусульманскими догматистами, виртуозами по части толкования законов вкривь и вкось. Народ проливает пот и кровь, за труды получая жалкие крохи, он рабски несет свой тяжелый труд в пользу жадных чиновников, в награду чуть не умирает с голода».[3]

«Бек и его большой штат чиновников всякого ранга, — далее пишет он, — не удовольствуются, понятно, той скромной ролью, которая им выпадает при дележе жалких крох, и они рвут с населения, где и что возможно; вот почему фактически сборы с населения превышают много законный процент и заставляют роптать народ».[4]

В заключении М. А. Варыгин пишет: «Несчастный народ, который живет при таких условиях».[5]

В заключение, приведем слова Д. Н. Логофета о том, что «вообще государственное хозяйство Бухары велось хищнически, и результаты этого печальны»[6] и что «необходимо изменить не только систему государственного управления, но и нормы и способы взимания податей и налогов, признав существующую податную систему архаической, при которой туземное население пользуется в Бухарском ханстве бесплатно только воздухом».[7]

Цитированные выше авторы были очевидцами тяжелого положения

---

[1] А. П., Подати и налоги в Восточной Бухаре, «Туркестанские ведомости», 1906, № 11; см. также Снесарев, Восточная Бухара, стр. 146 (в прилож.).
[2] Снесарев, Восточная Бухара, стр. 71.
[3] Варыгин М. А., Указ. соч., стр. 799.
[4] Варыгин М. А., Указ. соч., стр. 793.
[5] Варыгин М. А., Указ. соч., стр. 802.
[6] Логофет Д. Н., В горах и на равнинах Бухары, стр. 151.
[7] Логофет Д. Н., Бухарское ханство под русским протекторатом, т. II, стр. 357.

крестьян Восточной Бухары. И на самом деле, здесь население испытывало самый тяжелый гнет со стороны местных и внешних властителей, начиная от танходора и кончая беком и эмиром. Эмир бухарский, как справедливо отмечает Б. Г. Гафуров, Восточную Бухару по существу рассматривал как свою колонию, и здесь был создан еще более тяжелый режим, чем в западной части ханства.[1]

г. «Танхо» («танхох»).[2] Феодальный институт ленного пожалования, который в раннем средневековье назывался «икта»,[3] в монгольскую и тимуридскую эпоху — «тиул» и «суюргал» («суюргол»),[4] начиная с XVI века, особенно со времени правления шейбанидских ханов (1501—1599 гг.), стал именоваться «танхох».

В XVI веке наиболее распространенным было пожалование тому или иному представителю власти или духовенства права взимать на протяжении известного времени в свою пользу определенную часть государственных налогов на землю, которые до этого поступали в казну. Лицо, получившее такого рода условное земельное пожалование, не являлось собственником земли, и власть его формально ограничивалась только правом взимания налогов с крестьян, непосредственно обрабатывающих эту землю.[5]

Институт танхо продолжал существовать и в период правления династии Аштарханидов (1599—1756), когда быстрым темпом происходила концентрация земельных владений и богатств в руках отдельных крупных феодалов и влиятельных шейхов.[6] Кроме того, в аштарханидский период, наравне с ленным пожалованием, практиковалось земельное пожалование в постоянное владение. Такие пожалования назывались «мульк».[7]

Институт танхо в Бухарском ханстве особенно развивался во время правления Мангытской династии, при эмирах Хайдаре (1800 — 1826 гг.), Насруле (1826—1860 гг.) и Музаффар-хане (1860—1885 гг.). В этот период институт танхо принимает наиболее кабальную форму, потому что крестьяне, отданные в танхо, кроме уплаты «танходорам»— лицам, получавшим танхо, определенной части урожая, выполняли так-

---

[1] Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. 1, стр. 404.

[2] Этот раздел в более распространенном виде опубликован в статье «Об институте «танхо» в Дарвазе (в бассейне реки Хингоу)», Изв. Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, в. 4, 1953, стр. 129—137.

[3] См., напрамер, Низам-ал-Мульк, Сиасет-Намэ, перевод Заходера Б. Н., М.-Л., 1949, гл. V, стр. 34—43.

[4] О суюргале см. Гордлевский В. А., Государство Сельджукидов Малой Азии, М.-Л., 1941, стр. 67—70; Беленицкий А., К Истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XVвв.), Образование института «суюргал», «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 43—58; Якубовский А., Тимур (Опыт краткой характеристики), «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 66—67; Заходер Б. Н., История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток), М., изд. МГУ, 1944, стр. 117—118; Петрушевский И. П., Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., гл. IV, Л., изд. ЛГУ, 1949; Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 303; История народов Узбекистана, т. II, стр. 37, 44; Иванов П. П., Указ. соч., стр. 25—27.

[5] См. История народов Узбекистана, т. II, стр. 44; Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 337.

[6] Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 352.

[7] Там же, стр. 352.

же различные принудительные и барщинные повинности в пользу танходоров.

Во время правления эмира Насруллы главы узбекских племен и ханские чиновники, которые получали от него отдельные крестьянские хозяйства и даже целые селения в качестве танхо, не только взимали с них ежегодно известную часть урожая, но и вынуждали население подчиненных им кишлаков к выполнению для себя всевозможных работ в порядке барщины. Переход крестьян в категорию танхо сулил им невыносимо тяжелую жизнь.[1]

С завоеванием Бухарским ханством горных областей в них также распространился институт танхо, который в этих местностях обозначался также термином «бъна», т. е. двор, хозяйство, в смысле ленного пожалования. Ранее здесь существовало земельное пожалование служилым воинам и чиновникам за счет государственных земель — «зъмини шохи», именовавшееся «джильду» («чилду») — термин, близкий по своей сущности термину «мульк».

Институт танхо подробно рассмотрен Н. А. Кисляковым в его работах о Каратегинском и Дарвазском бекствах.[2] В них автор раскрывает сущность данного института. В «Очерках по истории Каратегина», полемизируя с рядом авторов, считавших институт танхо земельным пожалованием, Н. А. Кисляков, присоединяясь к мнению В. В. Бартольда,[3] показывает, что система танхо в Каратегине никогда не являлась земельным пожалованием, а была только пожалованием права сбора налогов с определенного количества крестьянских хозяйств. Крестьяне этих хозяйств, кроме оплаты всех налогов, сборов, плативших ранше государству, исполняли еще ряд принудительных и барщинных работ для своего танходора.[4]

Многие другие авторы, рассматривая сущность института танхо, также приходят к заключению, что последний не является земельным пожалованием. «В действительности, — указывает В. Л. Вяткин, — выдавалась (воинам — М. Р.) не земля (в танхо), а именно налог с них».[5]

Г. А. Арандаренко пишет: «В высших чинах, начиная с мирахура (капитан), по особому благоволению эмира, вместо галля (зерно, т. е. вместо натурального довольствия — М. Р.), назначается аренда — танха, в количестве в пять раз большем размера натурального довольствия, а вместо танаб-ана (танобона — М. Р.) в распоряжение заслужившего отдается казенная мельница, приносящая доход втрое больший денежного оклада».[6]

Изложенная выше точка зрения Н. А. Кислякова, В. Л. Вяткина и Г. А. Арандаренко на институт танхо должна быть признана целиком

---

[1] Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 375.

[2] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 54—55, 95, 96, 98; его же, Ишан—феодал Восточной Бухары. стр. 11—20; его же, Очерки по истории Каратегина, стр. 145—151.

[3] Бартольд В. В., История культурной жизни Туркестана, стр. 77.

[4] Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, стр. 145—151.

[5] Вяткин В. Л., Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) годов, Изв. Среднеазиатского отд. РГО, Ташкент, т. XVIII, 1928, стр. 17.

[6] Арандаренко Г. А., Бухарские войска в 1880 г., Досуги в Туркестане, СПб, 1889, стр. 557.

правильной. Подтверждением правильности ее может служить, в частности, и собранный нами материал по институту танхо в бассейне р. Хингоу.

Как было указано выше, институт танхо распространяется здесь в основном после завоевания Дарвазского шахства бухарским эмиром и особенно развивается в последние годы существования бекства. Каждый феодал, занимающий какую-нибудь административную должность, получал определенное количество крестьянских хозяйств в танхо,

Если в период, непосредственно следовавший за завоеванием, караулбеги имел обычно в своем пользовании лишь 2 — 3 хозяйства, мирохур — 5 — 10, туксабо — 10 — 15, бий — 14 — 20 хозяйств, то со временем некоторые из этих чиновников стали получать в танхо до 40—60 и более крестьянских хозяйств — «бъна». К таким крупным танходорам относились Ишан-Султан-судур из кишлака Езганда, Акбар-туксабо из Саридашта, Нияз-бий-туксабо из Савзихарфа, Абдулгаффар-бек и Тура-кул из Сайёда, Абдуррахман-мирохур из Гурхамба, ишан Шо-Файз из кишлака Сайидона, Мир Мазхаб из Калаи Хумба, Мулла-Давлят-туксабо из кишлака Пастирога и многие другие.

Все они получали такие крупные танхо лишь после того, как делали большие приношения — «тортук» или «пешкаш» дарвазскому беку. Например, феодал, желавший получить танхо, платил беку 1000 тенег, 1 лошадь со сбруей, полный костюм, 4 — 6 голов овец и т. п. Таким образом, по сути танхо являлись купленными для временного пользования. Крупные чиновники, имевшие возможность делать большие приношения, получали соответственно большее количество хозяйств в танхо.

В танхо часто давались маломощные крестьянские хозяйства, которые, естественно, были для танходора менее выгодны, чем хозяйства середняцкие. Крупные танходоры стремились к замене бедных хозяйств середняцкими, чтобы получать большие доходы. Бек производил такую замену обычно после получения больших даров.

Как рассказывают старики из кишлака Зарако б. Сагирдаштского амлокдорства, некий мирохур Абдулхалим, вследствие того, что его танхо Шо-Хусейн и Абдуррахмон были бедными, отправился с большими приношениями в Калаи Хумб и обратился к беку с просьбой дать ему взамен их только одно середняцкое хозяйство Мухаммад-Нидо. Это факт засвидетельствован указом дарвазского бека Абдуссаттора (рис. 46):

«Он — живой!

Да будет известно мирам, тысячникам и сборщикам налогов Сагридашта, что во славу дарованного богом государства его высочества (эмира) житель селения Зарако, по имени Мухаммад-Нидо, передан в качестве танхо Абдулхалиму-мирохуру взамен его бывших танхо Шо-Хусейна и Абдуррахмона. Он же помолился за его высочество (эмира). Местные жители и сборщики налогов должны упомянутого (Мухаммад-Нидо) считать танхо названного мирохура, и каждый в отдельности не должен иметь никакого касательства до ушра и (других) налогов с вышеназванного лица. Да молятся они за высочайшую особу (эмира). (Кроме того) названный мирохур, получая ушр и налоги со своего танхо и тратя их на себя, да молится за благополучие его высочества (эмира).

В месяце зульхиджа 1333 (октябрь—ноябрь 1915 г.)».

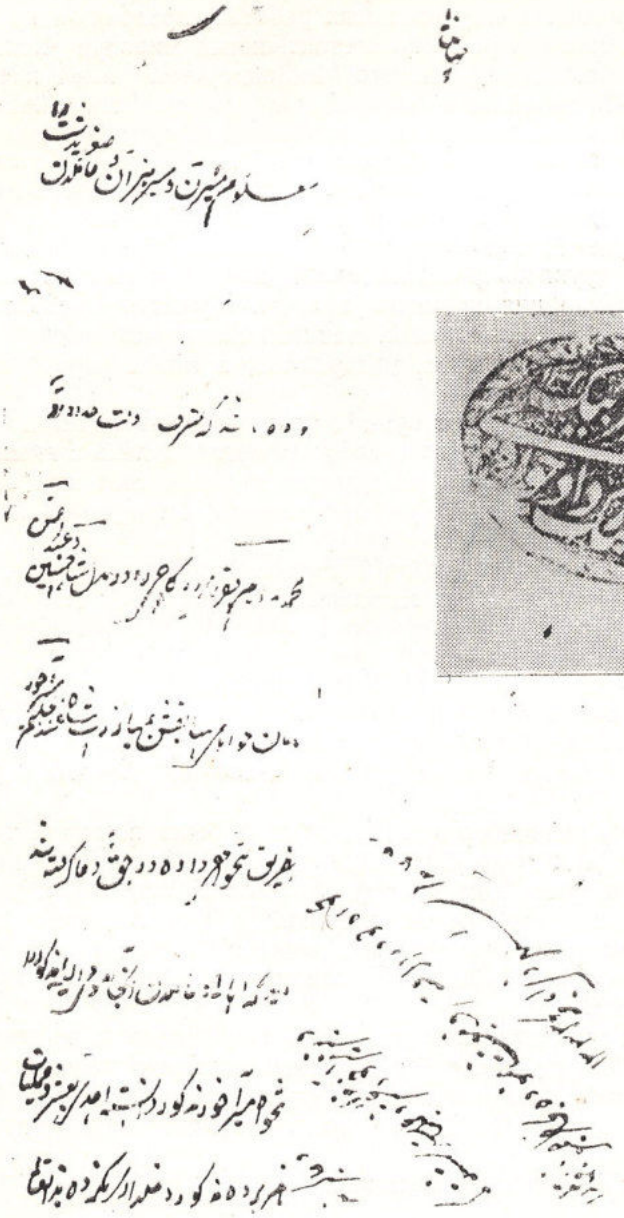

Рис. 46. Документ о передаче крестьянских хозяйств в ленное пожалование «танхо».

На печати: «Абдуссаттор-бек-бий-додхо, сын Мухаммад-Назарбека».

Как видно из этого документа, танходор (или «танхохур») имел право получать только ушр и амал, но это являлось чисто формальным моментом. В действительности крупные феодалы, имеющие танхо, кроме указанных в документах налогов, получали в свою пользу все существовавшие виды налогов и сборов. Кроме того, они использовали труд своих танхо на различных принудительных работах, превращая их чуть ли не в крепостных. Например, очень состоятельный мирохур Чилла из кишлака Охангарон б. Сагирдаштского амлокдорства имел в танхо 23 хозяйства, из них 10 хозяйств в своем кишлаке, 5 хозяйств в кишлаке Садика и 8 — в кишлаке Шохорун. Он использовал труд крестьян этих танхо во всех своих сельскохозяйственных и домашних работах. В 1914 или 1915 гг. в местности Дуоваги он построил их силами большой дом для своего брата Яхьё. Этот дом состоял из 2 жилых комнат, 1 маленького помещения для гостей — «ичра» или «михмунхуна». Кроме того, имелся хлев для крупного рогатого скота, хлев для мелкого скота, конюшни и 1 помещение для хранения соломы. Мурохур Чилла обнес этот дом и двор высокими каменными стенами. Заготовка камней, кирпича, дерева и других строительных материалов, а также перевозка их производились крестьянами-танхо.[1]

Собранные данные свидетельствуют о том, что танхо были полностью зависимы от своих танходоров, которые могли делать с ними что хотели, например, насильно брать их дочерей в жены себе или своим сыновьям, наказывать их за малейшую провинность, штрафовать и подвергать побоям.

Крупные феодалы, которые имели большие земельные угодия, жестоко эксплуатировали танхо. Они заставляли их работать на своих землях (под видом «хашар»). Кроме того, феодалы широко использовали для закабаления танхо издольную аренду («шарикй»).

Крупные танходоры вмешивались во все дела своих танхо при разделе имущества, во время судебных разбирательств, в личные дела, связанные с исполнением обычаев и обрядов — обрезания, похорон и т. п. При этом они также получали определенные доходы в виде подарков.

Жена крестьянина, отданного в танхо, должна была помогать семье своего танходора во всех домашних работах. Она доила коров, овец, коз, готовила пищу, убирала дом и двор, занималась стиркой, а также штукатурила и белила дом своей хозяйки.[2] Что касается детей крестьян-танхо, то они часто безвозмездно пасли скот своего танходора. Вечером, возвращаясь с пастбища, они должны были приносить танходору дрова или хворост.

Крестьяне-танхо были зависимы от своих танходоров и во многих других отношениях. Они не могли без разрешения своего хозяина уходить на заработки, особенно в период сельскохозяйственных работ. При возвращении они должны были обязательно преподнести танходору какие-нибудь подарки.

Институт танхо в Дарвазском бекстве, в том числе в бассейне

---

[1] Сообщение Гадоева Негмата.

[2] В горных районах до установления Советской власти штукатурка и побелка жилых домов являлась женской работой.

р Хингоу, юридически не являлся наследственным или пожизненным пожалованием. Лицо, владевшее танхо, всегда занимало какую-нибудь должность в правительственном аппарате; без должности танхо никому не давалось, даже если это был ишан, шейх или сейид. Если чиновник освобождался от должности, то он лишался также своих танхо, которые потом переходили в состав факири мирй.

Если танходор умирал, то его танхо не переходили к его наследникам. Но в том случае, если один из его сыновей путем тортуков — приношений получал какой-либо чин, то ему давалось в танхо определенное количество хозяйств из числа бывших танхо его отца или других. Танходор часто имел право выбора — «хушкард» танхо и даже из числа своих родственников.[1] При этом, конечно, число танхо определялось чином танходора. Если, например, отец был мирохуром, он, как правило, владел 10 — 15 хозяйствами. Сын его в чине караулбеги получал не более 2 — 3 хозяйств. Например, некий Абдуррахман-мирохур из кишлака Садика Сагирдаштского амлокдорства в своем кишлаке и в кишлаке Кулумбаи Поён имел 10 хозяйств в качестве танхо. Когда он умер, его сын Ишанкул-бек отправился с большими приношениями в Калаи Хумб к правителю (миру) Абдуссаттор-беку и был назначен им караулбеги. Он получил только 2 хозяйства из числа бывших танхо его отца в кишлаке Кулумбаи Поён (иначе Кулумбаи Тах), о чем свидетельствует следующий указ дарвазского бека (рис. 47):

«Он — живой!

Да будет известно мирам, аксакалам и благочестивым людям Сагридашта, что во славу государства его высочества (эмира) Ишанкул-бек, сын Абдуррахмана-мирахура введен в ряд караулбеги и в качестве танхо упомянутого караулбеги даны бывшие танхо его отца — жители селения Кулумбаи Тах по имени Бутак и Рахим. Да молится он за высокую личность (эмира). Необходимо признавать вышеупомянутого караулбеги высокого правительства и двух человек его специальными танхо; никто в отдельности не должен иметь (никакого) касательства к ушру и налогам с вышеназванных (лиц), да молятся они за высокую наиблистательнейшую персону государя. Да будет (это всем) ясно!

(Писано) в священном месяце мухарраме 1323 (март — апрель-1905 г.)».

На оттиске печатей: «Абдуссаттор-бек-бий ибн Мухаммад-Назар-бек. Ходжи Мухаммад Султан Ходжа-судур.»

Не было наследственным и пожизненным танхо и у крупных духовных феодалов-ишанов. Нужно отметить, что ишаны оказывали большое влияние на местных правителей и были освобождены от всяких налогов, сборов и повинностей, входя в состав «дуогу» (буквально «молящихся»). Им давался в «назр» — духовный дар определенный участок земли (на содержание). В том случае, если ишан назначался на какую-нибудь должность, ему давалось в танхо по его выбору — «хъшкард» определенное количество крестьянских дворов. Именно таким путем стал крупным феодалом отец ишана Султана — Ишани-Шейх.[2] Однако у его сына, являвшегося наследственным ишаном, но не имевшего чина или должности, по приказу дарвазского бека были отобраны все танхо отца и превращены в халки мири. По-

[1] Ср. Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, стр. 147.

[2] О нем см. Кисляков Н. А., Ишан—феодал Восточной Бухары, стр. 11—12.

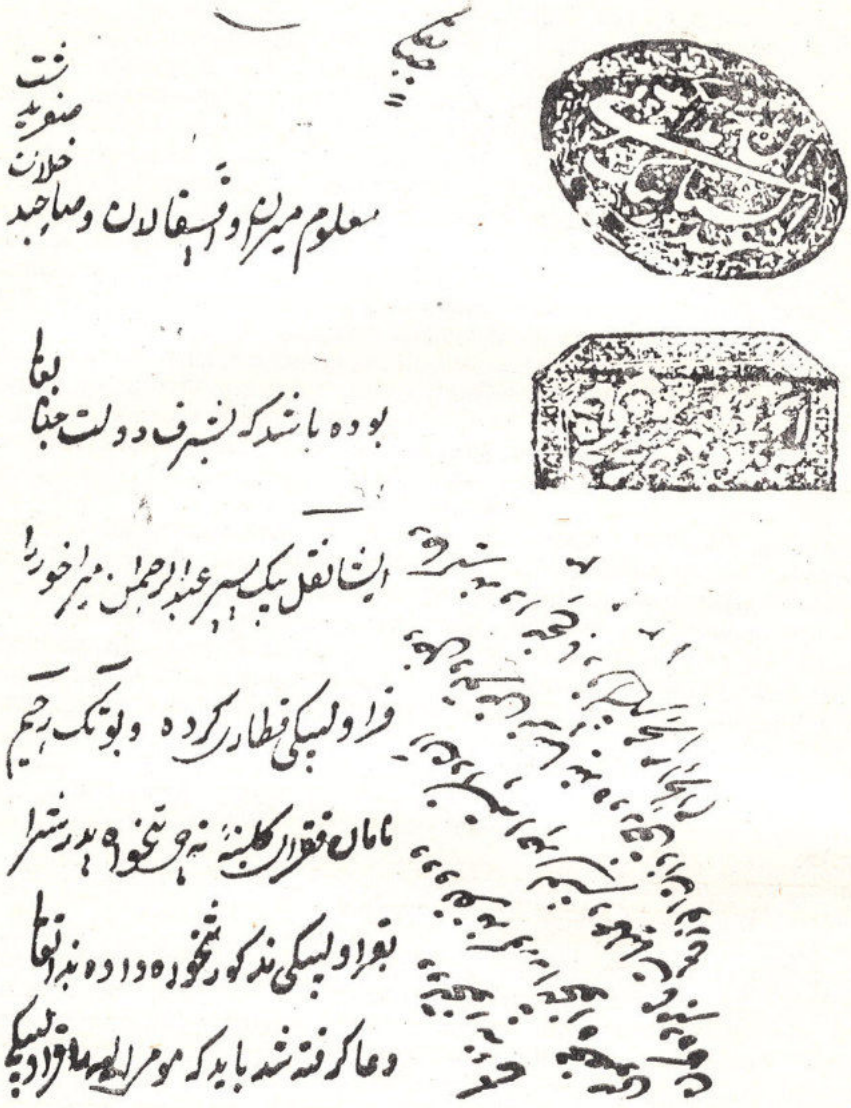

Рис. 47. Документ о переводе крестьянских хозяйств в ленное пожалование.

зднее он при помощи богатых приношений Бухарскому эмиру добился высокого духовного звания «судура» и был назначен казием, после чего получил в свое распоряжение все кишлаки, население которых являлось танхо его отца. Затем он не только увеличил количество своих танхо в Дарвазском бекстве, но получил их также в некоторых кишлаках Каратегинского, Гиссарского[1] и Кулябского бекств. В Кулябском бекстве больше половины населения кишлаков Пастезак, Чакон и Панджерьюн были его танхо. Если бы ишан Султан не получил звания «судура» и должности казия, то ему танхо не полагалось бы.

Многие крупные и влиятельные ишаны, сеиды, шейхи и ходжи, не имеющие должности или чина, танхо не имели. К таким крупным ишанам относятся домулла Тахир-а'лам из кишлака Камчак, Авлиё Ходжи-Иброгим из кишлака Лангаро, окончивший высшую духовную школу (мадраса) в городе Дели, и ряд других. Каждый из них имел медресе, где обучал более 200 учеников. Когда домулла Тахир-а'лам стал халифа-раисом, то получил несколько участков земли в качестве назра. Танхо же он не имел, потому что раисам не полагалось их иметь; население давало им «раисуна» по 1 деревянному блюду зерна с каждого обмолота и другие «дары». Лишь впоследствии, когда Тахир-а'лам был назначен казием в Сагирдаштском амлокдорстве, он получил в виде танхо несколько крестьянских дворов в своем кишлаке Камчак.[2]

Приведенные факты позволяют утверждать, что крестьяне-танхо бассейна р. Хингоу в значительной степени были лично зависимы от своих танходоров. В. И. Ленин в своей работе «К деревенской бедноте», написанной в 1903 г., характеризуя положение крепостных крестьян в России, указывал: «При крепостном праве крестьянин должен был работать непременно на своего барина в такие дни, когда бурмистр укажет».[3]

Далее В. И. Ленин подчеркивал: «При крепостном праве, — крестьянин не смел никуда отлучиться из деревни без разрешения барина».[4] Положение крестьян, являвшихся танхо крупных феодалов, вполне может быть охарактеризовано этими словами В. И. Ленина.

Б. Г. Гафуров в своей работе «История таджикского народа», рассматривает институт танхо в Восточной Бухаре как фактическую форму крепостной зависимости крестьян от феодалов-танходоров.[5]

В. И. Ленин в своем гениальном труде «Развитие капитализма в России», анализируя положение в России накануне реформы 1861 г., указывает 4 характерных черты крепостного хозяйства: 1) господство натурального хозяйства, 2) прикрепление работников к земле, 3) личную зависимость крестьянина от помещика и 4) техническую отсталость хозяйства.[6] Основываясь на этом положении В. И. Ленина и приведенных

---

[1] См. Кисляков Н. А., Ишан—феодал Восточной Бухары, стр. 12—13; его же: Очерки по истории Каратегина, стр. 148.

[2] В распоряжении домуллы Тахир-а'лама находилась громадная территория вакуфных земель, принадлежавших медресе, и крупный мазар кишлака Камчак, доходы от которых шли целиком в его пользу и в пользу некоторых близких к нему светских феодалов.

[3] Ленин В. И., Соч. т. 6, изд. 4-е, стр. 331.

[4] Там же, стр. 331.

[5] Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 404—405.

[6] Ленин В. И., Соч. т. 3, изд. 4-е, стр. 157—159.

выше фактах, мы вправе считать, что крестьяне как танхо, так и факири мири или халки мири в бассейне р. Хингоу до революции находились фактически на положении крепостных (без формального закрепощения). Они обрабатывали в принудительном порядке мирские земли, безвозмездно работали на полях феодалов-танходоров и обычно находились в кабальной зависимости от последних (в результате издольных аренд). Феодал-танходор эксплуатировал своих танхо как полновластный хозяин, хотя формально имел право только на получение определенных податей.

Личная зависимость крестьян от феодалов фактически имела место хотя и не была оформлена законодательным путем.

д) Батрачество — «мардикорй». Еще одной из форм эксплуатации в бассейне р. Хингоу, появившейся после завоевания Дарваза Бухарой и особенно развивавшейся с начала 90-х годов XIX столетия, является использование рабочей силы сельских батраков, называемых «мардикор», «карорй», «рузкарор» или «дъстьё». Эта форма эксплуатации свидетельствовала о росте примитивного капиталистического элемента в деревне.

Батрачество появилось здесь в связи с непрерывным развитием торговли и торговых отношений с экономически более развитыми районами Ферганской долины в конце XIX и начале XX веков, когда многие крупные феодалы Восточной Бухары, гоняя свой скот на продажу, познакомились там с новыми формами эксплуатации и порабощения. На средства, скопленные от торговли скотом, они скупали у бедняков наиболее плодородные земли и, не будучи в состоянии обработать их своими силами, начали широко применять труд батраков.

Таким образом, в результате роста примитивных капиталистических элементов в деревне — концентрации значительных средств и земель в руках отдельных феодалов и баев увеличивалось использование в их хозяйствах труда батраков.

В Тавильдаринском, Чильдаринском, Сагирдаштском и Лоджиркском амлокдорствах крупные феодалы и баи-кулаки держали значительное количество батраков. Например, Мулла-Касим-бай держал 14 — 17 мардикоров. Мулла-Шокир-бай из кишлака Пастирок — 12 — 13 мардикоров, Мадат-бай из кишлака Сагирдашт — 8 — 9 мардикоров. Нидо-бай из кишлака Чухкак — 7 мардикоров. Зиёвуддин-бай из кишлака Кулумбаи Боло — 7 мардикоров и 2 пастухов, Гайрат-бай Джавиборов из кишлака Сагирдашт—6 мардикоров и 1 пастуха, ишан Шо-Файз Муродов из кишлака Сайидон — 5 мардикоров, 1 пастуха и 1 ятима (сироту-примака), Худжа-бай из кишлака Охангарон — 4 мардикоров и 2 пастухов, Мирзо-Бузург из кишлака Хур — 8 мардикоров. Примерно такое же количество мардикоров держали некоторые крупные феодалы и баи Лоджиркского амлокдорства — Махмад-Нигмон-бай из кишлака Найгуфт, Рахим бай из кишлака Лоджиок, Касим-бай из кишлака Миёнадух, Махмад-Амир-шох Фируз из кишлака Говд и др.

Крестьяне иногда шли в батраки на 2 и даже 3 года, устно договариваясь о сумме платы. Нанимая мардикора, бай говорил, например: «Я тебе дам полную одежду, а если вот эта моя корова отелится, то я дам телку. Если с этим ты не согласен, то, кроме еды и одежды, после года работы я дам тебе 4 — 5 манов (около 16 — 20 пудов) зерна»,

Согласившись на предложенные условия, мардикор принимался за работу.

Условия работы были очень трудными. Мардикор обязан был круглый год участвовать во всех полевых работах, заготавливать топливо, зимой 3 раза в день кормить скот и периодически чистить конюшню и хлев. Помимо этого, мардикор выполнял всякие другие работы по дому. За все это хозяин кормил мардикора и давал ему иногда старую одежду. После года работы хозяин давал мардикору, согласно предварительной договоренности, 4 — 5 манов зерна или бычка, телку, жеребенка.

В случае, если мардикор оставлял работу раньше условленного срока, хозяин не только не выплачивал ему ничего, но еще и взыскивал с него стоимость питания — «хакки нъмък» (буквально «за соль»). Если хозяин был недоволен работой мардикора, он мог его уволить в любое время, причем в таком случае также не выплачивал ему ничего за труд, но взыскивал с него стоимость питания. При таких условиях мардикор, начав работать, вынужден был, чтобы не потерять причитающееся ему вознаграждение, переносить грубое обращение хозяина и даже побои и изо всех сил старался угодить ему своей работой.

Гайрат Мирзо-Шох, житель кишлака Сафедорон, служивший в качестве мардикора у Мулла-Касим-бая, рассказывает, что во время уборки урожая и обмолота батраки были так нагружены работой, что ложась спать, не имели сил снять обувь. Работу кончали в 2—3 часа ночи и от усталости не могли добраться до дома, а спали до 5 — 6 часов утра на току, укрывшись соломой.

Кормили батраков 3 раза в день, но пища была очень плохая и ее не хватало. Утром на 5 — 6 человек давали 3 — 4 лепешки и чашку кислого молока или пахтанья. На обед изредка давали горячую пищу. Вечером — опять 3 — 4 лепешки с чаем или кислым молоком. Когда у хозяина были гости и некоторые из батраков разводили огонь и кипятили чай, им доставались остатки пищи. Только в это время они и видели мясную пищу.

Одежда батраку доставалась старая, хотя при найме хозяин обещал одевать и обувать хорошо.

Отдельного помещения для ночлега не полагалось. Местные жители ходили ночевать домой, а мардикоры из других кишлаков спали при мечети, а также в помещениях для хранения соломы или в яслях волов — «охърчаи гово».

«Я работал, — говорит Гайрат Мирзо-Шох, — три года подряд у Мулла-Касим-бая. За первый год своей работы получил 3 мана (около 12 пудов) ячменя и пшеницы, за второй год получил 8 кусков маты (каждый кусок 12 чугазов или 6 м), за третий год — одного годовалого теленка».

По рассказу другого информатора Абдул-Файёза, некий Файзулла из кишлака Чурсуни Боло поступил в мардикоры к Мулла-Шокир-баю и работал 4 года без перерыва. За первый год он получил 5 манов (около 20 пудов) зерна, за второй год — 10 кусков (около 60 м) бумажной ткани, за третий год — 1 теленка, а за четвертый год — 12 м фабричной материи (бязь) и 1 ман (около 4 пудов) зерна (ячменя и проса).

Сайидов Сафар, нынешний колхозник колхоза «Сагирдашт» Сагирдаштского кишлачного совета, рассказывает: «В 1913 г., когда мне было всего 10 лет, я остался сиротой. У меня был старший брат Мирзо, кото-

рый поступил к ишану Шо-Файз Муродову в мардикоры. Я также решил поступить к этому баю в качестве пастуха. Сначала бай меня не принял, но потом благодаря посредничеству его брата Шо-Хайрата взял на работу. Я работал до 1923 г. в качестве постоянного пастуха — «чупуни яг' умра». У Шо-Файза было 260 голов мелкого рогатого скота, из них 180 голов было поручено мне. Каждый день перед восходом солнца я гонял их на пастбище. Бай на весь день давал мне 4 лепешки. Горячую пищу я ел только по вечерам. Чтобы подкрепить свои силы, я прибегнул к следующему. В стаде было 3 дойных козы и 5 овец. Я каждый день доил их в маленькую глиняную посуду и пил молоко.

Из одежды 1 раз в год давались 1 поношенный шерстяной халат, рубаха и штаны и 1 пара местной обуви — «муккй» или «хумак». В течение 10 лет работы я совершенно ничего не получал от бая, он только кормил, одевал и обувал меня».

Таким образом, бедные, маломощные крестьяне, не находя другого выхода, вынуждены были работать в качестве батраков в хозяйствах баев и феодалов.

Многие крестьяне, не имея возможности обеспечить себя хлебом на весь год и не находя дополнительного заработка у себя в селении, для добывания средств к существованию уходили в отход. Они шли в Ферганскую долину, где поступали в мардикоры, или в соседние районы Кулябского, Каратегинского и Гиссарского бекств, где работали в качестве поденщиков-жнецов. Весь путь в Ферганскую долину через высокие перевалы и обрывистые скалы они совершали пешком в течение 8—10 суток.

Можно предполагать, что процент ежегодно уходящих на сезонные работы колебался между 15 и 20 всего взрослого мужского бедняцко-середняцкого крестьянского населения долины р. Хингоу. Например, в течение 1915 г. из 78 хозяйств кишлака Сафедорон, кроме людей, уходивших в Куляб, Гиссар и Каратегин, в Фергану ушли 17 человек.

Крестьяне обычно уходили в Фергану весной или осенью. Весной они уходили после окончания обработки своих полей и работали в Фергане сезонными рабочими до начала уборки. Убрав урожай, они опять уходили на заработки на всю зиму до весенних полевых работ. В основном отправлялись на заработки малоземельные крестьяне, у которых на обработку их небольших участков требовалось мало времени. Период летнего отходничества продолжался от 2,5 до 3 месяцев, а зимнего — от 6 до 7 месяцев.

Безземельные крестьяне уходили также на 1—2 и даже 3 года в Коканд, Джалалабад, Сузак, Наманган, Андижан, Маргелан, а также в Ташкент, Самарканд и Бухару. В этих местностях они работали в качестве наемных рабочих на хлопкоочистительных и маслобойных заводах, на железных дорогах, а также у отдельных феодалов в качестве маслобойщиков — «чъвозкаш», обозников — «аробакаш» и на других сельскохозяйственных работах.

Размеры заработка на отхожих промыслах были ничтожны. Отходники получали 1—1,5 теньги (около 30 копеек) в день. На эти деньги они питались и одевались, а кроме того, откладывали кое-что для дома.

Например, некий Сайфиддин из кишлака Сафедорон, по рассказам его двоюродного брата Сайидова Рахмат-Шо, 3 года беспрерывно работал маслобойщиком у какого-то крупного феодала в Андижане. За свою работу он ежедневно получал 1,5 теньги. После 3 лет работы он принес домой 2 килограмма ваты, 25 метров мануфактуры, 2 халата, 1 пару сапог, 2 пары мягких сапог-ичигов, 2 пары кожаной женской обуви,

1 платок, 2 серпа, 1 мотыгу, 2 чугунных наконечника для плугов, 1 нож и другие мелкие вещи (жевательную серу, швейные иголки, дешевые бусы, кольца, браслеты и т. п.) для подарков односельчанам. Кроме того, он купил там осла. Из этих вещей он отдал в подарок 1 халат Мулла-Касим-баю, некоторое количество чая, сахара и 1 пару ичигов — Абдулхаким-баю, сапоги — Каландар-баю. Остальные вещи пошли в уплату калыма за жену.

Что касается сезонных рабочих-жнецов, то они также получали низкую оплату, притом не деньгами, а натурой. Обычно они получали за свою работу такое количество зерна, какое было высеяно на поле, где они работали. Жнецы нанимались на поденную работу группами по 3—5 человек, работали вместе и заработок делили между собой. Хозяин поля, помимо вознаграждения зерном, должен был кормить жнецов, а при расчете стоимость харчей удерживал из их заработка. Этот вид поденщины назывался «тъхмдърав» (буквально «жатва за семена»).

Часто баи обманывали жнецов, неправильно указывая количество высеянного на данном поле зерна. Например, бай высевал на 2—3 участках 5—6 манов зерна, но уверял, что высеяно 3—4 мана, и жнецы верили его словам.

Иногда бай нанимал поденщика с условием, что жать хлеб он будет совместно с его батраком. В таких случаях хозяин поля платил поденщику только половину семян, высеянных на этом поле.[1] Такой вид поденщины называли «пахлъкидърав» или «пахлудърав».

Таким образом, отходничество в долине р. Хингоу, как и вообще во всем б. Дарвазском бекстве, имело массовый характер. Еще в конце XIX и начале XX веков о нем упоминали многие исследователи; о нем пишут также и советские авторы, изучающие быт и культуру горных таджиков.

«Хотя главными занятиями их (дарвазцев — М. Р.), — пишет один из авторов конца прошлого столетия, — служат хлебопашество и скотоводство, но и то, и другое развито в размерах, недостаточных для удовлетворения самых скромных потребностей. Хлеб в Дарвазе, и то по преимуществу привозный из Кулябского и других бекств. Население поддерживает свое существование отхожими промыслами в Фергану и даже в Ташкент, потому что занятие земледелием, по недостатку годной для культуры земли, не дает средств и для самого умеренного пропитания».[2]

Другой автор, наблюдавший отходничество в долине р. Хингоу, пишет: «Дарвазцы, долиною Хингоба и несколькими трудными перевалами через хребет Петра I, поддерживают постоянные сношения с Каратегином, как для закупки хлеба и других припасов, так и для прохода в Фергану на заработки».[3]

Действительно, Каратегин во многом поддерживал население Дарвазского бекства. По этому поводу В. И. Липский писал: «...Сравнительно с Дарвазом Каратегин может показаться раем небесным. Для Дарваза он служит своего рода житницей. Во множестве приходилось встречать дарвазцев, и всегда на вопрос куда и откуда, у них один ответ: если с грузом, то из Каратегина с хлебом, а если порожняком, то в Каратегин за хлебом».[4]

---

[1] Ср. Условия оплаты труда жнецов у населения Ферганы (Наливкин В. и Наливкина М., Указ. соч., стр. 20).
[2] Юхновский Н., Указ. соч.
[3] Бобринской А. А., Орнамент горных таджиков Дарваза, стр. 4.
[4] Липский В. И., Хребет Петра Великого и его ледники, стр. 297.

На сильном развитии отходничества в верхнем течении р. Хингоу — Вахьёи Боло подробно останавливается Н. А. Кисляков.[1] Он пишет, что «...обе отрасли труда, земледелие и скотоводство, не могли полностью обеспечить существование горца. Требовались еще дополнительные средства существования; такими средствами существования явились отходничество и работа по добыче золота».[2]

Причиной отходничества он считает необеспеченность крестьян средствами существования, а также и другое обстоятельство — уплату калыма за невесту. «Помимо основной причины — малоземелья, — говорит Н. А. Кисляков, — отходничеству способствовали и другие обстоятельства; одним из них была уплата калыма за невесту».[3] Необходимо добавить, что введение денежных налогов в условиях натурального хозяйства в этих местностях заставляло крестьян для оплаты этих налогов уходить на заработок в промышленные города Ферганской долины.

Таким образом, в бассейне р. Хингоу основной причиной отходничества, несомненно, было вытеснение крестьян с их земель баями, духовенством, чиновниками и другими крупными феодалами, которые путем грабительских захватов сосредоточивали массу земель в своих руках. Другой причиной являлся тяжелый налоговый гнет (натуральная и денежная рента) и необычайная эксплуатация. Отдавая сельскохозяйственные продукты в эмирскую казну и эксплуатирующим их феодалам, крестьяне лишались почти всякого дохода со своих хозяйств.

Все это заставляло крестьян ради обеспечения своих семей средствами к существованию «...искать чужих средств производства для приложения своего труда, т. е. продаваться».[4]

***

К. Маркс, характеризуя особенности феодального землевладения в Азии, указывает: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей».[5]

Крестьяне, сидевшие на таких государственных землях, являлись лишь владетелями, а не собственниками. «В азиатской (по крайней мере преобладающей) форме не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение».[6] Крестьяне должны были платить верховному собственнику налог, являвшийся, таким образом, земельной рентой. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им (непосредственным производителям—М. Р.), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты».[7]

---

[1] См. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма..., стр. 89—90.
[2] Там же, стр. 89.
[3] Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма.., стр. 89.
[4] Ленин В. И., Соч., т. I, изд. 4-е, стр. 41.
[5] Маркс К., Капитал, т. III, Госполитиздат, 1949, стр. 804.
[6] Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 15.
[7] Маркс К., Капитал, т. III, стр. 804.

Характеризуя феодальный строй, И. В. Сталин писал: «При феодальном строе основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства, — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде».[1]

Эти положения, высказанные классиками марксизма находят подтверждение в собранных нами материалах.

В бассейне р. Хингоу, как и в других районах Восточной Бухары, существовала и господствовала феодальная форма земельной собственности, являвшаяся основой феодализма. Здесь имели место типичные феодальные отношения, для которых характерна сословная иерархическая собственность на главное средство производства — землю. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что наиболее крупные частновладельческие категории земель, называемые «мулки падарй», «мулки бобигй» — отцовские и дедовские владения, и общинные земли — «мулки 'омма» или «замини хосу'ом» являлись собственностью верховного правителя страны — шаха или эмира. Владение же землей в основном было сосредоточено в руках наиболее крупных феодалов и баев, а малоземельные и безземельные крестьяне фактически были их крепостными.

Большинство крестьянского населения как во время правления дарвазских родовых шахов, так и после присоединения края к бухарскому ханству работало на небольших участках земли и платило правителю налог-ренту в разнообразных формах (ушр, амал, закот, кунурга закот, дудуна и пр.), а также различные сборы в пользу миров и многочисленных чиновников-феодалов (арбобуна, мушрифуна, мирхазоруна, муфтиюна, козиюна, раисуна, таракавуна и проч.,) и выполняло трудовые повинности (бегорй, улав и т. д.).

Крестьяне не могли не платить все эти налоги и отказываться от трудовых повинностей, так как, во-первых, работали на земле, верховым собственником которой являлся шах или эмир, во-вторых, фактически были прикреплены к земле. «...Источником феодального гнета, — писал Ф. Энгельс, — была не экспроприация земли у населения, а, наоборот, его прикрепление к земле».[2] Этим и объясняется существование и развитие многообразных форм эксплуатации путем внеэкономического принуждения, которые играли большую роль в укреплении экономической власти феодалов, амалдоров, баев и других.

Итак, крестьяне, как находившиеся в распоряжении мира (бека) — «халқи мирй» или «фақири мирй», так и отданные в танхо фактически являлись крепостными феодалов, которые безвозмездно использовали их труд для обработки своих земель. Особенно тяжелым было положение крестьян, находившихся в ленной зависимости — танхо у отдельных феодалов, которым верховный собственник земли передавал свои права взимать с них ренту.

Широкое распространение получили формы эксплуатации непосредственного производителя, известные под названиями «хашар» и «шарикй». Как мы показали, хашар и шарикй из первоначально безобидной формы коллективной товарищеской взаимопомощи и простой кооперации со вре-

[1] Сталин И. В., Вопросы ленинизма, изд. 11, 1947, стр. 555—556.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. I, стр. 287.

менем были превращены в одну из самых жесточайших форм эксплуатации.

Феодалы использовали труд крестьян для проведения ирригационных сооружений, ремонта и постройки мостов, мирских и амлокдорских помещений, очистки снега с мирских дворов и крыш домов, прокладывания и ремонта дорог и т. д. Большинство этих работ исполнялось путем мобилизации крестьянских масс, проводимой представителями государственного аппарата.

Крестьян жестоко эксплуатировали также сельские баи, которые в предреволюционный период уже составляли класс кулаков. Путем разнообразных форм издольной аренды — «шарикй» они эксплуатировали непосредственных производителей, с которых получали от трети до половины всех производимых ими продуктов земледелия. Баи жестоко эксплуатировали крестьян также путем предоставления различных ссуд для уплаты налогов и сборов, так как ссуды выдавались ими на кабальных условиях.

Несмотря на номинальную принадлежность всей земли верховному правителю, в бассейне р. Хингоу, как и в других районах Восточной Бухары, четко различались различные категории земель. Так, например, к категории земель, находящихся непосредственно в руках правителя—мира, относили земли «зъмини мирй» (раньше — «зъмини шохй»). Обработка этих земель была обязанностью крестьян, а доход с них целиком поступал в руки дарвазского бека и амлокдоров. Наряду с ними, различали категорию земель, которая считалась владением крестьян — мълки падарй — бобигй и с которой крестьяне платили государству $^1/_{10}$ часть от всего валового урожая в качестве ушра. Крестьяне имели право отчуждать земли этой категории (продавать, отдавать во временное пользование, передавать по наследству и т. д.). Это обстоятельство как бы маскировало принадлежность земли государству и создавало в глазах крестьян видимость того, что земля эта является их собственностью, а не владением. Купля-продажа и другие формы отчуждения земель издавна существовали в бассейне р. Хингоу. Правительство абсолютно не препятствовало отчуждению земель, так как для него не имело ни малейшего значения, в чьих руках будет находиться земля, оно интересовалось только своевременным поступлением налогов.

Факты показывают, что при отчуждении земель со стороны местных феодалов практиковались различные махинации и злоупотребления. Большинство земель, находившихся во владении и пользовании крестьян, было постепенно захвачено различными путями баями и чиновниками. При этом крестьянин оказывался в таких условиях, что он не только соглашался на отчуждение своей земли, но выступал как инициатор этого отчуждения. Часто феодалы присваивали земли, используя такие формы отчуждения, как временное пользование — «орият», аренда — «ичора», заклад — «гарав» и т. д. Феодалы, присваивая эти крестьянские земли, превращали их в свои владения, на которых широко использовали труд безземельных и малоземельных крестьян.

Захваты земель и частные споры и ссоры из-за земель, как видно из нашего материала, в бассейне р. Хингоу были обычным явлением. Эти споры и земельные конфликты часто вызывались резкой чересполосицей. Богатый сосед (по участку) всегда был заинтересован в захвате участка земли у бедного, и, пользуясь острой нуждой малоземельного крестьянина, за дешевую цену покупал у него этот участок. Нужда крестьян особенно усиливалась в неурожайные годы или же в связи с какими-либо

семейными обстоятельствами, например, уплатой калыма, устройством поминок по умершему родственнику и т. д.

Процесс концентрации земель в руках отдельных феодалов и баев в бассейне р. Хингоу особенно усилился в годы перед установлением Советской власти.

Разнообразные виды феодальных отношений продолжали существовать вплоть до установления Советской власти. Только Советская власть и победа колхозного строя в горных районах полностью ликвидировали господство феодального землевладения и землепользования, уничтожили куплю-продажу земель, ликвидировали разнообразные формы феодальных отношений, национализировали земли и уничтожили всякую эксплуатацию человека человеком.

ГЛАВА IV

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И СИСТЕМА МЕР

Земледельческий народный календарь и меры у горных таджиков, в том числе и у таджиков бассейна р. Хингоу, носят следы глубокой древности; население пользовалось ими вплоть до установления Советской власти и проникновения социалистической культуры в эти районы. После установления Советской власти в горном Таджикистане начали широко распространяться международные летоисчисление и система мер, так что старая система счета времени и меры в настоящее время сохраняются только в воспоминаниях старых людей.

В данной главе даются сведения относительно народного календаря и мер, которые нам удалось собрать от местных стариков в селениях бассейна р. Хингоу.

1. Земледельческий народный календарь

Народный земледельческий календарь у горных таджиков изучался мало. Специальными работами по этому вопросу являются статья П. Майского, посвященная описанию сельскохозяйственного календаря у горцев Памира и Верхнего Ванча[1], и работа немецкого исследователя Ленца, посвященная счету времени в Нуристане и на Памире.[2]

В работах дореволюционных и советских авторов встречаются лишь отдельные, часто крайне отрывочные и случайные, сведения о таджикском народном календаре. О календаре горных таджиков мы находим некоторые сведения в работах А. А. Бобринского,[3] М. С. Андреева[4] и Н. А. Кислякова.[5]

---

[1] Майский П., Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхнего Ванча, «Советская этнография», 1934, № 4, стр. 102—107.

[2] Lentz W., Zeitrechnung in Nuristan und am Pamir, „Abhandlungen derPreussischen Akademie der Wissenchaften, jahrgang, 1938, Philosophisch-historische Klasse", № 7, Berlin, 1939.

[3] Бобринской А. А., Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы), М., 1908, стр. 97—102. (В дальнейшем: Горцы верховьев Пянджа...).

[4] Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 97.

[5] Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 111—113. его же, Язгулемцы, Изв. Всесоюзного геогр. общ-ва, т. 80, в. 4, 1948, стр. 369.

Древний народный земледельческий календарь горных таджиков, естественно, не мог полностью сохраняться в своем первоначальном виде. С течением времени он претерпевал различные изменения. Кроме того, в связи с различными историческими событиями в жизни народа, особенно в связи с арабским завоеванием, набегами монгольских и тюркских народов, он подвергался воздействию арабского, монгольского и тюркского влияний. Но это не значит, что таджикский народный календарь за долгие века своего существования потерял свою самобытность; о последней красноречиво говорят те сведения, которые удалось собрать исследователям и, в частности, материалы, приводимые в данной работе.

Почвой для возникновения и развития земледельческого народного календаря горных таджиков, безусловно, послужили исторические особенности жизни народа, экономические факторы, географические условия и пр. Основой для формирования древнейшего календаря таджика-земледельца являлись его трудовая деятельность, трудовые процессы, наблюдения за движением солнца и звезд и фенологические наблюдения. Таким образом, в основе земледельческого народного календаря лежали обобщения, сделанные на основе практического опыта народа.

Что касается цикличности земледельческого народного календаря, то она основывается на сроках выполнения сельскохозяйственных работ. Это, если можно так выразиться, свод сведений о периодах крестьянских работ, о временах года и сезонах, о состоянии природы — времени потепления, похолодания, о коротких и длительных периодах выпадения осадков, вообще обо всем, с чем связаны сельскохозяйственные и домашние работы крестьянина-земледельца.

Основанный на многовековых наблюдениях народный календарный счет времени является одним из необходимых элементов в производственно-хозяйственной деятельности земледельца. Земледельческое население с его помощью могло ориентироваться во временах года, в сроках сельскохозяйственных работ, что было очень важно для земледелия, являющегося основной отраслью хозяйства, основным источником существования человека.

Ниже мы излагаем материалы по земледельческому народному календарю таджиков бассейна р. Хингоу и приводим разнообразные его варианты.

а) Счет времени года по частям человеческого тела

Одной из самобытных и очень древних форм земледельческого народного календаря является исчисление времени года и сроков наступления сельскохозяйственных работ соответственно частям человеческого тела. Этот календарный счет был широко распространен на всей территории Памира и соседних с ним горных районов. Ареал распространения этого календарного счета на основании собранных нами данных определяется в следующем виде.

Счет времени по частям человеческого тела, называемый местными таджикскими терминами «hисоби мард» — счет по мужчине, «афтов дар мард» — солнце в мужчине, «панҷохи мард» — пятьдесят дней мужчины или «нъшуно» — знаки, периоды и пр., — когда-то был распространен на всей территории современной Горно-Бадахшанской автономной области, в Южном Дарвазе по долине Пянджа, в верхнем течении р. Хингоу — Вахьёи Боло, в среднем ее течении, начиная от кишлака

Савзихарф до кишлака Хур (вниз по течению), а также по всей территории долины р. Калаи Хусайн и в кишлаках, расположенных на северных отрогах Дарвазского хребта (Сагирдаштской группы).

Характерной особенностью этого старинного счета времени у горных таджиков, как отмечено выше, являлось представление о том, что движение солнца распадается на периоды, соответствующие частям человеческого тела.

Этот счет в обследованном нами районе сохранился очень слабо. Мы могли собрать сведения о нем в очень неполном виде, так как уже почти все жители забыли его. Когда старых людей спрашиваешь об этом счете, они часто не могут вспомнить его полностью; они хорошо помнят лишь ту часть счета на части человеческого тела, которая связана с периодом весенних сельскохозяйственных работ, а именно: от подошвы ног до сердца. Значительно более полные сведения о данном счете были собраны ныне покойным М. С. Андреевым у припамирских народов, но эти данные еще не опубликованы и в настоящее время подготавливаются к изданию.[1]

Собранные нами материалы по счету времени по частям человеческого тела записаны в кишлаках Савзихарф, Сайёд, Хур, Пастирог, Сафедорон и Сагирдашт.

Материалы, собранные в кишлаках Савзихарф, Сайёд и Хур, совпадают с материалами, собранными в кишлаке Пастирог. Поэтому мы приведем ниже счет в таком виде, в каком он записан нами в кишлаке Пастирог.

Счет начинался с конца декабря, когда уже заканчиваются все сельскохозяйственные работы. В это время начинается период, называемый повсеместно у горных таджиков, а также и в некоторых других районах Средней Азии, — «чилля» («чълла») — сорокадневный период, сорокадневка.[2]

Период «чилля» разделялся на 2 части; «большая чилля»—«чъллаи калун», «чъллаи лъмб» и «малая чилля»—«чиллаи майда», «чъллаи варвак», «чъллаи хурдак».

Большая чилля состояла из 40 дней и начиналась с 20—21 декабря. В период большой чилли запоздавшие с молотьбой крестьяне были заняты ею.

В этот период выпадает много снега и замерзают реки, речки и ручьи и крестьяне, запоздавшие с молотьбой, дожидались его, чтобы обмолотить свой хлеб на замерзшем току. Такой обмолот назывался «яхкув», т. е. молотьба на льду.

Малая чилля состояла из 20 дней. Она начиналась с 29—30 января. Период этот считается самым холодным. В это время выпадает много снега, начинаются сильные метели и морозы. Относительно малой чилли существует ряд поговорок. Например: «Малая чилля сказала, что если бы за мной не следовала весна, то я иссушила бы жеребенка (осленка) в утробе его матери» — «Чъллаи хурдак гуфтаст, ки агар пъштъм ай

[1] См. Андреев М. С., Таджики долины Хуф, т. II, глава «Счет времени», архив Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.

[2] См. Наливкин В. П., Хрестоматия для Туркестанской учительской семинарии, Ташкент, 1896, стр. 22—25; Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Север Ферганы), Изв. Общ-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928, стр. 126. (В дальнейшем: Поездка летом 1928 г. в Касанский район...).

бъхор набоша, кърраи аспа (кърраи хара) дар шъкамби модаръш кок мекънъм».[1]

После периода «чилля» наступал период «солнца в мужчине» — «афтов дар мард». С 18—19 февраля солнце входит в подошву ноги и в ногти больших пальцев ног—«пайикъ нохун» и задерживается в подошве и ногтях по 3,5 дня — всего 7 дней.

После этого солнце продвигается вверх по телу человека и доходит до лодыжечной кости—«харк» или «бъчилак», где солнце задерживается 3 дня. Затем оно последовательно задерживается по 3 дня на голени — «линг», колене — «зону», бедре — «коровсу» и на penis — «харомез».

После периода «харомез» наступают периоды «камаръ навруз», т. е. «поясницы и навруза».[2]

В пояснице солнце задерживается 3 дня, а в наврузе 7 дней. «Навруз», по представлениям горных таджиков бассейна р. Хингоу, является периодом, когда солнце вступает в область сердца.

Названия других периодов, следующих за наврузом, до нас не дошли. ««Навруз» (буквально «новый день») — это праздник наступления нового года, праздновавшийся ираноязычными народами с древнейших времен. Период «навруз» продолжается 7 дней, и эти дни являются завершением зимнего периода. Обычно в это время выпадает снег и бывает холодно. Поэтому у горных таджиков бассейна р. Хингоу, как и у других горных таджиков, относительно периода «навруз» существует ряд поговорок-примет. Например: «Дар навруз ҳафт (чъл) кънда бъсуз да бъшава руз» — «В «наврузе» жги по 7 (или 40) поленьев, чтобы настал день».[3] В течение этих 7 дней школьники и студенты медресе разносили по домам цветы, и получали за это подарки. Этот обычай назывался «гългардуни», т. е. «хождение с цветами» (см. гл. V).

После «навруза» население бассейна р. Хингоу праздновало свой традиционный национальный праздник нового года — «соли нав», «сари сол», который проходил очень торжественно (см. гл. V). Время наступления нового года соответствовало 21—22 марта, т. е. весеннему равноденствию. Новый год праздновался 3 дня. К этому времени, по словам стариков, крестьяне пахали на своих землях уже 7—8 дней.

Ниже приводим приблизительную схему вышеизложенного счета времени по частям человеческого тела (табл. 1)

Второй вариант этого счета, записанный нами в кишлаке Сафедорон, немного отличается от изложенного выше количеством дней каждого периода. Кроме того, здесь отсутствует счет по «малой чилле», которая входит в состав периодов «афтов дар мард» или «панджохи мард». Здесь по окончании большой чилли, которая также начинается, по всей вероятности, с 20—21 декабря, наступает период малой чилли, когда начинают счет движения солнца по телу мужчины.

Счет, так же как и в кишлаке Пастирог, начинается с подошвы и ногтей ног, на которых солнце задерживается 7 дней. В этот период на-

---

[1] В другом варианте: «Агар додаръм бъхор набоша, гулака дар шъкамби модаръш қок мекънъм»—«Если бы моим младшим братом не была весна, я иссушила бы ребенка в утробе матери».

[2] Н. А. Кисляков неправильно приводит название периода «камаръ навруз» как «камари науруз» и переводит: «поясница нового года» (Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 113).

[3] В окрестностях г. Сталинабада, в поселках Сарасия и Старый Шахмансур, нами записан еще другой вариант этой поговорки: В навруз жги по 7 поленьев, после чего можешь идти ночью или днем—безразлично»—«Дар навруз ҳафт кънда бъсуз, ба'д ай у ё шав бъгардй ё руз».

Приблизительная схема счета времени по частям человеческого тела

Таблица 1

Наименование периодов	Количество дней	Начало и конец периода по месяцам европейского календаря
Большая чилля—«чъллаи калун»	40	20/XII—28/I
Малая чилля—«чъллаи майда»	20	29/I —17/II
Подошва и ногти ног—«пайикъ нохун» . . .	7	18/II —24/II
Лодыжечная кость—«харк» или «бъчилак»	3	25/II —27/II
Голень—«линг»	3	28/II — 2/III
Колено—«зону»	3	3/III — 5/III
Бедро—«коровсу»	3	6/III — 8/III
Penis - «харомез»	3	9/III —11/III
Поясница—«камар»	3	12/III —14/III
Старинный новый год—«навруз»	7	15/III —21/III
Новый год—«соли нав» или «сари сол» . . .	3	22/III —24/III

ступает сильное похолодание, замерзают реки и ручьи. Местное предание гласит, что раз подошва и пальцы ног всегда мерзнут, то этот период должен быть холодным. В течение этого периода часто идет сухой снег, но сильных морозов не бывает. За ним следует период лодыжечной кости — «харк» или «бъчилаки по», в которой солнце задерживается 7 дней. В период «харк» включают подъем ноги — «лушти пс» и лодыжечную кость — «бъчилак». В течение этих 7 дней идет снег и наступает сильное похолодание.

После этого солнце 7 дней задерживается на голени ноги — «линг». В «линг» входит кость голени — «қоқй» и икра — «шъкамбъки по». Старики утверждают, что в период «қоқй» 3,5 дня обычно бывают сильные холода, но в период «шъкамбък», т. е. в течение следующих 3,5 дней, бывает теплее. Затем идет период колена — «зону». Этот период также считается 7-дневным. Местное население считает, что так как колено всегда особенно сильно ощущает холод, то в этот период также наступает сильное похолодание.

После этого периода наступает период бедра — «коровсу», на котором солнце останавливается 7 дней. Земледельцы считали, что так как кость у бедра толстая и имеет внутри широкое отверстие, в эти дни часто наступают сильные ветры и поднимается вьюга — «барфбодъ шамолбод гараме». С первого дня этого периода в кишлаке Сафедорон и в соседних с ним кишлаках население приступает к посыпке заснеженных полей землей (см. гл. II).

Затем наступает период penis — «харомез», продолжительность которого 7 дней. Период этот не считается суровым, но для него характерны частые осадки в виде мокрого снега — «тарбарф», который таджики кишлаков северных отрогов Дарвазского хребта называют «барфи камолхамбун» или «рафидабарф» — снег крупными хлопьями. Иногда с этого времени начинаются дожди — «боруни 'аввал сар кънаме».

После харомеза следуют периоды поясницы и навруза — «камаръ навруз». Старики и здесь подтверждают, что навруз — это сердце. Этот период бывает теплым. Местные старики считают, что основным призна-

ком этого времени является течка у кошек—«пъшъко дар талаби ягдигар занаменд» или «пъшъко мав гараменд».[1] Этим периодом кончается зима и наступает весна. В это время крестьяне рано утром, перед рассветом, смотрят на запад, на приметное место на горах, называемое «Навруз-гах» — место определения навруза, и следят за появлением во время заката трех ярких звезд. Если эти звёзды бывают видны, то считают, что уже наступил период навруза, который продолжался 7 дней. После этих 7 дней таджики обследуемой долины справляют свой новогодний праздник — «сари сол» (см. гл. V «Обычаи и обряды»).

В таком же порядке велся счет по частям человеческого тела и в Сагирдаште. Разница состояла только в том, что здесь сохранялся еще ряд других периодов. Например, после «камар» наступал семидневный период «баръ бозу» — «грудь и плечи». После этого наступал период сердца — «дъл», который в других местах называется «навруз'ом». Период сердца длился 7 дней, затем наступали семидневные периоды «рта и зубов» — «даҳавъ данду» и головы — «сар» или «саратон». За этими периодами следовал период весов — «търозу» или как его еще называли «афтовниҳол». Он продолжался 9 дней. По сообщениям стариков, с окончанием периода «афтовниҳол» наступает время летнего солнцестояния.

Необходимо отметить, что в Сагирдаште данный счет полностью не сохранился, поэтому мы не можем дать полную картину всех периодов этого счета.

После «афтовниҳол» счет велся в обратном порядке — от головы к ногам. Сначала отсчитывали 40-дневный период летней чилли — «чъллаи товистун». В этот период крестьяне занимались прополкой зерновых культур, поливкой посевов, приготовлением кормов для скота, просушиванием на солнце навоза, накопившегося в хлевах за зиму и весну. Большинство женщин отправлялось на летовки, где занималось молочным хозяйством, оставшиеся дома выполняли повседневные домашние работы. Они делали кизяки для топлива, приготовляли и относили пищу для мужчин, работающих в поле.

Последующие периоды также носили название частей тела, причем счет велся в обратном порядке — от головы к ногам.

В среднем и нижнем течении р. Хингоу счет времени на части тела не сохранился.

Кишлаки левого берега среднего и нижнего течения р. Хингоу, начиная от кишлаков Патула и Загара до кишлака Хамдара, имели следующий счет: 40 дней периода большой чилли — «чиллаи калун», 20 дней— малой чилли — «чиллаи хурдак», 14 дней — «чорбахш», 18 дней — «ҳаждаҳо». С окончанием 18-дневного периода наступало весеннее равноденствие — начало нового года. Этот счет соответствует счету времени кулябских таджиков.

В остальной части долины — по левому берегу нижнего течения р. Хингоу, начиная от кишлака Пашюр до кишлака Дехи Баланд, а также во всех кишлаках правобережья р. Хингоу, начиная от Чильдары до

[1] Ср. А б и ш е в Х., Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов, Алма-Ата, 1949, стр. 10, где говорится, что в начале нового года (в навруз) казахи производили случку верблюдов; В. П. Наливкин сообщает,что «по окончании зимы, следуют 10 дней, определяемых туземцами (местным населением Наманганского уезда — М. Р.) как время течки волков и лисиц, десять дней, называемых а х м а н, десять дней д а х м а н и десять дней течки кошек», после которого наступает весна (Очерки земледелия в Наманганском уезде, «Туркестанские ведомости», 1880, № 15).

Яфуча, счет времени носил другой характер. Там после отсчета обеих чиллей наступал 18-дневный период, называемый «убивающим коз»— «ҳаждаҳи бъзкъш», и 12-дневный период «хода куропаток» — «дъвоздаҳи кавги рав». После «хода куропаток» наступало весеннее равноденствие и праздновали новый год — «соли нав» или «сари сол». В Каратегине и в Гиссаре нами был отмечен точно такой же счет времени.

Приблизительно за месяц до празднования нового года население кишлаков нижнего течения р. Хингоу торжественно праздновало наступление месяца хут, исчислявшегося в Средней Азии по солнечному календарю и приходившегося на 18 февраля (см. гл. V).

Необходимо отметить, что вышеизложенный счет времени в кишлаках левобережья нижнего течения р. Хингоу в остальные времена года полностью не повторялся. Здесь в летнем и осеннем сезонах отмечались только периоды большой или малой чилля, а 18-дневный, 14-дневный и 12-дневный периоды не повторялись. Кроме того, по всему бассейну р. Хингоу летний и осенний сезоны имели другой счет, в котором названия временных периодов соответствовали названиям небесных светил.

Так например,начиная с 17 по 21 числа месяца сумбула солнечного календаря (с 10 до 15 сентября), наступал 5-дневный период киргияк («қъргияк» — кобчик).

Местные старики считают, что если в 5 дней периода киргияк будут идти дожди, то это нанесет большой вред урожаю поздно высеянных посевов, особенно это скажется на посевах кишлаков северных склонов Дарвазского хребта. Что касается среднего и нижнего течения р. Хингоу, то там этот холодный период губительно подействует на огороды, особенно могут пострадать от холода дыни, арбузы и тыквы — «полезора сармо мезана».

Через некоторое время отмечается 7-дневный период газак («газак»). В кишлаках Сагирдаштской группы население называет этот период «бесплодным газаком» — «ғазаки ве баҳра», потому что в это время часто бывают дожди, а иногда в высокогорных частях выпадает снег, после которого начинаются заморозки, некоторые ручьи замерзают, и посевы страдают от заморозков. По нашим наблюдениям (осенью 1952 года), этот период относится к 10—16 октября.

За «газаком» идет 7-дневный период, называемый «амуд» (по названию звезды). Если в эти дни начинается дождь, то, по поверью, он приносит вред сжатому, но еще не вывезенному с полей и не обмолоченному хлебу — «ғалаи дъравидагира мепусуна».

Приблизительно с 17 октября наступает 2-дневный холодный период «дукак» — «веретено» (по названию звезды), после которого теплые дни становятся уже редкими.

За периодом «дукак» наступает период «Парвинъ Търозу» — «Плеяда и Орион», во время которого 3 дня бывает сильное похолодание и частые осадки в виде дождя. Эти 3 дня, по всей вероятности, соответствуют 24—26 октября.

Далее, начиная с 28 октября, наступает период появления Сириуса— «сътораи Қоппа». Этот период продолжается до 3 ноября. Как сообщили нам старики, эта звезда вечером восходит в восточной части долины. Нередко в этот период в бассейне р. Хингоу выпадает первый небольшой снег. В кишлаках Сагирдаштской группы период Сириуса называли периодом «сътораи хънък», т. е. периодом «холодной звезды».

б) Остатки счета времени по месяцам на основании фенологических признаков

Древние названия таджикских месяцев постепенно в течение столетий заменились названиями мусульманских солнечных месяцев по знакам зодиака и мусульманских лунных месяцев (см. настоящую главу, раздел д). Для старых таджикских месяцев, часть которых нам удалось записать от стариков, характерным является то, что их названия соответствовали фенологическим признакам и устанавливались по этим признакам.

Древние названия месяцев у таджиков по принципу установления очень напоминают нам названия месяцев чулымских татар, называющих их соответственно природным признакам.[1] Кроме того, древние названия таджикских месяцев имеют сходство с названиями месяцев у народов Гиндукуша, особенно Читрала, которые устанавливались по особенностям времен года или получали наименования по названиям земледельческих занятий.[2]

Как уже было отмечено, этот счет почти забыт, и нам с трудом удалось узнать лишь некоторые названия этих месяцев у горных таджиков бассейна реки Хингоу и Каратегина, причем наши информаторы нетвердо помнят время наступления и окончания того или другого месяца. Этот счет лучше сохранился у припамирских народов, и покойному ныне М. С. Андрееву удалось собрать о нем более подробные сведения, которые еще не опубликованы.[3] О названиях старых месяцев, существовавших в Язгулеме, коротко упоминает Н. А. Кисляков.[4]

Приведем записанные нами данные. Все они относятся к весеннему, летнему и осеннему периодам.

1. «Хингмох» — серый месяц соответствует приблизительно второй половине марта и первой половине апреля. Считают, что хингмох наступает тогда, когда земля лишь местами освобождается от снега, и в природе еще мало красок — «дъньё хинги хънък мешава». В Каратегине, в районах Гарма, Шульмака, Комсомолабада и Оби-Гарма этот месяц называли «гандамох» — плохой, некрасивый месяц. В начале этого месяца приступали к пахоте и посеву сельскохозяйственных культур.

2. «Савзмох» — зеленый месяц соответствует второй половине апреля и первой половине мая. Основным признаком его является то, что поверхность земли покрывается свежей зеленью посевов и дикорастущих растений.

3. «Бурмох» — бурый месяц соответствует приблизительно второй половине мая и первой половине июня. Основным признаком его является то, что все растения темнеют, принимают тот обычный для зрелого состояния вид, по которому можно различить каждое из них.

4. «Хумпаз» или «моҳи хумпаз» (литературное «хомпаз», т. е. высохший, не дойдя до зрелости) соответствует августу. В это время в бассейне р. Хингоу наступает жаркий период, и поздно высеянные злаки, у которых до наступления жары не успели затвердеть зерна, под влиянием жарко-

---

[1] См. Дульзон А. П., Система счета времени у чулымских татар, Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, 1950, в. X, стр. 60—63.

[2] См. Биддельф, Указ. соч., стр. 121—122.

[3] См. Рукописный архив М. С. Андреева в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР.

[4] Кисляков Н. А., Язгулемцы, стр. 369.

го солнца быстро высыхают. Поэтому зерна у таких злаков бывают маленькие и не мучнистые.[1]

5. В кишлаке Чильдара, по правому берегу нижнего течения р. Хингоу, нам удалось записать еще одно архаическое название месяца, который относится к осени. Этот месяц называется месяцем «моҳи баргрези» или «моҳи хазонрези», т. е. листопад. В кишлаке Муджихарф Комсомолабадского района (Каратегин) мы выявили еще одно архаическое название месяца—«моҳи сангтасп», т. е. месяц накаляющий камни. Так называется средний месяц лета.

Что касается остальных месяцев, то названия их уже забыты, и никто не мог вспомнить их; после упоминания месяца бурмох информаторы начинали перечислять месяцы мусульманского лунного календаря, а также солнечного календаря по арабским названиям знаков зодиака, в других случаях вели счет по временам года: первый месяц лета, второй месяц лета и т. д.

в) Народные представления о начале весны и других сезонов по движению солнца; определение времени дня

У горных таджиков особенно широко было распространено определение времени года или времени наступления того или иного сельскохозяйственного процесса по движению солнца. За годовым движением солнца следили по специальным знакам, нанесенным в определенных местах внутри жилых домов, в мечетях — «маҳчът». Знаки эти наносились на стенах или на полу в тех местах, куда в определенное время дня, а также при восходе и закате падали лучи солнца через небольшие отверстия в стенах.

Обычно же движение солнца определялось по приметным местам, например, точкам на горах, против которых всходило или заходило солнце. Такими точками являлись вершины и выступы гор, деревья, росшие на горах, отдельные камни, ущелья и т. п. По восходу или закату солнца против этих мест определяли наступление нового месяца или сезона года.

В качестве примера остановимся на определении времен года и месяцев по закату солнца в определенных приметных точках в кишлаке Сафедорон.

Общественным местом для наблюдения являлась мечеть. В западной ее стене чуть ниже потолка было 2 небольших окошка — «дарича», а в восточной стене — 1 окошко. Эти окошки, кроме того, что служили дымоходами, использовались еще специально для наблюдения за восходом и закатом солнца (рис. 48). Кроме того, местом для наблюдения являлся и двор мечети, где были сложены большие камни — «сангои дари маҳчът» или «къръмбои дари маҳчът».

Начнем с зимнего сезона. В начале зимы солнце закатывалось за высоту, носившую название Сари Қамч (южная часть горы, носившей название Наврузгах). Оттуда, двигаясь на север, солнце при закате доходило до приметного места на горе Наврузгах, а именно — до верхнего края земельного участка, принадлежащего когда-то некоему Мулло-Ходже.[2] Население считало, что в это время кончился первый месяц зимы —

[1] Ср. Кисляков Н. А., Язгулемцы, стр. 369.

[2] Имя крестьянина кишлака Говсанг, оставшееся в памяти стариков только по этой точке на бывшем его участке.

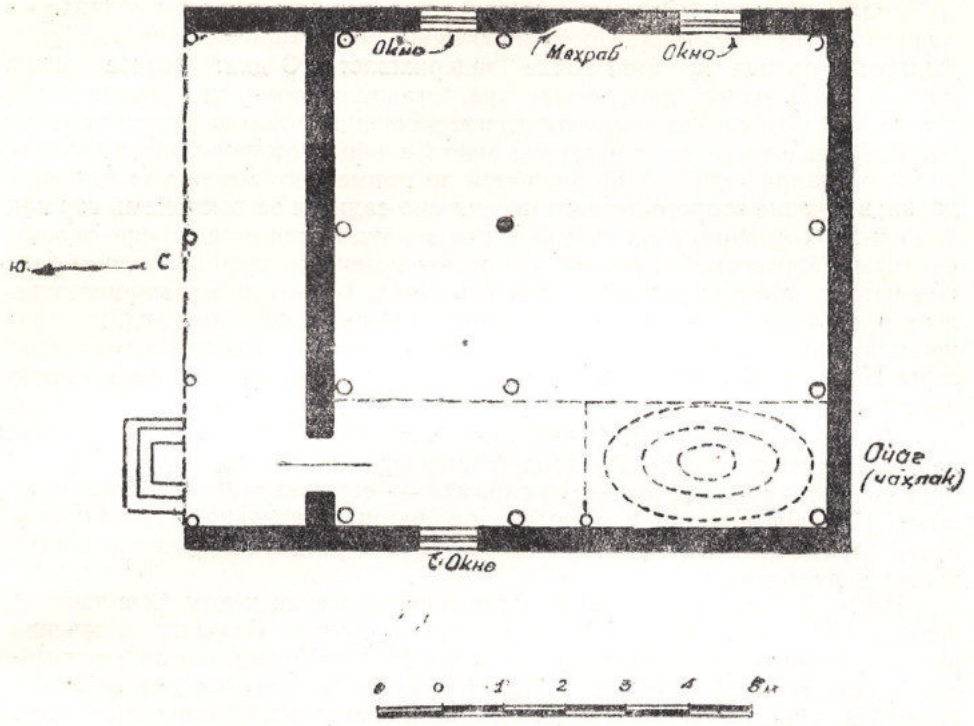

Рис. 48. План мечети сел. Сафедорон.

«моҳи аввали зъмистун тиёр шӣ». После этого солнце, двигаясь на север, закатывалось за вершиной горы над селом Говсанг («Геғаи пъшти Говсанг»). Тогда считали, что кончился второй месяц зимы — «моҳи минаи зъмистун тиёр шӣ». Затем солнце доходило до середины горы Наврузгаҳ и закатывалось за седловину на вершине этой горы. Тогда считали, что кончился последний месяц зимы — «моҳи ахири зъмистун тиёр шӣ» и наступило весеннее равноденствие — «афтов дар хунаи бъҳор расӣ». Это было время наступления традиционного нового года — «сари сол». Население ясно представляет, что в это время день и ночь равны друг другу — «шавъ руз яг гарамендӣ». Считают также, что в это время солнце 3 дня стоит в одной точке, а затем начинает двигаться далее к северу. Время весеннего равноденствия являлось самым разгаром сельскохозяйственных работ — пахоты и посева.

Когда солнце доходило до приметной точки над выступами гор над землей некоего Шох-Анвара[1] и закатывалось за этими выступами, считали, что один весенний месяц кончился—(як моҳи бъҳор тиёр шӣ». Таким же образом в течение второго месяца солнце доходило до приметного места над р. Сафедорон, в третий месяц доходило до приметной точки «Бари навкуниё»—сторона сверхранних посевов и закатывалось за тремя камнями. В это время хорошо знающие счет люди сообщали всему остальному населению, что теперь надо кончать пахоту и посев, так как кончилась вес-

[1] Имя крестьянина кишлака Сафедорон, о котором, кроме названия его бывшего участка земли, никто ничего не знает.

на и наступило лето. Этот момент считали «летним поворотом солнца» — «афтов гашти товистун». По мнению некоторых стариков кишлака Сафедорон, солнце на этой точке задерживается 3 дня: летнее солнце сильно, и поэтому оно дольше не останавливается в летнем доме. После этого срока оно направляет свое движение обратно к югу, проходя последовательно те же приметные места в обратном порядке: в течение первого месяца лета солнце движется до приметного места над р. Сафедорон; в течение второго летнего месяца оно садится за выступами гор над землей Шох-Анвара, а на третий месяц закатывается в седловине вершины горы Наврузгах. Считалось, что в этот момент наступило осеннее равноденствие, кончилось лето и началась осень. Говорили, что солнце вошло в осенний дом — «афтов дар хунаи тирамоҳ расӣ». Как видим, осеннее и весеннее равноденствия определяются по закату солнца в седловине горы Наврузгах. Поэтому, очевидно, и гора носила название «место нового года».

По сообщениям местных стариков кишлака Сафедорон, в точке осеннего равноденствия солнце задерживается от 3 до 7 дней, так как оно теряет свою силу — «афтов вечун гараме» — «солнце становится бессильным». Наравне с солнцем и земля становится бессильной — «зъминам вечун гараме», потому что, начиная с этого периода, больше не растут травы и растения.

После 7 дней солнце продолжает свое движение к югу и в течение первого осеннего месяца доходит до высоты Пушти Говсанг, в течение второго месяца — до верхнего края земли Мулла-Ходжа, а в конце третьего месяца садится за высотой Сари Камч. Тогда осень считается закончившейся, и наступает момент зимнего солнцестояния. Период этот называется «афтов гашти зъмистун» — т. е. поворот солнца к зиме. В этой точке солнце якобы задерживается 7 дней, так как, по поверьям, оно очень слабое «вечунай» (буквально «без души»).

По истечению этого срока солнце в своем движении поворачивает обратно к северу — «афтов ва пайъш акиб гардаме» — солнце возвращается по своему следу.

Помимо определения времен года по закату солнца, их определяли и по его восходу. На восточной стороне кишлака Сафедорон имеются высокие голые скалы, называемые Шухои Девлохо — горы летовки, а также и грунтовые горы — «Къҳои Дараи Шоҳ» — горы ущелья Шаха и «Къҳои Пакак» — «низенькие, плоские горы»; на них находятся приметные точки, из-за которых восходит солнце в то или иное время года.

При отсутствии часов в старом быту горных таджиков для определения времени суток большое значение имели наблюдения за движением солнца по небосклону, его восходом и закатом, за движением звезд.

У горных таджиков бассейна р. Хингоу отмечались следующие периоды времени суток:

1) «Събҳъдам» — рассвет или «бомдод» — первый утренний намаз.
2) «Пъгай» или «сиҳарӣ» — утро.
3) «Сарафтов» или «афтовбъро» — восход солнца.
4) «Чоштак» или «чошти хурдак» — маленький полдень.
5) «Чоштгай» или «чошти калу» или «нимрузӣ» — полдень.
6) «Пешин» — время после полудня, когда совершался второй дневной намаз.
7) «Афтовшину» — заход солнца.
8) «Вегай» или «вегаҳӣ» — вечер.

9) «Нъмози шум» — время совершения первого вечернего намаза (приблизительно около 9 часов вечера).

10) «Нъмози аср» — время совершения второго вечернего намаза.

11) «Хъфтан» или «нъмози хъфтан» — время совершения третьего вечернего намаза (приблизительно около 11 часов ночи).

12) «Нъсми шав» или «ними шав» — полночь.

13) «Яг поси шав гъзашт »— первая часть ночи.

14) «Дъ поси шав гъзашт» — вторая часть ночи.

15 «Се поси шав гъзашт» — третья часть ночи.

16) «Мъргфайрод» или «авсарӣ» — крик петуха:

а) «файроди 'аввал» — первый крик петуха;

б) «файроди дъйъм» — второй крик петуха;

в) «файроди сейъм» — третий крик петуха (рассвет).[1]

Выше уже указывалось, что по падению лучей солнца через окошки определяли время года по специальным знакам в доме или мечети; ряд других знаков или приметных мест в доме служил для определения времени дня (естественно, что для каждого времени года существовал особый ряд примет и знаков времени дня).

В качестве примера возьмем старый дом Махмадрахима Абдурахимова, построенный более 100 лет назад в кишлаке Сафедорон. В этом доме имелось 4 небольших окошка: 3 боковых—с восточной — «даричаи пасак» и юго-западной — «даричаи пешак» стороны, а четвертое—по середине крыши — «даричаи торак». По лучам солнца, падавшим через эти окошки на приметные места, определяли время дня.

В этом доме для определения времени дня в зимний период пользовались первыми 3 из указанных окошек и 4 приметными местами: «руи декуни пасӣ дар» — «на нарах около двери», «сари чахи бофъндагӣ» — «у ямы ткацкого станка», «руи ташнов» — «у поглощающего колодца для сливания грязной воды в доме» и «руи сулъкӣ» — «в узком проходе между нарами» (см. рис. 49).

Когда после восхода лучи солнца через восточное отверстие падали на «руи декуни пасӣ дар» — нары, около двери, считали, что уже наступил «чоштак» — маленький полдень. Чоштак считался временем второго дневного кормления скота и приготовления теста для хлеба на обед. Когда лучи солнца через это же отверстие падали на «сари чахи бофъндагӣ» — яму ткацкого станка, считалось, что наступило время «афтов чошт» иначе «чошти калу», т. е. полдня. В это время мужчины выпускали скот на водопой, после чего кормили его на дворе; женщины готовили обед. Когда после полудня лучи солнца через боковое отверстие в юго-западной части дома падали на «ташнов» — колодец для сливания грязной воды в доме, считали, что уже «автоф гашти пешин», т. е. солнце спустилось к пешину, ко времени второго дневного намаза. В это время скоту давали сено — «каҳи пешинӣ», т. е. сено после полудня, а женщины месили тесто для хлеба к ужину. Наконец, когда солнце шло к закату и его лучи падали на «сулъкӣ» — узкий проход между нарами, тогда считали, что «афтов гашти вегаҳист» — «солнце спустилось к вечеру». В это время мужчины давали скоту «вечернее сено» — «каҳи вегаҳӣ», а женщины начинали затапливать очаги и приготовлять ужин.

Таким же образом наблюдали по солнцу и определяли время наступ-

[1] По словам стариков, петух своим криком говорит: «О крестьянин-хлебопашец, вставай, наступило время работы!»—«Ҳой деҳкон, бъхез, ки вахти кор шид!».

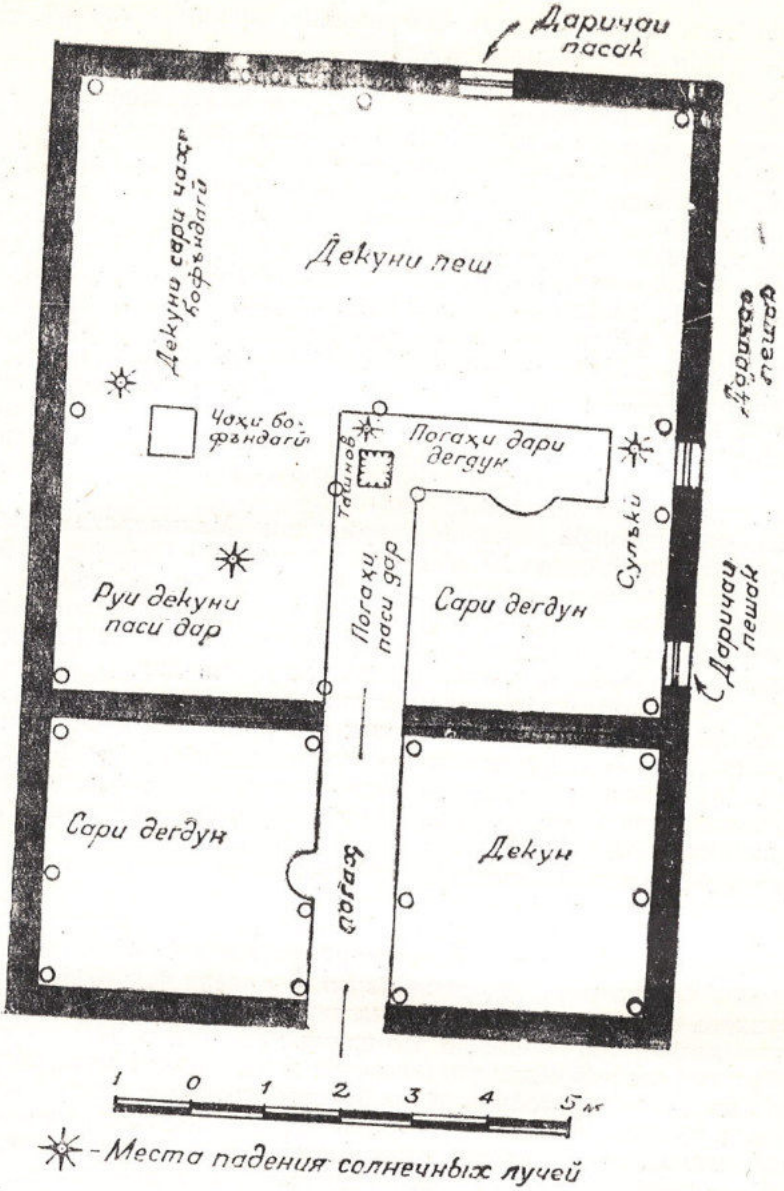

Рис. 49. Схема отметок на местах падения солнечных лучей в разное время дня в зимний период в доме Абдурахимова Махмадрахима в сел. Сафедорон.

ления ежедневной домашней работы в других домах и кишлаках долины р. Хингоу.

Отметим, что движение солнца являлось мерилом времени не только у таджиков бассейна р. Хингоу, но и у всех горных таджиков. Определение времен года и времени наступления каждого месяца по годовому

движению солнца наблюдалось и у припамирских народов.[1] То же самое отмечено нами на всей территории Каратегина и Гиссара, а также в верховьях долины р. Ях-Су.

Такое же определение времени по солнцу существует у народов, населяющих Гиндукуш,[2] а также у афганцев долины р. Пянджшир.[3]

г) Фенологические наблюдения

Чрезвычайно важными для земледельческого населения были фенологические наблюдения. До установления Советской власти в горном Таджикистане, в том числе и в долине р. Хингоу, эти наблюдения широко использовались основной крестьянской массой для определения времени наступления весны, начала и конца пахоты и посева, полки, полива, уборки и обмолота зерновых культур и других сельскохозяйственных работ.

Земледельческое население определяло времена года и наступление сроков тех или иных сельскохозяйственных работ по прилету и отлету птиц, по цветению разных трав и других растений, по различным явлениям природы и пр. Но эти народные представления сейчас уже почти забыты. Мы могли собрать по этому вопросу лишь немного отрывочных сведений.

Так, например, наступление весны определялось первым появлением трясогузки, называемой «санговдавак» или «са'ба» и считавшейся обладающей благодатью, а также маленького черного жучка—«говак».[4]

Кроме того, наступление весны определялось первым появлением подснежника — «гъли чоҳъзак» и прилетом птички «шохник» (русского названия узнать не удалось).

В разгар пахоты и посева пшеницы — «минаи гандъмчъфт» прилетал удод — «мъллояк», «мъллобутбутак» или «ҳъд-ҳъд», также почитавшийся как обладающий благодатью.

В конце сева пшеницы и в начале сева ячменя прилетала кукушка—«капук». Ее прилет указывал на время начала пахоты земли под поливные посевы — «овичъфт». В это же время расцветал дикий миндаль — «бодум».

Когда впервые прилетал дикий голубь — «фохтак» или «харкафтар» (приблизительно 15—20 июня), считали, что уже весна кончилась и наступило лето. С его появлением крестьяне кончали пахоту и сев, так как хлеба, посеянные после этого времени, не созревали бы. В это же время появлялись кроты — «курмуш» и принимались чистить свои норы, выбрасывая землю на поверхность.

В последнем месяце лета — «дар моҳи ахири товистун» прилетали мелкие птицы, называемые «чив» (русского названия узнать не удалось), которые являлись вредителями зерновых культур. Они целыми стаями перелетали с одного посева на другой, поедали зерно. Поэтому их называли «чиви чавхър» — «джив, поедающие ячмень». Время прилета этих

---

[1] См. Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 27.
[2] См. Биддельф, Указ. соч., стр. 119—120.
[3] См. Андреев М. С., По этнологии Афганистана, стр. 66—67.
[4] Увидев трясогузку после зимы впервые, человек должен был спросить у нее о состоянии здоровья сказочной птицы Симург. Трясогузке задавался вопрос: «Са'ба, са'ба, Симърғ дар паси къҳи Коф чӣ хол дора?» «О трясогузочка, трясогузочка, как живет Симург за горой Каф?». Существовало предание, что трясогузка несла яйца, а птица Симург их высиживала и воспитывала птенцов. Поэтому у трясогузки спрашивали о ее жизни.

птичек совпадало с цветением эремуруса—«севчъки козй». После этого дни становятся жаркими, а вечера — холодными.

В конце лета прилетали кобчик — «боша» и сокол—«чънвар». С их появлением начинался период осенних дождей.

Кроме того, время наступления осени определялось первым прилетом в этих местах ласточки — «досак» или «достак» и филина — «бум», а также пролетом через эту местность осенью с востока на запад журавлей — «търна». В каратегинских же кишлаках мы слышали о перелете журавлей только раннею весною. При этом, если они пролетали высоко, считалось, что наступающий год будет урожайным, а если низко, то наоборот. Весной журавли летят другим путем, и весенний лет журавлей в бассейне р. Хингоу не наблюдается.[1]

В последний месяц осени — «дар моҳи ахири тирамоҳ» в воздухе летали сухие семена одуванчиков — «коку», «кокъх».

Что касается предсказания погоды по наблюдениям над явлениями природы, то на этот счет мы имеем очень скудные материалы. Так, например, когда воробьи беспокоились и искали места, где укрыться, и, беспрестанно чирикая, перелетали с деревьев на землю или же укрывались под крышами домов и строений, считали, что погода изменится (пойдет дождь или снег, смотря по сезону).[2]

Если с запада поднималась черная туча, считали, что будет сильный дождь или снег. Это представление нашло отражение в широкораспространенной среди таджиков поговорке — «абр агар аз кибла хезад, сахт борон мешавад» — «если туча поднимется с запада — будет сильный дождь». Поэтому в осенний период во время молотьбы хлебов при появлении такой тучи крестьяне собирали необмолоченный хлеб на середину тока в кучу, которую покрывали войлоками или травой. Иногда на гумне имелось специальное помещение, куда в случае ненастья заносили хлеб. Наоборот, после дождя или выпадания снега, когда на западе небо прояснялось, считали что погода устанавливается.

Когда после сильного дождя или пасмурной погоды на западной стороне неба появлялось красное облако — «аври сърх», «аврсузак», считали, что погода будет хорошая.[3]

Продолжительность осадков (дождя или снега) определяли при помощи некоторых дней недели. Считали, что если дождь начался в пятницу, то в субботу он должен прекратиться, но если дождь начинался в субботу, то он будет продолжаться еще долгое время. По этому поводу у горных таджиков существует известная пословица: «чум'а ки борид, шамбе ҳаво кард, шамбе ки борид,кай ки ҳаво кард», т. е. если в пятницу пойдет дождь, то в субботу будет погода, но если в субботу пойдет дождь, то неизвестно будет ли (скоро) погода.

Весною после сильного дождя, когда появлялась радуга, называемая везде в горных районах Таджикистана по имени Рустама, легендарного богатыря, героя «Шахнаме», луком Рустама — «камуни Рустам», «луком дедушки Рустама» — «камуни бобий Рустам», «пращей Рустама»—«гу-

---

[1] Существовало предание, что осенью журавли отлетают в паломничество в мусульманский «дом Каабы»—«дар тирамоҳ търна ба хунаи Қа'ба ба ҳач мерава».

[2] По чириканью воробьев также определяли время наступления «нъмози шум»—второго вечернего намаза и «нъмози бомдод»—первого утреннего намаза.

[3] Ср. Майский П., Указ. соч., стр. 102, где указывается, что на Центральном Памире раньше считали, что якобы появление «абри сурх»—красного облака предвещает поражение хлебов ржой (сурха).

лаки Рустам» или же в мусульманизированной форме — «луком Хасана и Хусейна» (сыновей Алия) — «Камуни Хасану Хисайн», считали, что дождь должен прекратиться и должна наступить ясная погода.[1]

Таков общий характер дошедших до нас наблюдений над природой у горных таджиков бассейна р. Хингоу, отдельные моменты которых насыщены элементами мифологии.

д) Мусульманский лунный календарь, солнечный календарь по знакам зодиака и тюрко-монгольское летоисчисление

С завоеванием арабами Средней Азии, наряду с внедрением ислама, широко распространился и мусульманский календарь. Народы Средней Азии, в том числе и горные таджики, ввели в обиход мусульманский календарный счет по лунным месяцам — «моҳҳои камарӣ».

Каждый лунный месяц (равно как и год) начинался с новолуния. Каждый месяц состоял из 29—30 дней.

Приведем названия месяцев этого лунного календаря в том виде, в каком он был записан нами в кишлаках Сафедорон и Чильдара со слов местных стариков. Таджикские объяснения значений мусульманских месяцев близки объяснениям их у персов.[2]

Таблица 2

Названия месяцев мусульманского лунного календаря

Название лунных месяцев	Количество дней	Народные объяснения значений мусульманских месяцев у горных таджиков бассейна р. Хингоу
Мъҳаррам (мухаррам)	30	зар (золотой песок), считается хорошим месяцем
Сафар (сафар)	29	оина (зеркало), считается несчастливым месяцем
Раби'ул 'аввал (раби-ул-аввал) . .	30	оби равон (текучая вода)
Раби'ул соний (раби-ус сани) . . .	29	байза (плод)
Ҷимодул 'аввал (джимад-ул-аввал)	30	сим (серебро)
Ҷимодул соний (джимад-ус-сани) .	29	пири бузург (великий наставник-патрон)
Раҷаб (раджаб)	30	Қурони шариф (священный Коран)
Ша'бу (шагбан)	29	гиёҳи сабз (зеленая трава)
Рамазу (рамазан)	30	шамшер (сабля)
Шавол (шаввал)	29	ҷоман сабз (зеленая одежда)
Зулқа'да (зулькаада)	30	кӯдак (ребенок)
Зулҳиҷа (зульхиджа)	29	духтар (девочка)

[1] У таджиков бассейна р. Хингоу существовало представление, что в месте прикосновения «лука Рустама» к земле зарыт золотой клад—«хазинаи тилло». Если кто-либо найдет один из концов этой радуги, то он найдет этот клад. Старики рассказывали об этом предании детям, и те ходили искать концы радуги, соприкасающиеся с землей.

[2] Ср. Хедаят Садек, Найрангистан, Тегеран, 1312 (1934), стр. 19. (Любезно указано нам Н. А. Кисляковым).

Следует оговориться, что среди таджиков бассейна р. Хингоу этот лунный календарь имел применение только у духовных лиц, а также у чиновников бекства в их переписке и канцелярской работе.

Крестьяне-земледельцы обычно знали только те месяцы, которые имели связь с религиозной обрядностью, в частности с религиозными праздниками: тридцатидневный мусульманский пост—«руза» в месяц рамазан, праздник рамазан и курбан и т. п. Месяцы эти были сафар,[1] раджаб, шагбан и рамазан.

Наряду с лунным календарным счетом — «камарӣ», пользовался известностью солнечный календарный счет — «шамсӣ» по знакам зодиака с арабскими (точнее семитическими) названиями, этот календарь широко распространен в странах Ближнего и Среднего Востока; в советских республиках Средней Азии после революции он был вытеснен современным общепринятым календарем.

Ниже приводим названия месяцев солнечного календаря по знакам зодиака, записанные нами во многих кишлаках бассейна р. Хингоу—в Сафедороне, Сагирдаште, Пуштароге, Гурхаме, Хамдаре, Хафтчироге и пр. с указанием их начала и длительности.

Таблица 3

Названия месяцев солнечного календаря по знакам Зодиака

Времена года	Названия месяцев по знакам зоднака		Количество дней	Начало месяца по европейскому календарю
Весна	Ҳамал	Овен	31	22 марта (день весеннего равноденствия)
	Савр	Телец	31	21 апреля
	Ҷавзо	Близнецы	31	22 мая
Лето	Саратон	Рак	31	22 июня
	Асад	Лев	31	23 июля
	Сумбула	Дева и Колос	32[2]	24 августа
Осень	Мизон	Весы	30	23 сентября
	Ақраб	Скорпион	30	23 октября
	Қавс	Стрелец	29	21 ноября
Зима	Ҷаддӣ	Козерог	29	20 декабря
	Далв	Водолей	30	19 января
	Ҳут	Рыбы	30	18 февраля

[1] Существовало мусульманское поверье, что в течение года бог для своих рабов—«бандаҳои хъдо» посылал 11 тысяч бедствий—«бало», из которых 9 тысяч посылалось в месяце сафар. Поэтому в этом месяце в «последнюю среду» — «чоршамбеи охирун» совершали обряд прыгания через костер. В это время в каждом квартале разводили костер, били новую посуду и 3 раза прыгали через огонь. (Подробно см. гл. V, разд. «Земледельческие праздники»).

[2] Месяц сумбула, по нашим данным, имеет 32 дня, но здесь по-видимому, информаторами допущена ошибка. По литературным данным, 32 дня имеет не месяц сумбула, а месяц джавзо. Н. А. Кислякову его осведомители, видимо, дали более правильные сведения. См. его работу, Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 112. См. также словарь غياث اللغات литография, Каган, 1307 хиджры (1890 г.), стр. 559.

Этот счет больше всего был распространен среди духовенства и более образованных лиц, а также и среди специалистов по календарному счету — «hисобгар».

Простые крестьяне обычно этого счета полностью не знали, им были известны, главным образом, только те месяцы этого счета, которые имели связь с некоторыми обрядами или традиционными праздниками — хут и хамал. В некоторых кишлаках нижнего течения р. Хингоу торжественно справляли наступление месяца хут, наступление же месяца хамал являлось общенародным традиционным праздником нового года.

Наряду с указанными календарями, на всем мусульманском Востоке широко было распространено как в повседневной жизни, так и в официальных документах и некоторых исторических источниках тюрко-монгольское летоисчисление по 12-летнему животному циклу. Этот счет широко употреблялся в течение многих веков среди тюркоязычных народов; позднее он распространился и среди других народов Средней Азии, в том числе и среди таджиков.[1]

Широкое употребление этот счет имел и в бассейне р. Хингоу. Здесь он назывался «мурча» или «мулчар». Как известно, при этом счете каждые двенадцать лет составляют определенный цикл, каждый год которого назван именем того или другого животного. Названия эти следующие: мышь—«муш», корова — «бақар», барс — «паланг», заяц—«харгуш», кит — «наҳанг»,[2] змея — «мор», лошадь—«асп», овца — «гуспанд», обезьяна — «hамдуна», «маймун», курица — «мърг», собака — «саг», «вафодор» и свинья — «хуг», «хубон».

Именами этих животных таджики горных районов называли годы своего рождения, а также приписывали людям, родившимся в тот или иной год, характер и свойства соответствующего животного.

По собранным нами сведениям, среди таджиков бассейна р. Хингоу годы 12-летнего цикла делились на счастливые и несчастливые, а также на урожайные и неурожайные. Приведем здесь эти поверья.

1. Мышь является вредителем полей, поэтому год мыши считается неурожайным и несет с собой всякие недостатки.

2. Год коровы может быть и хорошим и плохим. Если год будет с обильными осадками, то урожай будет хороший, если осадков будет мало — урожай будет низкий.

3. Год барса считается неурожайным; барс — зверь хищный, поэтому со всех сторон можно ожидать опасности.

4. Год зайца считают хорошим годом, с обильным урожаем.

5. Так как кит живет в воде, то год кита считается изобилующим осадками и урожайным.

6. Змеи большей частью бывают ядовитыми, поэтому год змеи считается нехорошим. Иногда в этот год бывает сильный голод.

7. Считают, что так как лошадь никогда не бывает сыта, то и год лошади будет нехорошим — малоурожайным.

8. Год овцы считается хорошим годом, потому что баран всегда спо-

---

[1] См. Писарчик А. К., Таблицы двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летоисчисления, Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, в I, Ашхабад, 1949, стр. 173—181. В работе приведена обширная литература по данному вопросу.

[2] Год кита часто называют также годом дракона—«аждаҳор», но в бассейне Хингоу это название не принято.

коен. Год будет спокойным и урожайным. Кроме того, и зима в год овцы бывает теплая.

9. Год обезьяны считается нехорошим, с редкими осадками, малоурожайным.

10. Год курицы, также как и год обезьяны, считается неурожайным, потому что курица с раннего утра до позднего вечера ищет пищу и сытой не бывает. Часто в этот год бывает голод.

11. Год собаки — хороший год, потому что собака — друг человека. Зима в этом году теплая, урожай обильный.

12. Год свиньи, несмотря на отвращение таджиков, как и всех мусульман, к свинье и свинине, считается хорошим годом, потому что свинья всегда жирная, и год будет с обильными осадками и урожайным. Год свиньи таджики часто называют «хубон» — наилучший.

Таким образом, мы видим, что таджики до революции, вследствие отсталости своего хозяйства, зависевшие от различных природных случайностей и стихийных бедствий, всякую беду связывали с тем или иным годом животного цикла, несмотря на то, что действительность весьма часто показывала необоснованность этой связи.

2. Народная система мер[1]

Уровень развития земледельческого хозяйства отражается на системе измерения. Изучение народной метрологии и истории ее развития представляет поэтому значительный интерес. Народная метрология открывает перед нами богатую историю народных знаний и народной мудрости в части различных систем мер, которые возникли еще в глубокой древности и без которых трудовой народ не мог бы успешно заниматься хозяйственной деятельностью. Народная метрология (меры сыпучих тел, меры веса, длины, поверхности, жидкости и проч.) занимает большое место в экономической жизни крестьянина, а также необходима для развития обмена.

Однако этот важный вопрос для Средней Азии остается пока весьма плохо изученным, несмотря на то, что им интересовались некоторые исследователи. Мы можем назвать лишь несколько специальных статей, посвященных отдельным вопросам метрологии и хронологии.[2]

Между тем, в Средней Азии, в зависимости от экономических условий и времени, в разных местах функционировали разные меры веса, и даже в XIX веке в разных городах и областях они совершенно еще не были унифицированы, хотя после присоединения этого края к России более широкое распространение получили отдельные единицы, близкие русским мерам.

В качестве примера можно привести размер мана или батмана как основной единицы веса для взвешивания больших тяжестей, а также и

[1] Часть материала, изложенного в этом разделе, опубликована нами в статье «Меры сыпучих тел у таджиков бассейна реки Хингоу» (Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова. Тр. АН Таджикской ССР, т. XVII, 1953, стр. 197—203).

[2] Н. П. Весы и меры в Средней Азии (торговый вес), «Туркестанские ведомости», 1874, № 33; Казбеков Ю., Туземные меры и весы в Ферганской области, «Туркестанские ведомости», 1877, № 6; Дьяконов М. М., Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани, Тр. Отдела Востока, т. 2, Л., 1940, стр. 165—176; Давидович Е. А., К вопросу о размерах мискаля и батмана в Самарканде и Бухаре в XV—первой половине XVIII веков, Докл. АН Узбекской ССР, Ташкент, 1951, № 5, стр. 50—54; Воронина В. Л., К вопросу о древней метрологии Средней Азии, Краткие сообщ. ИИМК, 1951, в. XXXIX, стр. 63—68.

для измерения земельных площадей. Этот ман (или батман) в XIX веке сильно варьировал в разных областях Средней Азии.

Так, например, бухарский и самаркандский батманы XIX века равнялись 8 пудам.[1] В дореволюционном Ташкенте и его окрестностях батман был выше 10,5 пудов. В Ура-Тюбе батман был равен 16 пудам, в Джизаке — 8 пудам, в Ходженте (ныне Ленинабад) — 12 пудам, в Ката-Кургане — 8 пудам, в Хиве — 1 пуду 7 фунтам, в Заамине — 4 пудам.[2]

Относительно батмана в некоторых соседних странах дают сведения Н. Пантусов и Ю. Казбеков. Так, например, по их данным, батман кабульский был равен 8 чорьякам, а чорьяк—80 кокандским пайса; последняя была равна 5 золотникам. В Турции батман был равен 18 фунтам, в Персии—12 фунтам;[3] в Индии в XVI веке ман равнялся 388 граммам.[4]

Необходимо здесь отметить, что и в Иране ман имел локальные варианты. Например, табризский ман равнялся 640 мискалям или же 40 сир'ам.[5] Этот ман также называли маном сакат — «сакат». Кроме того, в Иране существовал шахский ман — «мани шохи», который весил 1000 мискалей. 5 табризских манов весили 1 пуд. Наряду с этим, каждый район—«нохия» имел свой собственный ман. Например, ман городов Зенджана и Марага равнялся 2 табризским манам.[6]

Такое разнообразие мер требует конкретно-исторического их изучения. Именно поэтому мы специально уделяли внимание вопросу о метрической системе у изучаемых нами таджиков бассейна р. Хингоу.

Результаты этих наблюдений и опросов излагаем ниже, присовокупляя к ним некоторые скопившиеся у нас сравнительные данные по б. Кулябскому и Каратегинскому бекствам, относящиеся к XIX и началу XX веков.

Вопрос о мерах сыпучих тел, веса, длины, поверхностей, употреблявшихся горными и равнинными таджиками, в литературе освещен очень плохо. Правда, некоторые дореволюционные и советские авторы уделяли известное внимание этому вопросу, но обычно лишь мимоходом.[7]

При этом следует отметить, что некоторые исследователи неправильно считали, будто бы горные таджики Каратегина и Дарваза не имели

---

[1] Н. П. Указ. соч., Давидович Е. А., Указ. соч., стр. 53; в Истории народов Узбекистана, т. II, на стр. 153 (в примеч.) для Бухары и Самарканда первой половины XIX века приведен батман, равный 6 пудам. Точный размер бухарского батмана XIX века дает Н. Ханыков. Он считает, что бухарский батман равен 7 пудам, 32 фунтам и 48 золотникам (Описание Бухарского ханства, стр. 113—114).

[2] Н. П. Указ. соч.

[3] Казбеков Ю., Указ. соч.

[4] Антонова К. А., Очерки общественных отношений и политического строя монгольской Индии времен Акбара (1556—1605), М., 1952, стр. 121 (в примеч.).

[5] Ср. Persian=English, Dictionary. F. Steingass. Ph. D. London, 1930, стр. 1316. Здесь под словом ман подразумевается мера для взвешивания жестких товаров, которая равна 40 сир'ам. Относительно размеров сир'а см. Ханыков Н. В. Указ. соч., стр. 114.

[6] Устное сообщение научного сотрудника Института языка и литературы АН Таджикской ССР И. Али-заде.

[7] См. Ханыков Н. В., Указ. соч., стр. 112—114; Ошанин В. Ф., Письмо из Гарма, «Туркестанские ведомости», 1878, № 38; Юхновский Н., Указ. соч., Аранд аренко, Г. А., Каратегин, стр. 120—125; его же, Дарваз и Каратегин, стр. 448; Андреев М. С., Вахиё; Снесарев, Восточная Бухара, стр. 64—65; Бобринской А. А., Горцы верховьев Пянджа, стр. 79; Послав ский Ю. И., Экономический очерк Таджикистана, сб. Таджикистан, Ташкент, 1925, стр. 182—183 и 190; Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район, стр. 123—125.

даже понятия о каких-либо системах измерения. В качестве примера можно привести сведения о населении Каратегина в энциклопедическом словаре И. Н. Березина, сообщающие, что жители Каратегина «ничего не знают ни о весе, ни об измерении расстояния».[1]

То же пишет Г. А. Арандаренко, а затем, цитируя его, и И. П. Минаев: «Жители этой страны (Каратегина — М. Р.) не имеют никакого представления о мерах длины и мерах поверхности даже по той градации, какая известна у туземцев долины (равнинной части Средней Азии—М. Р.). ...мера торгового веса также неизвестна; своих денежных знаков они не имеют, а с серебряною монетою, существовавшей в соседнем Гиссаре, знакомы очень немногие».[2]

В таком же духе пишет о населении Ванча и Дарваза Н. Ю. Юхновский: «Население долины Ванча находится в таком же первобытном состоянии, как и прочее население Дарваза. Деньги, меры и вес им почти неизвестны; торговля исключительно меновая. При определении ценности какого-либо предмета единицею служит карбас, кусок местной грубой бумажной ткани».[3]

А. Е. Снесарев пишет: «У горцев до прихода бухарцев (до 70-х годов XIX века — М. Р.) не было никаких мер ни длины, ни емкости, не было и денежных знаков; все это не более 20—25 лет тому назад появилось из Бухары, а отчасти было занесено из Ферганы... Но еще до появления иноземных мер горцы начали уже в качестве единицы емкости употреблять головную ермолку (калятуш),[4] а единицей базарного расчета принимать кусок бязи (карбоз)[5] в 12 аршин, сколько идет его на одну пару нижнего белья».[6]

Собранный нами и приводимый ниже материал[7] показывает, что эти авторы ошибались, целиком или почти целиком отрицая существование самобытной системы мер у горных таджиков. Горные таджики были знакомы с системой мер, хотя последние были у них очень примитивными. У горных таджиков бассейна р. Хингоу издавна, еще до прихода бухарцев, существовали разнообразные виды измерения — меры сыпучих тел, меры длины, меры поверхности и т. п. В начале нашего столетия, в связи с некоторым оживлением торговли, кроме местных единиц измерения, появились и некоторые другие меры веса, проникшие сюда преимущественно из Куляба и других соседних районов.

а) Меры сыпучих тел и веса

Общераспространенными местными мерами сыпучих тел, которые употреблялись жителями бассейна р. Хингоу, являлись «мъшт» — горсть из одной руки и «хамб» — горсть из двух рук. Эти меры употреблялись,

---

[1] Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. С-Петербургского университета И. Н. Березиным, СПб., 1878, под рубрикой «Каратегин», стр. 47.
[2] Арандаренко Г. А., Каратегин, стр. 125; Минаев И., Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб, 1879, стр. 240—241.
[3] Юхновский Н., Указ. соч.
[4] Искаженное слово «каллапуш», вернее «токй».
[5] Искаженное слово «карбос»—хлопчатобумажная ткань местного изделия.
[6] Ю. Снесарев, Восточная Бухара, стр. 64.
[7] Относительно системы мер у таджиков бассейна р. Хингоу нами были собраны материалы во время поездки 1949—1951 гг. у местных старожилов, хорошо знающих метрологию своего района: Робиа Карима, Рустамова Гадо, Халилова Расула, Курбонова Шарифа, Ходжаева Мансура, Бозорова Асо и др.

когда брали взаймы небольшое количество зерна или другого сыпучего тела, и во время обмена сушеных фруктов на зерно и т. п.

Кроме того, при обмене во время измерения сыпучих тел часто применялись деревянные чаши — «коса», «табакча» и глиняные блюда— «ғъдора», в которые вмещались приблизительно от 500 г до 1 кг зерна. Чаще всего для обмена употребляли тюбетейку — «токи», в которую вмещалось 1300—1330 граммов зерна.[1]

Более крупной мерой сыпучих тел являлось деревянное блюдо — «табак». Оно было 2 видов — малый и большой табак. В малый табак вмещалось 3 тюбетейки зерна (рис. 50), а в большой — 9, 12, 16 и 20 тюбетеек. 16 маленьких табаков составляли 1 ман или, как еще называют его в других районах, ботман (батман),[2] равный приблизительно 4 пудам или немного больше. Точно так же 16 больших табаков составляли 1 ман,

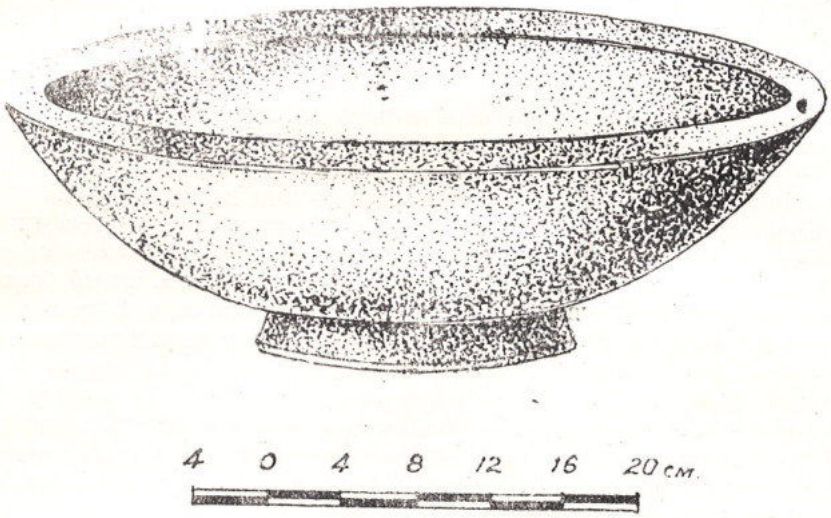

Рис. 50. Трехтюбетеечное блюдо—табақи сетоқия, служившее мерой сыпучих тел.

равный приблизительно 11, 16, 20, 25 пудам. Большое блюдо у таджиков бассейна р. Хингоу употреблялось только во время взвешивания или измерения чистого зерна на гумне, когда отделяли $^1/_{10}$ часть урожая для выплаты ушра. Это блюдо у таджиков данной местности носило название «табақи ғалласанҷ»—блюдо для измерения зерна, «табақи чоштвардор»— блюдо для измерения кучи очищенного зерна на току, или «табақи нъҳ»— блюдо-девятка, потому что хозяин гумна, выделяя $^1/_{10}$ часть урожая в качестве налога, отсыпал для этого 1 блюдо, а 9 блюд брал себе. Поэтому крестьяне количество зерна, оставшегося у них после сдачи ушра, всегда считали девятками: «одна девятка»—«як нъҳ», «две девятки»—«дъ нъҳ», «три девятки» — «се нъҳ» и т. д.

Ман, измерявшийся малым блюдом, употреблялся значительно шире: для измерения земельных участков количеством высеваемого зерна,

[1] Все эти цифры мы установили при помощи взвешивания зерна и приводим здесь средние данные.

[2] О значении терминов «ман» и «батман» см. Barthold W. The Encyclopedia of Jslam, v. 1, Leyden—London, 1913, под рубрикой „Batman", стр. 680.

в торговле и пр. К краю такого блюда приделывалась железная петля — «занчир», чтобы это весовое блюдо отличалось от всех других. Оно называлось блюдом мана — «табаки ман», или торговым блюдом — «табаки савдо». В каждом кишлаке существовало 2—3 таких блюда, которые являлись официальными стандартными единицами измерения и находились у старосты кишлака — «арбоби кишлок».[1]

Такие блюда существовали и в Каратегине, где также 16 блюд составляло 1 ман или батман (в местном говоре «бодман»).

Исследователи горных районов Таджикистана в своих работах приводят различные размеры мана.

Так, например, Г. А. Арандаренко отмечает, что батман в Каратегине и Дарвазе весит 4 пуда.[2] М. С. Андреев считает, что в Вахьё ман равняется 11 пудам.[3] В. Ф. Ошанин в своем письме от 25 августа 1878 г. пишет, что «каратегинский батман равен 15 чашкам (автор ошибается на 1 блюдо — М. Р.), чашка равна 3 тюбетейкам, насыпанным верхом».[4] А. А. Семенов каратегинский батман считает равным 9 пудам.[5]

В других районах бывшей Восточной Бухары, например в Кулябском и Бальджуанском бекствах, размеры мана или батмана были иными, причем производилось взвешивание на весах, а также существовали каменные гири. По собранным нами сведениям, в Сари-Хосорском, Кулябском, Дашти-Джумском районах батман до революции весил почти 20 пудов. Но А. Е. Снесарев вес батмана в Кулябском бекстве считает совсем иным. Он пишет: «В Кулябском бекстве в ходу та же теньга (15—20 копеек — М .Р.); из других мер: батман, который здесь чуть-ли не самый большой в Бухаре, в 16 пудов; чувал (кан)[6] весит полбатмана, т. е. 8 пудов; нимча=двум пудам и санк[7] (или таш) $^1/_{64}$ часть батмана или 10 наших фунтов».[8]

Собранные нами данные по районам бассейна Ях-Су — Кизыл-Су (б. Кулябской области), которые неоднократно проверялись, дают, как нам представляется, достаточно точное понятие о манах и других весовых единицах измерения, применявшихся в этих районах. Один Кулябский санг (камень) составлял 5 кг, нимча — 8 сангов, нимхурд — 32 санга, ман — 2 нимхурда или 64 санга (320 килограммов, или 20 пудов).[9]

Собранным нами сведениям не соответствуют и сведения, сообщаемые А. Е. Снесаревым о каратегинском батмане. «В Каратегине, — пишет он, — пришлось слышать о следующих мерах: о чорике (чорьяке или чойраке — М. Р.), соответствующем нашим 5 пудам, батмане, который здесь равняется 9 пуд. 27 фунтам, товаке или чашке (тавак или табак—М. Р.), вмещающий — $^1/_{32}$ батмана или 12 наших фунтов...».[10] А. Е. Снесарев, по-

[1] Крестьяне, желающие иметь в своем хозяйстве такое торговое деревянное блюдо, заказывали его мастерам, изготовляющим деревянные блюда, причем размер такого блюда тщательно сверялся с уже существующими блюдами этого рода. Но такие домашние блюда-мерки не считались официальными и употреблялись только в своем хозяйстве.

[2] Арандаренко Г. А., Дарваз и Каратегин, стр. 448.

[3] Андреев М. С., Вахиё.

[4] Ошанин В. Ф., Письмо из Гарма.

[5] Семенов А. А., Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, стр. 52.

[6] Искаженное слово «чувол» или «қоп»—мешок.

[7] Искаженное слово «санг» (камень).

[8] Снесарев, Восточная Бухара, стр. 65.

[9] Полевые записи в августе и сентябре 1948 и 1949 гг.

[10] Снесарев, Восточная Бухара, стр. 65.

видимому, в качестве единицы определения батмана брал не наиболее употребительное блюдо — «табаки сетокия», в которое вмещалось три тюбетейки зерна, а одно из больших блюд, которые употреблялись при выплате ушра на току. Такая ошибка произошла, видимо, от того, что А. Е. Снесарев больше всего имел связь с чиновниками и местными правителями, а не с простым народом. Поэтому он и учел только то большое блюдо, которое употреблялось для уплаты натурального налога правительству. Выше уже указывалось, что в Каратегинском бекстве, как и в Дарвазском, в бассейне р. Хингоу в качестве основной единицы измерения земельных площадей и при различных торговых сделках употребляли только малое блюдо.

Итак, единицы измерения сыпучих тел в бассейне р. Хингоу и в Каратегине следующие.

1. Ман по малому блюду:

1 тюбетейка=1 кг 300 г (или 1 кг 330 г).

1 табақ=3 тюбетейки=3 кг 900 г,

1 ман=16 табақ'ов=64 кг 400 г.

2. Ман по большому блюду:

а) 9 тюбетеек=1 табақ=11 кг 700 г,

1 ман=16 табақ'ов=187 кг 200 г.

б) 12 тюбетеек=1 табақ=15 кг 600 г,

1 ман=16 табақ'ов=149 кг 600 г.

в) 16 тюбетеек=1 табақ=20 кг 800 г,

1 ман=16 табақ'ов=332 кг 800 г.

г) 20 тюбетеек=1 табақ=26 кг.

1 ман=16 табақ'ов=416 кг.

По рассказам стариков, в некоторых кишлаках бассейна р. Хингоу, например, Пагула, Загара, Туто, Қаранак и пр., расположенных по соседству с Кулябом, до революции, кроме местных единиц измерения, существовали еще следующие, заимствованные, вероятно, из Куляба: «қадок», «ғарибак», «ясирак», «нимсанг», «санг», «нимча» и «нимхурд».

К сожалению, наши информаторы не помнили даже приблизительно размеров указанных единиц веса. Думается, что эти меры в перечисленных кишлаках бассейна р. Хингоу были равны этим же мерам в районах бассейна Ях-Су—Кизыл-Су, откуда они были заимствованы.

Нам удалось выяснить размеры этих единиц в Дашти-Джумском районе (долина Пянджа) в кишлаке Йол[1] и в Оби-Гармском районе (Каратегин) в кишлаках Оби-Гарм и Элок.[2]

Единицы веса в кишлаке Йол Дашти Джумского района были следующими:

1 қадок,	=	317 г[3]
1 ғарибак	=	500 г
1 ясирак	=1 кг	250 г
1 нимсанг=2 ясирак'ам	=2 кг	500 г
1 санг=4 ясирак'ам	=	5 кг
1 нимча=4 санг'ам	=	20 кг
1 нимхурд=32 санг'ам	=	160 кг
1 ман=2 нимхурд'ам	=	320 кг.

[1] Полевые записи от 20 августа 1949 г.

[2] Полевые записи от 16 августа 1952 г.

[3] Выражение отдельных мер веса в граммах приводится со слов местных жителей, которые производили проверку қадока на современных весах. Остальные меры выяснены нами по қадоку.

Единицы веса в кишлаках Оби-Гарм и Элок Оби-Гармского района были следующими:

1 қадоқ или кабирак	= 634 г
1 нимча=1/2 кабирак'а	= 317 г
1 чорьяк или мискинак=2 қадоқ'а	= 1,268 г
1 гарибак=4 қадоқ'а	= 2,536 г
1 санг или эсирак (ясирак)=8 қадоқ'ов	= 5,072 г
1 этимак (ятимак)=16 қадоқ'ов=4 гарибак'а	=10,144 г
1 нимхурд=4 эсирак'а=4 санг'а=32 қадоқ'а	=20,288 г
1 ман=16 нимхурд'ам	=324,608 г.

Единицы веса гарибак, ясирак встречались М. С. Андреевым в Ура-Тюбе, а хурд — в Афганистане.[1] Но об их величине автор ничего не сообщил. Кроме того, у таджиков Касанского района (Северная Фергана) он обнаружил хурд и нимхурд (хурд равнялся 100 пейса), а также чойрак, который был равен 5 лудам $13^1/_3$ фунта.[2]

Относительно этих единиц веса в других районах Средней Азии XIX века и других стран за ее пределами подробные сведения дают Н. Пантусов[3] и Ю. Казбеков.[4]

Из вышеизложенного материала сделаем краткие выводы:

1. Таджики бассейна р. Хингоу и всего бывшего Дарвазского бекства имели свои самобытные, довольно примитивные меры сыпучих тел. В основе этих мер не лежал какой-либо совершенно определенный и точный эталон, что препятствует точному переводу их на современные меры. Их основной и исходной единицей была горсть из 1 руки, пригоршня из 2 рук, тюбетейка, деревянная и глиняная чашки и деревянные блюда разных размеров.

2. Основной, наиболее распространенной стандартной и официальной мерой являлось деревянное блюдо, вмещающее 3 тюбетейки («токй»), т. е. около 3900 г зерна. Большие блюда вместимостью в 9, 12, 16 и 20 тюбетеек зерна не были широко распространенной мерой и употреблялись почти исключительно при отмеривании 1/10 доли урожая для выплаты натурального налога (ушр).

3. Размеры мана не были стандартными, так как в основе мана не лежала какая-либо точная мера, а только блюдо (табак). Размеры мана менялись в зависимости от того, какого размера табак брался за исходную единицу.

4. Весовые единицы: кадок, гарибак, ясирак, нимсанг, санг, нимча, нимхурд и пр. были заимствованы в начале XX века у кулябских таджиков. В это же время из некоторых областей Ферганской долины проникали в бассейн р. Хингоу некоторые единицы веса, как чорьяк или чойрак и пайса, так как горцы систематически ходили туда на сезонные заработки. Горцы бассейна р. Хингоу чорьяк и пайса употребляли главным образом для измерения количества чая и красок.

б) Меры длины

Как известно, еще с глубокой древности народы Средней Азии в качестве мер длины, ширины, высоты, глубины и пр. употребляли различные измерения, имевшие в своей основе длину частей человеческого тела.

---

[1] См. Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район, стр. 123.
[2] Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район, стр. 123.
[3] Н. П., Указ. соч.
[4] Казбеков Ю., Указ. соч.

Способы такого измерения широко распространены у многих народов. Сходство единиц измерения даже рождало у исследователей сомнение в местном происхождении некоторых единиц и приводило их к выводу о возможных заимствованиях. Как справедливо отмечает Б. А. Рыбаков, вероятно «здесь мы сталкиваемся с причиной общего сходства всех мер—в основе их лежат элементарно-простые движения рук человека или части тела. Едва уловимые различия в одноименных мерах отражают или детали способов измерения или же антропологические различия народов».[1]

Хотя способы измерения у горных таджиков, в частности и таджиков бассейна р. Хингоу, сходны со способами измерения у других народов, но они все же имеют и свои самобытные черты.

В бассейне р. Хингоу, как и в других соседних районах горного Таджикистана, для измерений длины служили «чълик» или «лик» — палец, «мъшт» или «мънчик» — кулак, «дъ пешлик», «дъ паслик», «вачаб» — пядь, «пай» — ступня, «қадам» — шаг, «қълоч» — маховая сажень, «газ» — гяз, «олчин» — аршин.

1. «Лик»—ширина указательного пальца в среднем его суставе. Лик имеет несколько видов, в зависимости от положения пальцев на плоскости при ее измерении: а) «дъ лик» (буквально «2 пальца»)—расстояние между 2 пальцами (указательным и средним), раздвинутыми до отказа в стороны; б) «се лик» (буквально «3 пальца»)—расстояние между указательным и безымянным пальцами в том же положении; в) «чор лик» (буквально «4 пальца»)—расстояние между указательным пальцем и мизинцем в том же положении.

2. «Мъшт»—кулак равняется расстоянию между наружными краями указательного пальца и мизинца, когда рука сжата в кулак. Измерение производится с наружной стороны пальцев в среднем их сгибе.[2]

3. Пядь в бассейне р. Хингоу имеет 3 вида: а) «дъ пешлик»—малая пядь (это название мы даем условно)—расстояние от конца большого до конца указательного пальца в раздвинутом их положении, которое равно 18—19 см;[3] б) «дъ паслик»—малая пядь—расстояние между концом указательного пальца и концом мизинца в том же положении, причем рука находится в положении перпендикулярном плоскости, а остальные пальцы подогнуты. Она равна 16—17 см; в) «вачаб»—большая пядь—это расстояние между концами мизинца и большого пальца руки при раздвинутых до предела пальцах.[4] Большая пядь равна 20—23 см.

Эти 3 вида пядей являлись наиболее распространенными мелкими мерами длины в бассейне р. Хингоу и во всем горном Таджикистане, как и у многих других земледельческих народов.[5]

В долине р. Хингоу земледельцы пользовались этими мерами при изготовлении сельскохозяйственного инвентаря (плуга, ярма, саней-волокуш, борон разного рода и др.), особенно для уточнения и определения

---

[1] Рыбаков Б. А., Русские системы мер длины XI—XV веков (Из истории народных знаний), «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 67.

[2] Ср. Андреев М. С., Поездка летом 1928 года в Касанский район, стр. 123.

[3] Здесь и в других местах приведенные соответствия местным мерам десятичных метрических мер определены нами лично путем промеров.

[4] Ср. Андреев М. С., Поездка летом 1928 года в Касанский район, стр. 123.

[5] Ср. старые системы русских мер по пядям и их размеры (Рыбаков Б. А., Указ. соч., стр. 70—71 и таблица к рис. 1 на стр. 70).

расстояния между выдолбленными отверстиями в некоторых частях этих сельскохозяйственных орудий.

Археологические данные показывают, что система измерения по пядям (вачаб) является очень древней. Она издавна употреблялась для измерений при постройках зданий в Средней Азии древнего и средневекового периодов наравне с другими мерами, в основу которых тоже были взяты размеры частей человеческого тела.[1]

4. «Пай»—ступня. Эта мера употреблялась обычно при закладывании фундамента домов. В последние десятилетия она уже была мало употребляема и сохранилась, главным образом, в детских играх «чъликдангал»—игра в чижа, «сакачабозй»—игра в ашички (лодыжечные кости), которые были излюбленными играми детей бассейна р. Хингоу.

Ступнями мерили так, чтобы пятка одной ноги, выдвинутой вперед, прилегала к большому пальцу другой ноги, стоящей позади.[2] Горные таджики часто промеряли ступнями окружность собранной на гумне кучи провеянного зерна — «чошт» для определения его количества. Они считали, что если окружность чошта равна десяти ступням, то столько же манов зерна имеется в этой куче.

5. «Қадам»—шаг употреблялся при постройке домов и других зданий, когда во время закладки фундамента отмеряли ширину и длину здания; при измерении земельных площадей, особенно во время раздела между наследниками отцовской земли. Кроме того, в отдельных случаях шагами меряли расстояние между временными каналами—«това» по середине поля. Расстояние от одного временного канала до другого должно было составлять от 8 до 12 шагов. Измерение такого рода также применялось, когда делали бороны-волокуши для молотьбы зерновых культур (обычно длина ее равнялась 6—7 шагам). 1 нормальный шаг, по нашим измерениям, равняется 76—80 см.

6. «Қълоч»—маховая сажень—тюркское слово, обозначающее расстояние между двумя вытянутыми и разведенными на уровне плеч руками. Размер кулоча колеблется от 165 до 175 см, т. е. почти соответствует старой русской мере длины—маховой сажени.[3] Кулоч или маховая сажень как мера длины широко была распространена по всей Средней Азии. Крестьяне бассейна р. Хингоу эту меру употребляли как в сельском хозяйстве, так и в других случаях жизни. Например, маховую сажень в сельском хозяйстве употребляли при изготовлении веревки для перевозки на санях-волокушах снопов, сжатых хлебов и трав. Каждая веревка для этой цели была равна 3—4 маховым саженям—«банди се-чор къло-ча». Маховую сажень больше всего употребляли ткачи для измерения кустарных хлопчатобумажных и шерстяных тканей.

7. «Газ»—мера длины, которая была различной в различных местах. В бассейне р. Хингоу бытовало несколько видов газа.

а) Расстояние от левого плеча до конца среднего пальца левой руки, вытянутой на уровне плеча, что примерно равно 69—71,5 см, т. е. почти в точности совпадает с русским аршином (71 см).

б) Расстояние от середины груди до конца среднего пальца левой

---

[1] См. Воронина В. Л., Указ. соч., стр. 64—65.
[2] Ср. Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район, рис. на стр. 124.
[3] См. Рыбаков Б. А., Указ. соч., стр. 74.

руки, равное примерно 84—88 см.[1] В первые годы Советской власти, когда метрические меры еще не вошли в быт населения бассейна р. Хингоу, этот газ приравнивали к 1 м.

в) Расстояние от края правого плеча до конца указательного пальца левой руки, которое равнялось примерно 105—110 см и называлось «чугаз» (искаженное из «чубгаз», буквально «газ-палка», «палочный газ»). Чугаз употреблялся для измерения местных хлопчатобумажных и шерстяных материй при продаже или обмене.[2]

г) Удвоенное расстояние между концами пальцев рук, разведенных на уровне плеч в разные стороны, т. е. 2 маховые сажени.[3] Этот газ назывался «гази бофъндаги»—«ткацкий газ». Он употреблялся ткачами. Каждый ткач имел палку, равную этому газу, которой и измерял вытканную им материю при здаче ее заказчику.[4]

Как видно из сказанного, в районе нашего исследования имелось несколько газов, причем ряд из них находит себе параллели в мерах равнинных таджиков и узбеков. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что единых мер даже в пределах небольших сравнительно районов в старину не существовало.[5]

Следует отметить, что нами не выявлено бытования в нашем районе так называемого «шариатского газа», который был широко распространен в городах Средней Азии и равнялся 24 пальцам прижатым друг к другу.[6]

8. «О л ч и н» (искаженное русское слово аршин).[7] В то время как повсеместно в Средней Азии до революции этот термин употреблялся для обозначения русского аршина, равного 16 вершкам, 71—72 см, в бассей-

---

[1] Этот газ совпадает по размеру с газом, бытующим у таджиков севера Ферганы (А н д р е е в М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район, стр. 124) и с газом ташкентских мастеров-строителей (В о р о н и н а В. Л., Указ. соч., стр. 64). По-видимому, этот газ соответствовал длине бухарского газа начала XIX века, который определялся Н. В. Ханыковым, как равный расстоянию от кончика носа до конца указательного пальца (Указ. соч., стр. 113). Однако Н. В. Ханыков почему-то определяет его длину в 1,5 аршина, т. е. несколько больше нашего газа. Как любезно сообщено нам проф. А. А. Семеновым, таков же был «базарный газ», употреблявшийся до революции в Бухаре, Самарканде и некоторых других городах Средней Азии.

[2] Как выявлено советскими исследователями, газ такого размера (в 110 см) лежал в основе размеров древних памятников Шаша, Осрушаны, Хорезма и Согда (В о р о н и н а В. Л., Указ. соч., стр. 64).

[3] Газа, равного 1 маховой сажени в бассейне р. Хингоу не было, хотя в других местах Средней Азии такой газ употреблялся. Так, по устному сообщению проф. А. А. Семенова, наряду с упомянутым выше «базарным газом», в городах Средней Азии существовал еще так называемый «гази матоп»—товарный, мануфактурный газ, служивший для измерения материй и равный 1 маховой сажени.

[4] За свой труд мастер-ткач получал по 1 газу от каждых шести газов хлопчатобумажной ткани, изготовленной из материала заказчика. Работа по изготовлению шерстяной ткани оплачивалась иначе—за каждый газ вытканной шерстяной ткани мастер получал по 1 тюбетейке зерна пшеницы или ячменя.

[5] Ср. А н д р е е в М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район, стр. 125, где отмечается, что газ кишлака Касан отличается от газа соседних городов—Намангана и Чуста.

[6] Личное сообщение проф. А. А. Семенова, которому пользуюсь случаем выразить свою глубокую признательность за сообщенные сведения.

[7] Мера длины—аршин возникла в России в XVI—XVII вв. Название происходит от персидского слова «араш» (ارش) (локоть), при оживлении торговых отношений с восточными народами прочно внедрилось в быт русского народа (см. Д е п м а н И. Е., Меры и метрическая система, Пособие для учителя, М., 1954, стр. 39).

не р. Хингоу олчин считался равным расстоянию от локтя до конца указательного пальца, т. е. 45—50 см, представляя собой, таким образом, полную аналогию русскому и староарабскому локтю.[1]

Важно отметить, что по сообщению наших информаторов, эта мера длины в горных районах Восточного Таджикистана, в том числе и в бассейне р. Хингоу, появилась сравнительно поздно, почти в последние годы существования бухарского эмирата.

9. «Фарсанг». Одной из наиболее древних мер длины, упомянутой еще в авестийской литературе, является парасанг, фарсанг, фарсах.

Фарсанг или фарсах (арабизованная форма слова фарсанг) был широко распространен в быту среднеазиатских и других соседних народов в древние и средние века. О нем мы находим сведения в работах некоторых авторов IX—X веков. Фарсах постоянно фигурирует в качестве меры длины в работах средневековых восточных географов. В более позднее время его называли просто «санг» (таджикское «камень»), а тюркские народности перевели это слово своим «таш» («камень»).

Длину фарсанга (санга или таша) большинство исследователей определяет в 6—8 км.[2]

В бассейне р. Хингоу также для измерения расстояния употреблялся фарсанг или санг, который жителями приравнивался к 10 тысячам полных шагов, что составляет немногим меньше 6—7 км.

Население бассейна р. Хингоу, как и другие горные таджики Каратегина и Дарваза, наряду с фарсангом, в качестве меры длины брало расстояние, на которое слышен человеческий голос — «овозрас», «файродрас», соответствующий тюркской мере чакрим, которая приблизительно была равна 7—8 км.[3]

в) Меры поверхности

Известно, что в Средней Азии для измерения площади широкое распространение получил танаб (вернее, «таноб», буквально «веревка»). Размеры танаба тоже не везде были одинаковыми. Он различался в зависимости от места и времени. «Танаб шариатский,—пишет А. А. Семенов,—равнялся джарибу, который состоял из 160×60—3600 кв. газов (по-видимому, опечатка, вместо 60×60—М. Р.), но так как газ в одних случаях приравнивался к локтю (10.5—11 вершков), а в других—метру, а иногда к большей мере протяжения, то и размеры танаба были различны».[4]

Как отмечает профессор А. А. Семенов, до присоединения Средней Азии к России в Бухаре и Самарканде танаб равнялся 600 кв. саженям,[5]

---

[1] Рыбаков Б. А., Указ. соч., стр. 71; Воронина В. Л., Указ. соч., стр. 64.

[2] Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. 1, стр. 100 и 130. (в примеч.); Ханыков Н., Указ. соч., стр. 113. В словаре غياث اللغات, стр. 552, фарсахом считается 3 мили, в каждой из которых содержится 4 тысячи шагов верблюда. Там же приводится выдержка из словаря Бурхони-Коте, что каждая миля имеет 4 тысячи газов, а газ состоит из 6 кулаков, со ссылкой на словарь Сурох, где указывается, что миля состоит из 4 тысяч газов, а газ—из 24 пальцев руки.

[3] См. Будагов Л., Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб, 1869, стр. 460; Юдахин К., Краткий узбекско-русский словарь, Ташкент, 1927, стр. 241.

[4] Семенов А. А., Бухарский трактат о чинах и званиях, об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, Советское востоковедение, в. V, 1948, стр. 151 примеч. (В дальнейшем: Бухарский трактат о чинах и званиях...).

[5] Семенов А. А., Там же, стр. 151.

т. е. 2700 м;[2] ташкентский (кураминский) танаб равнялся 400 кв. саженям,[1] т. е. 1800 м²; в Хивинском оазисе танабом считали 900 кв. сажен[2] или 4050 м².[3]

Танаб в бассейне р. Хингоу в качестве меры площади появился очень поздно, незадолго до революции. Он был заимствован из Бухары и поэтому равнялся бухарскому танабу, т. е. 2700 м². До этого времени танаб как таковой не употреблялся.

В отдельных случаях (например, при спорном разделе земельного наследства) для уточнения размера участка в бассейне р. Хингоу употреблялась веревка, но не в качестве единицы измерения, а как инструмент. Определяемое расстояние измеряли веревкой, а потом складывали ее во столько раз, сколько было долей наследства, и полученные отрезки опять откладывались на земле. Такая веревка называлась «банд» или «танов» («таноб»), но сходство с танабом как единицей меры здесь чисто языковое и формальное. Описанный способ раздела земли веревкой население называло «бандзани» или «тановзани».

Основной же единицей измерения земельной площади в долине р. Хингоу, как было упомянуто выше, служил ман — площадь земли, на которую высевали 16 блюд зерна, каждое емкостью в 3 тюбетейки пшеницы или других зерновых культур.[4] В среднем 1 ман земли, по собранным нами данным, равен 0,7 — 0,8 га.[5]

При этом нужно учесть, что в зависимости от положения земельного участка, размер площади, соответствовавшей 1 ману, мог несколько варьировать. На землях, расположенных на склонах гор, высевали меньше зерна, чем на таких же по размеру участках на плоскости. Поэтому в то время как 1 ман земли на ровной площади соответствовал примерно 0,8 га, 1 ман земли на склонах гор составлял не более 0,7 га.

Кроме того, существовали еще различные мелкие единицы измерения земельных участков, которые не достигали площади 1 мана. Такие мелкие участки определяли количеством зерна, вмещающегося в одном блюде — «табақ», отчего и сама эта мера земли называлась табак. Например, площадь земли, на которой высевали 5 или 10 блюд зерна, называлась «зъмини панчтабақа» или «зъмини дахтабақа» и т. п.

Для определения размера земельного участка с дозревающим или созревшим хлебом употребительны были меры на количество собираемых с этого участка снопов хлеба. Так, например, мелкие участки земли определялись как дающие 10 или 20 снопов сжатого ячменя (или пшеницы) — «дах дарза чав (ёгандъм) зъмин», «бист дарза чав (ё гандъм) зъмин». Участок на 10 снопов приблизительно равняется участку, на который высеяно 1 блюдо семян, т. е. около 1/20 га.

Существовал еще способ определения размера участка земли временем, затрачиваемым на жатву выращенного на нем хлеба. При этом единицей измерения считалось пространство, которое 1 жнец может сжать за 1 день, называемое «яг руи дос» — один серп или «яг руза дърав» — один день жатвы. Эта мера земли грубо приблизительно соответствует

---

[1] Семенов А. А., Бухарский трактат о чинах и званиях..., стр. 151.
[2] Семенов А. А., Там же, стр. 152.
[3] Ср. История народов Узбекистана, т. II, стр. 147 (хивинский танаб равен 4000 м²).
[4] На 1 га земли, по сообщению колхозников, высевается 20—22 блюда—«табақ» зерна.
[5] Кисляков Н. А., площадь 1 мана земли для бассейна р. Хингоу считает приблизительно равной 1 га (Ишан — феодал Восточной Бухары, стр. 16).

5 — 6 табакам земли или же площади земли, на которой высевали от 19 кг 500 г до 23 кг 400 г зерна, а на наши меры — около 1/4 га.

Существовал еще способ определения размера земельного участка временем, затрачиваемым парой хороших волов на его вспашку. Считалось, что 1 хорошая упряжка может за день вспахать участок размером в 4 — 5 табаков, т. е. около 1/4 га. Такая площадь земли называлась «яг руза чъфт» — однодневная вспашка. Следует, однако, оговориться, что в бассейне р. Хингоу эта мера, хотя и употреблялась земледельцами для определения размера поля при пахоте, но не была употребительна для определения больших земельных площадей, как это имело место в ряде районов Средней Азии с древних времен и вплоть до революции. Мера называлась «джуфт»[1] или «кош»[2].

На территории бассейна р. Хингоу под словом «чъфт» раньше понималась и теперь понимается пахота, посев, а под выражением «чъфти гов» — парная воловья упряжка.

Все вышеизложенное говорит о том, что таджики бассена р. Хингоу, как и другие горные таджики, имели свой самобытный календарь и систему мер, возникшие, по-видимому, в глубокой древности. Народный календарный счет и меры являлись необходимыми элементами повседневной производственно-хозяйственной деятельности земледельца.

---

[1] Наршахи Мухаммад, История Бухары, перев. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 20—21.

[2] История народов Узбекистана, т. II, стр. 160 и др.

ГЛАВА V

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Таджики являются преемниками высокой древней земледельческой культуры своих предков — согдийцев, бактрийцев, тохаров и других народов. Первые сведения о земледельческих занятиях предков таджиков мы находим в религиозной книге зороастризма — «Авесте». В этой книге, наравне со сведениями об общественном устройстве Бактрии, Парфии, Согдианы, Хорезма и других стран, приведены ценные сведения относительно хозяйственной жизни народов, обитавших в этих странах, об их религиозных верованиях и культуре.

В канонах зороастризма много говорится об уважении и любви к земле, о пользе земледелия. «Тому, кто обрабатывает землю правой рукой и левой рукой, — говорится в Авесте, — левой и правой, она приносит богатство. Как любящая молодая женщина, сидящая на убранном ложе и приносящая своему возлюбленному сына и богатство ... так говорит тому земля: «Человек, который пашет меня правой рукой и левой рукой, левой и правой, я буду вечно помогать тебе, приносить всякого рода пищу, все, что могу принести, помимо зерна полей».[1]

Как видно из вышеприведенного текста, земледельческий труд у таджиков и их предков является весьма древним занятием. Древняя земледельческая культура нашла яркое отражение в земледельческих обычаях и обрядах таджиков, особенно горных.

Горные таджики, несмотря на сильное влияние господствовавшей религии ислама, в значительной степени сохранили свои древние многовековые верования, обычаи и обряды. Многие из этих древних земледельческих обычаев и обрядов переплелись с мусульманскими религиозными верованиями. Мусульманское духовенство нередко пользовалось древними земледельческими обычаями и обрядами, облекая их в мусульманскую религиозную оболочку и тем самым усиливая свое влияние на беспомощные массы населения горных долин.

Настоящая глава является первой попыткой дать характеристику дореволюционных земледельческих обычаев и обрядов населения бассейна р. Хингоу. В основу настоящего изложения положены материалы, которые нам лично удалось собрать в бассейне р. Хингоу во время полевых работ.

---

[1] Bibliotheque orientale, vol. V. Avesta, перев. C. de Herlez, Paris. 1881, стр. 33 (цит. по книге Гафурова Б. Г. и Прохорова Н. Н., Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины, стр. 9; см. также Гафуров Б. Г., История таджикского народа, т. I, стр. 29).

1. Патрон земледелия «Бобои деҳқон» и связанные с ним обычаи и обряды

Патроном («пир») земледелия у населения бассейна р. Хингоу, как и вообще у всех горных таджиков б. Восточной Бухары, считался Бобои деҳқон — Дед-земледелец.

К этому патрону крестьяне-земледельцы обращались за помощью, приступая к любому более или менее значительному делу: при начале пахоты, посеве и т. п., прося его о ниспослании благодати и об охране урожая от всевозможных бедствий и неудач.

С именем Бобои деҳқона связывается и представление о появлении земледелия. Однако в записанных нами преданиях Бобои дехкон заменен Дедом-Адамом (Бобои Одам), учит же его земледелию архангел Гавриил (Джабраил), снабжающий его упряжкой волов и сохой, подобно тому, как в преданиях почти всех ремесленников архангел Гавриил всегда выступает в роли учителя, снабжающего обучаемых им ремеслу необходимыми инструментами.

Вот, например, легенда об Адаме, записанная нами в кишлаке Чильдара б. Чильдаринского амлокдорства.[1]

«Праотец Адам (Бобои Одам) со своей женой Евой (Момо-Хаво) жили в раю. Там произрастала пшеница с зернами величиною с дыню. Но так как они жили, ничем не питаясь, то не знали и вкуса пшеницы. Дьявол (шайтон) очень хотел, чтобы Адама и Еву выгнали из рая. Сам он не мог попасть в рай, потому что вход туда охраняли змея и павлин. Дьявол уговорил змею и павлина пустить его в рай. А чтобы бог не увидел этого, змея проглотила дьявола и пронесла его в рай в себе. Попав в рай, дьявол отрезал от райского пшеничного зерна длинный ломтик (по представлению горных таджиков, след от этого до сих пор виден на каждом зернышке пшеницы) и соблазнил Адама и Еву съесть его. После еды они осквернили рай. За это рассердившийся бог выгнал Адама и Еву из рая. Через 40 дней бог велел архангелу Гавриилу дать Адаму пару волов с плугом и с другими необходимыми орудиями и научить его заниматься земледелием. Адам при помощи Гавриила достал семена разных злаков и начал заниматься земледелием, передав затем свое мастерство потомкам».[2]

В Каратегине нами записан другой вариант этой легенды.[3]

«Изгнанный из рая Адам 40 дней бродил огорченный и рассерженный. И когда Гавриил дал ему волов и плуг, он их не взял, а стоял опустив голову. Тогда Гавриил приказал девам (дев—сверхъестественное, мифическое существо древних таджикских поверий) пахать землю. Девы тотчас принялись пахать. Когда Адам поднял голову и увидел, что девы пашут, он пришел в отчаяние, взял запряженных в ярмо и плуг волов и, не глядя никуда, начал так усердно пахать, что один конец его борозды был на востоке — «машриқ», а другой на западе — «мағриб». В течение нескольких часов он вспахал всю землю. Когда кончил пахать, поднял голову, отер с лица пот и посмотрел вокруг себя, то девов уже не было. Гавриил приказал им пахать землю для того, чтобы вызвать гнев Адама.

[1] Сообщение Хайдарова Кишвара (лето 1950 г.). Аналогичная легенда была записана нами от 100-летнего старика Сайидали в кишлаке Охтерак Ховалинского района в 1948 г.

[2] Ср. Андреев М. С., Экспедиция в Ягноб в 1927 г., Бюлл .САГУ, в. 17, Ташкент, 1928, стр. 167.

[3] Записан со слов Одинаева Мирзошарифа, 1860 г. рождения, жителя кишлака Муджихарф Комсомолабадского района, летом 1952 г.

Говорят, что если бы Адам в то время не взялся за пахоту, то земледелием занимались бы только девы».

Представителем Бобои дехкона считался один из жителей селения, обычно солидный хозяин, называемый «шавгунӣ», функции которого передавались по наследству.[1] Шавгунӣ в день, определенный стариками селения, первым начинал каждую сельскохозяйственную работу — посыпание заснеженного поля землей, пахоту, посев и т. п., как бы освящая таким образом эти действия и разрешая занятия ими всем.[2]

Название шавгунӣ для представителя Деда-земледельца нами было обнаружено не у всего населения бассейна р. Хингоу, а лишь в некоторых кишлаках, расположенных на северных отрогах Дарвазского хребта, например, Пуштарог, Сагирдашт, Сафедорон и др. Что касается населения кишлаков остальной части бассейна р. Хингоу, то там название шавгуни не сохранилось; однако функцию представителя Деда-земледельца в этих кишлаках также исполнял какой-либо уважаемый старик, выбираемый из наиболее удачливых (с «легкой рукой»—«сабъкдъст») земледельцев, обеспеченный землей и скотом. Начало сельскохозяйственных работ таким человеком должно было, по старым представлениям, обеспечить и прочим земледельцами данного селения благополучие, удачу и изобилие.

В бассейне р. Хингоу шавгуни (этот термин мы условно будем употреблять для представителя Деда-земледельца во всех кишлаках долины) не мог приступить к выполнению какой-либо сельскохозяйственной работы, не согласовав дня выхода на работу со стариками, которые, хорошо зная народный календарь и наиболее благоприятное время для выполнения того или другого земледельческого процесса, назначали для этого «счастливый день».

После того как «счастливый день», например для посыпания заснеженных полей землей, был назначен, «шавгунӣ» приступал к необходимым приготовлениям. За день до начала работы в его доме в горячей золе пекли 2 большие хлебные лепешки — «сатрӣ»; на другой день, рано утром, после окончания первого утреннего намаза он приносил эти лепешки в мечеть, где они съедались всеми собравшимися, главным образом, стариками. После этого все присутствующие прочитывали благословительную молитву — «фотиҳа», которая являлась для шавгунӣ разрешением приступить к делу.

Ниже приводим текст этой молитвы, записанный нами в кишлаке Сафедорон.

Арвоҳи Бобои дехқон!
Барори кор,
Баракат дар каслъ кор,
Ҳазрати Хуҷа мададгор.
Таҳи сиҳат, ъмри дърози фарзандони диёр,
Худо як хъшивъ хърсандира пеш биёра,
Балоҳора ай сарму дур къна.
Омин, аллоҳ акбар!

---

[1] О представителях патронов различных других отраслей хозяйства, являющихся по существу остатками жреческого сословия см. Андреев М. С., Таджики Долины Хуф, т. 1, Сталинабад, 1953, стр. 38.

[2] Существование представления о «шавгунӣ» еще недавно у припамирских таджиков, особенно у язгулемцев, описал Н. А. Кисляков. У язгулемцев в каждом селении имелся старик, которого, как и в бассейне р. Хингоу, называли «шогуни» или «файгынай». Он, как и «шавгунӣ» бассейна р. Хингоу, первым брался за исполнение земледельческих работ—первым начинал пахать, поливать посевы, первым выходил на летовку и пр. (см. Кисляков Н. А., Язгулемцы, стр. 368, 369—370).

Дух Деда-земледельца!
Успеха в работе,
Благодать в ремесле и занятии.
Пусть будет помощником святой Ходжа.
Да будет здоровое тело и долгая жизнь у детей селения,
Пусть принесет бог радость и счастье.
Да удалит от нас все несчастия и зло.
Аминь, бог велик!

На следующий день шавгуни вставал рано утром, совершал омовение, надевал чистую одежду и читал молитву. Пройти в поле он должен был так, чтобы никого не встретить, поэтому он вставал, пока еще все спали. Считали, что встреча с кем-либо причинит вред его работе, а также неудачу в наступающем сезоне всему населению, независимо от того, был ли встреченный человек «чистым» (ритуально) или «нечистым». Он шел, как говорили, «видя только свое лицо и свои следы», т. е. один— «ва пайъ руи хъдъш мерава».

Придя на поле, шавгуни сначала обращался за благословением к духу Деда-земледельца со следующими словами:

Арвоhи Бобои деҳқон!
Қъшоиши ҳаво,
Даhфи кълли балоҳо,
Амнивъ амуни,
Дъли беғам,
'ъмри дъроз,
Аллоҳ акбар!

Дух Деда-земледельца!
Да будет ясная (без осадков) погода,
Да удалится все зло,
Да будет мир и спокойствие,
Беспечальное сердце,
Долгая жизнь!
Бог велик!

После этой молитвы, он выкапывал на поле 2 — 3 ямы и выбираемой при этом землей посыпал снег вокруг ям. Сделав это, он быстро возвращался домой, стремясь пройти так, чтобы никто его не увидел. Такое начало сельскохозяйственных работ называлось «хокбъруни» — вынос земли.

Перед первой ритуальной запашкой, день который также определяли старики, знающие счет времени — «hисобгар», в доме шавгуни приготовляли 4 большие сдобные лепешки, называемые «хамирфатир». Утром шавгуни также относил лепешки в мечеть для общей трапезы. После этого он отправлялся домой и готовился к выходу в поле. Жена шавгуни выходила из дому и смазывала рога и шеи волов коровьим маслом,[1] произнося следующее пожелание:

Бисмиллоҳи раhмони раhим. Эй, гово, мо нуна ай гардани шъмо хъреме, гарданотуна руғани кънеме,, ки зардов нагаран, шохотуна ру-

[1] Ср. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 114—115.

таӣ кънеме, ки дъньё серивъ пърӣ гара. Во имя бога милостивого и милосердного. Эй, волы, мы едим хлеб от трудов вашей шеи, намаслим вашу шею, чтобы не болела, намаслим ваши рога, чтобы мир стал сытым и хлеб был в изобилии.

Шавгунӣ брал семена в небольшой мех—«съноч»[1] и отправлялся в поле. Он запрягал волов в плуг и давал каждому волу по ячменной лепешке.[2] После этого он приступал к пахоте. Перед началом пахоты он насыпал в полу своего халата семена и, вынимая оттуда по горсточке зерна, сыпал их на землю, произнося следующие слова:

А'узу биллоҳи минашшайтони рачим, бисмиллоҳи раҳмони раҳим. Ҳар як дунат сад гаравъ садът ҳазор. Ҳар чуку чумдоре, ки бъхъра дар роҳъ ръзои хъдо, дар ҳакки арвоҳи гъзаштаҳо. Омин, аллоҳ акбар! — Прибегаю к помощи бога от проклятого дьявола. Во имя бога милостивого и милосердного. Пусть каждое зерно превратится в сто зерен, а сто—в тысячу. Все, что съест всякая птица и насекомое, пусть будет с согласия бога на долю духов предков. Аминь, бог велик!

Шавгунӣ вспахивал всего 5—6 борозд, давал отдых волам и возвращался домой. Он высевал не все принесенные с собой семена, а также съедал не все лепешки. Это делалось для того, чтобы всегда после пахоты оставались лишние семена, чтобы народ весь год был сытым, урожай был бы изобильным. Вернувшись с поля, шавгунӣ раздавал всем членам своей семьи по кусочку от оставшихся лепешек; это означало, что он как бы принес хлеб первого урожая.

В то время, когда шавгунӣ находился в поле, дома у него приготовляли «кълчаи чой»—чайные лепешки. Вечером он наполнял обе стороны переметной сумы—«дъ почаи хъръчин» этими лепешками, относил их в мечеть и раздавал всем присутствующим.[3] Это угощение называлось «говюғӣ», т. е. яремное—(угощение по поводу первого впрягания волов в ярмо. Кроме того, в семье шавгунӣ хозяйка дома вечером приготовляла самую любимую пищу, называемую «фатирмаска» (размельченные пресные лепешки со сливочным маслом) или же «руғанҷушӣ» (лепешки, накрошенные в кипяченое молоко или в разогретое пахтанье, политые растопленным коровьим маслом). Этой пищей все члены семьи наедались досыта; делалось это для того, чтобы будущий урожай обеспечил обилие продуктов и сытую жизнь.

Приготовление в селениях Сафедорон, Сагирдашт и Пуштарог для ритуального угощения только чайных лепешек имело свое обоснование. Считалось, что если приготовить для него какое-либо жидкое кушанье, то весна будет дождливая и из-за этого задержится пахота и посев. Опасение вызвать дождь в это время диктовало и другие запреты. Так, например, в первые дни пахоты не полагалось давать кому-либо напиться воды из дома через боковое окошко. Считалось, что это может вызвать дождь. Выносить же воду через дверь можно было безопасно. В других кишлаках среднего и нижнего течения р. Хингоу для первой ритуальной запашки готовили «оши борик»—суп-лапшу, и поэтому первая запашка называлась там «оталаи чъфт бърорун» (буквально «похлебка по поводу вывода волов»).

Обряды и церемонии, связанные с первой ритуальной запашкой в

[1] В бассейне р. Хингоу для переноски зерна употреблялся мех из шкуры мелкого рогатого скота.

[2] Ср. Кисляков Н. А., Язгулемцы, стр. 369.

[3] Ср. Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 115.

различных горных районах Таджикистана имели свои локальные особенности.

Относительно первой запашки матчинцев (верховья Зарафшана) нами были записаны любопытные сведения со слов жителя кишлака Халкарф Гармского района Мульимова Худжлатифа.[1] Он рассказывает, что в Матчинском районе при первой запашке в ряде домов приготовляли по несколько штук лепешек (4—6) и похлебку—«отала». Несколько человек из этих домов, захватив с собой глиняные кувшины или ведра с похлебкой, а также чашки и лепешки, отправлялись в поле, где их уже ждал старец, называвшийся Бобои дехкон. Он запрягал волов в плуг, все остальные, сев на землю в круг, ожидали его. Он подходил к ним и тоже садился в круг; тогда все принимались за еду.

Оставшуюся похлебку наливали в глиняные чашки—«тагора» или же в ведрах подносили волам. Кроме того, брали 4 лепешки и втыкали волам на рога по штуке на каждый рог. Остальные лепешки подбрасывали вверх, произнося: «Эй хаво, нон бибор, галла бибор!» — «О небо, пусть из тебя сыплются лепешки, пусть сыплется зерно!».[2] После этого подбирали с земли лепешки и съедали их, а те, которые были наколоты на рога волов, отдавали последним. Недопитую волами похлебку брали руками и мазали ею лица друг друга. После совершения обряда старец проводил 3—4 борозды, высевал зерно, давал отдых волам и все возвращались домой.

Приведенный матчинский обряд имеет близкую аналогию с первой ритуальной запашкой у горцев верховьев Пянджа, описание которой дано в работе М. С. Андреева. «При начале пахоты,—пишет он,—соблюдается следующий обычай. Варится особое блюдо, называемое кочи, из муки на воде, куда потом подбавляют молока и масла; приготовляется кочи, по-видимому, только в этот день, раз в году. Блюдо приносят на поле; хозяин зачерпывает полную ложку, выливает ее себе на ладонь и, став перед быками, запряженными в плуг, но еще не начавшими работы, брызжет им на морды кочи и размазывает рукой. Только тогда люди, пришедшие с хозяином на пашню, принимаются за еду, но они не должны съедать всего до конца, а оставшуюся часть кушанья берут и размазывают на лица друг друга».[3]

Как видим, первая ритуальная запашка и представление о Деде-земледельце имели широкое распространение. По существу шавгуни бассейна р. Хингоу был лицом, исполняющим функцию Деда-земледельца, но здесь он не назывался этим именем, как это в свое время было обнаружено М. С. Андреевым в некоторых других горных районах.[4] Как отмечал М. С. Андреев, еще в 1927 г. в некоторых кишлаках Ягноба имелось по одному человеку, который для данного селения являлся Дедом-земледельцем и который освящал начало земледельческих работ, назначая дни проведения первой запашки, жатвы и пр. До этого никто из односельчан не имел права начать вышеперечисленные работы.[5]

---

[1] Запись была сделана летом 1952 г. во время работы Гармской этнографической экспедиции.

[2] Имеется в виду дождь, который обеспечивает обильный урожай хлеба. В долине р. Хингоу существует поговорка: «Боруни бъҳор нун мебора», т. е. «Весенний дождь выпадает хлебом (родит хлеб)».

[3] Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 22.

[4] Андреев М. С., Экспедиция в Ягноб в 1927 г., стр. 167—168; его же, По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских цехов и цеховых сказаний (рисоля), «Этнография», 1927, № 1—2, стр. 323—324.

[5] Андреев М. С., Экспедиция в Ягноб в 1927 г., стр. 167.

Надо отметить, что в бассейне р. Хингоу раньше никто из односельчан не осмеливался до разрешения стариков выходить в поле и производить первую запашку. За нарушение общепринятой традиции виновный получал со стороны односельчан наказание, вплоть до сжигания на костре его сельскохозяйственных орудий (плуга, ярма). Считалось, что этот человек, особенно если он был беден, не обеспечен скотом, семенами и т. п., начав первым пахоту, мог навлечь неудачу и бедность на своих односельчан.

Таким образом, первая запашка у таджиков бассейна р. Хингоу и других районов, несомненно, имеет ритуальный характер. «Ритуальный обычай первой священной запашки, — пишет М. С. Андреев, — свойственный циклу многих земледельческих народов, начиная от Аттики до Китая и Борнео, соблюдается и здесь (в Ягнобе — М. Р.). Подобно китайскому императору, временному королю Сиама или согласно Плутарху, подобно представителю особой жреческой фамилии в древней Греции, Дед Земледелец сам пропахивает первые борозды на приведенных быках, освящая начало пахоты и только на другой день после этого может уже пахать все селение».[1]

Шавгуни был именно таким человеком, который в верованиях таджиков бассейна р. Хингоу выступал как живое олицетворение Деда-земледельца. Как уже указывалось, функции шавгуни являлись раньше наследственными. В случае, если шавгуни не был в кишлаке в момент, когда нужно было совершить обряд освящения начала каких-либо работ, его мог заменить его наследник, и только в случае отсутствия такового население рекомендовало какого-либо преуспевающего земледельца начать ту или другую работу. Таким же был Дед-земледелец в Ягнобе, функции которого были наследственными и передавались из поколения в поколение в одной и той же семье.[2]

2. Земледельческие праздники

Население бассейна р. Хингоу праздновало в основном 4 характерных земледельческих праздника: а) наступление месяца хут солнечного календаря, б) наступление нового года, в) наступление последней среды мусульманского лунного месяца сафар — «чоршамбеи охирун» и г) конец уборки урожая (в каждом отдельном хозяйстве).

а) Празднование наступления месяца хут («hут»)

Наступление месяца хут, приходящееся на 18 февраля, имело большое сельскохозяйственное значение. К началу месяца хут население бассейна р. Хингоу приурочивало земледельческие работы: начало посыпания заснеженных полей землей — «хокзани», унаваживание полей — «порукаши», подготовку семян, плугов, ярма и другого сельскохозяйственного инвентаря. Поэтому наступлению этого месяца у горных таджиков, в том числе и у населения бассейна р. Хингоу, придавалось большое значение и оно сопровождалось празднествами.

Празднование начала месяца хут нами отмечено у населения бассейна Ях-Су — Кизыл-Су и Каратегина. В бассейне р. Хингоу следы этого празднования мы обнаружили не у всего населения долины, а лишь

[1] Андреев М. С., экспедиция в Ягноб в 1927 г., стр. 168.
[2] Андреев М. С., Там же, стр. 168.

у населения некоторых кишлаков нижнего течения, которые праздновали весьма торжественно три первых дня месяца и устраивали в эти дни ритуальные угощения. Особенно торжественно наступление месяца хут праздновали крестьяне селений Нурундж, Бедаки Боло, Бедаки Миёна, Бедаки Поён, Кара-Кутан, Джавчи, Дашти Гурк, Дехи Баланд, Пасн Ови Талх, Посбон, Ёволук и называли его «хути бобии Охун» или же «хути Охуни Мулла-Наим».[1]

По преданию, предки жителей этих кишлаков переселились сюда из долины р. Ях-Су очень давно. Все они вели свой род от одного предка, некоего Охуна Мулла-Наима, жившего якобы 400—500 лет тому назад, который будто бы перед смертью завещал своим потомкам, чтобы они ежегодно отмечали 3 первых дня месяца хут ритуальными угощениями и торжественными увеселениями.

Наши материалы свидетельствуют о том, что население указанных кишлаков связывало празднование хута со днем смерти Охуна Мулла-Наима. Мулла-Наим считался благочестивым мусульманином, имеющим большой поэтический талант. Он сочинил много стихов (Охун — его литературный псевдоним), из них некоторые остались в памяти у населения.[2] Мулла-Наим, по рассказам местных жителей, похоронен в своем родном кишлаке Нурундж, где до недавнего времени существовала его гробница — «мазор», почитавшаяся населением вышеупомянутых кишлаков.

Подготовка к празднованию хута начиналась заблаговременно. Еще осенью каждая хозяйка для приготовления ритуального блюда в этот праздник накладывала в отдельный кувшин — «руганчума» (буквально «кувшин для хранения масла») топленого масла, замазывала тестом венчик кувшина, а тесто сверху еще обмазывала глиной. Эти кувшины масла женщины хранили до наступления праздника и только в канун хута отдавали своим мужьям.

В день наступления хута из каждого дома приносили в мечеть по 50 — 100 штук тонких лепёшек — «чапоти», которые всегда являлись ритуальным хлебом. Некоторые приносили молоко, пахтанье, соль, а также посуду: котел, чашки, ложки и пр. В мечети приготовляли ритуальное блюдо «руганчуши» (мелко накрошенные в молоко или пахтанье лепешки, залитые раскаленным маслом), которое съедалось собравшимися в мечети мужчинами. Такое угощение приготовлялось в мечети 3 дня подряд. Кроме того, в каждом хозяйстве приготовляли пищу и вечером приносили в мечеть. Каждый готовил по своему достатку, некоторые имущие крестьяне резали скот (барана или козу), мясо варили и целиком приносили туда же. Обычно угощения в мечети собиралось очень много, так что все не съедали, а остатки распределяли по домам.

Молодые женщины в мечеть не ходили, а пожилые участвовали только в приготовлении и раздаче коллективных ритуальных блюд в мечети, после чего уходили домой. Женщины отмечали этот праздник в своих домах.

Во время празднования хута не было принято ходить в гости в чужие селения. Если же кто-либо нарушал эту традицию, то подвергался процедуре, которая надолго отбивала у него охоту повторить такое посеще-

[1] Впервые празднование наступления месяца хут в этих кишлаках отмечено и очень коротко описано Н. А. Кисляковым (Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 113).

[2] Нам сообщали, что сохранилась рукопись его стихов, но, к сожалению, что-либо определенное о ее существовании выяснить не удалось.

ние. Пришельца принимали и угощали. После еды присутствующие ложились на спину, образуя круг, протянув в середину ноги, так что они соприкасались. Незадачливого гостя клали в середину круга на ноги лежащих, которые поднимали его ногами и начинали подбрасывать вверх, ударяя ступнями ног. Гость кричал, переваливаясь с боку на бок, но на это не обращали внимания и продолжали подбрасывать его, пока не уставали.

Опустив, наконец, гостя на пол, его уговаривали не обижаться, говоря, что таков обычай, и угощали самыми лучшими кушаньями, сухими фруктами и пр. Этот обычай назывался «сар-сари покъни» (буквально «поднятие (кого-либо) ногами»). Зная об этом обычае, люди в эти праздничные дни не ходили в гости в другие селения. Это же мы находим в новогодних обычаях горцев некоторых кишлаков верховьев Пянджа.

«На бухарском берегу Пянджа, в селениях Рынд и Намангит, населенных ишкашимцами ..., — пишет М. С. Андреев, — в прежнее время, т. е. до последнего русско-афганского разграничения, соблюдался следующий обычай: когда наступал Новый год, то в продолжение недели жители этих двух селений сами не ходили в другие села и не пускали никого из посторонних к себе; по истечении семи дней один человек обходил все дома и в каждом читал молитвы; человека этого называли cözwöpi. После его обхода селение считалось открытым для сношений с окружающими».[1]

Как рассказывали нам старики из вышеупомянутых селений бассейна р. Хингоу, этого обычая придерживались для того, чтобы приезжий гость не привозил с собой беду своего селения, а также не уносил с собой счастье другого селения. Этот обычай вполне схож с обычаем горцев Вахана во время празднования нового года. «В ночь после празднования Нового Года, — пишет М. С. Андреев, — перед рассветом, в каждом доме кто-нибудь встает, выводит из конюшни осла и верхом на нем въезжает в дом на рассвете, человека этого в данном случае также называют cözwöpi. До его приезда никто из дома не выходит. Подъехав к дому, он стучит в дверь и кричит: «Я привез счастье Ишкашима, привез счастье Зебака, привез счастье Шугнана, Бадахшана, отворите дверь»![2]

По вечерам в течение 3 дней праздника хут в мечети разводили большой огонь, больше обычного, и по краям его ставили большие медные и чугунные чайники — «чойчуш», «чияни» для кипячения чая, 2 — 3 человека были постоянно заняты его приготовлением. Затем устраивали увеселения: пели песни, играли на музыкальных инструментах, танцевали, шутники-скоморохи — «маскарабоз» исполняли комические танцы, изображали отдельные сценки, пантомимы и фарсы. Кроме того, собравшиеся коллективно пели песню, посвященную хуту, якобы сочиненную упомянутым выше Охуном Мулла-Наимом. Эта песня была следующего содержания:

Хъш гъзашт фасли зимистон ба мақоми дили мо,
Лек дар hут шидак шуришъ ғавғо барпо,
Сардивъ гармии ин буд ба фармони худо,
Нест касро сихане гуфта дар ин чуну чаро,
hут агар hутӣ къна, кампира дар қъттӣ къна.

[1] Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 27.
[2] Андреев М. С. и Половцев А. А., Там же, стр. 28.

Ба'ди ай ҳут расад бар тани ман буи бъҳор,
Тоза гардад тани ман мъсли гъли ғъмча ниҳол,
Шъгри ҳақ кардамъ та'зими хъдованди та'ол,
Нарасондаст ба ман меҳнатъ ғамро ба канор,
Ҳут агар ҳутӣ къна, кампира дар қъттӣ къна.

Ахли деҳкон ҳамагӣ фигри зиро'ат доранд,
Дар ғами белъ къландъ чапаръ испоранд,
Фигри говъ зъминъ тъхмъ 'иморат доранд,
Ҳама дар фак-факавъ дағдағаи бъсьёранд,
Ҳут агар ҳутӣ къна, кампира дар къттӣ къна.

Ба'зера хоҳиши дъл завқи томошо боша,
Ба'зе сокин шъда дар хона мъҳайё боша,
Ба'зе дар хонақавъ мадраса шаб то ба сиҳар,
Ҳамди тасбиҳи хъдо гуфта мъсафо боша,
Ҳут агар ҳутӣ къна, кампира дар қъттӣ къна.

Търфа фаслест ҳама тъхми 'алаф тоза шава,
Ҳама гъл сар бъзана руи зъмин лола шава,
Гълъ бълбъл ҳама дар на'равъ ҳам 'айшъ тараб,
Ҳама дар фирги ватан кардан ҳамсоя шава,
Ҳут агар ҳутӣ къна, кампира дар қъттӣ къна.

Ғами бълбъл ҳама ай бахши фироқи ёрай,
Дар бъҳорон ҳама шав то ба сиҳар ведорай,
Ҳамчу Охун ҳама дар фигри тавофи ёрай,
Гъли навғънча ба бъбъл ҳама шав дар корай,
Ҳут агар ҳутӣ къна, кампира дар қъттӣ къна.

Хорошо прошла зима по глубине нашей души,
Но в хуте (феврале) поднялся шум и суматоха,
Холод и тепло в нем (хуте) были по повелению бога,
(И) нет ни у кого слов, чтобы протестовать против этого,
Если хут начнет делать свое дело, то посадит старуху в ящик.

После хута до меня доходит запах весны,
Становится мое тело чистым, как нежный цветущий побег (ветвь),
Я благодарен богу и преклоняюсь перед всевышним,
(За то, что) не принес он мне муку и печаль,
Если хут начнет делать свое дело, то посадит старуху в ящик.

Все дехкане думают о своем хлебопашестве,
Заботятся о лопате, мотыге, бороне и плуге,
Думают о волах, земле, семенах и помещениях,
Все в хлопотах и в беготне,
Если хут начнет делать свое дело, то посадит старуху в ящик.

Некоторым хочется гулять,
Некоторым — пребывать в своих домах,
Некоторым — в хонако и медресе с ночи до утра
Славить бога, считая четки, и быть чистым,
Если хут начнет делать свое дело, то посадит старуху в ящик.

О как прекрасно (это) время года (весна), когда семена растений
прорастают,
Появляются все цветы, а земля становится как тюльпан,
Цветы и соловьи — в пении, радости и ликовании,
Все думают о том, чтобы поселиться по соседству (с другом),
Если хут начнет делать свое дело, то посадит старуху в ящик.

Соловей всегда тоскует из-за разлуки со своей подругой,
Он весной всегда не спит с ночи до утра,

Как Охун, все думают поклоняться любимой,
Только что распустившийся цветок каждую ночь нужен соловью,
Если хут начнет делать свое дело, то посадит старуху в ящик.

Как отмечалось, празднование наступления месяца хута проходило не только в бассейне р. Хингоу, но и в других соседних с ним районах, население которых придавало большое значение этому празднику.

Приведем описание аналогичного празднования, называемого «hути эмомй» — «имамский хут», в селениях Дубистун, Карагоч, Мулловаллад, Личак, Ках-Каха, Сари-Санг, Джавони и некоторых других кишлаках Западного Каратегина.

Население этих кишлаков вело свое происхождение от потомков каких-то имамов («кавми эмомй»). Оно праздновало имамский хут три раза в весеннем сезоне. Первый раз они праздновали его во время наступления 18-дневного периода холодов, называемого «хаждаҳи бъзкъш» — т. е. восемнадцатидневие, убивающее коз, начало которого падает на 18 — 20 февраля, то-есть в начале месяца хут; второй раз — в конце этого периода; в третий раз — в конце следующего 12-дневного периода, называемого «дъвоздаҳи кавги рав» — двенадцатидневие хода куропаток, начало которого падает на 19—20 марта, т. е. совпадает с началом нового года (а также совпадает с окончанием месяца хут).

Жители этих кишлаков так же, как и упомянутое выше население кишлаков нижнего течения р. Хингоу, еще с осени запасали масло для празднования хута — каждый дом в 3 чугунных чайниках — «кумганах»: в одном из них запасали льняное масло, во втором — топленое коровье масло, а в третьем—масло из грецкого ореха; горлышко каждого чайника запечатывали тестом и глиной. В каждый из указанных праздников употребляли масло только из одного чайника. К празднику приготовляли разные ритуальные блюда: солод из пшеничной муки с маслом—«съманакруған», «курутов», «ширруған» и пр. В дни последнего праздника устраивали борьбу, конную игру с козлом и другие увеселения.

Необходимо отметить, что, кроме отдельных замечаний Н. А. Кислякова и М. С. Андреева относительно празднования наступления месяца хута и его значения для земледельцев, никто из этнографов какихлибо исследований по этому вопросу не производил. Н. А. Кисляков, говоря о важном значении месяца хут в бассейне р .Хингоу, коротко описывает празднование его наступления в некоторых селениях нижнего течения этой реки.[1] Он также отмечает, что в старину среди населения этих селений существовала песня, посвященная месяцу хут, которую пели во время празднования начала хута, но текста ее ему записать не удалось.[2]

М. С. Андреев упоминает о значении месяца хута у горных таджиков. Он пишет, что у горных таджиков хут считается месяцем, когда в природе совершается переход к весне. Для подтверждения своего мнения он приводит распространенную таджикскую поговорку: «хут агар хутй кунад, кампира дар куттй кунад» — «если хут начнет делать свое дело, то посадит старуху в ящик». М. С. Андреев отмечает, что горные таджики под старухой подразумевают зиму.[3] Однако население бассейна р. Хингоу иначе объясняет эту поговорку; оно считает, что из-за сильных холодов, которые обычно бывают в месяце хут, старухи мерзнут и греются у очага, не отходя от него.

---

[1] Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 113.
[2] Кисляков Н. А., Там же.
[3] Андреев М. С., По этнографии таджиков..., стр. 175.

Следы празднования месяца хут в отдельных селениях горного Таджикистана дают основание предполагать, что этот праздник в старину имел широкое распространение и праздновался, вероятно, повсеместно в Таджикистане, а также в других местах Средней Азии и в Иране. Н. А. Кисляков, в связи с празднованием месяца хут, приводит любопытные свидетельства В. В. Бартольда, С. Айни и автора XVII века Делла Валле.[1]

Сообщая о праздновании навруза в Хорезме, В. В. Бартольд пишет, что «...еще в XI в. в Хорезме был свой «Науруз», праздновавшийся тремя неделями раньше бухарского и персидского; только в 1827 г. хан Алла-Кул отменил этот обычай и ввел в Хорезме «султанский», т. е. «персидский науруз».[2] Это мнение В. В. Бартольда подтверждает сведения С. Айни, что при последних бухарских эмирах в день весеннего равноденствия праздновался официальный навруз при дворе, а народ свой праздник справлял раньше официального навруза, отмечая его массовыми гуляньями по пятницам в течение целого месяца хут.[3] По свидетельству Делла Валле, в XVII веке мусульмане Персии 15 февраля справляли наступление месяца исфанд — последнего месяца персидского солнечного календаря.[4]

На основании вышесказанного можно придти к выводу, что наступление месяца хут было древним народным земледельческим праздником, с которым, возможно, как-то был связан и новый год земледельцев. Постепенно празднование хута потеряло свое первоначальное значение и сохранилось лишь в виде пережитков в быту земледельческого населения некоторых районов Передней и Средней Азии, в том числе и у таджиков бассейна р. Хингоу.

б) Празднование нового года.

Население бассейна р. Хингоу праздновало два новогодних праздника — «навруз» (буквально «новый день») и «соли нав» (буквально «новый год») или «сари сол» (буквально «начало года»).

Навруз

Старинный иранский новый год—навруз, наступающий в момент весеннего равноденствия, в бассейне р. Хингоу не приурочивался к весеннему равноденствию и не являлся столь торжественным новогодним праздником, каким он был в Иране и в отдельных областях и районах Средней Азии, начиная с древности.

Некоторые специальные статьи и отдельные, большей частью отрывочные и короткие описания нового года у среднеазиатских народов, в том числе и у таджиков, приведены в различных работах дореволюционных и советских авторов.[5]

---

[1] Кисляков Н. А., Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары», как этнографический источник, Тр. АН Таджикской ССР, т. XXVII, стр. 64—65.

[2] Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана, СПб, 1914, стр. 78.

[3] Айни С., Ёддошт̣о, кисми II, Сталинобод, 1949, сах. 61—62.

[4] Della Valle Pietro, Suite des fameux voyages, т. II, Paris, 1664, стр. 116.

[5] Хорошхин А. П., Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 127 и 207; В. В., Науруз в Самарканде, «Туркестанские ведомости», 1879, № 14; Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 27—31; Бобринской А. А., Горцы верховьев Пянджа, стр. 97—98, Семенов А. А., Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов, «Мир ислама», т. I, 1912,

Большая исследовательская работа относительно празднования навруза в эпоху сасанидов принадлежит перу К. А. Иностранцева.[1] Кроме того, празднованию нового года в Иране посвящен целый ряд описаний и отдельных замечаний в работах западно-европейских буржуазных ученых-ориенталистов.[2] Во всех этих работах говорится о торжественном праздновании навруза в день весеннего равноденствия, а также о ряде других обычаев и обрядов, связанных с этим новогодним праздником.

В бассейне р. Хингоу праздник, называемый навруз, праздновался за 7 — 8, в некоторых местах за 15 дней до наступления весеннего равноденствия.

Мы не имеем никаких фактов, говорящих о торжественном массовом праздновании навруза в бассейне р. Хингоу. Собранные нами материалы показывают, что этот праздник в конце XIX и начале XX веков не имел общенародного характера, а скорее носил характер развлечения, о чем свидетельствуют нижеприведенные сведения.

Перед наступлением навруза учащиеся старых мусульманских школ — «мадраса» вырезали из бумаги разнообразные цветы — «гъл», красили их в разные цвета: красный, желтый, синий и делали из них букет; если им удавалось набрать подснежников — «гъли чоғъзак», то делали букеты из них. Букет из бумажных или живых цветов они привязывали к палке длиной около 1 м и группами по 10 — 15 человек с песнями носили букет по дворам селений. Этот обряд своеобразного колядования назывался «гъльгардунӣ» (буквально «ношение цветов»).

Один из колядующих шел впереди, держа в правой руке палку с букетом цветов. Некоторые имели в руках дощечки с написанными на них четверостишиями, посвященными наврузу. Двое из участников назначались сборщиками подаваемых населением подношений. Колядующие, останавливаясь перед каждым домом, пели народные песни или

№ 2, стр. 553—554 (в примеч.); Логофет Д. Н., В горах и на равнинах Бухары, стр. 127—133; Карухи И., Празднование Науруза, «Туркестанские ведомости», 1913, № 70; Не-ский Н., Как празднуют новый год в Бухаре. «Туркестанский курьер», 1917, № 64; Бартольд В. В., Места домусульманского культа в Бухаре и ее окрестностях, Восточные записки, т. I, Л., 1927, стр. 14; Майский П., Указ. соч., стр. 104; Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 113; Толстов С. П., Древний Хорезм, М., 1948, стр. 282—285; Якубовский А. Ю., Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг., Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. VII, № 5, М., 1950, стр. 480—487; Айни С., Указ. соч., стр. 61—78; Пугаченкова Г. А., Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда, Изв. отд. обществ. наук АН Таджикской ССР, в. 2, Сталинабад, 1952, стр. 57—60; Кисляков Н. А. Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары», как этнографический источник, стр. 62—67.

[1] Иностранцев К. А., Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии, ЗВОРАО, т. XVI, в. I, СПб, 1904, стр. 20—45; его же, Сасанидские этюды, СПб, 1909, стр. 82—109; его же, Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии, ЗВОРАО, т. XVIII, в. II—III, СПб., 1908, стр. 140—145, 194—201.

[2] Adam Olearius, Relation du voyage, т. 1, Paris, 1876, стр. 399—400; Nöldeke Th., Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, Leyden; 1879, стр. 406—407; Kraca D. F., History of the Persis, t. 1, London, 1884, стр. 144—145; Browne E. G., A Year amongst the Persians, London, 1893, стр. 321; Wilson S. G., Persian Life and customs, 2-nd edition, Edinburgh-London, 1896, стр. 236—237; Menant D., Les Parsis, Paris, 1898, стр. 105.

стихи таджикских классиков, посвященные весне. Хозяйка и хозяин дома выходили и давали им что-нибудь съестное: муку, зерно, масло, сушеные фрукты, сушеное молоко и т. д.

Если колядующие носили букет из подснежников (это случалось редко, так как в это время в бассейне р. Хингоу вся земля еще покрыта снегом и цветы можно с трудом найти лишь кое-где на оттаявших участках на солнечной стороне), то хозяйка дома при приближении их пригибала к себе жердь с букетом, целовала букет и проводила им сначала по своей правой, а потом по левой брови, говоря при этом:

Сабъкакиёи шъмо ай мо,
Вазминнякиёи мо ай шъмо.

Ваши блага пусть станут нашими,
Наши тяжести пусть станут вашими.

Колядующие обходили таким образом окрестные селения в течение всех 7 дней периода навруза,[1] а затем возвращались в свое медресе. Часть собранных ими продуктов они отдавали своим учителям, а остальную часть расходовали сообща, устраивая пирушку, увеселение.

Песни, которые исполняли во время «гългардуни», в основном имели религиозный характер. Однако встречалось немало песен, насыщенных ярким социальным содержанием. Вот, например, некоторые из них:

Навруз шуду 'олам мунаввар мешавад,
Зиннати руи замин аз сабзаи тар мешавад.
Ин галат фикрест, ки кас бе зар писар мулло кунад,
Донишу илми писар аз додани зар мешавад.

Наступил навруз, мир становится лучезарным,
Земля украшается свежей зеленью.
Ошибочно мнение, что кто-нибудь без золота сделает сына муллой,
Знание и наука сына достигаются за золото.

Или:

Навруз шуду гулҳо бар ҷамоли нозанин,
Ҳар яке сар мебарорад аз қафои нозанин.
Ҳар як тухме ки бошад дар баҳор сар мезанад,
Оҳ аз тухми одамӣ, ҳаргиз наруяд аз замин.

Наступил навруз, цветы, подобные красавицам,
Выходят из земли вслед за красавицей.
Какое бы ни было семя, весной оно прорастает,
О, как жаль, что никто из людей не вырастает из земли.

В некоторых стихах, посвященных наврузу, встречаются жалобы на тяжелую жизнь учащихся медресе; они просят своих родителей освободить их от рабского положения в школах:

Навруз шуду бобо, диламро шод кун,
Аз гирифторони мактаб як дамам озод кун.
Бандавор афтодаям дар кунҷи мактабхонае,
Зархаридам соз акнун, бандаро озод кун,

[1] См. гл. IV.

Наступил навруз, о отец, порадуй мое сердце,
Освободи меня на минутку от тягот школы.
Нахожусь я как раб в уголке школьного помещения,
Выкупи меня теперь за золото, освободи раба.

Или:

Навруз шуду лолаи хушранг баромад,
Булбул ба тамошои дафу чанг баромад.
Мурғони ҳаво ҷумла бикарданд парвоз,
Мурғи дили мо аз қафаси танг баромад.

Наступил навруз, появился тюльпан красивого цвета,
Соловей вышел полюбоваться бубном и чангом.[1]
Все небесные птицы уже пролетели,
Птица моего сердца вылетела из тесной клетки.

Учителя начальных школ — «мактаб» на дощечках писали стихи, посвященные наврузу, и давали эти дощечки своим ученикам. Ученики читали их своим родителям и получали за это подарки для своих учителей, так называемые «навруздй» (буквально «новогодний дар»). Эти стихи были следующего рода:

Рузи навруз асту фасли навбаҳор,
Занги дилро меканад буи баҳор.
Эй, падар, бархезу навруздй биёр,
То туро раҳмат кунад парвардигор.

День навруза — время ранней весны,
Очищает ржавчину с сердца аромат весны.
О, отец, встань, принеси новогодний дар,
Чтобы творец поблагодарил тебя (на том свете).

Подарки, подносимые учителю, состояли из 2—3 блюд зерна или кувшина масла; богатые люди дарили барана, козла, халат и пр.

Описанный обычай «гългардунй» имеет близкую аналогию у равнинных таджиков Ленинабада, Ура-Тюбе, Самарканда и других мест. При появлении в месяце хут подснежников — «бойчечак» дети собирались группами человек по 20—25; один из них шел впереди, неся букет, а остальные шли за ним и пели песни, обходя таким образом все дома своего селения. Хозяин или хозяйка дома выходили и приветствовали детей, подносили букет к губам, целовали его и подносили к бровям, шептали про себя заклинания и возвращали букет детям. После этого выносили из дома на блюде подарок — пшеницу, яйца, сушеные фрукты, иногда деньги.

Содержание песни «Бойчечак» было разнообразным. В них отражались пожелания благоприятной жизни населению, обилия дождя, хорошего урожая и пр.

Вот, например, один из вариантов этой песни:

Борон борад ба ёвон,
Алаф шавад ба говон;
Говони мо сер шаванд,
Шираш хўранд бачагон.

[1] Чанг—струнный музыкальный инструмент; варган.

Бойчечак, бойчечак,
Даста-даста гулчечак

Бойчечаку бойчечак,
Шукуфта гули инчак;
Миён борик-химчак,
Тамошо кун келинчак.

Бойчечак, бойчечак,
Даста-даста гулчечак.

Бойчечак гули дастӣ,
Миёни худро бастӣ,
Чӣ алам дар дил дорӣ,
Дар кӯҳу дашт нишастӣ?

Бойчечак, бойчечак,
Даста-даста гулчечак.[1]

Пусть выпадает дождь в степи,
Пусть вырастет трава для коров.
Коровы пусть станут сытыми,
Чтобы дети пили их молоко.

Подснежник, подснежник,
Букет, букет цветов.

Подснежник, подснежник,
Распустился цветок «инчак»,
Талия его гибкая, как прутик,
Посмотри-ка, невесточка.

Подснежник, подснежник,
Букет, букет цветов.

Подснежник, ты цветок, украшающий руки,
Опоясал ты свою талию,
Какое горе в твоем сердце?
Ты пребываешь в горах и степи.

Подснежник, подснежник,
Букет, букет цветов.

Можно полагать, что обряд ношения цветов как в горной, так и в равнинной части Таджикистана был весьма древним; по своей форме являясь как бы оповещением крестьян-земледельцев о наступлении весенних работ, он был непосредственно связан с празднованием обновления и оживления природы.

Однако в бассейне р. Хингоу, как было указано выше, цветы носили только учащиеся духовных школ — «муллобачаҳо», вследствие чего этот обычай приобрел некоторый религиозный оттенок. Фактическое же празднование нового года — «соли нав», «сари сол» начиналось после «гъалгардунӣ», точно в день весеннего равноденствия.

[1] Хусейнзода Ш. Адабиёти ватан. Китоби дарсӣ барои синфи VII, Сталинобод, 1948, саҳ. 27; Маъсумӣ Н., Фольклори тоҷик. Курси конспективӣ барои гоибхонони институти педагогӣ, қисми I, Сталинобод, 1952, стр. 34.

Таким образом, если в Иране и в некоторых районах Средней Азии праздником нового года считали навруз, то в бассейне р. Хингоу навруз предшествовал празднику нового года, который здесь назывался «соли нав» или «сари сол».

«Соли нав» или «сари сол»

«Соли нав» — новый год или «сари сол» — начало года являлся традиционным земледельческим праздником наступления нового года, который справлялся таджиками бассейна р. Хингоу весьма торжественно и имел массовый, глубоко народный характер. Время его празднования — день весеннего равноденствия, что в условиях бассейна р. Хингоу совпадает примерно с началом земледельческих работ.[1]

Задолго до наступления праздника, приблизительно с 10 марта, население готовилось к празднованию нового года.

Почти в каждом доме для приготовления ритуально-празничного блюда — «съманакй» (киселя из пшеничного солода) высевали в глиняных тазах—«тағора» 3 — 4 тюб тейки чистой пшеницы, чтобы последняя дала зеленые всходы — «съманакй мешънунанд». Каждый день 2 раза (утром и вечером) землю в тазах сбрызгивали водой. За 2 — 3 дня до наступления нового года, когда появившиеся всходы — «савза» поднимались на 5 — 6 см, проросшую пшеницу вынимали из тазов, тщательно мыли, клали в деревянные ступки и толкли.

После этого из пшеницы выжимали сок, который собирали в особую посуду, а шелуху сушили. Когда она высыхала, к ней добавляли немного пшеницы и мололи на мельнице. Из полученной муки (на воде с добавлением небольшого количества соли) варили кисель — «съманак». Иногда к нему добавляли немного масла и тогда называли его «съманак руға». Из сока, полученного при толчении проросших зерен, также варили «съманак», прибавляя туда немного пшеничной муки. «Съманак» варили вечером под новый год, но каких-либо обрядов, связанных с его варкой нами не было отмечено.[2]

В день нового года «съманаком» кормили всех, кто приходил в дом поздравить с этим праздником, а также суманак раздавали соседям, называя его при этом «новые всходы» или «весенние всходы» — «савзаи нав» или «савзаи бъхор». В каждом доме варка «съманака» производилась обязательно. У кого не было пшеницы или кто по какой-либо причине не мог прорастить ее, тот занимал у своих соседей готовый солод и приготовлял данное ритуальное блюдо.

---

[1] Необходимо отметить, что когда в бассейне р. Хингоу выпадало много снега, в некоторых высокогорных селениях в это время еще не приступали к пахоте и посеву, но всегда и везде новый год праздновали в одно и то же время. Например, в селениях, расположенных на северных отрогах Дарвазского хребта, иногда приступали к пахоте и посевам в конце марта и начале апреля, а иногда во второй половине марта. В 1953 г. к пахоте и посевам в указанных селениях приступили 8 апреля, так как до этого времени почти непрерывно шел снег.

[2] О варке суманака и обрядах, связанных с ним, у таджиков б. Кулябской области см. Нурджанов Н., Истоки народного театра у таджиков (по материалам Кулябской области), Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М.-Л., 1951, стр. 5. (В дальнейшем: Истоки народного театра у таджиков...).

Еще до варки «съманака», за 3 — 4 дня до нового года, все хозяйки обметали веником стены и потолки своих домов, приносили белую глину — «съфедхок», жидко разводили ее в воде и, намочив в ней метлу, ударяли ею по черной стене, оставляя там белые пятна. На стене получался пестрый (белый с черным) узор.

Во многих селениях узоры — «нахш» или «гъл» на стенах домов внутри и перед входом делали красной глиной — «хоки сърх». Для бассейна р. Хингоу характерным являлся узор, называемый «къшқорак» или «шохи қъшқор» — рога барана-производителя (рис. 51).

Рис. 51. Схема рисунка, наносимого на стены домов перед новым годом.

После этого тщательно убирали дом и двор, занимались стиркой белья, мылись; в зажиточных семьях женщины шили новую одежду для всех членов своей семьи, тюбетейки, носовые и поясные платки и т. д.

В ночь под новый год каждая хозяйка окуривала дом. На глиняный черепок — «сафол» клали горячие уголья, поверх них насыпали сушеный нарезанный мелко болотный лук — «камч»[1] и ставили этот черепок куда-нибудь в почитаемое место в доме.

[1] Летом женщины селений Сафедорон, Сагирдашт и других соседних с ними селений группами отправлялись за сбором дикого болотного лука за 7—8 км. Они срезали лук ножом выше корня, мелко резали его, как режут молодой огородный лук для пищи, клали в мешок и приносили домой, где сушили. Иногда лук резали дома и сушили его на солнце. Сушеный лук употребляли в качестве приправы к пище.

В некоторых селениях по нижнему течению р. Хингоу дом окуривали дымом от семян кориандра — «гашнич», «гашниз» (Coriandrum Sativum L.) или имевшей ритуальное значение травой — рутой, называемой местным населением «испанд», «сипанд», «хазор испанд» (Peganum Harmala L.). Такое новогоднее окуривание практиковалось и в некоторых других горных районах. А. А. Бобринской пишет, что горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы) в новый год жгли ветки арчи и «шипан» или «сепан».[1]

Кроме окуривания во многих селениях бассейна р. Хингоу в ночь на новый год зажигали по 3 светильника — «пълвй», они представляли собой палочки, обернутые куском тряпки, пропитанной маслом.[2] Их ставили на почитаемом месте в доме, например, около почетного столба — «шахсътъмб» или «сътъмби салумгах», около стены, которая огораживала одну сторону очага — «сари пича». В домах, в которых имелся ткацкий станок, их ставили около углубления для станка — «сари чаҳи бофъндагй».[3]

Как рассказывали нам, дом окуривали для того, чтобы этим порадовать духов умерших предков — «арвоҳи гъзаштаҳо хъшнуд гара». Считали, что якобы в такие праздничные вечера духи предков посещали свои дома, проверяя, заботятся ли о них потомки. Если в это время они не обнаруживали каких-либо следов окуривания или зажженных свечей — «пълвй», то они становились грустными, опечаленными — «ғамгинъ но'ъмед гараменд» и с плачем уходили. Наоборот, если они видели, что дом окурен и свечи зажжены, тогда радовались — «хъшнуд гараменд» и могли принести благо и счастье в наступившем году.[4]

Утром нового года все, кто имел новую одежду, надевали ее; не имеющие ее надевали все чистое, выстиранное перед новым годом. Молодежь играла крашенными в красный цвет куриными яйцами: били ими — «тъхъмбозй», «тъхъмчанг», катали их «тъхъмчаркънак».

В это время в каждом доме по мере возможности приготовляли разные праздничные блюда. Богатые крестьяне резали барана или козла и варили целиком тушу для новогоднего ритуального угощения — «хъдони соли нави» (буквально «новогодняя жертва») или же «хъдони сари сол» (буквально «жертва для начала года»).

В полдень совершалась общественная молитва — «нъмозй чамо'ат». После нее все население собиралось на площади перед мечетью, около какого-либо мазара или на крыше какого-нибудь большого дома. Туда каждый приносил приготовленную пищу, которая поедалась всеми собравшимися жителями селения от малых до больших. После этого мулла прочитывал молитву, присутствующие поднимали руки вверх и просили бога о хорошем урожае, благоприятной погоде, счастливой жизни, здоровье всем людям селения и расходились.

---

[1] Бобринской А. А., Горцы верховьев Пянджа..., стр. 97.

[2] В богатых домах вместо «пълви» зажигали свечи—«ша'м», приготовленные из внутреннего сала коров или коз.

[3] Горные таджики глубоко почитали ткацкое ремесло, считали его «каспи ҳазрати Шиши Набй» — ремеслом святого Шиша Наби и относились с почтением и к ткацкому станку. Часто даже клялись этим ремеслом и ткацким станком («ба ҳақи ҳамй касп» — «клянусь этим ремеслом» или «ба ҳақи ҳамй сари кор» — клянусь этим станком).

[4] Сообщение Гуловой Гульмо.

Женщины в этих ритуальных угощениях не участвовали. Они собирались под каким-либо деревом, ели принесенную с собой пищу, пели песни, молодые женщины качались на качелях—«ҳул», «ҳой»,[1] состязались кто выше взлетит на качелях и большее число раз ударит рукой по определенному месту на дереве. Это называлось «боркъна́к» (буквально «навязывание долга»). При каждом ударе качающаяся, обращаясь к своей сопернице, повторяет слова «яг борът» — ты задолжала один, «дъ борът» — ты задолжала два и т. п. Богатые женщины давали победительницам подарки — бусы, серьги, браслеты, кольца, жевательную серу, иголки и т. д. По просьбе молодых женщин и девушек на качелях также качались некоторые старухи; их участие радовало всех.

Качание на качелях на новый год являлось традиционным обычаем не только у таджиков бассейна р. Хингоу, но и у всех таджиков бассейна Ях-Су — Кизыл-Су, а также и у горцев верховьев Пянджа. По сведениям М. С. Андреева, в Ишкашиме, Вахане и Рушане на новый год женщины и девушки устраивали себе качели.[2]

Мужчины после новогоднего угощения устраивали конную игру с козлом — «бъзкаши» и борьбу силачей — «гуштингири» или «сари сол». Так проходило 3 дня. По вечерам в «алоу-хона» устраивали пиршества с увеселениями — «базм». На этих новогодних вечерах певцы пели народные песни или песни на стихи таджикских классиков (Саади, Хафиза, Камола Худжанди, Бедиля и др.), скоморохи исполняли комические танцы, изображали отдельные сценки, пантомимы и фарсы («ҳълқоббози» — игра в коршуна, «хърсбози» — игра в медведя, «лаглагбози» — игра в журавля).[3] Танцоры танцевали под аккомпанемент дутара и бубна. Часто коллективно исполняли песни некоего Сайида, посвященные временам года; пели и другие народные песни, посвященные весне и называемые «мъборакбод» — поздравления с наступлением весны.

Приведем отрывок из песни «мъборакбод»:

Бъҳор умад, бъҳорон шъд,
Гъли сърх ҳам намоён шъд.
Дар руи савза борон шъд,
Бъҳори нав мъборак бод.[4]

Бъҳор умад ба миҳмуни,
Тъ кадърша намедуни?
Агар дуни намехуни?
Бъҳори нав мъборак бод.[4]

---

[1] Через толстую ветку дерева перекидывали длинную толстую веревку, концы которой связывали приблизительно на метр от земли в виде петли; в эту петлю садились или вставали и раскачивались.

[2] Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 30; его же, Таджики долины Хуф, т. 1, стр.113. Качели такого типа для качания на них женщин были широко распространены не только в Средней Азии, но и в Иране. В книге A. Garet. L'Art Persan, Paris. 1895 на стр. 295 приведена миниатюра, изображающая иранских женщин, качающихся на качелях.

[3] О скоморохах и их выступлениях см. Нурджанов Н., Истоки народного театра у таджиков..., стр. 8—10.

[4] Ш. Хусейн-зода в книге Адабиёти ватан, на стр. 26 приводит образцы таких песен таджиков северных районов.

Пришла весна, настала весна,
Появилась красная роза.
На траву пролился дождь,
Поздравляем вас с новой весной.

Пришла весна к нам в гости,
А ты не знаешь ее значения?
Если знаешь, то (почему) не поешь?
Поздравляем вас с новой весной.

Следует отметить, что новогодний праздник справлялся также бухарскими чиновниками и знатью во главе с беком. Через 5—6 дней после нового года простого народа бек назначал день праздника и уведомлял всех амлокдоров о месте его проведения. В свою очередь, амлокдоры сообщали своим сельским старостам, чтобы они приглашали на праздник хороших всадников — «човандоз», «съвори хуб», «бъзкаш», силачей-борцов — «палвон», «гуштингир», певцов — «ҳофиз», скоморохов — «масқарабоз», музыкантов — «дъторй», «машшоқ», стрелков — «мерган», «тирдоз», «нъшунзан» и т. п.

Амлокдоры бассейна р. Хингоу имели определенное место для празднования нового года. Со всех четырех амлокдорств — Чильдаринского, Тавильдаринского, Лоджиркского и Сагирдаштского люди собирались на большом поле близ кишлака Қалаи Хусайн перед мазаром «ҳазрати Авлиё» — святой Аулия; поле входило в состав вакуфных земель этого мазара и называлось «дашти пеши мазори ҳазрати Авлиё» — поле перед мазаром святого Аулия.

Приезжие люди останавливались у своих знакомых и в мечетях. Для более «почетных» лиц в кишлаке Қалаи Хусайн приготовляли специальные помещения.

Иногда из Қалай Хумба приезжал сам бек в сопровождении своих чиновников и знати; для него приготовляли самое хорошее и удобное помещение.

Перед мазаром копали яму для очагов, куда ставили котлы, в них приготовляли новогоднее угощение; обычно варили мясной суп. Это угощение называлось «шъльюни сари сол» — правительственное новогоднее угощение.

До угощения перед мазаром расстилали кошмы, ковры, паласы. Собравшиеся люди, пели, танцевали, шутили. Скоморохи исполняли комические танцы. После общего угощения заранее назначенный руководитель праздника — «сардор» или «авсақол» объявлял о начале различных новогодних развлечений, о том, чтобы все играли честно и мирно во избежание всяких скандалов и неприятностей. Основными новогодними развлечениями являлись упомянутые выше игра с козлом, борьба, скачки — «пайка», «пойгаҳ» и т. д. Победителям давали призы — халат, материю, деньги.

Часто на этом празднике бек организовывал стрельбу из фитильных ружей — «камуни пълтагй», «камуни дъгаза», «камуни шохък», «сняҳ-камун». Стрельба называлась «тирзанй» или қабақмунй».[1] Иногда для

[1]Тюркское слово «қабақ (тыква) употребляется и понимается таджиками бассейна р. Хингоу в значении «цель», «мишень», устанавливаемая при стрельбе, так как такой мишенью когда-то являлась тыква.

хороших стрелков в качестве мишени ставили куриное яйцо. На соревнованиях в стрельбе бек выдавал призы, также состоявшие из халатов, материй и других вещей.

По вечерам устраивали пиршества с увеселениями.

Такая программа развлечений продолжалась 3 дня, после чего все приехавшие на праздник разъезжались по домам. На этом кончались все новогодние развлечения и обряды.

Массовые гулянья и развлечения в дни празднования нового года существовали в разных формах почти у всех среднеазиатских народов, свидетельствуя о древности и широком распространении этого праздника обновления и оживления природы, который совпадал со временем начала земледельческих работ. Свое первостепенное значение праздник нового года сохранял в земледельческом быту и календаре таджикского народа, а также и других народов Средней Азии, до последнего времени, до коллективизации и введения в обиход современного календаря.

Вышеизложенный материал показывает, что в бассейне р. Хингоу существовало два новогодних праздника. Первый—«навруз», второй—«соли нав»; последний был приурочен к весенним земледельческим занятиям населения и являлся древнейшим традиционным массовым народным праздником, в отличие от иранского навруза. Кроме того, существовал официальный новый год, новый год чиновников и знати бекства, который праздновался после нового года трудящихся земледельцев.

Существование двух праздников—официального и народного имеет свою историческую традицию. Ценные сведения о двух видах новогодних праздников в Бухаре X века приведены в труде Мухаммеда Наршахи. Он сообщает, что в селении Варахша существовало два новогодних праздника — праздник земледельцев, который, по-видимому, является праздником нового года трудового простого земледельческого населения Бухары, и новый год магов, по всей вероятности, являвшийся официальным религиозным праздником, праздником жреческого сословия. Вот как об этом пишет М. Наршахи:

«...و این دیهه را هر پانده روزی باز ار است چو ن بازار آخرین سال باشد بیست روز باز ار کنند و اورا نوروز کشاورزان گویند مردم بخارا ازان حساب نگاهد ارند وبرآن اعتبار کنند و نوروز مغا ن بعد ازآن پنجروز باشد».

т. е. «...и в этом селении (Варахша — М. Р.) каждые пятнадцать дней бывает базар; и когда последний базар года бывает, то он продолжается двадцать дней, и его называют новым годом земледельцев. Бухарское население от него ведет исчисление времени и его почитает. Новый год магов после того бывает пять дней».[1]

К. А. Иностранцев в своей работе «Сасанидский праздник весны»[2] отмечает, что в эпоху сасанидов существовали два новогодних праздника—государственный, иначе говоря, официальный новый год, и праздник нового года трудового крестьянства, который всегда совпадал с днем весеннего равноденствия. Причину этого явления К. А. Иностранцев объясняет следующим образом: «Дело в том, что сасанидский календарь,

[1] Наршахи М., История Бухары, литогр. тадж, изд., Новая Бухара, 1904, стр. 21.

[2] Иностранцев К. А., Сасанидские этюды, стр. 82—109.

хотя и солнечный, был переходный и потому государственное начало года далеко не всегда совпадало с днем весеннего равноденствия, народным Наурӯзом, что, однако, не лишало этот праздник календарного характера. Несовершенство календарной системы не влияло на установленную принципиально норму. Первый месяц Фарвардин (начало официального нового года — М. Р.) мог очень отдаляться от дня весеннего равноденствия, но жизненные явления, связанные с системой, предполагали идеальный порядок, достигавшийся фактически вставлением через определенное количество лет добавочного месяца».[1]

Таким образом мы видим, что земледельцы, справляя праздник весеннего обновления природы и начала сельскохозяйственных работ, строго соблюдали определение его по солнцу. Что касается духовенства и правящих кругов сасанидской Персии, то они не придерживались этого.

В бассейне р. Хингоу земледельческое население точно так же определяло наступление весеннего равноденствия по солнцу и праздновало в это время новый год, в то время как правительственные круги праздновали его через несколько дней после нового года простого народа.

в) Последняя среда месяца сафар

Одним из распространенных древних годовых праздников, носивших земледельческий характер, является празднование последней среды месяца мусульманского лунного календаря сафара.

В бассейне р. Хингоу, а также в Южном Дарвазе, Каратегине и бассейне Ях-Су — Кизыл-Су последнюю среду сафара называли «чоршамбеи охирун» — последняя среда, или «аловпарак» — перепрыгивание через огонь.[2]

В последнюю среду месяца сафар вечером перед закатом солнца в каждом квартале на улицах разжигали костры и все собравшиеся по очереди 3 раза перепрыгивали через огонь. Делалось это с целью избавиться от всяких болезней, несчастий, бедствий и очистить себя от грехов, накопившихся за весь год. В перепрыгивании через огонь участвовали старые и молодые женщины, мальчики и девочки. Маленьких детей матери брали подмышки, и, держа их на весу, 3 раза перепрыгивали вместе с ними через огонь.

При перепрыгивании через огонь произносили разные причитания, пожелания, обращались с просьбами к богу и духам предков о здоровье, счастливой жизни, о ниспослании хорошего урожая, об удалении злых духов и демонических существ.

Вот например, одна из таких молитв: «Бисмиллоҳи раҳмони раҳим. Арвоҳои калуну, хъдо балоҳора ай сарму дур къна, яг хъшнвъ ҳърсандира

---

[1] Иностранцев К. А., Сасанидские этюды, стр. 83.

[2] Узбеки называли ее «сафар қочти»—сафар убежал или «сафар-чиқти»—сафар прошел (Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 111). Туркмены называли его «қара-чоршамба»—«черная среда» (Толстов С. П., Религия народов Средней Азии. Религиозные верования народов СССР, т. I. М., 1931, стр. 236). Таджики верховьев Зарафшана называли ее «чоршамбеи охирон»—последняя среда; бухарцы называли «чоршамбеи сунни» (Ханыков Н., Указ. соч., стр. 208), «чоршамбеи сурӣ» (сообщение научного сотрудника Института языка и литературы АН Таджикской ССР Таджидинова) или же «чоршамбеи сурук» (Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 111).

пеш биёра, дъньёра серивъ пърй къна. 'азизунъ баъзъргун ҳамара ай офато нигаҳ дора!» «Во имя бога милостивого и милосердного. Духи великих людей и бог удалят от нас все беды, да принесут людям счастье и радость, да сделают весь мир сытым и богатым. Духи святых и великих сохранят всех от бедствий!».

В некоторых кишлаках бассейна р. Хингоу во время перепрыгивания через огонь разбивали посуду или куски каменной соли, чтобы передать этим предметам все грехи, бедствия и несчастия, предотвратить неудачи и убытки,[1] предназначенные человеку судьбой.

Характерно, что дрова и хворост не приносили из домов, а собирали на улицах, дворах, в мусорных кучах или крали у кого-либо. Каждый участник приносил дрова и клал их в общую кучу. Сбор этот назывался «чорчува» (буквально «по четыре палки»). Часто разводили огонь на перекрестках улиц — «сари чорраҳаги», чтобы все бедствия, несчастья и злые духи легко находили себе дорогу и убегали из селения.

Считалось, что бог в течение года насылает на людей двенадцать тысяч бедствий — «бало»,[2] из которых 9 тысяч падает на месяц сафар. Поэтому с его наступлением население соблюдало ряд предосторожностей, чтобы охранить себя от возможного несчастья.

Пять первых дней сафара назывались «остротой месяца сафара»— «тезии моҳи сафар». В эти дни люди старались не бить посуду, так как считалось, что если разбить посуду в эти дни, то она «потом часто будет биться», не кроили и не шили новую одежду, а также не купались и не мыли голову. Считалось, что злосчастность этих дней пристанет к сшитым одеждам или к вымытым головам. Мужчины воздерживались от сношений с женами, потому что якобы появившиеся от совокупления в эти дни дети будут стремиться попасть на «тот свет» или же это несчастье постигнет одного из родителей. Эти же запреты соблюдались и в середине месяца сафара. Родившимся в этом месяце детям давали имена: мальчикам — Сафар, Сафарбег, Сафарали, Сафархуча и т. д., а девочкам — Сафармоҳ, Мосафар, Сафаргул.

В некоторых селениях по нижнему течению р. Хингоу (Чильдара, Хамдара, Пашор, Чашмасор, Девлохи Калон, Дехи Баланд, Нурундж, Гирдов, Посвун и др.) ночью на мазарах, а также на дорогах на краю селения ставили зажженные лучинки или свечи, чтобы проходящие мимо мазара или входящие в селение люди очищались от всяких несчастий, бедствий и не приносили их с собой в селение.

Кроме того, население указанных кишлаков в этот день приготовляло разные лакомые кушанья. Каждое богатое хозяйство резало для общественной трапезы скот, маломощные крестьяне объединялись по 5—6 хозяйств и приготовляли какую-нибудь пищу в складчину. Коллективное угощение устраивалось у мазара. Оно называлось «чоршамбеги».

---

[1] М. С. Андреев пишет, что в Касанском районе и в некоторых других ферганских кишлаках, населенных таджиками, в старину в этот день преследовали и убивали собак, чтобы перенести беду на них. Для этой цели касанцы «только с трудом могли находить какую-нибудь собаку, так как все собаки разбегались тогда по садам и окрестностям» (Поездка летом 1928 г. в Касанский район..., стр. 112).

[2] «Бало»—беда, бедствие, а также особое демоническое существо, которое якобы причиняет вред людям. Подробно о «бало» см. Андреев М. С., По этнологии Афганистана, стр. 87—90.

В этот день все мужчины брили и стригли себе волосы, надевали чистые одежды, а женщины мыли голову, заплетали косы и также надевали чистые и новые одежды.[1] Затем к вечеру разжигали костры, и каждый 3 раза перепрыгивал через огонь. Но здесь не били посуду,[2] считая, наоборот, что это повлекло бы в дальнейшем несчастья и бедствия и что после этого посуда всегда будет биться.

Судя по имеющимся у нас материалам, в некоторых селениях бассейна р. Хингоу в день последней среды сафара никто не решался выехать в путешествие, так как считалось, что такой человек будет долго странствовать и нескоро вернется домой.

Празднование последней среды несомненно имеет древнее домусульманское происхождение. Таджики бассейна р. Хингоу, а также таджики Каратегина и Дашти Джумского района по Пянджу рассказывают, что местное духовенство считало этот праздник «обычаем огнепоклонничества» — «ин 'одати оташпарастист».

Поэтому под влиянием мусульманского духовенства: шейхов, сейидов, ишанов и мулл — мужчины постепенно перестали справлять этот праздник, относясь к пережиткам его как к простому развлечению, но женщины стойко соблюдали древний обычай. Как сообщают некоторые старики, женщины не поддавались уговорам духовенства и среди них до последнего времени соблюдались указанные обряды. В силу этого духовенство вынуждено было говорить, что этот праздник является исключительно женским — «ин 'одати занҳост» и что мужчины не должны участвовать в праздновании последней среды.

Бывали случаи когда в этот день муллы приказывали своим ученикам тушить разведенные огни и препятствовать исполнению обряда. Такой случай имел место, как нам сообщали, в 1916 или 1917 гг. в кишлаке Сафедорон. Когда женщины разожгли огонь, чтобы прыгать через него, ученики некоего муллы Розика пришли, потушили костер и начали разъяснять немусульманское происхождение этого праздника. Они объясняли, что этот обряд не предусмотрен шариатом, исполнение его вызывает гнев бога — «газаби хъдора зиёд мекъна». Но разгневанные женщины прогнали их камнями и палками.

Сообщение о запрещении в Бухаре данного обряда находим у Н. В. Ханыкова. Там против исполнения этого обряда боролись не только духовенство, но даже эмир издал категорическое запрещение совершать его. Н. В. Ханыков пишет: «Впрочем нынешний эмир (эмир Насрулла— М. Р.) приказал Реису (блюстителю порядка за выполнением шариатных законов — М. Р.) строго смотреть, чтобы этого (праздника чоршамбеи сунни — М. Р.) не делали, потому что это несовместимо с мусульманским законом».[3] Однако и приказание эмира не могло уничтожить данный обычай. Население Бухары справляло последнюю среду сафара вплоть до установления Советской власти.

В древности, обряд этот был связан, вероятно, с новым годом. По некоторым данным, в старину «последней средой» была среда, ближайшая к весеннему равноденствию. После внедрения в Передней и Средней Азии ислама и мусульманского лунного календаря, «последняя сре-

[1] Сообщение Мухтарова Сангака, 1914 г. рождения, кишлак Шаков.
[2] В Ховалингском районе также не били посуду.
[3] Ханыков Н., Указ. соч., стр. 208.

да» стала приурочиваться к последней среде месяца сафар, но все же самый обычай продолжал сохраняться.

М. Наршахи сообщает об обряде разведения большого огня в средневековой Бухаре накануне нового года в ночь, называемую «шаби сурй» (последствием чего явился большой пожар, во время которого сгорел до основания царский дворец, построенный над Регистаном):

«سال تمام نشده بود که چون شب سوری چنا نکه عا دت قد یم است آتش عظیم افروختند آتس بجست و سقف سرای در گر فت و دیگر باره جملهٔ سرای که بنا کرده بو دند بسوخت».

«Год еще не пришел к концу, как в праздничную ночь («шаби сурй» — М. Р.), как это принято по старым обычаям, развели большой огонь. Искры огня попали на потолок и вторично построенный дворец сгорел до основания».[1]

Упомянутая у М. Наршахи «праздничная ночь» — «шаби сурй» несомненно является интересующим нас праздником «последней среды»; В. В. Бартольд считает разведение огня в эту ночь обычаем, сохранившимся со времен язычества.[2]

В Средней Азии еще в конце первой половины XIX века праздник «последней среды» предшествовал новому году. Н. Ханыков сообщает, что «...весною празднуют они (бухарцы — М. Р.) один день, называемый странным именем Чоршамбеи-Сунни, следующим образом: везде зажигают костры и люди обоих полов, перепрыгнув через них, разбивают какую-нибудь глиняную посуду, этим они думают очиститься от грехов и даже от болезней».[3]

В Самарканде в конце прошлого столетия этот праздник справляли не в последнюю среду, а в последний понедельник перед новым годом. В эту ночь мужская половина населения города отправлялась к большому арыку «оби раҳмат» — благодатной воде и купались в ней при свете зажженных костров, которые заранее были зажжены на пути от города к арыку и по его берегам.[4]

Из этого видно, что в Средней Азии, в том числе и в горных районах нынешнего Таджикистана, раньше, по всей вероятности, праздновали две «последние среды», одна из которых приходилась на канун нового года, а вторая падала на разное время года согласно мусульманскому лунному календарю. По сообщению Н. А. Кислякова, в Каратегине до недавнего времени существовал обычай прыгать через огонь в последнюю среду перед новым годом.[5]

Как нам пришлось убедиться в период работы Гармской этнографической экспедиции 1953 г., в Джиргитале в сельсовете Лахш существовал обычай в ночь под новый год прыгать через огонь, заложив за уши или приколов на грудь цветы. При перепрыгивании через огонь участники обряда произносили: «Халос, халос, ай кулли балоҳо халос» — «Прыгай, прыгай, избавься от всех бедствий».

---

[1] Наршахи М., История Бухары, стр. 32—33; Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб, 1900, стр. 113—114.
[2] Бартольд В. В., Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 114.
[3] Ханыков Н., Указ. соч., стр. 208.
[4] В. В., Указ. соч.
[5] Кисляков Н. А., Очерки по истории Каратегина, стр. 75.

В Иране, по сообщениям Делла Валле и Адама Олеария, этот праздник справлялся также два раза в год. Один раз праздновали его в канун нового года, а второй раз — в месяце сафар мусульманского лунного летоисчисления. В такой форме «последнюю среду» праздновали в Иране вплоть до XVII века.[1]

Отметим, что обряд этот во многих деталях сходен со славянским народным праздником Ивана Купала, приходящимся на ночь с 23 на 24 июня — время летнего солнцестояния.

г) Празднование сбора урожая

Окончание сбора урожая, его обмолота и помола отмечалось особыми празднествами, носившими чисто земледельческий характер и справлявшимися очень торжественно, хотя они и не носили общественного характера, а праздновались каждым хозяйством отдельно.

Остановимся на двух наиболее характерных из этих праздников — «досгардан» и «амборкъни».

«Досгардан» (буквально «серп (на) шее»). Когда какое-либо хозяйство заканчивало жатву или молотьбу, то старший в доме мужчина — «калунтари хуна» брал серп и, войдя в дом, захватывал серпом шею женщины, по положению старшей в доме (обычно это была его жена), шутливо угрожая поранить ее серпом, если она не согласиться приготовить вечером какую-нибудь вкусную еду. Женщина громко кричала «от страха» и обещала приготовить хорошее угощение, называемое «гардандоси».[2] Обычно им бывали кушанья — «равғанчуши» или «фатирмаска». Это угощение приготавливалось обычно поздно вечером, и на него часто приглашали соседей.

«Амборкъни» — складывание в амбар или «амбортапун» — утаптывание (муки) в амбаре. Этот праздник справлялся при складывании на хранение в амбары — «ганчур» собранного урожая. В амбарах имелось несколько ларей — «кули», в одних держали зерно, в других пшеничную муку, в третьих — ячменную и т. д. Смолотую на мельнице муку насыпали в кули и хорошенько утаптывали ногами, чтобы она лежала плотно. Потом хозяйка окуривала лари с мукой дымом от сжигаемого болотного лука, семян кориандара или испанда.

Вечером этого дня из новой муки пекли тонкие лепешки — «чапоти», из которых приготавливали любимое блюдо — «равғанджуши». Все члены семьи садились вместе и принимались за еду. Первым начинал есть старший, самый почетный человек в доме, а за ним — и остальные.[3]

После еды старший в доме прочитывал молитву со следующими пожеланиями:

«Арвоҳи Бобои даҳкун, арвоҳои калунун, ҳами ганчи боқи мундара ба як хъшивъ хърсанди, ба тани сиҳатъ дъли беғам бъхърем. Дар ин ганч баракати илоҳира бърезуна, ҳазрати Хуҷа назари хъдша бърасуна. Аллоҳ акбар!», т. е.: «Дух Деда-земледельца, духи великих людей!

---

[1] Della Valle Pietro, Suite des fameux voyages, т. III, стр. 116; Adam Olearius, Relation du voyage, т. I, стр. 399 (этими сведениями автор обязан А. Кислякову, см. его статью Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары», как этнографический источник, стр. 63).

[2] Ср. Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 26.

[3] Ср. Андреев М. С. и Половцев А. А., Там же, стр. 25.

(Помогите), чтобы оставшееся это сокровище (хлеб) мы съели с удовольствием и радостью, со здоровым телом и легким сердцем. Пусть прольется на это сокровище божья благодать, пусть святой Ходжа (Хызр) остановит (на нем) свой взгляд. Бог велик!»[1]

На следующий день из новой муки делали мучную похлебку с клецками — «умоч», являющуюся ритуальным блюдом, и угощали ею мужчин селения в память духов предков — «дар hаққи арвоҳи гъзаштагон». Зажиточные крестьяне в эти дни резали барана или козу, угощая мясом или сваренным из него супом приходящих гостей.

На этом заканчивались все праздники, связанные с уборкой урожая, обмолота и помола.

3. Приметы и гадания, связанные с предсказанием урожайности

Как и многие другие земледельческие народы, до революции таджики бассейна р. Хингоу определяли весною урожайность или неурожайность наступающего года различными гаданиями или с помощью примет. Приведем некоторые из них.

Как мы уже упомянули выше (глава IV), в начале весны прилетала трясогузка — «санговдавак», считавшаяся священной. Наблюдая за этой птичкой, определяли будет год урожайным или неурожайным. Если первый раз ее видели над рекой или над скопившимися за зиму кучами навоза, то считали, что год будет хорошим, обильным осадками, с богатым урожаем. И наоборот, если ее видели на суше, на камне, на крыше дома, то считали, что наступающий год будет нехорошим, засушливым и неурожайным.

Урожайность наступающего года определяли также весной во время первого грома — «тандър». Слыша раскаты грома, женщины брали деревянную ложку и бросали ее на крышу через верхнее дымовое отверстие, находившееся посредине крыши дома. Если брошенная на крышу ложка падала, кверху дном, считали, что год будет неурожайным, а если она падала дном книзу, то считали, что год будет хорошим, урожайным и что все амбары и ямы-зернохранилища—«чах» будут наполнены зерном.[2] В этот день дети при первых раскатах грома кричали: «Чақ-чаҳи бобим, пъри чавъ гандъм!», т. е. «Ямы-ямы—зернохранилища моего деда (пусть станут) полными ячменя и пшеницы!» или: «Чаҳ-чаҳи бобим пъри чағора»—«Ямы-ямы моего деда полны грибов».

Другое гадание заключалось в следующем. Черный жук — «говак» появляется в домах ранней весной. Когда его находили в доме, женщины клали его в муку, находящуюся на скатерти для приготовления лепешек — «сърфа» со следующими словами: «Эй говак, рост бъгу, дъруғ нагу, имсол серй гараме ё къшнаги?» — «О жучок, скажи правду, не лги, в этом году будет урожай или голод?». Если жучок выползал весь в муке, то считали, что наступающий год будет урожайным, обильным, если же к жуку приставало мало муки, то считали, что год будет голодным.

---

[1] Считалось, что взгляд святого Хызра способствует увеличению количества продуктов, на которые он упал.

[2] М. С. Андреев по этому поводу писал, что в Ишкашиме и Вахане ложку бросают через дымовое отверстие на крышу в начале первых полевых работ. Если ложка падала дном кверху, то считалось, что год будет голодным, если книзу—урожайным (Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 23).

4. Обряды для вызывания и прекращения дождя

а) Обряды для вызывания дождя

Так как для бассейна р. Хингоу характерным являлось богарное земледелие (посевы под дождь), то естественно, что для земледельца самым важным было обилие атмосферных осадков, обеспечивающих хороший урожай. Поэтому в дореволюционное время население совершало различные обряды, которые, по поверью, могли вызвать дождь. Среди них мы находим обряды умилостивления бога, различных духов и сверхъестественных сил, а также обряды магического характера.

Следует отметить, например, прежде всего коллективные жертвоприношения на священных местах, в мазарах и у почитаемых деревьев. Обряд приношения жертвы исполнялся в июне и июле в случае долгого отсутствия дождя, когда молодые всходы зерновых культур страдали от отсутствия влаги. Кишлачный староста оповещал население кишлака о принятом стариками решении принести жертву.

Население вскладчину покупало быка за счет пшеницы из нового урожая и закалывало его около какого-нибудь мазара. Там же ставили котлы, приготовляли суп, собирали чашки, и каждый из своего дома приносил с собой тонкие лепешки — «чапоти». Пищу давали на группы в 4—6 человек. На этих ритуальных жертвоприношениях ее давали всем проезжим, нищим и т. п. После еды мулла громким голосом читал молитву из корана, а затем произносил следующие слова:[1]

Дар роҳъ ръзои хъдо,
Дар hаққи арвоhи Бобои деҳқон,
Хъдо ё хъдовандо, боруна 'ато кън,
Ғаллаи савза қоқ накън,
Дъли бандаҳота шод кън,

(Пусть эта жертва) с согласия бога,
Ради духа Деда-земледельца,

О, боже, о господи, подари нам дождь,
Не засуши зеленые всходы хлебов,
Порадуй сердца своих рабов,
Сделай страну обильной и сытой.

Все остальные поднимали руки вверх и громко произносили: «Омин, аллоҳ акбар!» — «Аминь, бог велик!».

Этот обряд жертвоприношения назывался «хъдой» — жертва богу. Женщины в нем не участвовали.

Другой обряд, уже магического характера, в бассейне р. Хингоу совершался следующим образом. Несколько женщин обходили все дома своего селения, собирая продукты —муку, соль, молоко, а также посуду— чашки, ложки и пр. Затем около кишлачного мазара ставили 2—3 котла и варили похлебку с мучными клецками на молоке — «умочи вашир». Эту похлебку раздавали всему собравшемуся населению (мужчинам, женщинам, детям). После еды мулла читал молитву и повторял упомянутые нами выше слова. В это время внезапно хватали кого-нибудь из присутствующих и, если поблизости были речка или ручей, окунали его

[1] Записано в Сафедороне со слов Гуловой Гульмо.

в воду или же обливали водой; затем все принимались обливать друг друга водой или окунать в реке. В селе поднималось оживление; люди ходили по дворам, обливали из посуды прятавшихся в домах женщин и мужчин. Так продолжалось часа 3—4. Этот обряд назывался «овшанак» — обливание водой или «овчълак» — обрызгивание водой. В кишлаках нижнего течения р. Хингоу описываемый обряд носил название «оталаи пешмазорӣ» — похлебка перед мазаром или просто «пешмазорӣ» — угощение у мазара.

Этот обряд вызывания дождя магическим способом до революции имел широкое распространение по всей территории современного Таджикистана и Узбекистана. Под названием «ашаглон» такой обряд был нами подробно записан летом 1948 г. в районах б. Кулябской области во время работ этнографической экспедиции.

Летом, при долгом отсутствии дождя, группа женщин, надев на деревянную лопату женскую одежду, делала чучело старухи, которую называли ашаглон. Взяв это чучело, женщины с песнями обходили все дома своего селения. Перед каждым домом они останавливались и продолжали петь песню, называемую также ашаглон, следующего содержания:

Ашаглони ростина,
Як бор бачъмбун остина.
Ғаллаи савзъм қоқ шидай,
Як бор бърезун боруна.

О стройная ашаглон,
Махни разок рукавом.
Мой зеленый хлеб высох,
Пролей один раз дождь.

В кишлаке Эмом-Али б. Колхозабадского района к этому добавляли еще один куплет, в котором говорится:

Акаи деҳқон даръм,
'ъмеди борон доръм,
Як бор бърезун боруна.
Ашаглон дар ховай,
Мағзи саръш пър овай.

Имею брата-земледельца,
Имею надежду на дождь,
Пролей один раз дождь.
Ашаглон спит,
Мозги в голове у нее полны водой.[1]

В это время хозяйка дома выходила и обливала чучело старухи и участниц процессии водой, после чего выносила из дома муку, соль, пшеницу и давала все это женщинам для общего угощения. Затем около какого-нибудь мазара приготовляли похлебку из раздробленных пшеничных зерен, называемую «далда». Каждый приходящий на эту общественную трапезу съедал приготовленную пищу. После этого мулла читал

[1] Сообщение студента Сталинабадского текстильного техникума Саидова Барота.

молитву, обращенную к богу и покровителю земледелия — «Бобои дехкон» с просьбой о ниспослании дождя.

Характерно, что в приведенной песне не отражалась просьба населения к богу о ниспослании дождя, а оно обращалось к старухе ашаглон, чтобы последняя послала им желанный дождь. По-видимому, ашаглон в виде старухи изображает здесь какое-то древнее божество, возможно богиню авестийского пантеона Ардвисуру Анахиту, имеющую отношение к воде, к плодородию и к растительности.

Аналогичные обряды исполнялись и во многих других областях Средней Азии. В северных районах нынешнего Таджикистана, а также в некоторых районах Узбекистана (в районах Самарканда, в бассейне р. Сурхан-Дарья и др.) чучело, носимое во время процессии, называлось «сустхотун», «суст-момо», «сув-хотун»,[1] а угощение соответственно — «туи суст-момо». В кишлаке Элок Оби-Гармского района (Каратегин) это угощение называли «оши дарвешун» (дословно «пища бедняков-дервишей»).[2]

Таджикский обряд вызывания дождя магическим способом имеет близкую аналогию с осетинским обрядом «хуцау цоппай»,[3] а также с грузинским обрядом «лазарем» или «лазаробам».[4]

Разница между осетинским «хуцау цоппаем» и таджикским «овшапаком» или «ашаглоном» состоит главным образом в том, что в Осетии мужчины с песнями ходили из одного селения в другое, а у таджиков, наоборот, по всем дворам своего селения ходили женщины и собирали продукты для приготовления обрядового угощения. Кроме того, в бассейне р. Хингоу участники этой процессии не пели песен, хотя, как нам сообщили об этом, раньше существовала обрядовая песня, которую в данное время уже никто не помнит.

Обряды заклинания дождя имеют также полную аналогию с обрядами древних славян — «дода» или «додола», а также с купальскими процессиями.[5]

Указанные обряды у таджиков, по-видимому, имеют следы глубокой древности; подтверждением этого мнения служит то, что главными участниками этих обрядов были здесь именно женщины, первые земледельцы древности.

б) Обряды для прекращения дождя

В бассейне р. Хингоу во время самого разгара пахоты и посевов, когда работу останавливали непрерывные дожди, вплоть до установления Советской власти крестьяне выполняли некоторые обряды с целью остановить дождь. Эти обряды не являлись коллективными, а исполнялись в каждом доме индивидуально.

Когда после длительного дождя наступало прояснение и лучи солн-

---

[1] См. Арандаренко Г., О метеорологических познаниях туземцев Зеравшанского округа, «Туркестанские ведомости», 1877, № 22; Богомолова К. А., Следы древнего культа воды у таджиков, Изв. Отд. общ. наук АН Таджикской ССР, 1952, № 2, стр. 117—118.

[2] Записи во время Гармской этнографической экспедиции 1952 г.

[3] Гаглоева З. Д., О пережитках аграрного культа в Джавском районе Юго-Осетинской АО, Вопросы этнографии Кавказа, Тбилиси, 1952, стр. 320—321.

[4] Флоренский П., Фаллический памятник Котахевского монастыря. Живая старина, год XVII, в. I, СПб, 1908, стр. 56—58.

[5] См. Фаминцын А. С., Божества древних славян, СПб, 1884, стр. 269.

ца через верхнее дымовое отверстие или через боковые отверстия падали на пол дома, кого-нибудь из детей или взрослых, родившихся весной— «одами бъҳорӣ» просили чтобы он «опалил солнце» — «куни афтова бъсуза».

Ему давали синюю тряпку, которую он завязывал на ручке веника, и зажигали; затем этой горящей тряпкой он «обжигал» место, на которое падали лучи солнца, произнося заклинание: «Афтов, афтов, мън куни търа сухтъм, тъ куни 'оламора бъсуз» — «Солнце, солнце, я тебя обогрел, а ты обогрей весь мир». Эти слова повторялись три раза. Считалось, что после этого должна установиться хорошая погода.

«В Шугнане, напр., если дождь или снег зарядил слишком надолго, — пишет М. С. Андреев, — дети делают из тряпок куклу («джинджич») и выставляют ее сквозь дымовое отверстие в крыше наружу, припевая особую песенку. Это считается напоминанием «бабушке» («бабушка-небо» или «бабушка-громовица» — М. Р.), что от такого обильного выделения атмосферных осадков замерзали на оз. Шива находящиеся там ее дети».[1]

В основе этого обряда лежит имитативная магия. Синяя тряпка здесь, по-видимому, символизирует ясное небо, а метелка — очищение туч с неба. Магическим же обжиганием солнечного пятна на полу люди хотели придать силу солнцу.

В Дарвазе и в Каратегине, когда слишком долгое время шел дождь, привязывали на нитку вошь и вешали ее на ветке дерева, под дождем. Считали, что когда она намокнет, то будет просить бога, чтобы последний прекратил дождь, и просьба ее будет удовлетворена.

Кроме указанного, мы встретили следы других древних магических обрядов, направленных на прекращение дождя, которые могут быть связаны также с почитанием огня.

В некоторых селениях нижнего течения р. Хингоу (Чилдара, Пашор, Хамдара и пр.) для того, чтобы прекратить дождь, женщины собирали в какой-нибудь сосуд дождевую воду и брызгали ею на раскаленные стенки очага, считая, что дождевая вода «сгорит» и этим будет остановлен дождь.

В других селениях (например, Пуштарог, Пастирог, Дох и других, расположенных на правом берегу р. Калаи Хусайн) для того, чтобы прекратить дождь, приносили с какой-нибудь могилы палки, втыкаемые у изголовья и в ногах во время похорон и называемые «ходаи сари гур», сжигали их, считая также, что после этого дождь перестанет идти.

Однако мусульманское духовенство боролось с этим обычаем и не разрешало брать с кладбища намогильные палки. В некоторых селениях эти палки считали «чуви мазор» — палками мазара; если такая палка случайно принималась и росла, ее никогда не употребляли для топлива и для других хозяйственных надобностей, считая «мазаром».

Некоторые магические запреты, имеющие целью прекращение дождя, нами были упомянуты выше (см. стр. 185).

---

[1] Андреев М. С., По этнографии таджиков..., стр. 175.

5. Обычаи и обряды, связанные с жатвой, молотьбой и уборкой урожая

а) Обычаи и обряды, связанные с жатвой

Начало жатвы сопровождалось особым традиционным обрядом. Для этого выбирался «легкий» день — вторник («сешамбе»).

Как уже указывалось, в старое время жители селения отправляли в поле для начала жатвы специального человека — шавгуни. Последний рано утром отправлялся в поле, молился и произносил слова «во имя бога и духа-покровителя земледелия» и приступал к жатве. Он жал быстро и чисто, чтобы колосья не оставались на земле, и старался не исцарапать и не порезать руки, чтобы и другие жнецы также жали быстро и чисто и не поранили бы рук.[1] Шавгуни сжинал не больше 3 снопов, клал их вместе и возвращался домой.

Эта первая жатва называлась «дослозӣ», «дъравдозӣ» или «дъравбъроръӣ». В Кулябском, Муминабадском, Даштиджумском районах начало жатвы называлось «номи руз» (буквально «имя дня»).

Когда шавгуни приходил домой, его жена выходила из дома и встречала его следующими словами: «Кори хайр мъборакът боша», т. е. «Поздравляю тебя с добрым делом», а он в ответ говорил жене: «Хъдо мъборак гардуна» — «Да благословит (тебя) бог». После поздравления жена брала у мужа серп и вешала его на деревянный гвоздь перед домом или заносила домой и ставила в чистое недоступное для детей место. На следующий день другие крестьяне селения уже с раннего утра отправлялись на жатву и работали до позднего вечера.

Обычай посылать специального человека от всего селения для начала жатвы исчез уже в предреволюционные годы. Однако каждый крестьянин исполнял этот традиционный обряд на своем участке, посылая для начала жатвы из состава своей семьи лучшего жнеца — «дравгари хуб» с «легкой рукой в жатве» — «сабъкдос». Он, так же как и шавгуни, отправлялся в поле, произносил молитвенные слова, жал 3 снопа и возвращался домой. На следующий день выходили на жатву все жнецы этой семьи.

В большинстве кишлаков нижнего течения р. Хингоу зажиточные крестьяне отправляли на первую жатву сельского учителя — «муллю», считая, что это может принести удачу при дальнейшей жатве и уборке зерновых культур. Осенью, после уборки и обмолота, такому учителю преподносили за это несколько блюд зерна — «hакки досдозӣ» — «доля за первую жатву».

С жатвой был связан ряд анимистических представлений. Одним из таких общераспространенных представлений является одухотворение поля. Таджики бассейна р. Хингоу считали, что земля имеет душу и эта душа воплощена в хлебе, который растет на ней — «чуни зъмин дар ҳаму ғаллашай, ки дар руш меруя». Когда хлеб убирают с поля, тогда умирает и земля.[2] Поэтому, когда жатва хлебов на каком-либо поле подходила к концу, жнецы старались жать хлеб возможно быстрее,

---

[1] Ср. Зернова А. Б., Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае, «Советская этнография», 1932, № 3, стр. 31.

[2] Сообщение Рустамова Гадо.

чтобы земля скончалась без мучений — «чуни зъмин ва осуни бъброя». Начиналась поспешная беспорядочная жатва, так как затягивание агонии духа поля считалось грехом — «убол».

При этом каждый из жнецов про себя произносил следующую молитву: «Ҳар гиёҳе, ки ай зъмин бароя ваҳдаҳу лошарикаллаҳу билаҳулмулк ва ҳайю лоямут би'адилкалхайр, аллоҳ! аллоҳ! аллоҳ!—мега»—«Каждая произрастающая на земле травинка, появляясь на поверхности земли, говорит: (Бог) один и ему нет товарища, и он жив и не умирает; все добро в его руках, о бог! о бог! о бог!».

Незнающие этой молитвы крестьяне произносили три раза «аллоҳ!». Далее добавляли: «Ло илоҳа иллаллоҳу Муҳаммадан расулуллоҳ» — «Нет бога, кроме бога, Мухаммад его пророк» или «аллоҳ воҳидан» — «бог—один» — т. е. слова, которые обычно повторяют во время приближения смерти человека.

При коллективной жатве — «ҳашар», при приближении жатвы на одном каком-либо участке к концу, 3—4 жнеца, обняв друг друга за шеи, громким голосом пели ритуальную песню под названием «Ман доғ» — «Я горюю» или «Я скорблю» или «Ёллох» — «О бог!». Приводим ниже записанный нами отрывок из этой ритуальной песни:

Дар шухчаҳако ягон-ягон гъл дидъме.
Ман доғам, ё дуст.
Эй ёллоҳ, эй ёллоҳ ёре, ман доғам, ё дуст.
Дар гардани ёр ҳақиқъ марҷун дидъме.
Ман доғам, ё дуст.
Эй ёллоҳ, эй ёллоҳ ёре, ман доғам, ё дуст.
Гуфтъм бъравъм ҳақиқъ марҷунша гиръм.
Ман доғам, ё дуст,
Эй ёллоҳ, эй ёллоҳ ёре, ман доғам, ё дуст.
Ай бахти бада ёрма гърезун дидъме.
Ман доғам, ё дуст.
Эй ёллоҳ, эй ёллоҳ ёре, ман доғам, ё дуст.

На скалах я увидел одиночные цветы.
Я горюю, о друг!
О бог! О бог! О друг! Я горюю, о друг!
На шее любимой я увидел сердолик и кораллы.
Я горюю, о друг!
О бог! О бог! О друг! Я горюю, о друг!
Я хотел пойти и взять у нее сердолик и кораллы.
Я горюю, о друг!
О бог! О бог! О друг! Я горюю, о друг!
По несчастной судьбе своей я увидел убегающую (от меня) подругу..
Я горюю, о друг!
О бог! О бог! О друг! Я горюю, о друг!

Описанные обычаи и представление об одухотворении поля имели широкое распространение в духовном быту горных таджиков Дарваза, Каратегина, Куляба. Представление о душе хлеба и ритуальная песня жнецов коротко описаны М. С. Андреевым у ягнобцев.[1] Н. А. Кисляков этот обычай у таджиков бассейна р. Хингоу связывает только с коллек-

[1] Андреев М. С., Экспедиция в Ягноб в 1927 г., стр. 165—167.

тивной беспорядочной жатвой «козидърав» — «судейская жатва» и дает сжатое описание представления об олицетворении души или же божества хлеба.[1] По нашим данным, однако, обычай исполнения ритуальной песни соблюдается обязательно при каждой жатве.

Поэтому нам кажется, что песня «Ман дог» в своей основе не являлась трудовой песней, как это принято считать в таджикской фольклористике, а была ритуальной песней — оплакиванием поля человеком, убирающим с него урожай.

По нашим данным, эту песню исполняли 3—4 жнеца и то только тогда, когда жатва подходила к концу, т. е. в последние 10—15 минут работы. После окончания жатвы на этом участке и остальные жнецы принимали участие в исполнении песни «Ман дог». Профессиональных певцов не было.

Подтверждением ритуального, а не трудового характера этой песни, на наш взгляд, является троекратное повторение слова «аллах», которое произносят также в момент смерти человека для того, чтобы умирающий подхватил эти слова и испустил дух без мучения.[2] Как говорилось, при жатве произнесение этих слов должно было бы облегчить агонию духа поля, прячущегося в последних несжатых колосьях.

Но вместе с тем надо отметить, что ритуальная песня «Ман дог» в послереволюционные годы утеряла свой прежний смысл и превратилась в трудовую песню, помогающую работе жнецов.

б) Обычаи и обряды, связанные с молотьбой и уборкой урожая

Молотьба у таджиков бассейна р. Хингоу, как и у других горных таджиков, считалась моментом особенно важным, когда какое-либо несоответствующее действие или событие могло очень повлиять на количество получаемого зерна. Поэтому с молотьбой было связано много запретов и обрядов.

Считалось, что ток—это скатерть Халиля (один из имен бога)—«хирман сърфаи Халилай» и там всегда ходят ангелы — «малоикахо мегарданд», которые могут принести удачу в работе и обилие урожая. Поэтому большое внимание уделялось тому, чтобы ток не был осквернен присутствием какого-нибудь нечистого животного, например, собаки. Если допускать на ток собак, то ангелы могут испугаться и убежать, а с ними исчезнет с тока и благодать.

На ток также не допускали женщин, особенно молодых, потому что опасались, что женщины могут придти на ток в период ежемесячного нездоровья. Старухи могли участвовать в молотьбе, помогая своим мужьям, и нередко участвовали в провеивании зерна и других работах. Как рассказывают, в старое время женщин вообще не пускали на ток, но позднее старухи стали туда допускаться.

В качестве меры, предотвращающей выпадение осадков во время молотьбы, на ток не разрешалось приносить воду.

К продолговатой куче, в которую сгребались размельченные после молотьбы колосья — «хара» относились с уважением и считали, что

---

[1] Кисляков Н. А., Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 119—120.
[2] Рахимов М., Обычаи и обряды..., стр. 109.

она имеет форму могилы Деда-земледельца — «хара сурати търбати Бобои даҳқонай». Из уважения к Деду-земледельцу запрещали подниматься на поверхность кучи с середины, надо было взбираться на нее с концов; считали, что если кто-либо поднимется на верх кучи с середины, то это равноценно перешагиванию через труп Деда-земледельца.[1]

Во время провеивания зерна веятель, приступая к делу, произносил молитву в честь покровителя земледелия и бога, так как считалось, что когда дехканин берет солому с зерном на вилы и подбрасывает вверх, в это время все демонические существа — «ачина», «чин», «парй» и другие злые духи крадут в воздухе очищенные зерна и кладут в свои мешочки.

Продолговатую кучу чистого зерна, образующуюся после веяния и называемую «мояк», также как и «хара», считали подобием холмика над могилой Деда-земледельца, и поэтому перешагнуть через нее строго запрещалось.

Кроме того, имеется ряд обычаев, обрядов и запретов, связанных с кучей уже начисто провеянного зерна — «чошт». Перед этой кучей клали деревянные вилы, ярмо, деревянную лопату, метлу. Считали, что это — орудия Деда-земледельца и уважение к ним приносит благодать и обилие.

Во многих селениях бассейна р. Хингоу на кучу зерна клали спелые яблоки, дыни. Кроме того, считалось хорошим делом класть на кучу зерна комок глины, принесенной с того поля, с которого убран и обмолочен хлеб.[2] Это делали из уважения к земле, приносящей благо и выращивающей хлеб. После этого брали из кучи одно деревянное блюдо зерна и также ставили перед кучей. Это зерно называли «ҳаққи аллоҳ» — божья доля.

Затем хозяин просил кого-нибудь из «хороших» стариков или муллу, чтобы он «поднял» кучу — «чошта вардора». Человек этот, совершив предварительно омовение и прочитав молитву, брал блюдо для измерения зерна, и, наполнив его зерном, посыпал этим зерном всю кучу — «чошт» примерно на ее середине, как бы опоясывая ее. Это называлось «миюни чошта бастан» — перепоясывать чошт. Оставшееся зерно высыпалось на верх чошта. После этого тот же человек приступал к ссыпанию зерна из кучи в мешок — «қоп» и одновременно к его измерению.

«Опоясывание» кучи зерна делалось для того, чтобы вся благодать оставалась внутри кучи — «ҳама баракат дар даруни чошт бъзана» и чтобы зерна вышло больше.

Иногда указанный человек высыпал в мешок только 1 блюдо зерна, а остальное сыпал сам хозяин; последний давал человеку, опоясавшему чошт и ссыпавшему зерно, 2—3 блюда зерна.

Что касается «божьей доли», то ее отдавали сельскому муэззину

---

[1] Перешагивание через тело человека считается у народов Средней Азии грехом.

[2] Обычай класть на кучу отвеянного зерна комок глины нами зафиксирован в Дашти Джумском районе в 1949 г. и в Каратегине в 1952 г. Интересные сведения по этому обычаю, касающиеся таджиков верховьев Пянджа, мы находим у М. С. Андреева. «Когда хлеб обмолочен и собран на гумне в кучу, называемую по ишкашимски усір,—пишет он,—хозяин приносит заранее приготовленный комок помета от рогатого скота (сир гӣн гӯ), обносит три раза на лопате вокруг зерна, кладет на верх усір'а, и покрывает комок зерном так, чтобы его не было видно; оставив лопату тут же, он уходит домой». Андреев М. С. и Половцев А. А., Указ. соч., стр. 23.

или учителю, «Божью долю» выделяли и давали потому, что эта доля якобы очищала весь убранный урожай от осквернения, произведенного животными во время молотьбы.[1]

Во время молотьбы и сбора урожая соблюдались некоторые предосторожности, имеющие магический характер. Строго запрещалось собирать разбросанные в беспорядке на току перед чоштом зерна тыльной стороной руки — «ва пъшти дъст», так как это символизирует отталкивание от себя; при этом добрые духи и ангелы, якобы находившиеся во время молотьбы на току, могли рассердиться и уйти прочь. Наоборот, разбросанные перед кучей зерна собирали обязательно ладонью — «ва пеши дъст», что обозначало приближение чего-либо к себе.

На току при молотьбе и сборе урожая строго запрещалось называть пыль словом «хок» — земля, прах, а ее называли «гарди хирман» или «чанги хирман» (буквально «пыль тока»), потому, что слово «хок» часто имеет смысл, аналогичный русскому «ничто», «черта с два», «ни черта». Считалось, что если произнести на току слово «хок», то урожай может получиться ничтожным — «вахте, ки дар сари хирман гардъ чанга хок гаменд, ғаллара баракатъш парамевъ хокъ хъмърч гараме» (буквально «когда на току пыль называют прахом, то зерно также становится ничтожным и вся благодать от него уходит»).[2]

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Таджики бассейна р. Хингоу, как и все горные и равнинные таджики, относились к своему основному занятию—земледелию с величайшей почтительностью, даже с благоговением. В этом нельзя не видеть свидетельства глубокой древности этого занятия таджиков.

2. Многие описанные обычаи и обряды также имеют древний, явно домусульманский характер, свидетельствующий об их самобытности, сохранившейся в течение многих минувших веков.

3. Общий низкий уровень производительных сил, бессилие населения перед явлениями природы и отсутствие у горных земледельцев достаточного запаса точных знаний, знаний о причинной связи явлений и о законах природы способствовали возникновению и устойчивому бытованию до революции ряда суеверий, например, веры в добрых и злых духов, оказывающих влияние на всю жизнь человека, в том числе и на его хозяйственную деятельность. Следствием этого явился ряд обрядов, соблюдавшихся при выполнении почти каждого трудового процесса и имеющих целью либо умилостивить духов и этим способствовать получению обильного урожая в трудных природных условиях горной страны, либо добиться желаемых результатов магическими средствами воздействия. В лучшем случае эти обряды не приносили никакой пользы, нередко

---

[1] В кишлаках Йол и Порвор Дашти Джумского района нам передавали, что можно не отдать «божьей доли» кому-либо, а вымыть это зерно и после этого смешать с остальным. В таком случае все зерно будет очищено от осквернения животными.

[2] Близ кишлака Савзихарф имеется холмик под названием «Чошти Бобои деҳқун»— куча отвеянного зерна Деда-земледельца. Существует легенда, что когда-то Дед-земледелец на току собрал большую кучу обмолоченного зерна. Проходя мимо этого тока, святой Хызр приветствовал Деда-земледельца и сказал: «Ҳой, Бобои деҳқун, чоштът хуб лъмб шияст?»—«О Дед-земледелец, большая ли куча получилась из собранного тобой зерна?». Тот ответил:—«Хок шияст»—«Черта с два получилось»—«Одна пыль получилась». Рассердившись, святой Хызр превратил все зерно в прах и мгновенно исчез. Тогда Дед-земледелец узнал, что это был святой Хызр.

же их соблюдение наносило прямой вред хозяйственной деятельности таджика.

За годы Советской власти, в условиях социалистического преобразования таджикского кишлака, при коллективном ведении сельского хозяйства коренным образом изменилась психология таджикских крестьян-земледельцев. Хотя в горных условиях бассейна р. Хингоу применение передовой сельскохозяйственной техники встречает известные трудности, однако, агротехнические мероприятия, наличие агрономических кадров, общий рост социалистической культуры привели к отмиранию и уничтожению старых магико-анимистических представлений о природе. Большая часть рассмотренных нами обрядов и обычаев, связанных с выращиванием урожая, сохранилась лишь в воспоминаниях старшего поколения колхозников. На смену им пришло сознательное отношение к явлениям природы, сознательная борьба за высокий урожай. Становление новых социальных отношений, победа колхозного строя, общее резкое повышение культурного уровня колхозников, нашедшее свое отражение и в повышении земледельческой культуры, применение целого комплекса новых научно-проверенных агротехнических мероприятий — все это вместе взятое неузнаваемо изменило жизнь горных таджиков.

Неизбежные до революции ежегодные голодовки остались также только в памяти стариков. С полей собираются невиданные прежде урожаи, обеспечивающие населению сытую, зажиточную жизнь. Широкое развитие получили новые отрасли хозяйства — шелководство, разведение картофеля, тонкорунное овцеводство и другие.

Таджикский народ, в том числе и горные таджики, под мудрым руководством Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства в теснейшем сотрудничестве с другими народами нашей страны борются за дальнейшее развитие основных отраслей народного хозяйства — земледелия и общественного животноводства, за максимальное обеспечение своего материального и культурного благосостояния и уверенно идут вперед по пути к коммунизму.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр.

1. Тавильдара 14
2. Чугунный наконечник плуга — охани ҷуфт 29
3. Виды плуга — сопор 30
4. Виды ярма — юг, снабженное отанг'ами 31
5. Большой плуг — сопори тахдашт 32
6. Малый плуг — сопори бармол 32
7. Мотыга — кланд 33
8. Дышло или оглобля — кашак, снабженное тяжами почи хаша . 34
9. Способ присоединения дышла при помощи тяжей к бороне-волокуше 35
10. Способ присоединения дышла при помощи тяжей к бороне-волокуше 35
11. Деревянная лопата для веяния — кърчаки бодкъни . . . 37
12. Схема работы лопатой способом наволакивания — полаккаши . 38
13. Серп для жатвы и сенокошения — доси галладъравй, . . . 39
14. Серп для вырубания мелкого кустарника — досча . . . 39
15. Деревянные вилы для веяния — панҷ шох 40
16. Сани-волокуши — чигина, деревянные полозья которых составлены из двух кусков дерева 41
17. Сани-волокуши для перевозки сжатых снопов — чъгинаи галлакаши 42
18. Сани-волокуши для перевозки камней, мешков зерна и пр. — чъгинаи сангкаши, чъгинаи гандъмкаши 42
19. Перевозка мешков с зерном на санях — чъгинаи гандъмкаши . 43
20. Сани-волокуши для перевозки удобрения — чъгинаи порукаши . 43
21. Сани-волокуши для перевозки мякины — чавра, беза . . 44
22. Перевозка мякины на санях чавра 44
23. Схематический чертеж саней чавра 45
24. Приспособление для переноски снопов — сих 46
25. Тесло — теша 47
26. Удаление камня с дна канала при помощи бревна-рычага — орами чувй. 1. камень, 2. бревно-рычаг, 3. камень под орамом . . . 47
27. Удаление камня со дна канала при помощи бревна-рычага и веревки 48
28. Схема устройства жолоба-акведука — нова 58
29. Схема первого полива 61
30. Схема второго полива 62
31. Схема третьего полива 63
32. Деревянный крючок для завязывания веревкой снопов на санях-волокушах 71
33. Способ перевозки снопов на санях-волокушах 71
34. Молотьба бороной 73
35. Молотьба способом галлагов 73
36. Молотьба комбинированным способом — чапар и галлагов . 74
37. Справа — обмолот способом галлагов; слева — веяние . . 76
38. Веник для тока — чурбии хирман 76
39. Документ об освобождении группы ходжей сел. Тавильдары от налогов 85
40. Документ о разделе земли между наследниками 104
41. Документ о продаже земли в Вахьёи Боло 107
42. Документ о передаче земли во временное пользование . . 111
43. Заключение казия по земельному спору, возникшему в связи с отдачей земли во временное пользование в сел. Сафедорон . . . 113
44. Документ об освобождении кишлаков Гульён и Хавдак от налога со скота — қънърға закот 126
45. Кустик съедобного растения — чина клубненосной — мънгак, клубни которой крестьяне должны были представлять правителю и чиновникам в виде натурального сбора 129
46 Документ о передаче крестьянских хозяйств в ленное пожалование — танхоҳ 137
47. Документ о передаче крестьянских хозяйств в ленное пожалование 140
48. План мечети сел. Сафедорон 159
49. Схема отметок на местах падения солнечных лучей в разное время дня в зимний период в доме Абдурахимова Махмадрахима в сел. Сафедорон 162
50. Трехтюбетеечнсе блюдо — табаки сетоқия, служившее мерой сыпучих тел 171
51. Схема рисунка, наносимого на стены домов перед новым годом 198

[1] Фотография 1 подарена нам М. Нарзикуловым; фотографии 3, 18—22, 33, 34, 37—сняты Н. Нурджановым; карты и рисунки выполнены художником А. С. Яковлевым.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От автора 3

ГЛАВА I

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОЧЕРК БАССЕЙНА Р. ХИНГОУ

1. Местоположение и административное деление 13
2. Физико-географический очерк 15
3. Краткий хозяйственный очерк 22

ГЛАВА II

ТЕХНИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, ПРИМЕНЯВШАЯСЯ В БАССЕЙНЕ Р. ХИНГОУ ДО РЕВОЛЮЦИИ

1. Земледельческие орудия 27
2. Сельскохозяйственные культуры 48
3. Агротехнические мероприятия 51
4. Способы обработки земли и высева зерна; сроки пахоты 55
5. Орошение 57
6. Выращивание урожая 64
7. Уборка урожая 66
8. Приготовление тока и доставка урожая на ток 69
9. Молотьба 72
10. Заготовка сена для скота 77

ГЛАВА III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

1. Административное устройство 81
2. Формы земельной собственности 86
3. Формы отчуждения земли 101
4. Формы эксплуатации 115

ГЛАВА IV

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И СИСТЕМА МЕР

1. Земледельческий народный календарь 150
2. Народная система мер 168

ГЛАВА V

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

1. Патрон земледелия «Бобои деҳқон» и связанные с ним обычаи и обряды 182
2. Земледельческие праздники 187
3. Приметы и гадания, связанные с предсказанием урожайности . . 208
4. Обряды для вызывания и прекращения дождя 209
5. Обычаи и обряды, связанные с жатвой, молотьбой и уборкой урожая 213

Список иллюстраций 219

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
17	12 сверху	Оби Паси, Оби Талх	Оби Паси Оби Талх
23	20 снизу	К	В
51	17 сверху	свежевспаханные	свежевыпаханные
52	4 „	групного	крупного
65	1 снизу	скоту	скотом
66	1 сверху	ему	им
87	20 „	XIV	XVI
130	22 снизу	ушара	ушра
130	12 „	и Калаи Хумб	в Калаи Хумб
134	6 сверху	чести	части
159	2 „	(„Геган	(„Тегаи
161	1 „	9)	10)
161	1 „	первого	второго
161	3 „	10)	9)
161	3 „	второго	первого
169	14 снизу	bictionary	dictionary
178	26 сверху	7—8 км	около 1 км
194	3 „	сушеное молоко	сушеный сыр
200	6 снизу	Garet	Gayet
206	9 сверху	آتس	آتش

220 Отдавление в главе 5 цифры страниц считать на 1 строку ниже.

чию
вета
ССР

Махмаднаим Рахимович РАХИМОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ТАДЖИКОВ БАССЕЙНА р. ХИНГОУ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Ответ. редактор *Н. А. Кисляков.*
Редактор Издательства *М. А. Батылова*

Тех. редактор *П. М. Фролов* Корректор *Л. Д. Полисская*

КЛ 01345 Подписано к печати 9 X-1957 г. Уч. изд. 20 л., печ. 14,5 л.
Формат бум. 84×108 1/16 Заказ 735 Тираж 450

Типография Издательства АН Таджикской ССР, г. Сталинабад, ул. Айни, 44